НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма

Ответственные редакторы:
И.П. Цапенко,
И.В. Гришин

Москва
ИМЭМО РАН
2018

УДК 325.1
ББК 65.248
Инт 73

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензенты:

д.полит.н., профессор В.С. Малахов, д.полит.н. И.Л. Прохоренко

Ответственные редакторы:

д.э.н. И.П. Цапенко, к.э.н. И.В. Гришин

Авторский коллектив:

к.полит.н. А.Л. Бардин, к.э.н. Н.В. Гоффе, к.э.н. И.В. Гришин, к.и.н. Г.А. Монусова,

к.полит.н. А.А. Преображенская, д.э.н. И.П. Цапенко

Ответственный за выпуск – Н.В. Гоффе

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 16-07-00008-ОГОН “Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы
интеркультурализма”**

Инт 73

Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / Отв. ред.
И.П. Цапенко, И.В. Гришин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.

ISBN 978-5-9535-0538-3

DOI:10.20542/978-5-9535-0538-3

Книга посвящена проблемам интеграции мигрантов и поискам новых подходов к управлению культурным многообразием в странах глобального Севера. Представлена картина трансформаций в передвижениях населения в развитые регионы мира. Показаны не только проблемы и риски, но и ресурсы, приносимые инокультурной иммиграцией странам-реципиентам. Описаны сложившиеся и нарождающиеся парадигмы организации межкультурного взаимодействия. Дана характеристика концептуальных оснований и городских практик интеркультурализма, оценены его перспективы. Выявлена и объяснена специфика национальных вариантов интеграционной политики, сформулированы актуальные задачи российского государства в этой области.

Integration of migrants with different cultural background: prospects of interculturalism / I. Tsapenko, I. Grishin, eds. – Moscow, IMEMO, 2018. – 233 p.

ISBN 978-5-9535-0538-3

DOI:10.20542/978-5-9535-0538-3

The book is focused on problems of migrant integration and search of new approaches to the governance of cultural diversity in the global North. The authors present an analytical picture of transformations of population movements to the more developed regions of the world. They show not only the problems and risks, but also the resources brought by foreign culture immigration to recipient countries. The established paradigms of the intercultural interaction organization and as well as emerging ones are described. The conceptual bases and urban practices of interculturalism are characterized, its prospects are assessed. The specificity of national variants of integration policy is revealed and explained and the actual tasks of the Russian state in this area are formulated.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0538-3

© ИМЭМО РАН, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Часть 1. Вызовы иммиграции в развитых регионах мира	13
Глава 1. Обновление паттернов людских передвижений в страны глобального Севера.....	13
1.1. Масштабы и динамика трансграничных перемещений.....	12
1.2. Структурные перемены в потоках населения.....	18
Глава 2. Эффекты иммиграции: объективное и субъективное измерения.....	28
2.1. Этнокультурные сдвиги.....	28
2.2. Влияние на социальные процессы.....	38
Часть 2. Социальный контекст интеграции иммигрантов в многокультурном обществе.....	52
Глава 3. Отношение европейцев к иммигрантам.....	52
3.1. Ждут ли мигрантов в Европе?.....	55
3.2. Являются ли мигранты “угрозой”?.....	58
3.3. “Правильный” мигрант: кто он?.....	63
3.4. С чем связаны межстрановые различия в отношении к иммигрантам?	66
Глава 4. Социальное взаимодействие в условиях этнокультурного разнообразия.....	68
4.1. Межкультурная конфликтность.....	69
4.2. Потенциал конструктивных коммуникаций.....	72
Часть 3. Управление многокультурным обществом	81
Глава 5. Эволюция подходов принимающих государств к организации культурного разнообразия	81
5.1. Понятие и критерии интеграции мигрантов.....	81
5.2. Смена главных интеграционных парадигм.....	89
5.3. Поиски новых оснований для сближения разных этносов и культур...	98
Глава 6. Курс на интеркультурализм.....	102
6.1. Концепт и дискурс интеркультурализма.....	102
6.2. Межкультурные практики.....	112

Часть 4.	Иммиграция и интеграция в страновом интерьере...	122
Глава 7.	Иммиграция и общество: проблемы взаимoadaptации в Швеции.....	122
7.1.	Иммиграция и интеграция в шведском дискурсе.....	123
7.2.	Эффекты миграционного кризиса.....	127
7.3.	Посткризисная миграция.....	132
7.4.	Иммиграция и внутренняя безопасность.....	134
7.5.	Динамика и противоречивость общественного мнения.....	138
7.6.	Мульти- и интеркультурализм: от сосуществования – к сближению и взаимодействию.....	142
7.7.	Иммиграция, выборы и деформация партийно-политической системы.....	147
Глава 8.	Интеграция иммигрантов во французское общество: проблемы и перспективы.....	152
8.1.	Вызовы иммиграции.....	152
8.2.	Особенности французской интеграционной модели.....	155
8.3.	Успехи и неудачи политики демаргинализации.....	158
8.4.	Иммиграция в общественном мнении.....	164
Глава 9.	Иммиграционное бремя Италии.....	169
9.1.	Страновая специфика миграционной ситуации.....	169
9.2.	Иммигрантский срез итальянского социума.....	173
9.3.	Отношение к мигрантам и идее межкультурного сотрудничества.....	176
Глава 10.	Германия: интеграционная политика перед вызовами миграционного кризиса.....	186
10.1.	Нарастание иммиграции и связанных с ней разногласий в обществе....	186
10.2.	Интеграция мигрантов становится проблемой.....	189
10.3.	Социально-экономическая интеграция мигрантов.....	191
10.4.	Налаживание межкультурного диалога.....	195
10.5.	Культура гостеприимства и местные интеркультурные практики.....	198
Глава 11.	Интеграция иммигрантов в России: реальность и политика...	203
11.1.	Мигранты в России: кто приезжает и зачем.....	205
11.2.	Социально-экономическое положение мигрантов.....	207
11.3.	Восприятие мигрантов общественным сознанием.....	210
11.4.	Политика интеграции и интеграционные практики.....	213
Заключение		217
Литература		221

ВВЕДЕНИЕ

Миграционная тематика уже не одно десятилетие является объектом жарких научных и политических дискуссий. Крупномасштабные потоки населения в развитые регионы мира и интенсивный рост там новых сообществ, которые представляют незападные этносы и цивилизации, имеющие иную культуру повседневности, систему ценностей и самоидентификацию, резко усиливают этническую, конфессиональную, лингвистическую, культурную и т.п. неоднородность принимающих социумов и ставят перед ними серьезные вызовы. Так, западноевропейские страны стали, по сути, ареной противостояния норм и ценностей христианства и ислама, превратившегося во вторую по числу приверженцев религию региона и угрожающего исламизацией последнего, распространением исламского фундаментализма и терроризма и т.п. Кроме того, массовая миграция на континент из Африки чревата столкновениями еврохристианства и афрохристианства, несущего импульсы архаизации принимающих территорий. В США стремительная демографическая экспансия жителей с латиноамериканскими и в еще большей мере с китайскими и индийскими корнями все явственнее ослабляет доминирование белого англосаксонского населения и ведет к испанизации и азиатизации американского общества. И в традиционно многонациональной России интенсивный приток выходцев из развивающихся азиатских стран чреват нарушением сложившегося этнокультурного баланса.

Под влиянием миграционных процессов повышаются риски размывания национальной идентичности и дезинтеграции принимающих социумов, обостряются этнокультурные антагонизмы, усиливаются угрозы социально-политической стабильности и безопасности, эффективному функционированию экономики, усугубляемые неустойчивостью современного народнохозяйственного развития и демонтажем социального государства. Все это превращает вопрос интеграции приезжих и их потомков в один из острейших на повестке дня принимающих обществ.

Кризис беженства, разразившийся в Европе в 2015 г. в результате беспрецедентной по масштабам волны стихийной вынужденной миграции туда из Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, еще более актуализировал эту проблему и придал ей мощный общественный резонанс. Власти ЕС столкнулись с необходимостью поиска не только немедленного ответа на возникшую чрезвычайную ситуацию, но и долгосрочных решений проблем, связанных с массовой иммиграцией выходцев с исламского Востока. Высказываются опасения, что происходящий в регионе рост численности приезжих из этих стран еще более обострит проблему интеграции инокультурных мигрантов и кризис обустройства беженцев перерастет в кризис их инкорпорации.

Эти тревоги усугубляются неадекватностью применявшихся до недавнего времени моделей управления культурным многообразием общества. Неудачи в интеграции приезжих и их потомков побуждают к поискам иных подходов к организации социального общежития представителей разных культур. Среди таких новых идей и практик набирает популярность интеркультурализм (*interculturalism*), который делает ставку на общность людских интересов и налаживание позитивного межкультурного взаимодействия.

Вопросам инокультурной иммиграции посвящен большой массив научных публикаций. Тенденции, последствия и риски трансграничных перемещений населения для принимающих обществ анализируются в работах таких известных зарубежных ученых, как Г. Абел, С. Кастлс, Р. Кинг, М. Миллер, Х. де Хаас, Г. Энгберсен и др. Этим аспектам миграции уделяется значительное внимание и российскими учеными, в том числе из ИМЭМО¹. Растущий интерес привлекают проблемы интеграции приезжих и их потомков, а также управления культурным многообразием в принимающих социумах. По данной тематике опубликованы книги и статьи таких ведущих западных исследователей в этой области, как К. Йоппке, У. Кимлика, П. Коллиер, Т. Модуд и др. Эти вопросы получили освещение в работах отечественных ученых, в том числе из ИМЭМО: Г.И. Вайнштейна, И.С. Семененко, И.П. Цапенко и др., а также коллег из других российских институтов: И.В. Ивахнюк, В.С. Малахова, В.И. Мукомеля и др.²

В то же время недостаточно изучены новые, нарождающиеся модели организации межкультурных отношений, которые основаны на признании существования в обществе этнических и прочих различий и ориентированы на поиск основ сближения представителей разных культур. В частности – интеркультурализм. Только в последние годы на страницах журнала *Comparative Migration Studies* развернулась горячая научная дискуссия, в которой участвуют как активные сторонники этой модели Т. Кэнтл, Р. Сапата-Барреро, написавшие серьезные работы по этой теме, так и ее критики с позиции мультикультурализма и гражданской интеграции (ассимиляции). Тематике интеркультурализма пока посвящены лишь единичные и притом опубликованные буквально в последние годы работы отечественных ученых, в первую очередь А.И. Куропятника и М.С. Куропятник, охарактеризовавших теоретические основы нового социального

¹ Миграционные процессы в развивающихся странах Азии и Африки (основные проблемы, попытки решения). Отв. ред. Рогожин А.А. Москва, ИМЭМО РАН, 2008; Миграционные процессы в странах Азии и Африки – опыт государственного регулирования. Сб. статей. Отв. ред. Рогожин А.А. Москва, ИМЭМО РАН, 2010; Миграционные процессы: социально-экономический аспект (на примере ведущих стран). Отв. ред. Кириченко Э.В., Шкундин М.З. Москва, ИМЭМО РАН, 2007; Никольская Г.К. Государственная иммиграционная политика США. Москва, ИМЭМО РАН, 2015; ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран. Под ред. Арбатовой Н.К., Кокеева А.М. Москва, ИМЭМО РАН, 2016; Социальный контекст экономического развития в XXI веке. Отв. ред.: Гонтмахер Е.Ш., Гришин И.В., Цапенко И.П. Москва, ИМЭМО РАН, 2016; Комаровский В.В., Веденеева В.Т. Феномен трудовой миграции в изменяющемся мире. Москва, ИМЭМО РАН, 2017 и др.

² Вайнштейн Г.И. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики // Мировая экономика и международные отношения, 2011, № 4; Вайнштейн Г.И. Ислам в городском пространстве и в общественном сознании Европы // Мировая экономика и международные отношения, 2013, № 6; Ивахнюк И.В. Политика интеграции мигрантов: российский контекст // Миграция XXI век, 2014, № 6-7; Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. Москва, 2015; Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. Москва, 2014; Мукомель В.Я. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. Рабочая тетрадь. Москва, 2013; Мукомель В.Я. Мигранты на российском рынке труда: Занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика, 2017, № 6; Семененко И.С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. 2006, №№ 10, 11; Семененко И.С. Нация в современном мире: ракурсы культурного разнообразия // Мировая экономика и международные отношения, 2017, № 8; Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад. Отв. ред. Семененко И.С. Москва, ИМЭМО РАН, 2017; Цапенко И.П. Управление миграцией: опыт развитых стран, Москва, 2009 и др.

течения, а также Е.А. Варшавера и А.Л. Рочевой, исследовавших практическое применение его принципов в условиях российского города³.

Предлагаемая книга сфокусирована на новых, пока не получивших обстоятельного научного анализа тенденциях интеграции мигрантов и субъективного восприятия проблематики, связанной с иммиграцией, местным населением и приезжими. В ней предпринята попытка целостной характеристики парадигмы интеркультурализма. Указанные вопросы рассматриваются с позиции идентитарного подхода, разработанного в ИМЭМО РАН, в контексте теорий конфликта и контакта⁴. Сделанные выводы опираются на собственные статистические результаты, полученные с помощью техники многоуровневого линейного регрессионного анализа микроданных Европейского социального обследования (*European Social Survey, ESS*), Международной программы социальных опросов (*International Social Surveys Program, ISSP*), Международных обследований ценностей (*World Values Survey, WVS*) и др.

Поставленная перед авторским коллективом задача составить комплексную аналитическую картину интеграционных процессов, их развития в экономической, социальной, этнокультурной и политической сферах обусловила междисциплинарный характер исследований, использование как общих, так и специализированных методов из арсенала экономической, социологической и политической наук. Применение системного подхода к анализу интеграции мигрантов предполагает рассмотрение изучаемого объекта не только как самостоятельной системы, но и как подсистемы общества в целом и изучение его внутренних и внешних связей.

Учитывая многомерность и многогранность миграционного процесса (одной из важнейших стадий которого является интеграция мигрантов) и его вплетенность в другие процессы, протекающие в принимающем обществе, в данной книге предполагается охватить по возможности весь комплекс главных проблем, относящихся к интеграции инокультурных мигрантов. Предлагаемая монография призвана проанализировать и охарактеризовать в широком общественном контексте концептуальные основания, практические механизмы и национальную специфику интеграционной политики, уделяя особое внимание парадигме интеркультурализма. Следуя логике последовательного решения указанных задач, авторы этой работы предваряют обсуждение интеграционных вопросов описанием происходящих глобальных трансформаций в трансграничных передвижениях населения и в иммиграции в развитые регионы. Они также пытаются дать прогноз, как в нынешнем столетии будут разворачиваться миграционные процессы и к каким последствиям они могут привести, принимая во внимание обозначившиеся тренды развития принимающих государств. Поскольку иммиграция имеет разнообразные и неоднозначные последствия, исследовательский коллектив постарается представить широкую картину эффектов, вызываемых притоком и проживанием приезжих и их потомков в XXI в., а также показать не только порождаемые этим проблемы и риски, но и приносимые ресурсы и выгоды, новые возможности для развития стран-реципиентов. В частности будет предпринята попытка раскрыть не

³ Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультимедийный дискурс социальной интеграции // Вестник РУДН. Серия: Социология, 2018, № 2; Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования, 2017, № 5.

⁴ Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. Семененко И.С. Москва, 2017; Прохоренко И.Л. Возможности пространственного подхода в изучении этнополитической конфликтности // Полис. Политические исследования, 2016, № 6.

только дестабилизирующие эффекты этнокультурных процессов и явлений, но и конструктивный потенциал последних. Этим вопросам посвящена **первая часть** книги.

Учитывая, что миграционная политика во многом зависима от общественного мнения, ее либерализация возможна лишь тогда, когда избиратель толерантно относится к переселенцам из других стран. Наоборот, массовая нетерпимость ведет к более жестким мерам даже тогда, когда политики предпочли бы от них воздержаться. Во **второй части** книги на основе данных опросов, проведенных в рамках Европейского социального исследования за 2014 г., дается развернутый, многомерный анализ позиций европейцев по отношению к иммигрантам. Данные обследования позволяют установить, с одной стороны, степень конфликтности экономических интересов между местным населением и мигрантами, а с другой, остроту противоречия, базирующегося на различиях в идентичностях “местные” и “неместные”. Наряду с оценкой толерантности местного населения к присутствию мигрантов, здесь зафиксированы его (местного населения) представления о том, в какой мере мигранты являются “угрозой” для него, и рассматриваются “требования”, предъявляемые им к мигрантам. Авторами выделяются факторы, благоприятствующие улучшению межэтнических отношений. Приводятся примеры того, как разнообразие способствовало ослаблению межкультурных антагонизмов и консолидации расколотых сообществ.

В **третьей части** обобщаются теоретические начала интеграционной политики, дается характеристика основных видов и механизмов интеграционных практик в рамках ассимиляторства, направленного на искусственную и насильственную гомогенизацию общества, и мультикультурализма, предполагающего признание и поощрение культурной самобытности мигрантских сообществ, и приводятся неудачные результаты применения подобных моделей и аргументируется необходимость поиска новой парадигмы. Авторы анализируют такие новые концептуальные подходы к организации в принимающих социумах социального общежития представителей разных культур, как *омникультурализм*, акцентирующий общность человеческой природы, и *поликультурализм*, представляющий культуры и народы как продукт пересекающихся историй и взаимосвязей разных этнорасовых групп.

Учитывая формирование в условиях глобализации кросскультурных пространств, в которых люди живут одновременно в разных культурных измерениях, необходима не просто двусторонняя, а *многосторонняя* взаимная встречная интеграция. Она предполагает как усвоение мигрантами и их потомками норм и правил местной жизни, так и принятие самими коренными жителями новых культурных и конфессиональных реальностей этих обществ и способствование сближению/консолидации не только местных и приезжих жителей, но и разнотульных мигрантов между собой, равно как и дезинтегрированных коренных жителей. Кроме того, поскольку трудности социокультурной интеграции во многом проистекают из социально-экономической неустроенности иммигрантов и недружелюбия социального окружения, для их преодоления соответственно нужен комплексный подход.

Подобным требованиям в гораздо большей мере, нежели мультикультурализм и ассимиляторство, отвечает интеркультурализм, претендующий на устранение недостатков обоих подходов. Расценивая и характеризуя культурное многообразие как ресурс развития общества, интеркультурализм ориентирован на налаживание конструктивного взаимодействия населения культурно многообразных социумов на основе совместных потребностей, целей и т.п. у представителей разных этносов, культур и религий, объединяемых общей гражданской ответственностью за страну, в

которой они проживают. Наиболее эффективной считается организация таких коммуникаций на местном уровне. Такой подход вписывается в наметившийся поворот миграционной политики принимающих государств в сторону расширения полномочий и автономии органов власти низшего территориального уровня в решении интеграционных вопросов. Указанная стратегия управления культурным разнообразием активно продвигается в Европе (в том числе в российском Ижевске) в рамках проекта Совета Европы и Европейской комиссии «Межкультурные города». В книге будет дана развернутая характеристика концепта интеркультурализма и оценка первых итогов интеркультурных практик, а также возможностей и перспектив формирования и утверждения интеркультуралистского курса интеграционной политики.

Учитывая, что современная интеркультуралистская парадигма интеграции мигрантов – это в первую очередь европейский феномен, основные проблемы, тенденции и специфика ее проявления и развития рассматриваются преимущественно на материале стран Европы. В **четвертой части** на примерах Швеции, Франции, Италии, Германии и России дается оценка масштабов, успешности и жизнеспособности применения в местных условиях модели интеркультурализма. Такая оценка осуществляется в контексте анализа национальных особенностей социальных вызовов, порождаемых иммиграцией, отношения к ней принимающих обществ, стратегии и практики интеграции иммигрантов. Выбор указанных государств обусловлен не только крайней остротой стоящего перед ними интеграционного вопроса, очевидной неадекватностью прежних способов его решения и обозначившимися тенденциями к поискам новых подходов к интеграционной политике. Данная группа стран представляет совершенно разные кейсы интеграционной ситуации и политики, ярко различающиеся по масштабам, структуре и давности истории иммиграции, опыту регулирования миграционных, в том числе интеграционных, процессов и отношению местного населения к инокультурным сообществам и др.

В главе, посвященной *Швеции*, показано, что отношение к приему и интеграции инокультурных мигрантов до середины 10-х годов складывалось под влиянием социал-демократической идеологии социальной солидарности поверх границ, включавшей предоставление политического убежища нуждающимся в нем лицам, и политики импорта рабочей силы, проводившейся с 50-х годов. В качестве доноров преимущественно выступали страны, принадлежащие к западнохристианской цивилизации. Резкое изменение в нашем веке этноконфессионального профиля иммиграции и связанных с этим поведенческих характеристик прибывающих, особенно во время и после европейского миграционного кризиса, существенно трансформировало как общественное мнение по вопросам иммиграции и интеграции, что четко выразилось в значительном усилении электоральных позиций антимигрантской партии, так и соответствующую политику правительства. В то же время все более очевидными становились изъяны мультикультуралистской парадигмы этой политики, ведущей к закреплению складывающегося раздвоения общества на исконно "своих" и благотельствуемых "иных". Переходу к рестриктивной миграционной политике сопутствовало нарастание популярности и имплементации интеркультуралистской разновидности теории и практики интеграции инокультурных мигрантов, суть которой усматривается в установке "от сосуществования к взаимодействию". Накопившиеся до этого в обществе противоречия и проблемы этноконфессионального, или цивилизационного, характера, связанные прежде всего с обеспечением личной безопасности граждан, остаются серьезной преградой на пути реализации интеркультуралистской модели интеграции.

В главе, повествующей об иммиграционном вопросе во *Франции*, характеризуется национальная специфика иммиграционных процессов, влияющая в свою очередь на ход интеграционного процесса. Давняя история и крупные масштабы иммиграции сказываются в многочисленности приезжего населения, причем в последние десятилетия наблюдается расширение географии миграционных потоков. Неравномерность расселения иммигрантов по стране и их концентрация в ограниченном числе ареалов способствуют формированию иммигрантских анклавов. Существенная часть переселенцев приходится на гуманитарных мигрантов с низким уровнем образования, что не соответствует потребностям рынка труда и существенно ограничивает возможности их трудоустройства. Для большинства инокультурных мигрантов основой цивилизационной самоидентификации служит ислам, у приверженцев которого сформировано представление о неразделимости религиозного и общественного существования, что заостряет вопрос о формах взаимодействия светского государства с мусульманским сообществом. Исключение из экономической и социальной жизни, высокий уровень безработицы инокультурных, особенно молодых, жителей и их социальная маргинализация способствуют усилению влияния в этих кругах религиозной идеологии, зачастую в ее радикальных проявлениях, и развитию тенденции к реисламизации потомков переселенцев, наблюдаемой с конца 90-х годов.

Парадигма интеграции мигрантов во *Франции* изначально была основана на ассимиляционном подходе. По целому ряду причин властям трудно выйти за пределы модели индивидуальной интеграции, признать социокультурную и этническую дифференциацию в обществе и принять тот факт, что многие общественные институты активны в воспроизведении этой дифференциации. Проводившаяся на протяжении 40 лет политика социального выравнивания, включая модернизацию жилых кварталов, улучшение качества образования и борьбу с дискриминацией, продемонстрировала свою неэффективность.

Грозными проявлениями сложностей, с которыми сталкивается французское общество, стали погромы и бунты иммигрантской молодежи в пригородах, серия масштабных террористических актов 2015-2016 гг., большинство исполнителей которых, несмотря на иностранные корни, выросли во Франции. И в то же время среди коренного населения усиливается исламофобия, что способствовало существенному укреплению политических позиций крайне правого Национального фронта (с июня 2018 г. – Национальное объединение, *Rassemblement national*). Эти антисоциальные явления сигнализируют о необходимости поиска новой, адекватной запросам французского общества интеграционной модели.

Яркие специфические черты миграционный кризис середины текущего десятилетия приобрел в *Италии*, раньше, чем другие европейские страны, в полной мере ощутившей на себе его тяготы. Уже в 2014 г. по сравнению с предшествующим периодом численность искателей убежища на ее территории увеличилась почти в шесть раз. Страна-донор, имеющая давний опыт (почти 150 лет) эмиграции, в силу географического положения вынужденно превратилась в страну-реципиента для десятков тысяч мигрантов, спасающихся от войн и насилия на родине и в поисках лучшей жизнидвигающихся по самому короткому средиземноморскому маршруту с Африканского континента в центр и на север Европы. По многим параметрам Италия оказалась не готова к приему этих людей, по сути, превратившись для них в колоссальный лагерь временного пребывания.

Интеграцию инокультурных мигрантов в итальянское общество крайне затрудняет и делает весьма болезненной как для приезжих, так и для местных жителей целый комплекс причин. Специфичен тип социально-экономического

развития Италии: территориальные диспропорции, медленный выход из долгой рецессии, слабые темпы экономического роста, низкая занятость и высокая, особенно среди молодежи, безработица. Для нее типичны неповоротливая и коррумпированная бюрократическая система; мощные преступные организации, занимающиеся контрабандной перевозкой и трудовой эксплуатацией мигрантов; плохо оснащенная и неприспособленная для приема больших масс переселенцев система их временного содержания; отсутствие целенаправленной интеграционной политики. В стране неожиданно проявилось зафиксированное опросами крайне негативное отношение к беженцам ее граждан, ощущающих незащищенность от реальных и воображаемых угроз, порождаемых массовым наплывом африканцев; нередко случаи отказа местных органов власти принимать на своей территории переселенцев из-за боязни вызвать недовольство населения. В условиях столь острого противостояния особую важность приобретает налаживание диалога между носителями различных культур, поиск условий для их взаимодействия и взаимопонимания, выявление объединяющих их потребностей и интересов. Одним из механизмов достижения таких задач может стать интеграция иммигрантов в принимающее общество на основе принципов интеркультурализма – политики, которую пытается реализовать в рамках программы «Межкультурные города» ряд итальянских муниципальных образований.

Интерес для читателя может представлять глава о *Германии*, которая занимает второе место в мире и первое в Европе по числу иммигрантов. В стране проживает одна из крупнейших мусульманских диаспор в Европе, размеры которой заметно увеличились в ходе недавнего миграционного кризиса. В середине десятых годов в страну въехали около 1.2 млн лиц, ищущих убежища, прежде всего из Сирии и Афганистана; более 85% из них – мусульмане. Миграционный кризис стал серьезным испытанием для немецкого общества, вызвав поляризацию позиций по вопросу об отношении к инокультурным переселенцам. Если одни граждане ФРГ продемонстрировали солидарность с беженцами и оказали им поддержку, то другие восприняли наплыв миллионной массы мигрантов сдержанно или отрицательно.

Произошел всплеск активности праворадикальных групп, нападений и поджогов лагерей беженцев. Продолжает расти общественная напряженность в связи с правонарушениями, совершаемыми мигрантами, такими как нападения на женщин. В августе 2018 г. немецкое общество всколыхнуло убийство 35-летнего немца, в качестве подозреваемых в котором были задержаны двое переселенцев из Ирака и Сирии. По всей стране прошли антимигрантские протестные акции и шествия, во многих местах сопровождавшиеся столкновениями с теми, кто вышел на улицы, чтобы выступить против праворадикальной риторики. Миграционная политика стала, пожалуй, наиболее острой общенациональной проблемой Германии. От того, насколько успешно будут решаться задачи этой политики, и прежде всего налаживание межкультурного диалога, во многом будет зависеть динамика общественных и политических процессов и стабильность в стране.

На основе данных Росстата, Европейского социального обследования и социологических опросов, проведенных отечественными исследователями, осуществляется анализ условий и хода встраивания мигранта в *российский* социум. Особое внимание уделяется рассмотрению таких важных социально-психологических факторов, как желание мигрантов обрести свое место в принимающем обществе, осознание ими необходимости прилагать для этого усилия и усваивать местные правила и нормы жизни, а также готовность автохтонного населения признать новых членов, не противопоставляя их себе. Показано, кто и зачем приезжает в Россию, каково социально-экономическое

положение вновь прибывающих и как здесь воспринимаются мигранты. Особый акцент делается на трудовой миграции и ее роли в жизни общества.

Данная монография подготовлена авторским коллективом в составе: Бардина А.Л. (глава 10), Гоффе Н.В. (глава 9), Гришина И.В. (глава 7), Монусовой Г.А. (главы 3, 4, 5, 11), Преображенской А.А. (глава 8), Цапенко И.П. (главы 1, 2, 4, 5, 6, введение, заключение). При написании книги использовались материалы статей, подготовленных ее авторами на средства гранта РГНФ/РФФИ и опубликованных в 2016–2018 гг.⁵

⁵ Бардин А.Л. Миграционная проблема в германском научном дискурсе // Полис. Политические исследования, 2016, № 6; Бардин А.Л. Интеграция инокультурных иммигрантов: опыт ФРГ // Полис. Политические исследования, 2017, № 6. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.12>; Гоффе Н.В. Италия в зеркале иммиграционных проблем // Мировая экономика и международные отношения, 2017, № 9. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-77-88; Гришин И.В. Иммиграционные заботы Швеции // Мировая экономика и международные отношения, 2017, № 9. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-66-76; Монусова Г.А. Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением // Мировая экономика и международные отношения, 2016, № 11; Преображенская А.А. Французская модель интеграции мигрантов: испытание временем // Человек. Сообщество. Управление, 2017, № 3; Цапенко И.П. Объективные и воспринимаемые последствия иммиграции // Демоскоп, 2016, № 675 (<http://demoscope.ru/weekly/2016/0675/demoscope675.pdf>); Цапенко И.П., Монусова Г.А. Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах // Полис. Политические исследования, 2017, № 4. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.07; Цапенко И.П. Интеркультурная парадигма интеграции мигрантов // Вестник Российской академии наук, 2017, № 10. DOI: 10.7868/S0869587317100061; Tsapenko I.P. An Intercultural Paradigm of Migrant Integration // Herald of the Russian Academy of Sciences, 2017, no. 5. DOI: 10.1134/S1019331617050094; Цапенко И.П. Культурное многообразие и судьбы наций // Полис. Политические исследования, 2018, № 2. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.13>; Монусова Г. Интеграция иммигрантов в России: уравнение со множеством неизвестных // Россия и современный мир, 2018, № 3.

Часть 1.

ВЫЗОВЫ ИММИГРАЦИИ В РАЗВИТЫХ РЕГИОНАХ МИРА

Вступление стран Севера в новый этап глобализации, в период экономической турбулентности и неопределенности, нарастания общественно-политической конфликтности и утверждения постмодерных социальных ценностей и установок влечет за собой обновление формата трансграничных людских перемещений⁶. Последнее расценивается британским географом Р. Кингом, голландским социологом Г. Энгберсеном и некоторыми другими исследователями передвижений населения как возникновение “новой миграции”⁷.

В чем же суть происходящих сдвигов в динамике, структуре и формах миграции и какие изменения они вызывают в численности приезжих и их потомков, в этнокультурном, возрастном, образовательном и т.п. составе аллохтонных жителей, продолжительности их проживания на территории принимающих государств? Какие трансформации в этнокультурном ландшафте общества и социальном положении автохтонного населения порождает иммиграция и как эти объективные перемены преломляются в субъективной реальности? Как указанные процессы сказываются на социальном контексте интеграции мигрантов и приоритетах интеграционной политики? В данной части мы постараемся дать ответы на эти вопросы.

Глава 1.

ОБНОВЛЕНИЕ ПАТТЕРНОВ ЛЮДСКИХ ПЕРЕДВИЖЕНИЙ В СТРАНЫ ГЛОБАЛЬНОГО СЕВЕРА

И. Цапенко

1.1. МАСШТАБЫ И ДИНАМИКА ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ

Современная эпоха, получившая название «века миграций»⁸, отмечена **ростом масштабов трансграничных передвижений населения**. На развитие этого процесса воздействуют продолжение глобализации и все более широкое включение в нее развивающихся стран, прогресс средств транспорта и ИКТ, способствующих нарастанию коннективности сегодняшнего мира, формировании новых центров мирового развития и миграционной гравитации. На размах и характер людских перемещений влияют также усиление мировых социально-экономических дисбалансов, повышение общественно-политической конфликтности, трансформация институтов семьи, рынка труда, сообщества и национального

⁶ Цапенко И.П. Трансформации глобальной миграции населения // Мировая экономика и международные отношения, 2018, № 8.

⁷ King R. Towards a New Map of European Migration // International Journal of Population Geography, 2002, no. 8(2), p. 102; Engbersen G., Snel E., Boom J. “A Van Full of Poles”: Liquid Migration from Central and Eastern Europe / A Continent Moving West? EU Enlargement and Labour Migration from Central and Eastern Europe. Black R., Engbersen G., Okólski M., Panîru C., eds. Amsterdam, 2010, p. 116.

⁸ Castles S., De Haas H., Miller M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, 2014.

государства и др. Вследствие указанных перемен в последние полвека накопленная мировая численность международных мигрантов(*international migrant stock*), то есть лиц, проживавших не менее года за пределами страны происхождения, неуклонно росла и в 2017 г. преодолела планку в 250 млн⁹. Учитывая устойчивый характер экономической и демографической асимметрии мирового развития и вероятное нарастание миграционной взаимозависимости трудоизбыточных стран и трудонедостаточных государств (с неудовлетворенным спросом на определенные категории работников), в ближайшие десятилетия можно ожидать умножения численности мигрантов.

Подавляющая часть мигрантов традиционно проживают в более развитых регионах мира¹⁰. Согласно статистике ООН, в государствах Севера численность международных мигрантов увеличилась с 82.4 млн в 1990 г. до 146.0 млн в 2017 г. , существенно опередив демографическую динамику в данных ареалах. Доля приезжих выросла за указанный период с 7.2 до 11.6% жителей этих территорий соответственно (тогда как в развивающихся регионах планеты и в мире в целом этот показатель проявлял относительную стабильность, повысившись лишь с 1.7 до 1.8% и с 2.9 до 3.4% соответственно)¹¹.

В развитых регионах находятся главные страны приема мигрантов, такие как США, Германия и Россия (рис. 1.1). Согласно прогнозам ООН, в 2015-2050 гг. главными нетто-реципиентами мигрантов (более 100 тыс. в год) будут США, Германия, Канада, Великобритания, Австралия и Россия. По прогнозу американского Бюро переписи населения, к 2060 г. численность мигрантов в США достигнет пиковых 69.3 млн, а их доля в населения – 17.2%¹². А основными нетто-донорами мигрантов (более 100 тыс. в год) будут Индия, Бангладеш, Китай, Пакистан и Индонезия¹³. Это определит этнокультурный состав потоков в развитые регионы.

⁹ Большинство мигрантов (150 млн) являются трудящимися мигрантами, составляя 73% от приезжих старше 15 лет. Половина приезжих – женщины, треть – молодежь 15-34 лет.

¹⁰ Согласно классификации ООН, к развитым регионам относятся страны Северной Америки и Европы, а также Австралия, Новая Зеландия и Япония, к развивающимся – все остальные государства.

¹¹ International Migrant Stock: 2017 Revision. (<http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml>).

¹² Vespa J., Armstrong D., Medina L. Demographic Turning Points for the United States: Population Projections for 2020 to 2060, Current Population Reports, U.S. Census Bureau, Washington, DC, 2018, p. 9.

¹³ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2017). World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables. Working Paper No. ESA/P/WP/248, p. 10.

Рис. 1.1. Страны с наибольшим числом иммигрантов (млн), проживающих на их территории, 2017 г.

Составлено по: International Migration Report 2017: Highlights. New York, 2017, p. 6.

Существенно, что приезжие составляют лишь часть диаспор, многие из которых проживают в принимающих странах уже не одно десятилетие, а подчас и столетие. По оценкам ОЭСР, с учетом потомков мигрантов в первом поколении, родившихся в принимающих странах, жителей с иностранными корнями насчитывается уже в полтора раза больше, чем одних лишь приезжих. Так, в 2013 г. в Люксембурге, Австралии, Новой Зеландии и Швейцарии доля лиц с мигрантским бэкграундом уже превышала 40%, Канаде и Бельгии – 30% (табл. 1.1). Согласно прогнозам исследовательского центра *Pew*, удельный вес уроженцев других стран в населении США вырастет с 5% в 1965 г. и 14% в 2015 г. до 18% в 2065 г., а вместе с потомками этих мигрантов в первом поколении доля указанной группы жителей Америки – с 18 и 26% до 36% соответственно¹⁴.

А поскольку, как подчеркивает известный исследователь миграции П. Коллиер, наличие крупных диаспор, способствующих расширению взаимодействия внутри них и сокращению взаимодействия с коренным населением, замедляет абсорбцию их новых членов в принимающие общества, вопрос интеграции приезжих при многочисленности таких мигрантских сообществ требует усиленного внимания властей¹⁵.

¹⁴ Immigration's impact on past and future US population change. 2015 (<http://www.pewhispanic.org/2015/09/28/chapter-2-immigrations-impact-on-past-and-future-u-s-population-change>).

¹⁵ Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. Пер. с англ. Москва, 2016, с. 122.

Таблица 1.1. Доля лиц с иностранными корнями в населении некоторых западных стран, 2013 г., %

	Лица, родившиеся за границей, включая натурализованных мигрантов	Лица, родившиеся за границей, и их потомки в первом поколении, родившиеся в стране иммиграции
ОЭСР (30)	10.6	18.4
ЕС (26)	9.9	15.9
Люксембург	43.3	60.7
Австралия	25.7	46.2
Новая Зеландия	25.3	44.9
Швейцария	28.8	43.3
Канада	20.9	38.5
Бельгия	16.8	31.1
Швеция	15.7	27.8
Франция	11.7	26.3
США	13.2	24.4
Норвегия	13.8	20.9
Германия	13.3	20.0
Нидерланды	10.7	19.8
Великобритания	12.4	19.2
Ирландия	14.0	16.3
Испания	12.1	16.4
Дания	7.6	14.4
Италия	8.5	9.4
Португалия	7.0	8.3
Финляндия	4.9	7.7
Греция	5.0	6.6

Составлено по: Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In. Paris, OECD, 2015, p. 17.

При этом, как подчеркивается в докладе Международной организации по миграции (МОМ) 2015 г., мобильность людей «имеет выраженную городскую направленность, поскольку мигранты, как международные, так и внутренние, едут в города и городские зоны, принося разнообразие и соединяя сообщества изнутри и за пределами государственных границ и создавая новые связи между отдельными территориями. Это требует новых подходов к городской и миграционной политике»¹⁶.

Особенно высока и продолжает расти доля приезжих и их потомков в крупных метрополисах, тесно интегрированных в глобальную экономику. В 2010-2012 гг. доля приезжих превышала четверть населения Амстердама, Франкфурта и Парижа, треть – Сиднея, Окленда и Сингапура. На лиц с иностранными корнями приходилось 38% жителей Лондона и Мюнхена, 48 – Роттердама, 50% – Гааги и Цюриха¹⁷. Предоставляя своим обитателям гораздо более широкие и многообразные возможности занятости и профессионального роста по сравнению с соседними территориями, такие центры деловой, политической, культурной и т.п. активности являются главными магнитами миграционных потоков.

¹⁶ World Migration Report 2015. Migrants and Cities: New Partnerships to Manage Mobility. Geneva, International Organization for Migration, 2015, p. 2.

¹⁷ Ibid., p. 39; Intercultural Policies in European Cities. Strasbourg, 2010, pp. 15-16.

При этом наблюдалась **дивергенция в региональной динамике численности мигрантов**. Последняя чрезвычайно быстро росла в 2015-2017 гг. в Европе (также как и в Африке в 2010-2015 гг.) Массовый и спрессованный во времени наплыв лиц, ищущих убежища, необходимость срочного обустройства и оперативной адаптации этих крупных контингентов новожилов крайне обострили интеграционный вопрос, выдвинув его в число первоочередных на политической повестке стран ЕС. Как показывают данные ООН, за 2015-2017 гг. доля мигрантов среди населения возросла более чем на 1 п.п. в Швеции, Австрии и Германии; это весьма существенно, особенно по сравнению с тем, что в США для такого увеличения потребовалось целое десятилетие (2005-2015 гг.). Более того, в Америке в отдельные годы под влиянием последней глобальной рецессии, вызвавшей не только сокращение притока, но и отток уроженцев других стран, в первую очередь выходцев из Мексики, численность населения иностранного происхождения даже снижалась.

Вполне вероятно возникновение новых эпицентров и новых больших волн стихийной миграции, – обусловленное ростом социальной конфликтности, природными катаклизмами, в том числе связанными с резкими изменениями климата, возможными техногенными катастрофами и т.п., – и соответственно новых людских потоков в развитые регионы. Что в свою очередь еще более усложнит решение проблем инкорпорации приезжих в принимающих социумах, поскольку между динамикой роста диаспор и интеграционных процессов видится обратная взаимосвязь.

Однако возможен и другой сценарий. Как показывают данные ООН, нараставшая в 90-е и нулевые годы динамика увеличения мировой когорты приезжих стала проявлять в 10-е годы признаки затухания (см. табл. 1.2).

Таблица 1.2. Среднегодовые темпы прироста численности международных мигрантов, %

	1990-1995	1995-2000	2000-2005	2005-2010	2010-2015	2015-2017	1990-2000	2000-2010	2010-2017
Мир в целом	1.0	1.4	2.0	2.9	2.4	2.0	1.2	2.4	2.3
Развитые регионы мира	2.3	2.3	2.3	2.3	1.4	2.0	2.3	2.3	1.6
Развивающиеся регионы мира	-0.5	0.2	1.4	3.7	3.7	2.0	-0.1	2.6	3.2
Африка	0.8	-2.0	0.9	1.9	6.4	2.5	-0.6	1.4	5.3
Азия	-0.7	1.2	1.6	4.3	3.0	1.9	0.2	2.9	2.7
Европа	1.4	1.3	2.3	2.3	1.0	2.2	1.3	2.3	1.4
Латинская Америка	-1.4	-0.3	1.9	2.6	2.3	1.3	-0.9	2.3	2.0
Северная Америка	3.8	3.8	2.3	2.3	1.8	1.7	3.8	2.3	1.8
Океания	1.2	1.3	2.3	3.4	2.4	2.2	1.2	2.8	2.4

Источник: Trends in International Migrant Stock: The 2017 revision. UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017.

Темпы прироста мигрантов замедляются в большинстве регионов планеты. Британский демограф Г. Абель на основе разработанной им методики оценки объема миграционных потоков также обнаруживает **наметившееся в нынешнем тысячелетии уменьшение абсолютного и относительного объема людских**

перемещений, суммированных по пятилетиям¹⁸. Данная тенденция отражает не только непосредственные последствия глобальной рецессии, но и стимулированные ею структурные сдвиги в принимающих обществах.

В том, что касается роста численности приезжих, демографический прогноз ООН 2017 г. рисует перспективы его дальнейшего замедления. Прогноз указывает на предстоящее сжатие объема нетто-миграции в развитые регионы: ее коэффициент снизится с 2.7 человек на тысячу жителей в нулевые годы до 1.9 в десятые годы и до 1.8 в 2020-2050 гг. Удельный показатель миграционного притока в Северную Америку сократится с 3.9 до 3.2 и 2.8, в Европу – с 2.4 до 1.4 и 1.2 соответственно. Развитие этого процесса просматривается и в России, где те же показатели уменьшатся с 2.7 до 1.3 и 0.7¹⁹.

Однако эти процессы вряд ли окажут принципиальное воздействие на состояние интеграции мигрантов. Слабеющий прирост "новоселов" может вызвать небольшие подвижки в составе диаспор в пользу второго и последующих поколений мигрантов. В США уже прослеживается эта тенденция. Доля приезжих из Латинской Америки в общей численности испаноамериканцев сократилась за 2000-2015 гг. с 40.1 до 34.4% в пользу соответствующего увеличения доли родившихся в США²⁰. Потомки мигрантов гораздо лучше интегрированы, нежели приезжие²¹. Но одновременно и более фрустрированы, поскольку сравнивают себя с местными жителями, а не с оставшимися на родине соотечественниками. Рост численности местных инокультурных уроженцев потребует усиления внимания властей к их интеграции.

1.2. СТРУКТУРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ПОТОКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Продолжающаяся глобализация и растущее втягивание в перемещения населения развивающихся стран, а также постоянное обновление политической карты мира, на которой не перестают появляться новые суверенные государства, способствуют дальнейшему **расширению географии миграционных потоков**. Это умножает разнообразие мигрантов по странам их происхождения и соответствующим этнокультурным принадлежностям. Судя по далеко неполным данным ООН, за 1990-2015 гг. число стран – доноров лиц, прибывших в Италию, возросло со 184 до 193²². Согласно данным ежегодников иммиграционной статистики, публикуемых министерством внутренней безопасности США, в эту страну 1990 г. приехали мигранты из 195 стран и территорий, а в 2015 г. – уже 206²³.

Кроме того, **меняются миграционные маршруты и интенсивность движения по сложившимся коридорам между странами**. Наиболее масштабным из таких сдвигов является регионализация трансграничных передвижений населения и на Юге, и на Севере, характерная для современного этапа глобализации. Хотя за последнюю четверть века когорта мигрантов больше всего увеличилась на Севере, доля развитых регионов в мировой численности

¹⁸ Mingels G. Global Migration? Actually, The World Is Staying Home. May 17, 2016 (<http://www.spiegel.de/international/world/why-global-migration-statistics-do-not-add-up-a-1090736.html>).

¹⁹ World Population Prospects. The 2017 Revision (<http://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery>).

²⁰ Flores A. How the U.S. Hispanic population is changing. September 18, 2017 (<http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/18/how-the-u-s-hispanic-population-is-changing/>).

²¹ Migrant integration. Luxembourg, Eurostat, 2017.

²² International migrant stock: The 2017 revision (<http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml>).

²³ Yearbook of Immigration Statistics. 2000; 2016 (<https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook>).

мигрантов, сначала возросшая с 54% в 1990 г. до 61% в 2005 г., затем стала снижаться и составила 57% в 2017 г. При этом в период 2010-2017 гг. среднегодовой прирост численности мигрантов на Юге (3.2%) превзошел этот показатель на Севере (1.6 %) ²⁴. В результате в 2017 г. на глобальном Юге проживало больше мигрантов из развивающихся стран (97 млн), чем на Севере (89 млн) (рис. 1.2). Это говорит о том, что все большая часть людских потоков, исходящих из одних стран Юга, направляется в другие страны Юга, а не на Север, и курсирует в пределах развивающихся макрорегионов. Подобная усиливающаяся переориентация миграционного движения на Юг позволяет предположить, что «демографический навес» развивающихся государств над развитыми ²⁵, возможно, и не обрушится на последние, а будет постепенно оседать в первых.

Рис. 1.2. Численность международных мигрантов по макрорегионам происхождения и назначения. 1990-2017 гг., млн

Рассчитано и составлено по: Trends in International Migrant Stock: The 2017 revision. UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017.

Импульсом к нарастанию миграции между развивающимися странами служит перекрытие странами Севера многих каналов въезда к ним для выходцев с Юга частокором протекционистских антииммиграционных мер, в том числе в буквальном смысле — стенами из железной проволоки. В то же время указанное нарастание обусловлено социально-экономическим прогрессом развивающихся стран, увеличением их роли в мировой экономике, активизацией народнохозяйственных связей между ними, быстрым ростом населения в Африке и многих странах Азии, обостряющим там проблему безработицы, особенно молодежной, усилением социально-политической нестабильности и др. Нынешнее отгораживание развитых государств от мигрантов из развивающихся стран происходит под влиянием снижения спроса на иностранную рабочую силу, обострения этнокультурных и политических проблем, роста террористических и криминогенных угроз, усиленных недавним острым кризисом беженства.

Одновременно нарастают людские потоки между регионами и странами Севера, в первую очередь на интеграционной платформе ЕС. Там выделились такие

²⁴ International Migration Report 2015 (ST/ESA/SER.A/384). New York, UN, 2016, pp. 1-2.

²⁵ Демограф Анатолий Вишневский о связи демографии и экстремизма // Демоскоп Weekly, 2016, № 669–670 (<http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0669/gazeta02.php>).

крупные миграционные доноры, как Великобритания, Германия, Италия, Португалия, Франция, США и Канада. Ввиду направленности подавляющей части потоков из государств Севера на страны той же части мира, в принимающих обществах увеличиваются когорты более близких в этническом, культурном и социальном отношении и легко интегрируемых приезжих. Чтобы сделать адаптационный процесс еще быстрее и проще, в ЕС планируется разработать специальные меры, адресуемые мигрантам из стран-участниц.

В то же время исходящие из стран Севера потоки носят скорее циркуляционный характер, поскольку близость уровня социально-экономического развития государств этой группы снижает мотивацию их жителей к переселению²⁶. В результате в 1990-2015 гг. повышение численности мигрантов на Севере происходило всего на 24% за счет выходцев из развитых регионов мира (тогда как на Юге доля уроженцев развивающихся регионов в приросте когорты приезжих в странах этой группы достигала 99%)²⁷. В общей сложности в 2017 г. только 39% мигрантов, проживавших в странах глобального Севера, были родом из других стран этой части мира (по сравнению с 87% на глобальном Юге)²⁸. Лишь в Европе в 2015 г. доля выходцев из того же региона среди приезжих превышала половину (53%), тогда как в Австралии и Океании она составляла всего 13, а в Северной Америке – только 2%²⁹. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о сохранении преимущественно **инокультурного, инициализационного состава потоков** в развитые регионы **и** проживающего в них **населения иностранного происхождения**.

Одним из главных факторов роста когорт населения, социализировавшихся в иной, незападной культурной или субкультурной среде и сталкивающихся с наибольшими сложностями интеграции, является интенсификация гуманитарных: вынужденных, а также семейных потоков, роль которых в структуре постоянной иммиграции увеличивается³⁰. Военные конфликты в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, рост радикального исламизма и общее экономическое и социальное неблагополучие в этих регионах вызвали в середине второго десятилетия этого века **резкий рост стихийной, в том числе нелегальной миграции** оттуда в страны

²⁶ На это, например, может указывать сокращение удельного веса лиц, имеющих гражданство принимающей страны ЕС, среди выходцев из других государств Союза с 47% в 1999/2000 гг. до 45% в 2007/2008 гг. при его одновременном повышении с 63 до 69% среди уроженцев третьих стран. См. International Migration Outlook: 2010 Edition. Paris, OECD, 2010, p. 163. Также показательно, что в общей массе 57 млн международных мигрантов, проживавших в 2016 г. в государствах ЕС, только 35% происходили из других стран-участниц (всего 4% его населения). См. Migration and migrant population statistics. March 2018 (http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics). Вероятно, возвратные потоки мигрантов из Великобритании и стран ЕС, которые последуют за реализацией Брекзита, усилят подобную диспропорцию в пользу третьих стран.

²⁷ International Migration Report 2015 (ST/ESA/SER.A/384). New York, UN, 2016, pp. 1-2.

²⁸ Рассчитано по: Trends in International Migrant Stock: The 2017 revision. UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017.

²⁹ Trends in international migration. Population Facts, 2015, no. 4, p. 1 (<http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/populationfacts/docs/MigrationPopFacts20154.pdf>).

³⁰ За 2007–2015 гг. совокупная доля иностранцев, принимаемых на постоянное место жительства в страны ОЭСР по гуманитарным каналам (воссоединяющихся и сопровождающих членов семей, вынужденных мигрантов) увеличилась с 47.9 до 51%. В том числе лиц, получающих статус беженца или аналогичный ему, – с 7.6 до 12.8%. См. International Migration Outlook: 2017 Edition. Paris, OECD, 2017, p. 18.

Евросоюза. Создавшаяся в Европе в результате этого массового потока и обросшая острыми проблемами и противоречиями чрезвычайная ситуация приняла форму миграционного кризиса – крупнейшего со времен Второй мировой войны (в результате которой в вынужденные перемещения было вовлечено порядка 10-20 млн человек). По данным Евростата, только за 2015-2017 гг. в ЕС было подано около 3.3 млн прошений о предоставлении убежища³¹. В итоге, по данным ООН, за 2010-2017 гг. доля соискателей убежища и обладателей статуса беженца в общей массе мигрантов, проживающих в Европе, удвоилась, при этом она возросла в Германии с 6.1 до 10.3%, в Швеции с 6.2 до 18.2, Австрии с 3.3 до 10%³².

Конфессиональный состав вынужденных потоков отличает **преобладание приверженцев ислама**. Так, в 2010-2016 гг. уроженцы мусульманского Востока, в первую очередь из Сирии³³, Афганистана и Ирака, составляли 78% получателей статуса беженца в Европе (ЕС-28, а также Швейцария и Норвегия), в том числе 86% в Германии и 81% в Бельгии. Хотя удельный вес представителей этой религии в составе так называемых регулярных (трудовых, учебных и семейных) потоков не достигал и половины (46%), превышая ее лишь во Франции (68), Швеции (58), Италии (53) и Нидерландах (51%), в силу массовости беженства доля мусульман в совокупных миграционных потоках в Европу достигала 53%³⁴.

Учитывая, что 90% и более сирийцев и иракцев, прибывающих в Европу в поисках убежища, получают статус беженца или аналогичный ему, дающий право временного или постоянного проживания в странах ЕС, массовый приток таких мигрантов, несомненно, увеличит долю мусульман среди приезжих и населения в целом в регионе. Особенно это касается стран, подвергающихся наибольшему давлению со стороны приезжих с мусульманского Востока: Германии, Венгрии, Швеции, Франции, Италии, а также Австрии.

Кроме того, в Европу идут массовые потоки афрохристиан – вынужденных мигрантов из стран Тропической Африки с преобладающим или значительным христианским населением³⁵: Нигерии, ЮАР, Ганы, Кении, Демократической Республики Конго. Только в 2010-2017 гг. в Европе (ЕС-28, Норвегия и Швейцария) было подано 970 тыс. прошений о предоставлении убежища выходцами из стран субрегиона, не считая мигрантов прибывших оттуда на работу, учебу и по семейным основаниям³⁶.

Помимо продолжения потоков беженцев, в недалеком будущем также ожидаемо цепное следование за ними воссоединяющихся членов семей и других

³¹ Число поданных в 2015 г. (1.32 млн) и в 2016 г. (1.26 млн) прошений о предоставлении убежища вдвое превосходило максимальную отметку последних десятилетий (672 тыс. в 1992 г.) и более чем в пять раз уровень 2010 г. См. Eurostat database (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>).

³² Trends in International Migrant Stock: The 2017 revision. UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017.

³³ Среди беженцев из Сирии, обследованных УВКБ ООН в Греции в 2015 г., 85% идентифицировали себя как сунниты, только 6% причисляли себя к христианам, остальные были приверженцами других религий. См. Syrian Refugee Arrivals In Greece. Preliminary Questionnaire Findings. UNHCR, April-September 2015, p. 8.

³⁴ Europe's Growing Muslim Population. Pew Research Center, 2017, pp. 16, 20 (<http://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/>).

³⁵ В 2010 г. в субрегионе было сосредоточено 24% христиан мира. См. Global Christianity – A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population (<http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec>).

³⁶ Pew Research Center, March, 2018. "At Least a Million Sub-Saharan Africans Moved to Europe Since 2010, pp. 3, 6, 8 (<http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2018/03/22135249/Africa-Migration-March-22-FULL-REPORT.pdf>).

категорий населения³⁷. Приезд таких категорий мигрантов, не обусловленный потребностями рынка труда, повлечет необходимость специальных государственных программ, а значит, и расходов по социальной поддержке этих групп приезжих³⁸.

Вынужденные и семейные потоки в значительной мере ответственны за продолжающееся, хотя и медленное увеличение в странах приема численности малообразованных уроженцев других стран, которые сталкиваются с наибольшими сложностями трудоустройства и тяжело усваивают ценности, правила поведения и культуру нового общества. Несмотря на то, что за 2004–2017 гг. доля иммигрантов без полного среднего образования в ЕС понизилась в возрастной группе 15-64 лет с 38 до 34%, она пока остается существенно большей, чем среди местных жителей (25%). Случай Литвы и Латвии, где удельный вес лиц, не прошедших такого курса обучения, среди приезжих (6%), ниже, чем среди коренного населения (12-16%) является исключением, вероятно, связанным с советским прошлым этих стран³⁹.

В отличие от медленной динамики малообразованных групп, численность **высокообразованных слоев** населения иностранного происхождения, наиболее быстро интегрируемых в новый социум, стремительно растет, отражая возросшую селективность иммиграционных мер в пользу востребованных высококвалифицированных и инновативных специалистов. Удельный вес групп с образованием третьей ступени в общей массе мигрантов 15–64 лет, проживающих в странах ЕС, возрос с 22% в 2004 г. до 29% в 2017 г. и теперь превосходит аналогичный показатель среди коренного населения – 28%⁴⁰. Доля высокообразованных категорий среди мигрантов достигает особенно высоких значений в Ирландии – 50%, Польше – 49, Великобритании – 47, Болгарии – 45, Дании – 40, превосходя на 10–20 п.п. аналогичный показатель среди местного населения⁴¹.

Опережающая динамика интеллектуальной миграции, помимо общего повышения образованности населения мира, объясняется также реструктурированием миграционных потоков из развивающихся в развитые регионы в пользу исходящих из Азии. Так, в 2001 г. на долю выходцев из Латинской Америки приходилось 52.9% вновь прибывающих в США мигрантов, а на выходцев из Азии – 22.1%. В 2009 г. эти показатели сравнялись на уровне 35%, а в 2015 г. доля первых, главным образом мексиканцев, равнялась только 28%, тогда как вторых (прежде всего выходцев из Индии и Китая) – уже 37.4%⁴². Учитывая хорошие адаптационные способности уроженцев Индии и Китая, подобное реструктурирование может рассматриваться в позитивном ключе.

Миграционные потоки в развитые регионы традиционно отличаются повышенной концентрацией лиц молодого, и соответственно, **трудоспособного**

³⁷ 58% опрошенных в Греции в 2015 г. сирийских беженцев планировали пригласить к себе членов своих семей после получения гуманитарного статуса в европейском государстве. См. Syrian Refugee Arrivals In Greece. Preliminary Questionnaire Findings. S.I., UNHCR, April-September 2015, p. 7.

³⁸ Лица, принимаемые со статусом беженца или аналогичным ему, равно как и воссоединяющиеся члены семей, особенно женщины, имеют гораздо худшие (на 13-18 п.п.) шансы найти работу по сравнению с трудовыми мигрантами. См.: International Migration Outlook, 2014, p. 118.

³⁹ Eurostat database.

⁴⁰ Eurostat database.

⁴¹ Eurostat database; Arslan C. et al. Op.cit., pp. 16-17.

⁴² López G., Bialik K. Key findings about U.S. immigrants. May 3, 2017

(<http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/05/03/key-findings-about-u-s-immigrants/>).

возраста. Это особенно характерно для соискателей убежища в Европе, более половины которых приходится на долю лиц 18-34 лет, в первую очередь мужчин. Подобный состав вынужденных потоков, несущих не только проблемы, но и трудовые ресурсы, предполагает необходимость создания дополнительных рабочих мест. Симптоматично, что доля лиц с мигрантскими корнями выше в категории 15-34 лет, нежели во всем населении (табл. 1.3). Что означает растущую значимость интеграционных мер на ближайшую и более отдаленную перспективу.

Таблица 1.3. Распределение молодежи 15-34 лет в зависимости от места своего рождения и места рождения родителей, 2013 г., %

	Родившиеся в принимающей стране		Уроженцы других стран		Местные уроженцы – потомки местных жителей
	потомки мигрантов	потомки мигрантов и местных жителей	приехавшие детьми	приехавшие взрослыми	
ОЭСР-22	7.0	4.8	5.9	9.0	72.7
ЕС15	4.9	4.2	5.0	9.6	76.0
Люксембург	14.0	8.2	12.8	21.7	30.9
Швейцария	11.5	11.1	8.7	19.2	49.1
Австралия	10.1	13.9	8.3	16.0	50.1
Канада	10.2	8.1	8.1	8.6	62.3
Швеция	6.2	8.5	7.0	12.2	66.1
Бельгия	7.4	8.9	5.3	10.8	67.3
Австрия	6.3	5.2	6.4	11.5	70.5
Норвегия	2.5	5.1	5.8	14.5	72.1
Франция	8.4	10.1	3.7	5.6	70.6
Ирландия	0.8	4.5	5.3	17.0	72.4
США	8.6	4.2	6.2	7.6	72.7
Великобритания	6.4	1.5	4.2	13.3	74.4
Германия	7.2	2.5	7.5	8.1	74.8
Нидерланды	7.3	7.6	4.7	5.0	74.8
Дания	4.0	5.7	3.2	9.6	77.5
Испания	0.7	2.8	5.0	12.9	78.6
Италия	0.2	2.1	4.3	10.4	83.0
Греция	0.6	1.5	3.7	7.0	87.2
Португалия	1.5	2.3	4.3	4.2	87.8
Финляндия	0.7	2.4	2.8	5.4	88.3

Источник: Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In. Paris, OECD/European Union, 2015, p. 235.

Вопреки распространенным представлениям о поселенческом **характере миграции**, последняя утратила однонаправленность движения из страны эмиграции в страну иммиграции, совершаемого единожды в жизни. Значительная часть – обычно четверть-треть долгосрочных мигрантов – возвращаются на родину. Более того, “прежняя парадигма поселения постоянных мигрантов все более замещается временной и циркулярной миграцией”⁴³. При этом, если прежде, в 60-70-е годы,

⁴³ Migration in an Interconnected World: New Directions for Action. Global Commission on International Migration. 2005, p. 31 (https://www.iom.int/jahia/webdav/site/myjahiasite/shared/shared/mainsite/policy_and_research/gci/GCIM_Report_Complete.pdf).

типовым временным мигрантом был гастарбайтер, то теперь активизируются перемещения таких малочисленных еще несколько лет назад категорий, как прикомандированные; так называемые домашние работники, (выполняющие работы/услуги в домашнем хозяйстве, например по уходу за детьми, больными и престарелыми, у работодателей – физических лиц); студенты; пенсионеры и т.п. Это особенно заметно в условиях посткризисного восстановления экономики развитых регионов.

Притом что весьма существенная, зачастую подавляющая часть приезжих и их потомков относятся к числу поселенцев, растущая популярность временных и производных от них форм передвижений между развитыми странами ведет к распространению там феномена так называемой длительной темпоральности (временности). То есть к снижению доли мигрантов с большим стажем проживания в них и повышению доли недавно приехавших или циркулирующих, не интегрированных или слабо интегрированных. Сопоставление данных ОЭСР за 2000-2013 гг. показывает, что этот феномен особенно характерен для европейских стран с более продолжительной историей иммиграции, ведущейся, по меньшей мере, со времен послевоенного импорта рабочей силы и приема жителей бывших колоний (ФРГ, Франция, Великобритания, Швейцария и др.). При этом такая темпоральность становится все менее долгосрочной (табл. 1.4).

Таблица 1.4. Распределение населения, родившегося за границей, по времени проживания в стране назначения, 2000-2001гг.¹ и 2012-2013 гг.², %

	Менее 5 лет		5-9 лет		10 лет и более	
	2000-2001	2012-2013	2000-2001	2012-2013	2000-2001	2012-2013
Австралия	13.6	17.6	8.9	11.9	77.5	70.5
Бельгия	18.6	24.9	12.9	19.1	68.5	56.0
Великобритан ия	17.0	26.4	12.9	24.9	70.2	48.7
Германия	3.5	12.1	16.8	10.0	79.7	78.0
Греция	53.8	13.4	35.1	19.5	11.1	67.0
Дания	23.1	32.3	17.7	17.1	59.2	50.5
Испания	40.1	13.2	10.6	36.1	49.3	50.8
Италия	37.8	14.2	27.8	28.4	34.4	57.4
Канада	14.8	14.6	15.2	13.5	70.0	71.8
Норвегия	30.2	38.1	14.1	17.3	55.8	44.6
Португалия	13.3	8.8	15.1	13.4	71.6	77.8
США	20.1	11.3	12.9	14.1	63.7	74.7
Финляндия	12.6	32.2	36.9	17.4	50.5	50.4
Франция	8.1	10.9	9.2	12.6	82.7	76.5
Швейцария	23.1	26.0	14.4	14.8	62.4	59.1
Швеция	17.3	21.3	14.8	18.1	68.0	60.6

¹ Население старше 15 лет. ² Население 15-64 лет.

Составлено по: Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In, p. 59; A Profile of Immigrant Populations in the 21st Century: Data from OECD Countries. Paris, OECD, 2008, pp. 96-98.

Современные передвижения, особенно в развитых зонах, приобретают все более пластичный, подвижный и изменчивый характер. В первую очередь это – результат расширения ЕС, которое активизировало с открытием границ новые категории мобильных граждан, и становления более гибких рынков труда и более свободных семейных отношений, а также удешевления средств транспорта и коммуникации, облегчающих и удешевляющих ремиграцию и репатриацию.

Г.Энгберсен определил такие передвижения как текучие (*liquid*)⁴⁴ по аналогии с метафорами “текучей современности”, “текучей жизни” и др., которыми британский социолог З. Бауман охарактеризовал эпоху постмодерна с присущими ей непрерывными перетеканиями и перемещениями, “реваншем кочевого стиля жизни над принципом территориальности и оседлости”⁴⁵. Более того, все шире распространяющийся в мире мобильный образ жизни приобретает черты “перманентной мобильности” (*perma-mobility*)⁴⁶. Людям, вовлеченным в такие перемещения, нередко свойствен так называемый габитус преднамеренной непредсказуемости (*habitus of intentional unpredictability*), то есть неопределенность миграционной стратегии. Подобный феномен связан с незавершенностью, отсутствием явных признаков окончания миграции (*incomplete migration*) и возникает в ответ на постоянно изменяющееся социальное окружение, затрудняющее выбор места жительства, образа жизни, карьеры, супруга и друзей⁴⁷.

Все более типичным становится **циркуляционное** движение между разными странами, особенно в целях работы и получения образования. Наиболее распространенная схема подобных перемещений предполагает временный выезд за пределы страны обычного проживания и временное возвращение в нее. Как правило, такая схема связана с программами временной трудовой миграции и основывается на существовании долгосрочных связей между странами. По оценкам немецкого экономиста К. Циммермана и его коллег, вероятность того, что мигранты, прожившие в Германии и вернувшиеся на родину, вновь постараются приехать в Германию составляет около 80%⁴⁸. Согласно опросу Центра этнополитических и региональных исследований 2011 г., 38% находившихся в России трудовых мигрантов из СНГ были циркуляционными⁴⁹. При этом значительная часть мигрантов из Средней Азии демонстрировали установку на последующие регулярные поездки в Россию. Кроме того, как отмечает голландский этнолог Р. Пеннинкс, схема перемещений по одному миграционному коридору между страной происхождения и страной назначения сменяется многонаправленностью передвижений⁵⁰.

Эту идею развивает Р. Кинг. Он подчеркивает, что в условиях развития циркуляционных типов мобильности прежняя модель трансграничных передвижений 50-90-х годов, укладывавшаяся в бинарные системы координат: поселение – временная миграция, долгосрочная – краткосрочная миграция, родной дом – заграница, размывается. Она сменяется менее конвенциональными, более гибкими и сложными, зачастую переходными или гибридными паттернами ротирующихся миграционных статусов и траекторий перемещения, непостоянного поселения (при наличии второго жилья и вида на жительство за границей). Имеет место сочетание

⁴⁴ Engbersen G., Snel E. Liquid migration: Dynamic and fluid patterns of post-accession migration flows / Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement. Ed. by B. Glorius, I. Grabowska-Lusinska, A. Kuvik. Amsterdam, 2013.

⁴⁵ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008, с. 20.

⁴⁶ Parkes R. People On The Move: The New Global (Dis)Order // Chaillot Papers. June 2016, p. 32.

⁴⁷ Engbersen G., Snel E. Op. cit., p. 35.

⁴⁸ Constant A., Nottmeyer O., Zimmermann K. The Economics of Circular Migration // IZA DP, 2012, No. 6940, pp. 21, 23.

⁴⁹ Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Demoscope Weekly, 2014, № 605-606 (<http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/analit01.php>).

⁵⁰ Penninx R. International Migration and Related Policies in Europe 1950–2015 // Bulletin Of The Serbian Geographical Society, 2016, no. 96 (2), p. 36 (<http://www.doiserbia.nb.rs/img/doi/0350-3593/2016/0350-35931602018P.pdf>).

элементов кратковременной и долгосрочной миграции, миграционной и немиграционной мобильности⁵¹.

Циркуляционную миграцию описывают как бытие и здесь, и там, как жизнь в детерризованном (то есть не привязанном к конкретной территории) транснациональном пространстве, позволяющем людям находиться одновременно в разных национальных, культурных и т.п. измерениях. В ходе таких перемещений люди зачастую не утрачивают своих исторических корней, прежней культуры, связей с родиной, с родственниками и друзьями, проживающими в других странах, и полностью не ассимилируются в новый социум. Усваивая правила труда и быта, элементы культуры разных стран проживания, они приобретают множественные национальные, культурные и т.п. референции и выстраивают гибридные идентичности. Этому процессу есть «космополитическая альтернатива», предполагающая возможность выбора индивидом «культурных фрагментов» из огромного разнообразия этнокультур без осознания себя членом этих культур⁵². Она порождена распространением так называемой мобильности без корней, вовлеченные в которую не стремятся обосноваться в странах назначения, не аффилируются с какой-либо одной из них, так и оставаясь космополитичными номадами. В основе их социокультурного поведения лежит не идентификация с какой-либо конкретной культурой, а ориентация на транснациональные каноны профессиональной деятельности и повседневной жизни. Как подчеркивает Г. Энгберсен, в отношении «текучих» мигрантов – временных поселенцев и транзитников, добровольно принимающих подобную жизненную модель или же вынуждаемых к такому выбору в силу невозможности получить вид на ПМЖ и стабильную хорошо оплачиваемую работу и не стремящихся к полной идентификации с принимающей страной, – не работают ни ассимиляционная, ни мультикультуралистская модели интеграции, которые ориентированы на постоянных поселенцев, на нынешних и будущих граждан принимающей страны из числа приезжих⁵³. Сходное суждение озвучивает и Р. Кинг: «Национальные органы регулируют подведомственное территориальное пространство, тогда как миграции осуществляются в сетевом пространстве. Государства хотят сделать принятых мигрантов оседлыми и интегрировать, но мобильные люди со множественными территориальными аффилиациями и гибридными или космополитическими идентичностями не желают подстраиваться под идеологию одной национальной идентичности»⁵⁴. Рост такого «плавающего населения» требует пересмотра традиционных подходов к социокультурной инкорпорации приезжих и поиска моделей, сочетающих принципы гражданской интеграции и интеркультурализма.

Таким образом, перемены в динамике и структуре миграционных потоков в страны глобального Севера весьма неоднозначны с точки зрения перспектив успешности включения приезжих и их потомков в принимающие общества. Нарастание численности инокультурных мигрантов чревато серьезными проблемами инкорпорации таких сообществ в социумы-реципиенты. В то же время такие тенденции, как переориентация части миграционных маршрутов из

⁵¹ King R. Towards a new map of European migration // *International Journal of Population Geography*, 2002, no. 8(2), p. 96.

⁵² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. Москва, 2003; Wadron J. What is Cosmopolitan? *The Journal of Political Philosophy*, 2000, no. 8(2).

⁵³ Engbersen G. Floating populations, civic stratification and solidarity: Comment on Will Kymlicka's article: "Solidarity in Diverse Societies" // *Comparative Migration Studies*, 2016, vol. 4, no. 8. (<https://doi.org/10.1186/s40878-016-0029-8>).

⁵⁴ King R. *Op. cit.*, p. 102.

развивающихся стран на другие государства Юга и замедление роста мигрантских когорт в развитых регионах, диверсификация стран исхода и повышение уровня образования приезжих и т.п., позволяют надеяться на возможность более благоприятного исхода в решении интеграционного вопроса. Кроме того, с интенсификацией циркуляционной миграции все очевиднее потребность в обновлении подходов к интеграции разных групп мигрантов.

Глава 2.

ЭФФЕКТЫ ИММИГРАЦИИ: ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

И. Чапенко

2.1. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СДВИГИ

Массовая инокультурная иммиграция несет странам Севера многомерные и неоднозначные последствия. Важнейшие из них – радикальные изменения в этнической, лингвистической, конфессиональной и т.п. композициях принимающих обществ, умножающие пестроту их культурной мозаики⁵⁵. Более того, перемещения населения служат одним из главных факторов повышения «культурной сложности наций», характерного для эпохи постмодерна⁵⁶.

Фактически население развитых государств, в особенности их крупных городов, становится слепком с общемировой демографической картины, представляя весь этот мир в одной отдельно взятой стране и даже в одном городе (*the world in one country, the world in one city*). Например, жители Торонто, где сосредоточено 20% всех иммигрантов в Канаде, в том числе 30% прибывших в страну недавно, говорят на более чем 140 разных языках и диалектах⁵⁷. В Амстердаме, Роттердаме и Гааге проживают представители свыше 170 этнонациональных групп⁵⁸. Чрезвычайно высоким разнообразием населения отличаются и такие крупные европейские города, как Лондон, Франкфурт, Штутгарт и Цюрих.

Хотя в научной литературе отсутствует строгое определение разнообразия, обычно этот термин используется как синоним присущей любому обществу неоднородности населения по самым разным параметрам (возраст, социальный статус, этническая принадлежность и т.п.). Однако многие исследователи фокусируются в первую очередь на культурных и/или этнических аспектах дифференциации населения и, соответственно, многокультурности обществ. При этом они исходят из того, что культурные различия – это не просто одна из рядовых форм разнообразия, а некая всеобъемлющая категория, которая включает в себя любые типы разнообразия, демонстрируемые людьми на протяжении их жизни⁵⁹, а также воспроизводимые и преобразуемые их потомками.

⁵⁵ Для оценки степени разнообразия населения на тех или иных территориях широко применяется индексирование. Так называемые индексы фракционализации показывают вероятность того, что два случайно отобранных жителя той или иной страны окажутся принадлежащими к отличным этническим, языковым и т.п. группам. Высокие значения данных индексов у Люксембурга, Швейцарии и Канады по шкале от 0 до 1, где 0 предполагает полную однородность сообщества, 1 – его максимальную разнородность, свидетельствуют о весьма высокой степени различности их населения в целом. А наиболее разнообразными контингентами мигрантов по странам происхождения выделяются США, Канада и Италия. См. Alesina A., Harnoss J., Rapoport H. Birthplace Diversity and Economic Prosperity. *IZA DP*, 2013, no. 7568.

⁵⁶ Культурная сложность современных наций. Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. Москва, 2016, с. 17.

⁵⁷ World Migration Report 2018. Geneva, International Organization for Migration, 2017, p. VI.

⁵⁸ Engbersen G. Floating populations, civic stratification and solidarity: Comment on Will Kymlicka's article: "Solidarity in Diverse Societies" // *Comparative Migration Studies*, 2016, vol. 4, no. 8.

⁵⁹ Ewij R. Diversity and Diversity policy: Diving into Fundamental Differences // *Journal of Organizational Change Management*, 2011, vol. 24, no. 5, p. 685.

С усилением плюрализма и многовариантности развития категоризация современных обществ уже не вмещается в традиционные схемы, требуя пересмотра референтных маркеров, расширения понятия разнообразия и придания ему новых граней⁶⁰. Немецкий культуролог С. Вертовек квалифицирует этнокультурные сдвиги в развитых регионах мира как «трансформирующую диверсификацию разнообразия» (*transformative diversification of diversity*), ведущую к появлению сверхразнообразия (*super-diversity*)⁶¹. Нарастание этнокультурной неоднородности населения стран Севера становится не только все более характерной и неотъемлемой чертой, но и все более значимым множественным фактором функционирования и эволюции их социумов в XXI веке, вызывая перемены в их системах общественных отношений и конфигураций. По словам С. Вертовека, рост разнообразия означает «не только усложнение состава населения по этносам и странам происхождения, но и умножение существенных параметров, влияющих на то, где, как и по соседству с кем люди живут, ... на возникновение новых взаимосвязей и взаимодействий»⁶². А голландский социолог М. Крул подчеркивает, что изменившаяся в условиях массовой иммиграции демография городов и рост разнообразия внутри этнических групп побуждают рассматривать интеграционный вопрос не в концептуальных рамках ассимиляторства (равно как и мультикультурализма), противопоставляющих коренное большинство и пришлое меньшинство, а с позиций теории разнообразия⁶³.

Культура, этничность и вероисповедание представляют собой не только объективный, но и социально-психологический, контекстно детерминированный феномен, продукт субъективного восприятия, результат самоопределения индивидов и групп в отношении своего происхождения или принадлежности⁶⁴, проявляющегося в этнически, культурно и т.п. обусловленных повседневных практиках и видах общественной активности. Поэтому неоднородность общества, формируемую иммиграцией, можно представить как многокрасочную палитру идентичностей: национальных, этнических, конфессиональных, лингвистических и цивилизационных. На пересечении таких референций выстраиваются так

⁶⁰ Например, Ю.В. Бучатская на материале Германии делает важное с точки зрения интеграции мигрантов наблюдение: «Культурная сложность сегодняшнего общества проявляется не в культурных различиях между этносами или религиями, а в многообразии стилей жизни... люди, принадлежащие к одному стилю жизни, но этнически разные (немец и марокканец) будут друг другу ближе и понятнее, чем другой такой же немец, сосед, рожденный в Германии, но исповедующий другой стиль жизни, а значит, говорящий буквально на другом символическом языке». См. Культурная сложность современных наций, с. 132.

⁶¹ Vertovec S. Super-diversity and its implications // *Ethnic and Racial Studies*, 2007, vol. 30, no. 6, p. 1025.

⁶² Ibidem.

⁶³ Crul M. Super-diversity vs. assimilation: how complex diversity in majority-minority cities challenges the assumptions of assimilation // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2016, vol. 42, no. 1 (<http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2015.1061425>).

⁶⁴ «Во всех странах наблюдаются скорее попытки подогнать множественные и изменчивые формы самоидентификации под готовые классификационные схемы ... Принадлежность к определенной официально признанной категории открывает доступ к тем или иным льготам или привилегиям, подталкивает одних к самоидентификации с этими группами (тем самым обеспечивая их постоянное воспроизводство), а других – к требованию официального признания все новых и новых групп внутри государства-нации». См. Филиппова Е.И., Герен-Пас Ф. Расовые и этнические категории в переписях 2010-х гг. // *Этнографическое обозрение*, 2015, № 1, сс. 12, 14.

называемые зонтичные социокультурные идентичности приезжих и их потомков⁶⁵, характерные, в частности, для самоотождествления мусульман в Европе и испаноязычных американцев в США.

Иммиграция, привнося разнообразие извне, способствует конструированию его новых, все более многоликих форм и изнутри принимающего общества. В процессе трансграничных передвижений люди знакомятся с новыми культурами, усваивают и интернализируют их, а также относящиеся к ним смыслы, представления, нормы, ценности, практики и образцы поведения. Поскольку зачастую мигранты не утрачивают своих исторических корней, прежней культуры, связей с родиной, происходит смешение и объединение элементов взаимодействующих культур и возникновение новых культурных феноменов⁶⁶. В такой среде обитания на границах и перекрестках разных культур, в зоне их интерференции происходит диффузия исходных культурных идентичностей⁶⁷. Генерируются новые – транскультурные – самокатегоризации. Хотя они различаются по опыту межкультурных контактов, урокам, извлекаемым из таких контактов, и интегрируемым элементам культур, общим для подобных способов самоопределения является заложенный в них интеграционный потенциал⁶⁸.

При этом подобные этнокультурные типы самоотнесения довольно пластичны и изменчивы. Лонгитюдное наблюдение за группой уроженцев Великобритании, идентифицировавших себя в 1991 г. как индийцы, выявило, что спустя 10 лет 10% обследуемых отнесли себя уже к другому этносу. Аналогичным образом среди жителей этой страны, первоначально заявлявших о своей принадлежности к этносам Африки и стран Карибского бассейна, соответствующий показатель в 2001 г. достиг 20%⁶⁹.

Французский политолог-исламовед О. Руа, отмечая, что традиционные культурные и религиозные элементы поведения, типичные для первых поколений мигрантов-мусульман во Франции, преобразуются последующими поколениями в ответ на новую социокультурную среду, называет этот динамичный процесс форматированием (*formatage*) культурной идентичности исламских сообществ⁷⁰. Показательно, что если среди приезжих мусульманских жителей европейских

⁶⁵ Семененко И.С. Социокультурная идентичность / Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М., РОССПЭН, 2011. Т. 1. Отв. ред. И. С. Семененко, сс. 113-114.

⁶⁶ Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, London, 1995, pp. 102-103.

⁶⁷ Эпштейн М.Н. Транскультура и трансценденция / Только уникальное глобально: Личность и Управление. Культура и Образование. СПб., 2007, с. 90; Berry E., Epstein M. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. New York, 2005, p. 25.

⁶⁸ При этом транскультурная идентификация не предполагает одинаковости меры идентификации со всеми интернализованными культурами. Так, иммигрант может делать ставку на инкорпорацию не в доминирующую культуру, например культуру белого большинства в Америке, а в культуру более близкого ему коренного этнического, в частности афроамериканского, меньшинства. Кроме того, поскольку аккультурационные трансформации в одних областях не имеют четкой связи с изменениями в других, интегрируемые слагаемые идентичности могут в разной мере проявляться в языковых предпочтениях, стиле коммуникаций, представлениях, ценностях, знании культуры и т.п. Так, американцы японского происхождения представляют себя как американцы в языковом и поведенческом плане, но остаются японцами по своим ценностям и установкам. См. Benet-Martinez V. Multiculturalism: Cultural, Social, and Personality Processes / K. Deaux, M. Snyder (eds.). Oxford handbook of personality and social psychology. Oxford, 2012, p. 624.

⁶⁹ Aspinall P.J. The Utility and Validity for Public Health of Ethnicity Categorization in the 1991, 2001 and 2011 British Censuses // Public Health, 2011, vol. 125, no. 10, pp. 680-687.

⁷⁰ Olivier Roy (<http://cetobac.ehess.fr/index.php?102>).

городов, опрошенных в 2010 г., культурную идентификацию с титульной нацией выражали только 40%, то среди родившихся в Европе – уже 67%⁷¹.

Аналогичным образом ослабление лингвистической составляющей идентичности проживающих в США выходцев из разных стран Латинской Америки способствует американизации этнорасовой идентификации их крупных групп⁷². Доля испаноамериканцев старше пяти лет, указавших, что они говорят дома только по-английски, что свидетельствует об ассимиляции в американское общество, возросла с 59% в 1980 г. до 69% в 2015 г.⁷³

В 2006-2015 г. в крупных американских метрополисах на фоне увеличения численности латинос доля говорящих дома на испанском языке сократилась среди них с 78 до 73%⁷⁴. При этом, по результатам обследования 2015 г., если у испаноамериканцев первого поколения, родившихся за пределами США, основным языком был испанский – 61% опрошенных, 32% были билингвальными, а предпочитали английский язык только 7%, у представителей второго поколения эти показатели составляли 6, 51, 43%, то у третьего и последующих – 0, 24, 75% соответственно. Аналогичным образом, считали себя хиспэникс 97% уроженцев Латинской Америки, 92% мигрантов во втором поколении, 77 – в третьем и 50% в четвертом и последующих⁷⁵.

В то же время происходящее вследствие постоянного притока и высокого репродуктивного потенциала мигрантов из стран глобального Юга в государствах Севера интенсивное разрастание сообществ представителей незападных этносов и цивилизационных принадлежностей благоприятствует устойчивости маркерных черт присущей им отличной культуры повседневности, системы ценностей и самоидентификации. Консервации относящихся к примордиальной культуре традиций, смыслов, представлений, практик и образцов поведения способствует сохранение диаспорами связей с исторической родиной, их постоянное пополнение все новыми прибывающими оттуда когортами и компактное проживание целого ряда таких сообществ. Более того, у иммигрантов и их потомков, которые инкапсулировали нормы и ценности, характерные для стран их происхождения в предшествующие исторические периоды, укорененность оригинальной культуры, как правило, привязанной к определенному этносу или конфессии, порой даже сильнее, чем у нынешних жителей этих стран⁷⁶.

В соответствии с теорией третьего демографического перехода, предложенной британским демографом Д. Коулменом, в условиях ухудшения

⁷¹ Muslims in Europe. A Report on 11 EU Cities. New York, London, Budapest, 2010, pp. 68, 72, 256.

⁷² Среди опрошенных в 2011 г. исследовательским центром Pew представителей первого поколения мигрантов из Латинской Америки считали себя «типичными американцами» только 34%, тогда как среди второго – 63, а третьего и последующих – уже 69%. См. Taylor P., Lopez M., Martínez J., Velasco G. When Labels Don't Fit: Hispanics and Their Views of Identity (<http://www.pewhispanic.org/2012/04/04/ii-identity-pan-ethnicity-and-race>).

⁷³ Flores A. Facts on U.S. Latinos, 2015. Statistical Portrait of Hispanics in The United States. September 18, 2017 (<http://www.pewhispanic.org/2017/09/18/facts-on-u-s-latinos/>).

⁷⁴ Krogstad J., Lopez M. Use of Spanish declines among Latinos in major U.S. metros. October 31, 2017 (<http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/10/31/use-of-spanish-declines-among-latinos-in-major-u-s-metros>).

⁷⁵ Lopez M., Gonzalez-Barrera A., Lopez G. Hispanic Identity Fades Across Generations As Immigrant Connections Fall Away. December 20, 2017 (<http://www.pewhispanic.org/2017/12/20/hispanic-identity-fades-across-generations-as-immigrant-connections-fall-away/>).

⁷⁶ Kim-Jo T., Benet-Martínez V., Ozer D. Culture and conflict resolution styles: The role of acculturation // Journal of Cross-Cultural Psychology, 2010, no. 2, pp. 264-269.

демографической ситуации в государствах Севера, прежде всего Европы, усугубляемой оттоком оттуда коренных жителей, эти быстро увеличивающиеся чужеродные диаспоры, находящиеся на огромной культурной дистанции от исконного населения, постепенно его там замещают, изменяя соотношение между основными этнокультурными группами и все более оспаривая доминирование титульного народа (народов) и его (их) культуры. А согласно концепции четвертого демографического перехода, сформулированной российским демографом В.А. Ионцевым, возможен сценарий демографического развития, предполагающий формирование «нового населения», основу которого составят дети, рожденные в семьях, где один из родителей является мигрантом⁷⁷.

В Западной Европе, испытывающей со времен послевоенного импорта рабочей силы и распада колониальных империй массированную иммиграцию выходцев с исламского Востока, сложились новые для некогда гомогенной структуры большинства принимающих государств меньшинства – этнически разнородные, но и имеющие единую религиозную – мусульманскую – референцию. Если еще в 1950 г. в Западной Европе проживало менее 300 тыс. мусульман (менее 0.1% ее населения), то в 2016 г., по оценкам исследовательского центра *Pew*, их численность в 28 странах ЕС (включая Болгарию и Румынию), Норвегии и Швейцарии достигла 25.8 млн (4.9%). Особо крупные этноконфессиональные общины созданы уроженцами стран Магриба во Франции, Турции – в Германии, Южной Азии – в Великобритании.

Стремительному росту абсолютной и относительной численности мусульман способствует отмеченное выше преобладание выходцев из исламских стран в миграционных, в первую очередь вынужденных потоках. В результате в 2010-2016 гг. нетто-миграция мусульман составила 3.5 млн, существенно опередив соответствующий показатель немусульман – всего 1.3 млн⁷⁸. Механический прирост мусульманского населения в свою очередь ускоряет и без того его высокую естественную динамику, определяемую молодостью мигрантов из стран исламского Востока, их высоким репродуктивным потенциалом и традициями многодетности. Притом что в 2016 г. медианный возраст мусульманского населения в Европе составлял 30 лет (в том числе во Франции – 27 лет, Великобритании – 28), у жителей региона, не относящихся к этой конфессии, – 44 года⁷⁹. В среднем коэффициент фертильности мусульманских женщин в Европе достигал 2.6 (3.1 в Финляндии, 2.9 во Франции и Великобритании, 2.8 в Швеции), тогда как немусульманских – 1.6 (в Греции 1.3)⁸⁰. В результате в 2010-2016 гг. естественный прирост мусульманского населения Европы составил 2.9 млн., тогда как немусульманская часть жителей региона понесла естественную убыль 1.7 млн⁸¹.

Во всех сценариях прогнозов Центра *Pew* ожидается рост численности мусульман в Европе, более динамичный, чем других групп населения, в частности христиан. К 2050 г. при сценарии нулевой миграции численность исповедующих ислам в регионе возрастет до 35.8 млн (7.4%); при средней миграции, то есть при продолжении так называемых регулярных потоков (трудовых, учебных семейных), но прекращении приема беженцев – до 57.9 млн (11.2%); при высокой миграции, то есть

⁷⁷ Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Международная миграция населения в контексте демографической теории // Уровень жизни населения регионов России, 2014, № 3.

⁷⁸ Europe's Growing Muslim Population, Pew Research Center, 2017, p. 12 (<http://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/>).

⁷⁹ Ibid., p. 37.

⁸⁰ Ibid., p. 34.

⁸¹ Ibid., p. 12.

при сохранении всех паттернов миграции 2014-2016 гг. – до 75.6 млн (14%)⁸². В последнем случае абсолютная и относительная численность мусульман в регионе утроится, отражая общемировую тенденцию к опережающему росту численности мусульман по сравнению с представителями других религий (табл. 2.1).

Таблица 2.1. Прогнозные сценарии динамики численности мусульман в странах ЕС-28, Норвегии и Швейцарии, тыс.

	2010	2016	2050 Нулевая миграция	2050 Средняя миграция	2050 Высокая миграция
Вся группа стран	19520	25770	35770	57880	75550
Великобритани	2970	4130	6560	13060	13480
Франция	4720	5720	8600	12630	13210
Германия	3300	4950	5990	8480	17490
Италия	2150	2870	4350	7050	8250
Испания	980	1180	1880	2660	2810
Швеция	430	810	1130	2470	4450
Нидерланды	990	1210	1510	2200	2790
Бельгия	650	870	1250	2050	2580
Швейцария	390	510	660	1140	1520
Норвегия	180	300	390	980	1320
Австрия	450	600	750	960	2120
Дания	220	310	430	770	1100
Финляндия	60	150	220	720	990
Греция	590	620	590	700	860
Болгария	820	790	700	500	650
Кипр	280	300	300	390	430
Португалия	30	40	50	210	220
Ирландия	50	70	80	190	200
Венгрия	< 10	40	30	110	390
Румыния	70	80	70	110	120
Словения	70	80	80	100	100
Чехия	< 10	20	20	100	110
Хорватия	70	70	60	70	70
Польша	< 10	10	10	50	60
Словакия	< 10	< 10	< 10	30	40
Латвия	< 10	< 10	< 10	< 10	< 10
Литва	< 10	< 10	< 10	< 10	< 10
Эстония	< 10	< 10	< 10	< 10	10

Источник: Europe's Growing Muslim Population, p. 29.

В случае высокой миграции к 2050 г. численность мусульман превысит 17 млн в Германии и 13 млн в Великобритании и Франции. А их доля в Швеции может достичь 31%, Германии и Австрии – 20, Франции и Бельгии – 18, Великобритании и Норвегии – 17%. В странах Северной и Центральной Европы удельный вес приверженцев ислама возрастет более чем на 10 п.п., особенно резко в Швеции

⁸² Ibid., p. 5.

(22.4 п.п.), Германии (13.6), Австрии (12.9 п.п.), что несет серьезные риски социальных катаклизмов на этнокультурной почве⁸³.

Таблица 2.2. Прогнозные сценарии динамики доли мусульман в населении стран ЕС-28, Норвегии и Швейцарии, %

	2010	2016	2050 Нулевая миграция	2050 Средняя миграция	2050 Высокая миграция
Кипр	25.3	25.4	25.5	26.6	28.3
Швеция	4.6	8.1	11.1	20.5	30.6
Франция	7.5	8.8	12.7	17.4	18.0
Великобритания	4.7	6.3	9.7	16.7	17.2
Бельгия	6.0	7.6	11.1	15.1	18.2
Норвегия	3.7	5.7	7.2	13.4	17.0
Нидерланды	6.0	7.1	9.1	12.5	15.2
Италия	3.6	4.8	8.3	12.4	14.1
Дания	4.0	5.4	7.6	11.9	16.0
Финляндия	1.2	2.7	4.2	11.4	15.0
Вся группа стран в целом	3.8	4.9	7.4	11.2	14.0
Германия	4.1	6.1	8.7	10.8	19.7
Австрия	5.4	6.9	9.3	10.6	19.9
Швейцария	4.9	6.1	8.2	10.3	12.9
Болгария	11.1	11.1	12.5	9.2	11.6
Греция	5.3	5.7	6.3	8.1	9.7
Испания	2.1	2.6	4.6	6.8	7.2
Словения	3.6	3.8	4.3	5.0	5.2
Ирландия	1.1	1.4	1.6	4.3	4.4
Португалия	0.3	0.4	0.5	2.5	2.5
Хорватия	1.5	1.6	1.8	2.0	2.1
Венгрия	0.1	0.4	0.4	1.3	4.5
Чехия	0.1	0.2	0.2	1.1	1.2
Эстония	0.2	0.2	0.2	0.8	1.0
Румыния	0.3	0.4	0.4	0.8	0.9
Словакия	0.0	0.1	0.1	0.6	0.7
Латвия	0.1	0.2	0.2	0.2	0.4
Польша	0.0	0.0	0.0	0.2	0.2
Литва	0.1	0.1	0.1	0.1	0.2

Источник: Europe's Growing Muslim Population, p. 30.

Укрупнение мусульманских диаспор на фоне слабеющего христианства влечет за собой расширение ареалов распространения и дальнейшее укрепление позиций ислама, уже ставшего второй по числу приверженцев религией Западной Европы. Особенно интенсивно эта тенденция может развиваться в крупных городах. Согласно данным Еврофонда, в конце нулевых годов на долю мусульман приходилось 16.6% населения Антверпена, 12.6 – Копенгагена, 12 – Франкфурта,

⁸³ Ibid., p. 32.

11.2% – Амстердама⁸⁴. Согласно другим данным, – четверть и более жителей Марселя (35%), Амстердама, Бирмингема, Брюсселя и Роттердама. Сосредоточение мусульман на подобных компактных территориях чревато формированием исламских мини-государств, живущих по законам шариата⁸⁵.

Наряду с рисками исламизации в последние годы обозначились и угрозы рехристианизации Европы афрохристианами и связанные с этим вызовы западной христианской идентичности, которые обусловлены массовыми потоками туда мигрантов из прохристианских стран Тропической Африки, сохраняющих черты традиционных обществ с присущей им значимой ролью общинности в организации жизни, ритуалов и т.п. В 2017 г. в Европе проживало 4.15 млн уроженцев этих государств (на 420 тыс. больше, чем в 2010 г.), в том числе 1.27 млн в Великобритании, 980 тыс. – Франции, 370 тыс. – Италии и 360 тыс. – в Португалии. (Для сравнения в США в 2017 г. проживало 1.55 млн выходцев из этих стран.)⁸⁶

Как верно подмечает Л. Андреева, миграционные потоки «южных» христиан из стран к югу от Сахары в Европу (как и мусульман) несут архаизацию не только современному европейскому христианству, но и самой секулярной европейской цивилизации. При том что, с одной стороны, в Европе доминируют секулярные ценности и христианство по сути стало элементом культуры, а, с другой, нормы афрохристианства являются подлинно религиозными, встреча «северного» и «южного» христианства в условиях чуждого для афрохристианства современного европейского цивилизационного кода выльется в противоборство цивилизационных ценностей постиндустриального общества и архаических ценностей⁸⁷.

Под воздействием иммиграции происходят серьезные изменения и в этнокультурном портрете США. Белые англосаксонские жители, составляющие основу американской нации и насчитывавшие в 2016 г. 61.3% населения страны, в 2060 г. хотя и останутся крупнейшей этнорасовой группой, но уже не будут большинством – их доля сократится до 44.3%. А их дети до 18 лет пересекут этот перекресток уже в нынешнем десятилетии, и их доля в 2020 г. составит 49.8%⁸⁸. Этот процесс вызван стремительным ростом населения латиноамериканского и азиатского происхождения.

На долю уроженцев Латинской Америки, в основном Мексики, приходится большинство населения иностранного происхождения и уже сформировалось весьма многочисленное сообщество так называемых хиспэникс (*Hispanics*), или латинос (*Latinos*), объединяемых общностью испанского языка, латиноамериканских корней и культуры. Испаноязычное меньшинство, составлявшее в 1970 г. всего 9 млн человек (5% населения США), в 2016 г. насчитывало 57 млн (17.8%), уступая

⁸⁴ Intercultural Policies in European Cities. Strasbourg, Eurofond, 2010, p. 19.

⁸⁵ Вайнштейн Г.И. Ислам в городском пространстве и в общественном сознании Европы // Мировая экономика и международные отношения, 2013, № 6.

⁸⁶ Pew Research Center, March, 2018. "At Least a Million Sub-Saharan Africans Moved to Europe Since 2010, pp. 3, 6, 8 (<http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2018/03/22135249/Africa-Migration-March-22-FULL-REPORT.pdf>).

⁸⁷ Андреева Л.А. Миграционные потоки «южных» христиан из стран Тропической Африки в Европу в начале XXI века: встреча «северного» и «южного» христианства // Контуры глобальных трансформаций, 2018, № 5.

⁸⁸ Vespa J., Armstrong D., Medina L. Demographic Turning Points for the United States: Population Projections for 2020 to 2060. Population Estimates and Projections. Current Population Reports. March 2018, pp.7-8 (https://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2018/demo/P25_1144.pdf).

лишь белому большинству. А в 2060 г., по прогнозам американского Бюро переписи населения (БПН), оно достигнет 111 млн (27.5%)⁸⁹, обеспечивая основную часть демографического прироста страны.

В 2015 г. в семи южных штатах США доля латинос в населении уже перевалила за 20%: Нью-Мексико (48), Техас и Калифорния (39), Аризона (31), Невада (28), Флорида (25), Колорадо (21%), образуя гигантский ареал испанизации. В 2014 г. хиспэникс доминировали среди жителей 22 из 60 крупнейших метрополисов (тогда как в 2011 г. – еще только в 13), причем в двух городах она уже преодолела 90%-ный рубеж⁹⁰. Учитывая, что бо́льшая или очень крупная часть диаспоры в ближайшем будущем полностью не ассимилируется в американскую культуру мейнстрима, иммиграция испаноязычного населения, говоря словами слова С. Хантингтона, представляет «сильнейший вызов традиционной американской англо-протестантской идентичности и культурным ценностям»⁹¹.

В то же время при всей серьезности брошенного американскому обществу вызова испанизации все четче обозначаются тенденции его азиатизации. Показатели среднегодового увеличения численности испаноязычных общин в США снижаются (с 5.8% в 90-е годы и 4.4 в 2000-2007 гг. до 2.8% в 2007-2014 гг.), отдавая первенство более динамичному укрупнению азиатских сообществ (3.4% в 2007-2014 гг.)⁹². По оценкам БПН, за 2016-2069 гг. доля азиатов в населении увеличится с 5.7 до 9.1%, а среди проживающих в США уроженцев других стран с 27.2 до 28.2, притом что аналогичная доля латинос сократится с 44.8 до 39.3%⁹³. А это, возможно, замедлит этнокультурную поляризацию американского общества.

Демографическая экспансия инокультурных меньшинств и распространение их панэтнических идентификаций: паниспанской в США и панисламской в Европе угрожает размыванием национальной идентичности – консолидирующей основы западных обществ, усиливая риски фрагментации и поляризации все более культурно неоднородных принимающих социумов, роста этнополитического противостояния «свой – чужой», или «мы–они». Размежевания между этнокультурными группами по конфессиональному и лингвистическому принципу особенно четко обозначаются в Европе. Неравноправный формальный и неформальный статус религии и языка мусульманских групп проявляется там, в частности, в ограничениях на строительство мечетей и ношение знаков религиозной атрибутики в общественных местах, в узком использовании арабского и других языков, на которых говорят мусульманские меньшинства, в публичной сфере и быту местного населения. В США, напротив, подобные границы довольно размыты: конфликт религий отсутствует, а испанский язык получил широкое распространение как в общественной, так и повседневной жизни⁹⁴.

⁸⁹ Vespa J., Armstrong D., Medina L. Demographic Turning Points for the United States, p. 7.

⁹⁰ Facts on U.S. Latinos, 2015 (<http://www.pewhispanic.org/2017/09/18/facts-on-u-s-latinos-trend-data>); Hispanic Population and Origin in Select U.S. Metropolitan Areas, 2014 (<http://www.pewhispanic.org/interactives/hispanic-population-in-select-u-s-metropolitan-areas/>); Mapping the Nation's Latino Population: by State, County and City (<http://www.pewhispanic.org/packages/latinos-by-geography>).

⁹¹ Huntington S. The Hispanic Challenge // Foreign Policy, March/April 2004, p. 32.

⁹² U.S. Latino Population Growth and Dispersion Has Slowed Since Onset of the Great Recession. Sept. 8, 2016 (<http://www.pewhispanic.org/2016/09/08/latino-population-growth-and-dispersion-has-slowed-since-the-onset-of-the-great-recession/>).

⁹³ Vespa J., Armstrong D., Medina L. Op. cit., p. 7.

⁹⁴ Alba R. Bright vs. blurred boundaries: Second-generation assimilation and exclusion in France, Germany, and the United States // Ethnic and Racial Studies, 2005, vol. 28, no. 1.

Однако по социально-экономическому положению от местного населения резко дифференцируются как мусульманские сообщества в Европе, так и испаноязычные в США. Четко просматривается этнокультурный компонент, или этнизация таких острых социальных проблем принимающих обществ, как безработица, бедность, депривация, социальное неравенство, геттоизация городского пространства и т.п. В силу более низкого уровня или неадекватности образования, плохого владения языком страны проживания, дискриминации и т.п. этим социальным болезням в большей степени подвержены именно инокультурные меньшинства. Приведем лишь некоторые цифры.

В США в 2015 г. уровень безработицы среди латиносов достигал 6.6% при 5.3% в среднем по стране⁹⁵, а доля бедного населения составляла соответственно 21.4 и 13.5%⁹⁶. Согласно опросу Центра *Pew* в 2016 г., 47% испаноязычных жителей отнесли себя к низшему классу по сравнению с 32% англосаксонских, а к высшему классу – напротив 8 и 17% соответственно; 52% латиносов сталкивались с дискриминацией или несправедливым отношением из-за их этнорасовой принадлежности⁹⁷. Примерно 40% жителей США, идентифицирующих себя как латиносов, проживают в этнических анклавах⁹⁸. В таких районах, ставших, по сути, зонами депривации и социальной безысходности, сконцентрирована и значительная часть европейских мусульман. Так, в 2015 г. 29% британских мусульман проживали в городских районах, свыше половины населения которых приходилось на долю приверженцев ислама⁹⁹. Уровень безработицы среди мусульман в два-три раза превышает показатели местного населения.

Эти проблемы четко просматриваются и на уровне городов. В 2010-2012 гг. уровень безработицы среди мигрантов и представителей этнических меньшинств достигал 34% в Барселоне и 19% в Копенгагене, более чем в 1.5 раза превышая соответствующий показатель коренного белого населения; в Лондоне и Осло за чертой бедности проживали соответственно 41 и 29% жителей с небелым цветом кожи¹⁰⁰.

Социальная маргинализация и возрастающая территориальная сегрегация этнических групп в замкнутых анклавах, в свою очередь, еще более осложняют их социокультурную интеграцию, создавая подобие заколдованного круга, воспроизводя и укрепляя культурную обособленность таких «параллельных миров».

Хотя представители некоторых незападных цивилизаций, в особенности Индии и Китая, зачастую успешно инкорпорируются в новые социумы, интеграция большинства выходцев из развивающихся стран сопряжена с особыми сложностями. В основе подобных проблем – взаимосвязь между устойчивостью инокультурной

⁹⁵ Labor Force Statistics from the Current Population Survey. 2015 (<http://www.bls.gov/cps/cpsaat03.htm>).

⁹⁶ Income, Poverty, and Health Insurance in the United States in 2015 (<https://www.whitehouse.gov/blog/2016/09/13/income-poverty-and-health-insurance-united-states-2015>).

⁹⁷ On Views of Race and Inequality, Blacks and Whites are Worlds Apart. 2016, pp. 70, 59 (http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/3/2016/06/ST_2016.06.27_Race-Inequality-Final.pdf).

⁹⁸ Lopez M., Gonzalez-Barrera A., Lypetz G. Op. cit.

⁹⁹ C4 / Juniper Survey of Muslims 2015, p. 3 (<https://www.icmunlimited.com/wp-content/uploads/2016/04/Muslims-full-suite-data-plus-topline.pdf>).

¹⁰⁰ Integrating Cities Report – Annexes. Brussels, Eurocities, 2013 (<http://www.eurocities.eu/eurocities/allcontent/Integrating-Cities-Report-Annexes-WSP0-962E57>).

(иной конфессиональной и лингвистической) составляющей их идентичности¹⁰¹, с одной стороны, и социально-экономическими факторами, с другой.

Низкий уровень образования и трудности постижения нового языка, отмечаемые у большей части выходцев из развивающихся стран¹⁰², препятствуют не только их полноценной интеграции в сферу занятости, но и усвоению норм и ценностей принимающего социума. В то же время по мере повышения уровня квалификации приезжих, увеличения продолжительности проживания на новом месте и роста числа последующих поколений их потомков в развитых регионах теоретически допустимо, хотя и малореально, некоторое улучшение социальной интеграции и восходящей мобильности адаптивных иммигрантов.

Учитывая кумулятивный характер и цепную логику развития миграционных процессов, тенденций общественного развития макрорегионов мира, в ближайшие десятилетия следует ожидать продолжения массового притока населения в страны Севера и, вероятно, умножения профессионально-квалификационного, этнокультурного и т.п. разнообразия состава приезжих.

2.2. ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Социально-экономическим последствиям иммиграции посвящены многочисленные исследования за рубежом и в России¹⁰³. Подробно проанализировано воздействие иммиграции на такие объективные показатели положения местных жителей, как уровень их занятости/безработицы и заработной платы, а также на состояние сферы социальных услуг и выплат, динамику потребительских цен и жилищных условий. Результаты этих исследований противоречивы и вызывают жаркие дискуссии. Даже были проведены специальные исследования причин расхождений в оценках воздействия притока иностранцев на условия труда и занятости местных работников, на масштабы и динамику бюджетных потоков и т.п.¹⁰⁴

Эффекты иммиграции заметно варьируются в зависимости от сроков и территориального уровня их проявления, экономической конъюнктуры, соотношения в составе приезжих гуманитарного и трудовых потоков, профессионально-квалификационных, возрастных, семейных, этнокультурных характеристик. Кроме того, на расхождения в таких оценках в немалой мере сказываются и различия в используемых исследовательских методиках, например особенности построения макроэкономических моделей. Размер вычисляемого чистого фискального эффекта иммиграции может заметно варьироваться в зависимости от того, используется статический или же динамический подход (последний в свою очередь может

¹⁰¹ Вайнштейн Г.И. Инокультурные идентичности и перспективы общественно-политического развития современного Запада / Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. Отв. ред. Семененко И.С., Москва, 2012.

¹⁰² В 2010–2011 гг. не имели диплома об окончании полной средней школы 74% прибывших менее пяти лет назад в страны ОЭСР уроженцев Сомали, 62 – Марокко, 57% – Мексики. См. Arslan C. et al. Op.cit., p. 21.

¹⁰³ Подробнее см.: Социальный контекст экономического развития в XXI веке. Отв. ред. Е.Ш. Гонтмахер, И.В. Гришин, И.П. Цапенко. Москва, ИМЭМО РАН, 2016.

¹⁰⁴ Расхождения в результатах, полученных, в частности, в исследованиях Х. Борхаса и Д. Карда, кроются в различиях в квалификационно-образовательном составе и динамике рассматриваемых потоков, социально-экономической ситуации на принимающей их территории, в том числе при одновременном изменении групп работников и регионов их назначения, что обуславливает несопоставимость полученных этими учеными результатов. См. Dustmann C., Schonberg U., Stuhler J. The Impact of Immigration: Why Do Studies Reach Such Different Results? // Journal of Economic Perspectives, 2016, vol. 30, no. 4.

применяться с позиций жизненного цикла или же межпоколенческих потоков). Сказывается и перечень учитываемых статей бюджетных доходов от иммигрантов и расходов на них (принимаются ли во внимание, наряду с прямыми, косвенные доходы от иммиграции; включаются ли в список расходов пропорционально численности иммигрантов затраты на национальную оборону, выплату процентов по государственному долгу, содержание городской инфраструктуры и обеспечение других общественных благ). А итоги статистического анализа воздействия иммиграции на рынок труда в немалой степени зависят от используемых оценок эластичности замещения местных работников приезжими.

Тем не менее обнаруживается, скорее, позитивный характер подобных, хотя и, как правило, маломасштабных эффектов. Он обусловлен благотворностью вклада иммиграции в народнохозяйственное развитие принимающих социумов. Иммиграция фактически уже определяет и в еще большей мере будет определять демографическую динамику северных регионов. ООН прогнозирует на 2015-2050 гг. чистый приток 32 млн мигрантов в Европу, который при ожидаемой естественной убыли населения региона на 57 млн уменьшит масштабы сокращения численности его жителей до 25 млн¹⁰⁵. Согласно оценкам исследовательского центра *Pew*, благодаря иммиграции население США увеличится к 2065 г. до 441 млн, тогда как в ее отсутствие оно составит 338 млн, то есть окажется лишь чуть выше нынешнего уровня (323 млн в 2016 г.)¹⁰⁶. В ближайшие полвека 88% прироста населения США будет обеспечиваться за счет притока новых иммигрантов и рождения их детей и внуков. Второе поколение мигрантов, численность которых более чем удвоится (с 38 млн в 2015 г. до 81 млн в 2065 г.), станет главной движущей силой демографического роста в США¹⁰⁷. Положительную роль увеличения когорты детей мигрантов для будущего демографического развития не только США, но и других принимающих государств подчеркивает известный отечественный демограф В.А. Ионцев¹⁰⁸.

Об устойчивости потребностей в иностранной рабочей силе, в особенности в ее высококвалифицированных контингентах, для жизненно важных, в том числе неторгуемых, секторов экономики свидетельствует тенденция к сохранению и росту доли иммигрантов среди занятых в стран-реципиентах. В 2017 г. этот показатель в ЕС был равен 13%, в том числе он составлял в Ирландии 23%, в Австрии – 20, Швеции – 19, а в Швейцарии достигал 31%¹⁰⁹.

В актив иммиграции следует занести и повышение гибкости и эффективности функционирования рынка труда, содействие росту инвестиционной и предпринимательской активности, стимулирование динамики и инновационного развития экономики, расширение масштабов совокупного спроса и предложения и тем самым увеличение масштабов экономики. Такое воздействие, способствующее созданию новых рабочих мест и повышению доходов, свойственно регулируемым, легальным потокам иностранного населения, соответствующим потребностям

¹⁰⁵ World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables. New York, 2017, p. 16 (https://esa.un.org/unpd/Wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf).

¹⁰⁶ Connor P. International Migration: Key Findings from The U.S., Europe And The World. December 15, 2016 (<http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/12/15/international-migration-key-findings-from-the-u-s-europe-and-the-world>).

¹⁰⁷ Immigration's impact on past and future US population change. 2015 (<http://www.pewhispanic.org/2015/09/28/chapter-2-immigrations-impact-on-past-and-future-u-s-population-change/>).

¹⁰⁸ Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Указ. соч.

¹⁰⁹ Рассчитано по: Eurostat database.

экономики. Оно усиливается в условиях устойчивого повышения квалификационно-образовательного уровня приезжих.

Однако установлено, что массовый приток мигрантов зачастую оказывает краткосрочное негативное воздействие на условия труда местных работников¹¹⁰. Это подтвердил и последний глобальный кризис. В то же время подобное влияние нередко ограничивается малоквалифицированными группами рабочей силы и локальным уровнем¹¹¹. А в долгосрочном плане и в национальном масштабе приезжие в США оказывают позитивное воздействие на занятость и заработки всего местного населения, в том числе его малоквалифицированных групп и ранее прибывших мигрантов¹¹².

Вновь прибывающие поселенцы и территориально сконцентрированные общины мигрантов создают повышенную нагрузку на бюджет. Тем не менее чистый фискальный эффект иммиграции варьируется от отрицательного значения в 1.1% ВВП в Германии до положительных 2% Швейцарии, однако в среднем по ОЭСР он складывается в позитивный баланс в размере 0.35% ВВП (без учета расходов на общественные блага)¹¹³. Очевидно, что временные трудовые мигранты, а также лица с высоким уровнем образования вносят в казну принимающих обществ гораздо больше, чем последнее тратит на них.

Приток иностранцев порой повышает цены на некоторые товары и услуги, пользующиеся у них спросом, в частности на жилье. Однако в макроэкономических масштабах прибытие новых когорт мигрантов оказывает общее дезинфляционное воздействие, которое, как правило, тем сильнее, чем быстрее растет доля иммигрантов в экономике.

Усиливающаяся концентрация мигрантов, особенно инокультурных, в бедных округах зачастую ухудшает условия проживания там местного населения, повышая уровень преступности, увеличивая нагрузку на социальную инфраструктуру. Это подтверждается существованием прямой связи между притоком мигрантов в те или иные районы и выездом оттуда местных жителей¹¹⁴. Вместе с тем известно немало случаев, когда благодаря иммигрантам старые городские кварталы, пребывающие в упадке, превращаются в динамично развивающиеся. Иммиграция используется властями в качестве инструмента решения проблемы низкого спроса на жилье, сокращения пустующего и неиспользуемого фонда помещений на некоторых, в первую очередь депрессивных, территориях в рамках мер по улучшению там условий обитания.

Более того, «городские партнерства между группами мигрантов, местными органами власти, гражданским обществом и частным сектором являются ключевым слагаемым ответа на вызовы и возможности, открываемые ростом миграции в города»¹¹⁵. Примеры возрождения находившейся в упадке социальной инфраструктуры демонстрируют американские города Дэйтон и Огайо, жители которых турецкого происхождения инициировали сотрудничество с городскими

¹¹⁰ Borjas G. Immigration and the American Worker. A Review of the Academic Literature. Center for Immigration Studies, 2013, April (<http://cis.org/sites/cis.org/files/borjas-economics.pdf>).

¹¹¹ Card D. Is New Immigration really Bad? // The Economic Journal, 2005, no. 115 (507).

¹¹² Borjas G. Op. cit.; Peri G. The Impact of Immigrants in Recession and Economic Expansion. MPI, 2010 (<http://www.migrationpolicy.org/pubs/Peri-June2010.pdf>); Docquier F., Ozden Ç., Peri G. The Labor Market Effects of Immigration and Emigration in OECD Countries // The Economic Journal, 2014, no. 124 (579).

¹¹³ International Migration Outlook: 2013 Edition. Paris, OECD Publishing, 2013.

¹¹⁴ Crowder K., Hall M, Tolnay S. Neighborhood Immigration and Native Out-migration // American Sociological Review, 2011, vol. 76, no. 1.

¹¹⁵ World Migration Report 2015, p. 17.

властями в области строительства и реновации жилья. Эксперименты городского развития с фокусом на иммиграцию предприняли и власти таких городов, как Кливленд, Колумбия, Детройт, Индианаполис, Лэнсинг и Сант Луис¹¹⁶.

Приведенные оценки социальных последствий иммиграции перекликаются с результатами пока еще немногочисленных исследований ее влияния на субъективное благополучие¹¹⁷ жителей принимающих стран, тем самым указывая на связь подобных объективных и субъективных процессов. То есть, поскольку условия жизни и труда коренных жителей являются факторами удовлетворенности жизнью и ее восприятия как счастливой, воздействие иммиграции на эти слагаемые объективного благополучия так или иначе преломляется в субъективном благополучии местного населения.

В исследовании А. Акая, А. Констант и К. Гильетти, осуществленном на материале регионов Германии периода 1997–2007 гг., показан значимый, но не сильный позитивный эффект повышения доли иммигрантов в численности населения территорий на удовлетворенность жизнью местного населения¹¹⁸. Результаты В. Бетца и Н. Симпсон, полученные на материалах Европейского социального исследования (*European Social Survey, ESS*) по 26 странам за 2002–2010 гг., демонстрируют, что приток иностранцев оказывает небольшое позитивное, статистически значимое и нелинейное воздействие на ощущение счастья и удовлетворенность жизнью местного населения¹¹⁹.

Авторы обеих работ объясняют такое позитивное воздействие объективными эффектами, связанными с использованием иностранной рабочей силы и благотворно влияющими на положение местных работников, по крайней мере их большинства. В соответствии с теорией социальных сравнений, подобное влияние на ощущение благополучия от происходящего, равно как и ожидаемого улучшения материальной обеспеченности и социального статуса этой части коренных жителей может усиливаться известным эффектом сопоставлений с худшим социальным положением и самочувствием остальных групп.

К числу менее благополучных групп относятся и мигранты. Согласно данным Евростата, в 2017 г. в странах ЕС-28 средний уровень безработицы среди мигрантов 15-64 лет достигал 11.4%, более чем в 1.5 раза превышая аналогичный показатель среди местных жителей (7.2%). При этом, по данным ОЭСР, масштабы сверхквалификации мигрантов в 1.5 раза больше, чем местных работников с такими же характеристиками; в Испании, Италии и Греции этот показатель у приезжих с третичным образованием превышает 50%¹²⁰. А доля лиц, проживавших в домохозяйствах, которые находились на грани бедности, составляла в 2016 г. в регионе 33.6% среди приезжих по сравнению с 21.6% среди коренных жителей¹²¹.

¹¹⁶ Ibid., p. 18.

¹¹⁷ Субъективное благополучие, по определению одного из авторов данного понятия известного психолога Э. Динера, – это зонтичное понятие, которое объединяет, во-первых, когнитивную оценку людьми своей жизни и ее условий (удовлетворенность жизнью, включая ее конкретные аспекты, и/или ее восприятие в целом как счастливой); во-вторых, эмоциональную оценку происходящего с ними (наличие/отсутствие хорошего настроения, ситуативного ощущения радости, счастья и т.п.). См. Diener E. Guidelines for National Indicators of Subjective Well-Being and Ill-Being // *Applied Research in Quality of Life*, 2006, no. 1, pp. 151-152.

¹¹⁸ Akay A., Constant A., Giuliotti C. The Impact of Immigration on the Well-Being of Natives // IZA Discussion Paper, 2012, no. 6630 (<http://ftp.iza.org/dp6630.pdf>).

¹¹⁹ Betz W., Simpson N. The Effects of International Migration on the Well-being of Native Populations in Europe // *IZA Journal of Migration*, 2013, no. 12.

¹²⁰ International Migration Outlook: 2014 Edition. Paris, 2014, p. 60.

¹²¹ Eurostat database (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>).

Как свидетельствуют исследования в Великобритании, различия в доходах в значительной степени обусловлены цветом кожи мигрантов¹²². Неблагополучие мигрантов, помимо этих и других объективных показателей, в том числе более широкое распространенное нестабильной занятости, ограниченный доступ к социальным благам и услугам и т.п., фиксируется и субъективными индикаторами. На более низкий уровень удовлетворенности жизнью и ощущаемого счастья приезжих, в частности, указывают результаты *ESS* (табл. 2.3).

Таблица 2.3. Субъективное благополучие местного и приезжего населения в некоторых странах Европы и оценки местным населением экономических и социокультурных последствий иммиграции, 2016 г., баллы от 0 до 10

	Удовлетворенность жизнью ¹		Уровень счастья ¹		Влияние иммиграции в национальных масштабах ²		
	местные жители	приезжие	местные жители	приезжие	на условия жизни	на культуру	на экономику
Австрия	7.7	7.3	7.6	7.3	4.2	4.6	4.7
Бельгия	7.5	7.3	7.8	7.6	5.1	6.0	5.0
Великобритания	7.4	7.2	7.7	7.7	5.5	5.8	5.8
Германия	7.6	7.5	7.8	7.7	5.3	6.1	5.9
Ирландия	7.3	7.4	7.5	7.8	6.0	6.0	5.8
Исландия	8.0	7.9	8.1	7.9	7.0	7.2	6.7
Нидерланды	7.8	7.9	7.9	8.0	5.4	6.1	5.3
Норвегия	7.9	7.8	8.1	8.1	5.6	5.9	5.6
Польша	7.1	7.8	7.5	7.2	5.4	5.6	5.0
Россия	5.8	5.2	6.3	6.1	3.5	3.6	3.8
Словения	7.1	7.2	7.4	7.8	4.4	4.7	4.0
Финляндия	8.0	7.6	8.1	7.9	5.6	7.0	5.5
Франция	6.7	6.8	7.3	7.7	4.9	5.3	4.9
Чехия	6.8	6.5	7.0	6.7	3.7	3.6	4.0
Швейцария	8.2	7.9	8.3	8.0	5.5	6.0	6.0
Швеция	7.9	7.9	7.8	8.0	6.3	6.9	5.7
Эстония	6.9	6.2	7.3	6.8	4.9	4.9	4.5

¹ Опрашиваемым были предложены следующие вопросы: “Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы?” и “Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?”. При 11-балльной шкале оценке 0 соответствовали ответы “очень несчастливы” и “совершенно не удовлетворены”, оценке 10 – “очень счастливы” и “полностью удовлетворены”.

² В ходе опроса респондентам задавались следующие вопросы: “Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в Вашу страну, в целом хорошо или плохо сказывается на ее экономике?”. “Приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру Вашей страны?”. “С притоком людей из других стран Ваша страна как место для жизни становится лучше или хуже?”. Ответная шкала варьировалась от 0 до 10, где 0 означал крайнюю негативную оценку (“плохо для экономики”, “разрушает культуру нашей страны”, “становится хуже”, соответственно), а 10 – максимальную позитивную оценку (“хорошо для экономики”, “обогащает культуру нашей страны”, “становится лучше”). Приняв оценку в 5 баллов как нейтральную, считаем более низкие оценки негативными, а более высокие – позитивными.

Рассчитано по: European Social Survey database, 2016 (<http://www.europeansocialsurvey.org>).

¹²² Bauer Th., Haisken-DeNew J., Schmidt Ch. International Labour Migration, Economic Growth and Labour Markets: the Current State of Affairs // The New Demographic Regime. Population Challenges and Policy Responses. New York, 2005, p. 123.

Результаты Всемирного опроса Института Гэллапа 2009–2011 гг. уточняют эту картину при сравнении мигрантов, переехавших в ЕС-15 менее пяти лет назад, и мигрантов, переселившихся туда ранее, и обнаруживают, что менее благополучны первые (рис. 2.1).

Рис. 2.1. Оценка современной жизни и ее перспектив коренными жителями и мигрантами в ЕС-15 по шкале Кэнтрила (баллы от 0 до 10), 2009–2011 гг.

Источник: Esipova N., Ray J., Pugliese A. Gallup World Poll: The Many Faces of Global Migration // IOM Migration Research Series, 2011, no. 43, p. 58.

Новоселы, в первую очередь выходцы из южных стран, больше подвержены финансовым лишениям, сказывающимся в свою очередь в условиях жизни (рис. 2.2). Кроме того, они реже испытывают позитивные эмоции – радость и ощущение счастья, а чаще, напротив, – негативные чувства, в том числе беспокойство, стресс, гнев и печаль¹²³.

¹²³ В числе причин худшего социального самочувствия мигрантов – дискриминация, сложности адаптации к новой культурной среде, разобщенность с семьей, социальная изоляция и др. См. Safi M. Immigrants' Life Satisfaction in Europe: Between Assimilation and Discrimination // European Sociological Review, 2010, vol. 26, no. 2. Важную роль играют и завышенные ожидания приезжих, которые нередко оборачиваются тем, что даже тогда, когда их доходы в принимающих странах становятся выше, чем на родине, и практически сравниваются с уровнем заработков местных работников, их удовлетворенность своим финансовым положением остается более низкой, чем коренных жителей. См. Bartram D. Economic Migration and Happiness: Comparing Immigrants' and Natives' Happiness Gains from Income // Social Indicators Research, 2011, no. 1031. Кроме того, связь между уровнем доходов и счастьем, обычно опосредующаяся улучшением статусных позиций, у мигрантов зачастую деформирована. У недавно приехавших иностранцев, особенно из бедных стран, благополучие, действительно, ассоциируется с доходами, но лишь до тех пор, пока неденежные факторы, значение которых повышается с увеличением срока пребывания в стране иммиграции, не становятся доминантными. Социальный статус приезжих, даже зарабатывающих больше, чем на родине, часто оказывается более низким по сравнению с тем, что был в стране исхода. В особенности это касается людей с хорошим образованием, значительным профессиональным опытом и карьерными достижениями, которые не признаются и остаются нереализованными в стране поселения. Снижение статуса по сравнению с домиграционным, несмотря на рост доходов, негативно влияет на ощущение счастья.

Рис. 2.2. Самооценки материального благополучия коренными жителями и мигрантами в ЕС-15, 2009–2011 гг., % соответствующих категорий опрошенных
 Источник: Esipova N., Ray J., Pugliese A. Gallup World Poll: The Many Faces of Global Migration // IOM Migration Research Series, 2011, no. 43, p. 59.

Помимо указанных социальных различий, повышенные показатели субъективного благополучия европейцев в условиях миграционного кризиса можно отчасти объяснить и таким фактором, как их участие в благотворительной и волонтерской деятельности¹²⁴. Согласно данным Французского института общественного мнения (IFOP) 2015 г., в условиях миграционного кризиса 19% жителей Испании, 18 – Дании, 13% – Германии жертвовали деньги организациям, помогающим мигрантам, а с учетом изъявивших готовность это сделать, указанные показатели достигали соответственно 42, 36 и 32% соответственно. Кроме того, 9% жителей Германии, 7 – Испании и 4% – Италии уделяли свое свободное время помощи мигрантам, а с учетом желающих это делать подобные индикаторы достигали 40, 32 и 30% соответственно. Более того, 10% жителей Испании и Италии предоставили свое жилье приезжим или намеривались это сделать¹²⁵. Участие в подобных акциях местных жителей европейских стран в отношении особо нуждающихся мигрантов, а также готовность к нему могут в какой-то мере способствовать повышению удовлетворенности жизнью и нейтрализовать дестабилизирующие социально-экономические и социально-психологические последствия современного миграционного кризиса.

Выявленное С. Лонги негативное влияние иммиграции на субъективное благополучие населения связано с ее структурными характеристиками. Автор показывает на материале округов Великобритании, что в районах с большим разнообразием приезжих по странам происхождения и этнической принадлежности белые англичане демонстрируют несколько более низкий уровень удовлетворенности жизнью, чем в кварталах с менее разнородным составом жителей (значимость на уровне 1%)¹²⁶. Данный феномен можно объяснить тем, что в

¹²⁴ Helliwell J., Layard R., Sachs J., eds. World Happiness Report, 2013. A Global Initiative for the UN, 2013 (http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2014/02/WorldHappinessReport2013_online.pdf); Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. Москва, Институт психологии РАН, 2012.

¹²⁵ Les Européens face à la crise des migrants // IFOP, Octobre 2015, p. 15.

¹²⁶ Longhi S. Cultural Diversity and Subjective Well-being // IZA Journal of Migration, 2014, no. 3.

таких кварталах снижается доверие к людям¹²⁷, являющееся важным фактором субъективного благополучия. Сходный эффект наблюдается и в России¹²⁸.

По мере роста инокультурных, в первую очередь мусульманских, общин может усиливаться негативное воздействие этого процесса на удовлетворенность жизнью местных жителей. Подобная реакция подтверждается гораздо более широким распространением отрицательных эмоций, испытываемых европейцами в отношении иммиграции из третьих стран (52%) по сравнению с миграцией из стран ЕС (29%), зафиксированным Евробарометром весной 2018 г.¹²⁹

При этом именно мусульманский контингент мигрантов вызывает наибольшую обеспокоенность европейцев, особенно на фоне реисламизации некоторых слоев мусульманских сообществ. Хотя радикальные группы мусульман в развитых регионах немногочисленны, они явно способствуют формированию негативного имиджа мусульман, ассоциации последних с исламским экстремизмом. Подавляющая часть населения европейских стран видит в современном интенсивном притоке молодого мужского населения из исламских стран опасность роста террористической активности (рис. 2.3).

Рис. 2.3. Доля респондентов, считающих, что среди приезжающих в Европу мигрантов находятся потенциальные террористы, 2015 г., %

Источник: Les Européens face à la crise des migrants // IFOP, Octobre 2015, p. 23 (https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/03/3181-1-study_file.pdf).

Как видно по результатам приведенных исследований, противоречивость объективных эффектов иммиграции ведет к неоднозначности ее влияния на субъективное благополучие местного населения. Очевидно, что иноэтничный и,

¹²⁷ Muslims in Europe. A Report on 11 EU Cities Open Society Institute. 2010 (http://ec.europa.eu/ewsi/UDRW/images/items/docl_11433_888993300.pdf).

¹²⁸ Две трети опрошенных в начале нулевых годов местных жителей Московской области, проживавших в условиях диффузного размещения мигрантов, имели повышенный показатель счастья. В группе соседствовавших с большим количеством мигрантов такого показателя не достиг никто. См. Лапшина Т.В., Константинов В.В. Субъективное благополучие представителей принимающего сообщества и специфика проживания мигрантов // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире. Материалы III Международной научно-практической конференции г. Пенза, 11-12 марта 2016 г. Отв. ред. В. В. Константинов. Пенза, 2016, сс. 117-118.

¹²⁹ Standard Eurobarometer, 2018, no. 89, Tables of Results, p. 36.

особенно, инокультурный компонент иммиграции, порождающий риски дезинтеграции и дестабилизации принимающего общества, снижает удовлетворенность жизнью местного населения. Вместе с тем в сознании людей отражаются и объективные улучшения в их социально-экономическом положении, которые происходят под воздействием иммиграции, но которые население может напрямую и не связывать с ней. Как показывают данные по Европе, полученные до наступления миграционного кризиса, положительное влияние общей численности иммигрантов и интенсивности их потоков на социальное самочувствие коренных жителей, вероятно, "поглощало" негативные последствия присутствия на континенте больших групп представителей иных цивилизаций.

При неоднозначности объективных эффектов иммиграции их восприятие местным населением также амбивалентно. Однако, в отличие от преимущественно позитивного характера воздействия иммиграции на экономику и ряд социальных областей, в субъективных оценках этого воздействия, как правило, доминирует негативизм. Согласно опросу Германского фонда Маршалла (ГФМ), осуществленному в 2013 г., население США и большинства обследованных государств ЕС было склонно считать иммиграцию, скорее, проблемой, чем ресурсом развития страны, и видеть в ней бремя для сферы социальных услуг¹³⁰. Как свидетельствуют данные Евробарометра, миграционный кризис упрочил такую позицию. Только 20% опрошенных в 2017 г. жителей ЕС считали иммиграцию ресурсом, тогда как 38% видели в ней проблему¹³¹. Россияне связывают с иммиграцией повышение конкуренции на рынке труда, рост преступности и коррупции. При этом данные Левада Центра за 2017 г. указывают на усиление негативных установок в отношении иммиграции. Если в 2002 г. за ограничение притока иностранцев выступали 45% респондентов, то в 2016 г. – уже 80%¹³².

В то же время, по мнению подавляющей части опрошенных ГФМ, иммигранты обогащают культуру принимающих стран, содействуют заполнению пустующих вакансий, компенсируя нехватку рабочей силы, и благодаря предпринимательской деятельности создают дополнительные рабочие места¹³³. В США, согласно данным Института Гэллапа, в 2018 г. 75% населения (рекордный уровень с 2001 г.) считали иммиграцию полезной для страны, хотя их мнение было амбивалентным по целому ряду вопросов¹³⁴.

Воздействие восприятия последствий иммиграции на субъективное благополучие жителей принимающих стран почти не изучено. Эта тема затрагивается, пожалуй, лишь в работе российских исследователей Т.А. Рябиченко и Н.М. Лебедевой. Авторы интерпретируют отношение местного населения к иммиграции с позиций воспринимаемых угроз экономическому и культурному благополучию со стороны аутгрупп, к которым принадлежат приезжие. Они устанавливают прямую связь между характером восприятия общенациональных последствий иммиграции и субъективным благополучием граждан принимающих стран¹³⁵.

¹³⁰ Transatlantic Trends 2013. Topline Data. GMF, 2013 (<http://trends.gmfus.org/files/2013/09/TT-TOPLINE-DATA.pdf>).

¹³¹ Flash Eurobarometer, 2018, no. 469, p. 7.

¹³² Ксенофобия в 2017 году (<https://www.levada.ru/2017/08/23/16486/>).

¹³³ Transatlantic Trends 2013. Topline Data.

¹³⁴ Immigration. Gallup Historical Trends. 2018 (<https://news.gallup.com/poll/1660/immigration.aspx>).

¹³⁵ На материале России, Германии, Великобритании и Израиля, полученном из базы данных ESS 2010 г. См. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М. Отношение к иммиграции и

Как показывает наш анализ более поздних данных (2016 г.) ESS по 17 странам, подобная связь продолжает существовать. При этом воздействие мнения местного населения о национальных последствиях иммиграции на показатели его субъективного благополучия, будучи статистически значимо, не очень интенсивно. Коэффициенты корреляции Пирсона варьируются от 0.20 до 0.22 при $p < 0.001$.

Кроме того, в большинстве стран оценки последствий иммиграции позиционируются в интервале от 4 до 6 баллов по 11-балльной шкале, то есть тяготеют к нейтральности. Это значит, что степень негативизма в тех случаях, когда он присутствует, достаточно низка. Вероятно, воспринимаемые угрозы экономическому и культурному благополучию коренных жителей (о которых говорилось выше) не настолько сильны, чтобы ощутимо изменить социальное самочувствие последних (рис. 2.4).

Рис. 2.4. Доля респондентов, не согласных с утверждением, что иммигранты забирают у местных жителей рабочие места и создают угрозу национальной культуре, 2013 г., %

Источник: Transatlantic Trends 2013. Topline Data, pp. 64, 68.

Ряд других обследований свидетельствует, что восприятие последствий иммиграции на локальном и личностном уровне гораздо менее критично, чем на национальном уровне. Подобная закономерность или, по крайней мере, выраженная тенденция проявляется в результатах регулярных опросов Евробарометра. Согласно обследованию жителей стран ЕС весной 2018 г., иммиграция, которой до миграционного кризиса обычно отводилось 3-4-е место в рейтинге двух наиболее значимых проблем Евросоюза, теперь относится к числу самых важных вопросов для сообщества. Такое мнение разделяют 38% опрошенных (рис. 2.5).

Рис. 2.5. Наиболее важные, по мнению жителей стран ЕС, проблемы для Евросоюза, март 2018 г., % респондентов
Источник: Standard Eurobarometer, 2018, no. 89, p.14.

С началом миграционного кризиса иммиграция превратилась из второстепенных национальных проблем стран ЕС (традиционно 5-7-е место по значимости) в одну из главных. Весной 2018 г. ее считали приоритетной 21% респондентов (рис. 2.6). В то же время в рейтинге главных национальных проблем стран Союза она третья по значимости для этих государств, в отличие от первой позиции в выше приведенном рейтинге общекоммунитарных проблем ЕС.

Рис. 2.6. Наиболее важные, по мнению жителей стран ЕС, проблемы для их стран, март 2018 г., % респондентов
Источник: Standard Eurobarometer, 2018, no. 89, p. 18.

Однако иммиграция почти никогда (за исключением разгара миграционного кризиса) не входила и сейчас не входит в десятку наиболее важных проблем для личной жизни опрошенных, то есть последние не придают особо большого значения этому вопросу (рис. 2.7).

Рис. 2.7. Наиболее важные, по мнению жителей стран ЕС, проблемы для них лично, март 2018 г., % респондентов

Источник: Standard Eurobarometer, 2018, no. 89, Tables of Results, T24-T28.

Хотя среди местных жителей есть те, кто полагает, что из-за притока иностранцев снижаются их заработки и кто-либо из членов семьи потерял работу, налицо и благожелательные оценки микросоциальных последствий иммиграции. Так, согласно данным Евробарометра, в 76 из 83 обследованных в мае-июне 2015 г. европейских городов и их предместий, несмотря на уже начинавшийся миграционный кризис, большинство жителей позитивно относились к присутствию иностранцев. Более того, число городов, где таких респондентов было как минимум 70%, возросло с 49 в 2012 г. до 57 в 2015 г., а там, где таких опрошенных оказалось не менее 85%, – с 12 до 14. В 2015 г. в Люксембурге, Загребе, Дублине, Рейкьявике, Цюрихе, Копенгагене и Клуж-Напоке (Румыния), например, такого мнения придерживались 89-91% населения¹³⁶. Как показывает анализ данных за 2012 г., восприятие присутствия иммигрантов в городах теснее коррелировало с удовлетворенностью жизнью их населения (0.492 при $p < 0.01$), чем восприятие национальных последствий иммиграции, что указывает на гораздо большее влияние первого, чем последнего, на субъективное благополучие. А интегральный характер данной в городах оценки дает основание полагать, что в представлениях населения выгоды от иммиграции все же перевешивают ее издержки.

Заметные расхождения в оценках последствий иммиграции на микросоциальном и макросоциальном уровнях и влияния самих этих оценок на субъективное благополучие можно объяснить следующим образом. Допустимо, что, оценивая последствия иммиграции для страны, люди выражают свою гражданскую позицию по этому вопросу. При этом они в большей степени склонны полагаться не на личностно обусловленные, а на какие-то внешние критерии, которые формируются под воздействием весьма отдаленных и искаженных представлений населения об иммиграции и ее реальных последствиях на макроуровне при недостатке объективной информации о них.

Неадекватность восприятия иммиграции ярко подтверждается результатами опроса ГФМ в 2013 г. Это обследование, в частности, выявило, что оценки доли

¹³⁶ Flash Eurobarometer, 2013, no. 366; 2016, no. 419.

иммигрантов в населении, данные респондентами (и сведенные в агрегированный показатель), разительно расходятся с официальной статистической информацией о ней: в США – 42.1 и 14.3%, в Португалии – 34.6 и 8.4, в Великобритании – 30.9 и 12.2% соответственно¹³⁷. Не менее ярким индикатором искусственного конструирования негативного отношения к иммиграции является доля респондентов, считающих, что “в стране слишком много иммигрантов”. Установлено, что люди, не знакомые с официальной статистикой, гораздо чаще придерживаются подобного мнения, нежели те, кто располагает такими данными (рис. 2.8).

Рис. 2.8. Доля лиц, считающих, что в стране слишком много иммигрантов, среди респондентов, которым была / не была предоставлена официальная информация о численности иммигрантов в стране, 2014 г., %

Источник: Transatlantic Trends. Topline Data 2014. GMF, 2014, pp. 71–72 (http://trends.gmfus.org/files/2012/09/Trends_2014_ToplineData.pdf).

Кроме того, хотя людей волнуют события в стране и мире, которые они рассматривают сквозь призму личной жизни, для их субъективного благополучия, как правило, гораздо важнее происходящее лично с ними и в их ближайшем социальном окружении. В то же время в силу “фаворитизма в отношении родного города” (когда люди склонны думать, что их жизнь именно в этом городе лучше, чем в среднем по стране) полученные позитивные оценки могут быть несколько завышенными.

Словом, для восприятия последствий иммиграции, особенно на национальном уровне, характерен очевидный крен в сторону негативизма. Подобное отношение к иммиграции явно расходится с ее реальным вкладом в повышение благополучия населения, представляя ее искаженное отражение в кривых зеркалах конструирования массового сознания.

Таким образом, иммиграция оказывает неодинаковое и неоднозначное воздействие на благополучие принимающих стран. Ее долгосрочное социально-экономическое воздействие носит преимущественно позитивный характер, связано с созданием новых рабочих мест и повышением доходов местных жителей. Очевидно, что контролируемая, легальная трудовая миграция, обусловленная потребностями

¹³⁷ Transatlantic Trends. Topline Data 2014. GMF, 2014, p. 73.

экономики, – это важный ресурс развития принимающих обществ. Происходящее, а также ожидаемое повышение уровня объективного благополучия представителей больших социальных групп в сопоставлении с тем, каким оно было прежде, и с теми, кто их окружает, в том числе иммигрантами, преломляется в субъективных показателях удовлетворенности жизнью и ощущения счастья.

Вместе с тем в краткосрочном плане шоки предложения труда, вызываемые иммиграцией, и усиливающаяся конкуренция со стороны приезжих на рынке труда, а также в сфере социальных услуг и выплат повышают риски безработицы и снижения доходов, с которыми сталкиваются в первую очередь местные малоквалифицированные работники. Массовый приток вынужденных и недокументированных мигрантов в Европу может в ближайшие годы негативно сказаться на условиях труда местных работников и существенно утяжелить финансовое бремя иммиграции, особенно учитывая нестабильность современной экономической конъюнктуры.

Умножение разнообразия создает определенные противовесы этнодемографической поляризации принимающих обществ. В то же время этнокультурные эффекты иммиграции зачастую негативны. Рост инокультурных сообществ порождает серьезные угрозы национальной идентичности и сложившемуся жизненному укладу в западных социумах, порождает риски эскалации террористической активности. Эти процессы вызывают растущую обеспокоенность местных жителей. Продолжающийся миграционный кризис, сопряженный с интенсивным притоком населения исламских стран в Европу, способен еще более усилить напряженность и конфликтность межкультурных отношений в социумах этого региона.

При недостатке публичности объективной информации о масштабах и эффектах иммиграции в принимающих обществах, усугубляемом спекуляциями СМИ на этом вопросе, иммиграция воспринимается в основном негативно. В первую очередь это касается ее общенациональных последствий. Такие настроения в обществе не могут не вести к ухудшению социального самочувствия его членов.

Негативные установки местного населения в отношении приезжих создают неблагоприятный контекст для их интеграции, препятствуют полноценному использованию их экономического потенциала. Кроме того, искусственно формируемый негативный имидж иммиграции, используемый политиками для популистских электоральных маневров, способствует ужесточению иммиграционного курса и интеграционных мер. Это в свою очередь чревато ухудшением перспектив экономического и социально-политического развития принимающих обществ.

Часть 2.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В МНОГОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Состояние интеграционного вопроса в значительной мере определяется его социальным контекстом. Последний, в свою очередь, во многом зависит от характера отношений между местными и приезжими жителями, особенно между представителями разных культур. Не претендуя на полный охват всего спектра установок и требований коренного населения применительно к въезду в его страну и проживанию там мигрантов, а также позиций последних по вопросам интеграции в принимающее общество, авторы постараются отразить разнообразие взглядов и одновременно преобладающие точки зрения на эти процессы. Равно как и установить детерминанты данного сегмента общественного мнения. Будет предпринята попытка оценить степень межэтнической напряженности и границы толерантности. А также выяснить, существуют ли в современных условиях обострения этнокультурной конфликтности, выступающей источником социально-политической дестабилизации принимающего социума, основы и тенденции позитивного межкультурного взаимодействия в разных областях общественной жизнедеятельности.

Глава 3.

ОТНОШЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ К ИММИГРАНТАМ

Г. Монусова

Вся история человечества – это история бесконечных миграций. В каждом жителе современной Европы можно найти генетические свидетельства прошлых переселений. Несмотря на это, проблема иммиграции¹³⁸ остается одной из самых острых и эмоционально дискутируемых проблем. Экономисты и демографы отмечают, что в условиях старения населения и падения рождаемости альтернативу миграции найти невозможно. В то же время многие политики часто больше прислушиваются к общественному мнению, чем к рациональным аргументам специалистов. Новая волна мигрантов в Европу, миграционный кризис, террористические акты выходцев из мусульманских стран небывало высоко подняли градус связанной с этим полемики.

Миграционная политика всегда во многом зависима от общественного мнения. Ее либерализация возможна лишь тогда, когда избиратель толерантно относится к переселенцам из других стран. Наоборот, массовая нетерпимость ведет к более жестким мерам даже тогда, когда политики предпочли бы от них воздержаться¹³⁹. Отношение населения к мигрантам серьезно сказывается на формировании соответствующей политики, а она, в свою очередь, – на эволюции общественного мнения. Но само отношение может быть результатом глубоких историко-культурных предубеждений. В итоге складывается устойчивое и самоподдерживающееся равновесие между политикой и мнениями людей.

¹³⁸ В данной работе “миграция” и “иммиграция”, “мигрант” и “иммигрант” используются как синонимы.

¹³⁹ Каплан Б. Миф о рациональном избирателе. Москва, 2012.

Как можно выявлять и исследовать отношение к мигрантам? Один из способов – анализ результатов голосований за про- и антииммигрантские партии. Однако выборы проходят не каждый день и партийные программы включают много иных вопросов. Другой путь – наблюдение, индивидуальные интервью, фокус-группы, анализ дискурса в обществе. Такой метод позволяет формулировать проблемы и лучше понимать отдельные позиции, но не дает обобщающей статистики и дифференцированных оценок.

Основа третьего, используемого нами, подхода – массовые обследования населения, проведенные по единой программе одновременно в разных странах. Различия в отношении коренного населения к мигрантам при этом определяется не только вариацией в индивидуальных характеристиках, но и особенностями стран.

В фокусе данной главы – два вопроса. Как население европейских стран воспринимает мигрантов? Что формирует различия в отношении к ним: экономические условия или культурные особенности?

В научной литературе отношение к мигрантам наиболее часто рассматривается с двух точек зрения, представленных соответствующими теориями¹⁴⁰.

Первая исходит из идеи объективного конфликта интересов между местным населением и мигрантами¹⁴¹. Его наиболее очевидное проявление – противоречие между экономическими интересами, когда обе группы конкурируют за одни и те же ограниченные ресурсы, например рабочие места или социальные пособия. В этом смысле любые мигранты несут угрозу, которая может быть реальной или воображаемой. Наличие конфликта такого рода, с точки зрения данной теории, не зависит от того, к каким этносам относятся мигранты и каких ценностей они придерживаются.

Второй подход – теория социальной идентичности – предполагает, что противоречие базируется на различиях в идентичностях “местные” и “неместные”¹⁴². “Неместные” (“чужие”, “пришлые” и т.п.) могут принадлежать к другим этносам, исповедовать иную религию, носить непривычную одежду, есть “странную” пищу и т.п. В этом случае конфликт имеет социально-культурную, ценностную природу и поддерживается предрассудками.

¹⁴⁰ Coenders M., Lubbers M., Scheepers P. Majority populations' attitudes towards migrants and minorities. Report for the European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia Ref. no. 2003/04/01 (http://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/148-Report-1.pdf); Ceobanu A., Escandell X. Comparative Analyses of Public Attitudes toward Immigrants and Immigration Using Multinational Survey Data: A Review of Theories and Research // *Annual Review of Sociology*, 2010, vol. 36, no. 1.

¹⁴¹ Campbell D. Ethnocentric and Other Altruistic Motives. Lincoln (NE), 1965; Esses V.M., Jackson L.M., Armstrong T.L. Intergroup Competition and Attitudes toward Immigrants and Immigration: An Instrumental Model of Group Conflict // *Journal of Social Issues*, 1998, vol. 54, no. 4; Jackson J. Realistic Group Conflict Theory: A Review and Evaluation of the Theoretical and Empirical Literature // *Psychological Record*, 1993, vol. 43, no. 3.

¹⁴² Tajfel H., Turner J. An Integrative Theory of Intergroup Conflict / *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Ed. by Austin W., Worchel S. Monterey, 1979; Tajfel H. Social Psychology of Intergroup Relations // *Annual Review of Psychology*, 1982, vol. 33, no. 1; Esses V., Dovidio J., Jackson L., Armstrong T. The immigration dilemma: The role of group competition, ethnic prejudice, and national identity // *Journal of Social Issues*, 2001, vol. 57, no. 3; Belot M., Ederveen S. Cultural barriers in migration between OECD countries // *Journal of Population Economics*, 2012, vol. 25, no. 3; Blumer H. Race Prejudice as a Sense of Group Position // *The Pacific Sociological Review*, 1958, vol. 1, no. 1; Zick A., Pettigrew T.F., Wagner U. Ethnic prejudice and discrimination in Europe // *Journal of Social Issues*, 2008, vol. 64, no. 2.

Многочисленные исследования показывают, что восприятие экономических угроз и неприятие чужих культур нередко дополняют друг друга, усиливая антииммигрантские установки¹⁴³.

Цель данной главы проанализировать отношение к мигрантам в европейских странах, опираясь на существующие теории и используя самые “свежие” эмпирические данные. Вначале оценивается отношение местного населения к присутствию мигрантов, далее анализируются его представления о том, в какой мере мигранты являются “угрозой” для него, затем рассматриваются “требования”, предъявляемые им к мигрантам.

Немного об *используемых данных и методологии исследования*. Настоящая работа построена на данных Европейского социального исследования (*European Social Survey – ESS*)¹⁴⁴ за 2014 г., в котором содержится специальный модуль об отношении местного населения к мигрантам. При написании главы были доступны данные по 15 европейским странам¹⁴⁵, совокупная выборка по которым составляет 29800 человек.

“Мигрантский” модуль позволяет измерить как оценки населением присутствия мигрантов, так и “требования” местных жителей к качествам, которыми мигранты должны обладать.

В *ESS* мигрант определяется как человек, который приехал жить и работать в страну, не будучи ее уроженцем. Восприятие мигрантов оценивается по ответам на следующие вопросы:

“1) ... *Приезжающие жить и работать в Вашу страну, отбирают рабочие места у местного населения или, напротив, создают новые?*

2) Большинство приезжающих ... платят налоги и пользуются социальными благами (здравоохранение, система образования, различные пособия). ...*В итоге мигранты платят налогов больше, чем получают социальных благ, или, наоборот, платят меньше, чем получают?*

3) ... *Приезжающие ... снижают уровень преступности или повышают его?*

4) ... *Обогащают или разрушают культурную среду?*

5) ... *Улучшают или ухудшают жизненное пространство и условия жизни?”*

По каждому из вопросов респонденту для ответа предлагалась 11-балльная шкала, где 0 – крайний отрицательный ответ, а 10 – крайний положительный.

Требования к характеристикам мигрантов измерялись с помощью следующих вопросов:

“...*Насколько важно для приезжающих ...: 1) иметь хорошее образование; 2) знать язык; 3) иметь христианский бэкграунд; 4) иметь профессиональные навыки, которые требуются в стране; 5) придерживаться стиля и образа жизни страны*”.

Ответы на каждый из них оцениваются по шкале, где 0 – “совершенно не важно”, а 10 – “крайне важно обладать соответствующим качеством”.

¹⁴³ Coenders M., Lubbers M., Scheepers P. Op. cit.; Levine R., Campbell D. Ethnocentrism, Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behaviour. Oxford, 1972.

¹⁴⁴ European Social Survey 2014 (www.europeansocialsurvey.org).

¹⁴⁵ Австрия, Бельгия, Швейцария, Нидерланды, Франция, Германия, Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия, Ирландия, Чехия, Польша, Эстония, Словения.

3.1. ЖДУТ ЛИ МИГРАНТОВ В ЕВРОПЕ?

Поток мигрантов в европейские страны возрастает год от года. Если в 1990 г. иммигранты составляли 6.8% всего европейского населения (*stock*), то к 2017 г. – уже 10.5%¹⁴⁶.

Анализ отношения европейцев к мигрантам целесообразно начать с ответа на самый общий вопрос: одобряет ли население принимающей страны пребывание иностранных “гостей”? Если люди настроены лояльно к переселенцам, то, скорее всего, они будут терпимы к либерализации миграционной политики и, как минимум, нейтральны к их присутствию. В то же время если антииммигрантские настроения преобладают, то местное население будет противостоять приезду переселенцев и требовать закрытия границ.

Поскольку отношение к миграции может зависеть от идентичности мигрантов (согласно теории социальной идентичности), то целесообразно разделить всех мигрантов на тех, кто относится к той же *“расе или национальности, что и большинство населения”* принимающей страны, и на тех, *“которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения”*. Указанное отношение может быть рассмотрено под углом зрения как теории конфликтов, для которой этническая принадлежность не важна, так и теории идентичности, отмечающей социально-культурную близость/инаковость как фактор притяжения/непритяжения иностранцев.

¹⁴⁶ Trends in International Migrant Stock: The 2017 revision
(<http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml>).

Таблица 3.1. Отношение к пребыванию иммигрантов в принимающих странах, % респондентов, давших соответствующий ответ

	Позволить многим		Позволить некоторым		Никому не позволить	
	той же национальности ¹	другой национальности	той же национальности	другой национальности	той же национальности	другой национальности
Германия	46	26	53	71	1	4
Швеция	44	43	55	57	1	1
Норвегия	31	22	69	76	1	2
Дания	26	15	72	80	2	6
Россия ²	25	9	61	66	15	25
Швейцария	22	12	76	84	2	4
Австрия	22	12	72	75	7	13
Эстония	22	8	74	78	5	14
Венгрия ²	21	4	67	54	12	33
Словения	20	14	73	75	7	11
Польша	20	14	74	75	7	11
Ирландия	18	13	73	74	9	13
Бельгия	17	10	76	78	7	12
Франция	17	12	77	77	6	11
Финляндия	17	12	81	79	3	8
Нидерланды	17	15	78	79	5	6
Чехия	7	2	76	69	17	29

¹ Страны ранжированы по убыванию значений в этом столбце.

² Данные по России и Венгрии доступны только по показателю, приведенному в табл. 3.1.

См. Европейское социальное исследование (ESS) в России (www.cessi.ru).

Источник табл. 3.1–3.2, 3.4–3.5: данные European Social Survey 2014.

Ответы на соответствующие вопросы представлены в табл. 3.1. Из ее анализа вытекают следующие выводы.

Во-первых, большинство населения во всех странах высказывается с осторожностью по поводу того, чтобы граждане других государств переезжали к ним жить. Однако практически везде (за исключением Чехии) толерантно настроенных индивидов больше, чем жестко выступающих против присутствия мигрантов.

Во-вторых, в подавляющей части стран население более лояльно настроено к лицам той же расы и национальности, что и большинство в их государстве, и в меньшей степени готовы жить рядом с представителями этнических меньшинств. При этом Швеция и Нидерланды пока¹⁴⁷ открыты одинаково для всех.

В-третьих, выделяется несколько стран (Венгрия, Чехия, Россия), население которых более негативно, чем других, расценивает прием мигрантов независимо от их национальной идентичности. Например, только 7% опрошенных чехов считают, что следует позволить людям той же культуры переезжать жить в их страну, тогда как в Германии и Швеции такую позицию занимают более 40% населения. Закрывать границы для представителей такой же культуры хотели бы 17% чехов, 12% венгров, 15% россиян против 6–7% поляков и французов, 2–3% финнов и датчан, лишь 1% немцев, шведов и норвежцев.

Итак, европейцы достаточно сильно дифференцированы по своим настроениям в отношении мигрантов. Это касается как тех, что этнически близки к

¹⁴⁷ Рост поддержки населением этих стран антииммигрантских партий свидетельствует о возможных изменениях в отношении к переселенцам.

населению принимающих стран, так и тех, кто принадлежит к другим этносам. Есть группа стран, где антииммигрантские настроения очень сильны и разделяются большинством, но есть и страны с доминирующими установками на толерантность и гостеприимство. При этом, как указано выше, в целом большинство населения европейских стран относится к мигрантам сдержанно. Об этом говорят и данные различных обследований¹⁴⁸.

Отношение местного населения к приезду новых переселенцев может быть связано с тем, как оно оценивает удельный вес уже присутствующих мигрантов. Здесь субъективные оценки – восприятие ситуации – важнее реальности. Эти оценки, как свидетельствуют исследования, зачастую расходятся с объективной статистикой, но именно они и формируют отношение. Например, в США доля мигрантов в населении фиксируется на уровне 14%, а респондентам она видится как 42%, в Португалии – соответственно 8 и 35, в Великобритании – 12 и более 30%¹⁴⁹.

Данные *ESS 2014* подтверждают указанное расхождение. Оно характерно для всех стран в выборке. Наибольшее отмечено в Бельгии (более 18 п.п.), наименьшее – в Швейцарии и Норвегии (чуть более 2 п.п.). В данной выборке стран Швейцария отличается наибольшей долей мигрантов в населении (29.8%).

Недостаточная информированность населения рождает мифы и усиливает ожидания угроз от притока мигрантов. Результаты исследований также подтверждают, что люди, не знакомые с официальной статистикой, более негативно оценивают присутствие мигрантов, нежели те, кто знает реальные цифры¹⁵⁰.

Восприятие местным населением выходцев из других стран во многом складывается на основе собственного опыта общения с ними, опыта друзей или знакомых, а также под воздействием СМИ. Последние нередко усугубляют антииммигрантские настроения, акцентируя внимание на негативных сторонах миграции. Исследования особо подчеркивают роль СМИ в формировании образа мигранта как “чужака с недобрыми намерениями, представляющего угрозу”. В частности, в Великобритании, Португалии проводились специальные опросы населения по поводу того, какие термины используют медиа в отношении мигрантов. Оказалось, что мигрантов очень часто представляют как “чужих”, “нежелательных гостей”, “правонарушителей” и т.п., что не способствует их позитивному восприятию¹⁵¹. Российские социологи также отмечают негативную тональность в

¹⁴⁸ Public Opinion in the European Union. Standard Eurobarometer 84. Survey Conducted by TNS Opinion & Social at the Request of the European Commission. S.I., autumn 2015.; Transatlantic Trends. Topline Data 2014. GMF, 2014. (http://trends.gmfus.org/files/2012/09/Trends_2014_ToplineData.pdf).

¹⁴⁹ Transatlantic Trends. Topline Data 2013. GMF, 2013. (<http://trends.gmfus.org/files/2013/09>); Цапенко И. Объективные и воспринимаемые последствия иммиграции. Демоскоп Weekly, 2016, № 675-676 (<http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0675/tema04.php>).

¹⁵⁰ Цапенко И. Субъективное благополучие населения и иммиграция // Мировая экономика и международные отношения, 2015, № 4; Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Reassessing the Link between Public Perception and Migration Policy // European Journal of Migration and Law, 2007, no. 4.

¹⁵¹ Katwala S., Somerville W. Engaging the Anxious Middle of Immigration Reform. Evidence from the UK Debate. Report. Transatlantic Council on Migration. Migration Policy Institute. May 2016 (<http://lawprofessors.typepad.com/immigration/2016/05/engaging-the-anxious-middle-on-immigration-reform-evidence-from-the-uk-debate.html>); Fitzgerald J., Curtis K.A., Corliss S.L. Anxious Publics: Worries about Crime and Immigration // Comparative Political Studies, 2012, no. 4; Public Opinions and Immigration: Individual Attitudes, Interest Groups and the Media (OECD. International Migration Outlook, part III 2010) (<http://www.oecd.org/els/mig/48328734.pdf>).

освещении мигрантов региональными СМИ¹⁵². В то же время обследования свидетельствуют о том, что постоянные контакты с представителями этнических меньшинств улучшают отношение к ним, приводят к росту доброжелательности и к уменьшению предвзятости в их восприятии¹⁵³.

3.2. ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ МИГРАНТЫ УГРОЗОЙ?

И теория групповых конфликтов, и теория социальной идентичности допускают, хотя и по разным причинам, негативное отношение местного населения к мигрантам, воспринимаемым как угроза. Первая делает акцент на разность экономических интересов, провоцирующую конфликт, вторая – на ценностные различия, предубеждения, этническую и религиозную нетерпимость, которые могут проявляться независимо от того, сталкиваются ли “местные” и “пришлые” на экономической почве.

Европейское социальное обследование позволяет протестировать, какая из этих теорий лучше описывает массовые представления. Последние можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, существует представление, что мигранты отнимают рабочие места у местного населения, замещая его на рынке труда. Этому противостоит позиция, что мигранты и немигранты дополняют друг друга, занимая разные рабочие места и тем самым генерируя дополнительную занятость.

Во-вторых, распространено мнение, что мигранты привносят чужую культуру, которая разрушает культурную среду, сложившуюся в стране приема. Противоположный взгляд исходит из идеи взаимообогащения культур.

В-третьих, бытует представление, что переселенцы злоупотребляют услугами социального государства (система здравоохранения, бесплатное образование, различные пособия), которые местное население оплачивает своими налогами. Этой точке зрения противостоит мнение, что мигранты вносят больше налогов, чем получают социальных благ.

В-четвертых, многие считают, что выходцы из других стран ухудшают жизненное пространство, условия жизни, в целом делают жизнь в стране хуже. Оппоненты уверены в обратном.

В-пятых, популярно мнение, что “гости” ухудшают криминальную ситуацию, увеличивая разного рода преступность. Противоположная точка зрения заключается в том, что, напротив, с увеличением доли мигрантов, преступность снижается.

По каждой из пяти обозначенных сфер возможное влияние мигрантов представлено на шкале, где максимальное значение (10) соответствует положительному результату (выигрышу) от миграции, а минимальное (0) – отрицательному. Соответственно, показатель 5.0 условно означает нейтральную оценку влияния мигрантов, убывание показателя – усиление ее негативности, а нарастание – усиление ее позитивности.

¹⁵² Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации / Отв. ред. Черныш М.Ф. Москва, 2015.

¹⁵³ Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Op.cit.

Таблица 3.2. Что думают респонденты о влиянии иммигрантов на разные сферы жизни в стране, 11-бальная шкала (0 – крайне негативная оценка, 10 – крайне позитивная)

	Мигранты				
	создают рабочие места	обогащают культуру	платят налогов больше, чем получают пособий	улучшают условия жизни	снижают уровень преступности
Швеция	6.3	7.3	5.5	6.7	3.9
Норвегия	5.9	5.8	5.0	5.5	3.2
Германия	5.5	6.2	4.8	5.3	3.5
Швейцария	5.3	6.0	4.7	5.4	3.7
Финляндия	5.4	6.9	4.5	5.5	3.6
Дания	5.4	5.8	4.6	5.7	3.8
Нидерланды	4.8	6.0	4.4	5.2	3.5
Эстония	5.1	5.4	5.0	4.8	4.2
Ирландия	4.4	5.4	4.1	5.3	4.1
Польша	4.4	6.0	4.7	5.5	4.2
Словения	4.3	5.2	4.8	4.5	4.0
Франция	4.9	5.4	4.3	4.8	4.2
Бельгия	4.5	5.7	4.2	4.8	3.4
Австрия	4.5	4.8	3.8	4.3	2.9
Чехия	3.4	3.9	3.6	3.8	3.3

Как видим из табл. 3.2, жители разных стран оценивают “угрозы”, связанные с мигрантами, схожим образом. Наименее опасны “чужаки”, по мнению большинства респондентов во всех странах, для культурной среды. Европейцы считают, что переселенцы скорее обогащают местную культуру, чем ее разрушают. Заметно ниже оценивается соотношение уплаты налогов мигрантами и получения ими социальных благ. Мигранты подозреваются в получении незаслуженных пособий. Наибольшая тревога во всех странах связана с представлением, что миграция вызывает рост преступности. Межстрановая вариация в оценке влияния мигрантов на криминальную ситуацию небольшая, тогда как, например, в оценке воздействия на культуру страны различаются значительно.

Данные табл. 3.2 показывают также, что в одних странах оценки влияния мигрантов во всех сферах близки, а в других – весьма различны. Например, в Чехии разница между максимальной и минимальной оценкой равна 0.6 балла. Здесь и влияние на культуру (максимальная оценка), и влияние на уровень преступности (минимальная оценка) оцениваются негативно. В Швеции мы видим совершенно иную ситуацию. Респонденты оценивают влияние мигрантов на культуру скорее позитивно, при этом наибольшие риски шведы, как и все остальные нации, связывают с ростом преступности. Разрыв между максимальной и минимальной оценкой – 3.4 балла, что существенно выше, чем в Чехии. Если риски и угрозы, которые ассоциируются с мигрантами, в Чехии и Швеции воспринимаются одинаково, то “плюсы” оцениваются по-разному. В Чехии респонденты не видят “пользы” от мигрантов ни в каких сферах.

Чем можно объяснить эти межстрановые различия?

Результаты многочисленных исследований показывают, что отношение к мигрантам в целом формируется под воздействием как характерных признаков той или иной страны, так и ее общей экономической ситуации и социально-культурной атмосферы (назовем это страновыми характеристиками)¹⁵⁴.

Анализируя связь экономических характеристик стран с отношением их населения к мигрантам, исследователи отмечают, в частности, влияние уровня экономического развития, доли мигрантов в населении, уровня безработицы и т.п.¹⁵⁵.

В качестве возможных детерминантов, влияющих на отношение к мигрантам, многие социологи рассматривают базовые ценности населения принимающих стран. В частности, индивиды, более приверженные традициям, социальному порядку и стабильности, менее дружелюбны к иммигрантам, тогда как ценности универсализма, включающие толерантность, проявление заботы о благополучии людей, предполагают более позитивное отношение к иммиграции¹⁵⁶.

Рассмотрим каждую из пяти названных в табл. 3.2 “угроз” в отдельности, акцентируя внимание на объективных характеристиках соответствующих сфер в принимающих странах.

Угроза потери рабочих мест на рынке труда. Выделим страны с позитивным и негативным отношением населения к влиянию мигрантов на рынке труда (табл. 2). В Скандинавских странах, Финляндии и Германии респонденты допускают в большей мере, чем в других государствах, что “чужестранцы” создают рабочие места. Большинство же в Австрии, Бельгии, Польши, Словении, Ирландии и, особенно, Чехии, считает, что “пришельцы” их отнимают.

Можно предположить, что местное население воспринимает мигрантов как конкурентов на рынке труда в странах, где более высока безработица и больше мигрантов – конкурентов за рабочие места, имеющих профессии и квалификации, схожие с теми, которые есть у населения принимающей страны, – то есть при условиях реальной угрозы. Существенную роль может играть также уровень образования в стране: согласно многочисленным исследованиям, у немолодых, малообразованных индивидов с низким доходом, а также у сельских жителей антииммигрантские настроения более выражены, чем у молодых, образованных, обеспеченных горожан¹⁵⁷. Такая ситуация объясняется наличием/отсутствием собственных ресурсов у индивида. Дефицит собственных ресурсов может вызвать озабоченность конкуренцией на рынке низкоквалифицированного труда.

Табл. 3.3 представляет соответствующие страновые характеристики. Наиболее негативно воспринимают влияние мигрантов на рынке труда в Чехии, в

¹⁵⁴ Mayda A. Who Is Against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants // IZA DP, 2004, no. 1115; Public Opinions and Immigration: Individual Attitudes, Interest Groups and the Media; Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Opt.cit.; Esses V.M., Jackson L.M., Armstrong T.L. Op.cit.

¹⁵⁵ Meuleman B., Davidov E., Billiet J. Changing Attitudes toward Immigration in European Societies, 2002–2007: a Dynamic Group Conflict Theory Approach // Social Science Research, 2009, no. 2; Katwala S., Somerville W. Op.cit.

¹⁵⁶ Davidov E., Meuleman B., Billiet J., Schmidt P. Values and Support for Immigration: A Cross-Country Comparison // European Sociological Review, 2008, no. 5; Magun V., Rudnev M., Schmidt P. Within-and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach // European Sociological Review, 2016, no. 2.

¹⁵⁷ Расчеты по данным ESS свидетельствуют, что эти тенденции сохраняются.

См. Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Opt.cit.; Katwala S., Somerville W. Op.cit.; Fitzgerald J., Curtis K.A., Corliss S.L. Anxious Publics: Worries about Crime and Immigration // Comparative Political Studies, 2012, no. 4; Public Opinions and Immigration: Individual Attitudes, Interest Groups and the Media.

которой незначительна доля мигрантов, относительно низка безработица и невысока доля лиц с третичным образованием. В то же время в Германии с такой же безработицей, близким уровнем образования и с гораздо более высокой долей мигрантов существенно выше (положительно) оценивает влияние мигрантов на рынок труда. Значительная безработица и высокая доля мигрантов не мешают шведам считать, что иммиграция скорее создает рабочие места, чем их отбирает. В Ирландии же с ее большими безработицей и долей мигрантов, но при высоком образовательном уровне населения оценки влияния мигрантов на рынок труда достаточно низки. Анализ страновых характеристик показывает неоднозначную связь уровня безработицы, доли мигрантов и степени образованности местного населения принимающих стран с оценками влияния иностранной рабочей силы на рынок труда.

Таблица 3.3. Основные социально-экономические показатели для стран в выборке ESS, 2014 г., %

	Душевой ВВП ¹ , тыс. долл. ²	Уровень безработицы	Доля иммигрантов в населении	Доля социальных расходов в ВВП	Доля протестантов в населении	Доля лиц с третичным образованием
Норвегия	59.9	3.5	16.8	22.0	87.3	42
Швейцария	52.4	4.5	29.4	19.4	36.9	40
Ирландия	46.8	9.4	15.9	21.0	2.6	42
Нидерланды	44.6	7.4	11.7	24.7	37.8	35
Швеция	42.8	7.9	13.2	28.1	78.9	38
Германия	42.4	5.0	14.9	25.8	48.7	27
Австрия	42.2	5.6	17.5	28.4	4.5	29
Дания	42.0	6.2	10.1	30.1	89.6	35
Бельгия	39.6	8.5	12.3	30.7	2.3	36
Финляндия	37.5	9.4	5.7	31.0	93.5	42
Франция	36.4	10.3	12.1	31.9	3.5	32
Чехия	27.6	5.1	3.8	20.6	6.0	21
Словения	27.4	9.7	11.4	23.7	2.0	26
Эстония	25.3	6.2	15.4	16.3	19.5	37
Польша	23.0	9.0	1.6	20.6	0.6	28

¹ Страны ранжированы по данному показателю.

² По паритету покупательной способности.

Источники: OECD.Stat.; ILOSTAT (www.ilo.org); Protestantism by Country (https://en.wikipedia.org/wiki/Protestantism_by_country); Education at a Glance 2015. OECD Indicators, S.I., OECD, 2015.

Угроза разрушения культуры. Население большинства стран считает, что мигранты скорее обогащают культуру, чем ее разрушают. Однако Чехия и Австрия в большей мере, чем другие, обеспокоены их негативным влиянием в этой сфере, а в Швеции, Финляндии, Германии, напротив, воспринимают достаточно позитивно влияние чужестранцев на культуру.

Что может влиять на оценки вклада мигрантов в этой сфере? Можно предположить, что нарастание численности мигрантов с отличными от принимающей страны цивилизационными основами будет разрушать европейские культурные ценности. Это, действительно, может стать реальной угрозой, и есть

признаки возникновения предпосылок к этому. Согласно исследованиям, обозначилась тенденция исламизации европейских стран, фиксируется увеличение доли мигрантов-мусульман в европейских столицах¹⁵⁸. Эти процессы могут усугублять антииммигрантские настроения и опасения, что натиск чужой культуры будет негативно сказываться на социально-культурной среде.

Однако анализ опросов (табл. 3.2) показывает: воздействие удельного веса мигрантов, как и в предыдущем случае, практически отсутствует. В Австрии фиксируется сравнительно негативная оценка влияния иностранцев на культуру страны – 4.8 балла при высокой доле мигрантов – 17.5%; в то же время в Швеции при 13.2% мигрантов в населении видим относительно других стран самую позитивную оценку влияния на культуру – 7.3. В Чехии наиболее негативная оценка в данной выборке (3.9) сопровождается крайне низкой долей мигрантов (3.8%), при этом в Польше, где мигрантов еще меньше (1.6%), их влияние на культуру оценивают достаточно позитивно – на 6 баллов.

Степень образованности и доля протестантов сказываются скорее положительно на восприятии мигрантов в области культуры: чем выше в стране доля протестантов и доля индивидов с третичным образованием, тем с большей вероятностью влияние мигрантов на культуру будет оценено положительно.

Угроза злоупотребления социальными пособиями со стороны мигрантов (“мигранты платят налогов меньше, чем получают пособий”). Наиболее позитивно оценивают вклад мигрантов в фонды социальной защиты шведы, норвежцы и немцы. Менее доверчивы чехи, австрийцы, бельгийцы и французы.

Предпосылки реальной угрозы в этой сфере могут складываться под влиянием таких факторов, как уровень экономического развития страны, удельный вес мигрантов, доля социальных расходов в ВВП. Можно допустить, что чем богаче страна, тем более щедрой она будет к мигрантам. Многочисленность мигрантов может снижать желание населения помогать им, а низкая доля социальных расходов, возможно, будет причиной недовольства местного населения редистрибутивной политикой, благосклонной, по его мнению, к мигрантам. Оно может считать, что социальная поддержка мигрантов осуществляется в ущерб ему.

Ни уровень экономического развития, ни доля социальных расходов, ни удельный вес мигрантов в стране практически не сказываются на оценках соотношения уплаты налогов и получения социальных пособий мигрантами. В странах с близкими значениями душевого ВВП по-разному оценивают возможность злоупотребления в получении социальных пособий. Например, французы и бельгийцы – при наиболее высокой доле в их странах расходов на социальную защиту – в большей мере допускают возможность злоупотреблений, чем жители Германии, где указанная доля существенно ниже. В Норвегии и Чехии, где по-разному оценивают фискальное поведение мигрантов, доля социальных расходов в ВВП почти одинакова.

Угроза ухудшения криминальной ситуации свойственна всем странам. Межстрановые различия здесь практически отсутствуют. Это единственная сфера, где европейцы демонстрируют полное единство мнений в отношении мигрантов. Явных связей опасений роста преступности вследствие наплыва мигрантов со страновыми характеристиками не прослеживается: ни уровень экономического развития, ни уровень преступности¹⁵⁹, ни количество мигрантов не влияют на оценки местного населения. И все же население европейских стран допускает рост преступности с ростом миграционного потока и опасается этого.

¹⁵⁸ The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050. (<http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/>).

¹⁵⁹ World Bank Data. Homicide Rate by Country (www.worldbank.org).

Угроза ухудшения жизненного пространства. Оценка влияния мигрантов на жизненное пространство в определенной мере является обобщающей оценкой перечисленных выше сфер: его в немалой степени определяют и рынок труда, и культурная среда, и криминальная ситуация. В меньшей мере видят угрозу мигрантов в ухудшении жизненного пространства в Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, тогда как в Чехии и Австрии ощущают эту опасность достаточно сильно. Реальная угроза гипотетически может быть связана с уровнем экономического развития страны, с уровнем безработицы, с удельным весом мигрантов и т.п., то есть в странах с экономическими трудностями дополнительный приток бедных людей, рассчитывающих на экономические блага, может ухудшить социально-экономическое положение.

В реальности ни уровень экономического развития, ни доля мигрантов не сказываются явно на восприятии угрозы ухудшения жизненного пространства. При этом заметно влияние культурно-исторического контекста. В Скандинавских странах и Германии (с их протестантской культурой) относительно позитивно оценивают влияние мигрантов на жизнь, тогда как в Чехии и Австрии, а также Бельгии и Франции (католические страны) – негативно, связывая это с рядом опасностей и с ухудшением жизненного пространства.

Подытожим. Страновые экономические показатели не обнаруживают значимых связей с восприятием различного рода угроз со стороны мигрантов. Нельзя сказать однозначно, как сказывается удельный вес мигрантов на отношении местного населения к ним. Анализ данных *ESS 2014* свидетельствует, что большие скопления мигрантов могут раздражать местное население, тогда как при полном их отсутствии отношение к приезжим формируется на основе мифов и информации СМИ и несет скорее негативный оттенок. Позитивному восприятию “чужестранцев” способствуют постоянные контакты с ними при условии, что мигрантов вокруг не очень много и их концентрация ограничена. Наличие немногих представителей этнических меньшинств значительно снижает восприятие угроз от мигрантов во всех странах по сравнению с их отсутствием или большим скоплением.

Существенное влияние на отношение к мигрантам может оказывать *культурно-исторический контекст*, в частности приверженность жителей страны протестантской религии. К тому же страны с высокой долей протестантов отличаются системой ценностей, связанной с большим индивидуализмом, с одной стороны, и ориентацией на заботу об окружающих, с другой, что может питать благосклонное отношение к “чужестранцам”¹⁶⁰. Экономически развитые протестантские страны с высоким уровнем межличностного доверия более толерантны к мигрантам, чем католические, жители которых меньше доверяют друг другу и чаще видят в мигрантах потенциальную угрозу.

3.3. “ПРАВИЛЬНЫЙ” МИГРАНТ: КТО ОН?

Наличие разнообразных “претензий” к мигрантам ставит вопрос о том, при каких условиях эти “претензии” были бы минимизированы. Как выглядит тот “правильный” мигрант, который бы максимизировал положительное к себе отношение? Ответы респондентов на вопросы *ESS* позволяют нарисовать такой портрет. В ходе опроса их спрашивали о том, насколько важно мигранту иметь хорошее образование, христианский бэкграунд, знать язык принимающей страны,

¹⁶⁰ Davidov E., Meuleman B., Billiet J., Schmidt P. Op.cit.; Magun V., Rudnev M., Schmidt P. Op.cit.

обладать навыками, востребованными в принимающей стране, придерживаться ее стиля и образа жизни.

Табл. 3.4 показывает уровень требований/запросов к мигрантам по каждой из исследуемых позиций в европейских государствах.

Жители практически всех стран наиболее важным качеством считают принятие мигрантами образа и стиля жизни основного населения. От приезжих ожидают, что они будут встраиваться в местную жизнь, уважать и принимать ее уклад, жить в соответствии с ее традициями. Понятно, что это подразумевает знание языка новой родины.

Таблица 3.4. Запрос населения европейских стран на определенные качества, которые важно иметь иммигрантам (0 – совсем не важно, 10 – крайне важно)

	Насколько мигранту важно принимать/иметь:				
	стиль и образ жизни страны ¹	знание языка	навыки, нужные стране	хорошее образование	христианский бэкграунд
Норвегия	5.8	5.5	5.3	5.1	2.3
Дания	6.0	5.1	5.9	6.2	2.6
Польша	6.5	6.5	6.3	5.9	4.8
Ирландия	6.6	7.3	7.1	6.8	3.5
Швеция	6.9	3.8	3.8	4.1	1.5
Франция	7.1	7.5	6.2	6.4	2.8
Австрия	7.2	8.0	7.2	7.2	3.3
Швейцария	7.5	7.0	6.5	6.5	2.8
Нидерланды	7.6	7.1	5.9	5.8	1.9
Словения	7.6	7.3	7.0	5.6	2.8
Германия	7.7	7.1	6.3	6.8	1.9
Финляндия	7.8	5.3	6.0	5.8	2.8
Эстония	7.9	5.9	7.7	6.9	4.3
Бельгия	8.2	7.4	6.5	6.5	2.4
Чехия	8.3	6.8	7.2	6.3	4.9

¹ Страны ранжированы по росту значений в этом столбце.

Наиболее требовательны по поводу важности соблюдения жизненных устоев в Чехии, Бельгии, Эстонии. Меньше этого ждут от мигрантов жители Норвегии и Дании, хотя и тут соответствующие требования тоже высоки. Знание языка считают крайне важным австрийцы, французы, бельгийцы, ирландцы, в то же время не очень большое значение придают этому в Швеции, Финляндии и Дании.

Население ряда стран считает, что принимать нужно людей, обладающих навыками, востребованными в данное время и в данном месте. В Эстонии, Австрии, Чехии выступают за это в большей степени, чем в других странах.

Похожая ситуация прослеживается с требованиями к уровню образования. Образованных мигрантов в большей мере хотят видеть в Австрии, Ирландии, Эстонии, Германии, а в Швеции и Норвегии запросы значительно ниже.

Достаточно единодушно европейцы считают наименее существенным такое качество, как христианский бэкграунд. Для местного населения он не так важен, значимее то, в какой мере мигрант адаптируется к местным условиям и становится “local”. Жители Чехии, Польши, Эстонии демонстрируют чуть больше требовательности в этом вопросе, тогда как для скандинавов происхождение мигранта практически не имеет значения вовсе.

Итак, ряд стран, в частности Чехия, Австрия, Бельгия, предъявляют повышенные требования к мигрантам, и именно население этих страны наиболее негативно их воспринимает. В то же время в Скандинавии и Германии оценивают приезжих более позитивно и менее требовательны к их социально-культурным характеристикам.

Из эконометрического анализа данных *ESS 2014* следует, что немолодые люди с низким уровнем образования, незанятые на рынке труда, живущие в небогатых католических странах с низким уровнем межличностного доверия, предъявляют повышенные требования к приезжающим. Они же более негативно оценивают присутствие мигрантов. С другой стороны, благополучные индивиды с высоким уровнем образования, имеющие работу, проживающие в более богатых протестантских странах с высоким уровнем межличностного доверия, склонны позитивно оценивать мигрантов и в меньшей степени требовать от них “совершенства”.

Оценки влияния мигрантов на различные стороны жизни и требования к ним находятся в противофазе: страны с наиболее низкой оценкой мигрантов выдвигают более жесткие требования к ним.

Данные *ESS 2014* показывают, что ужесточение всех частных требований ухудшает отношение к приезжим из других стран. Наименее это касается необходимости образованности и наличия христианских корней, наиболее – приятия образа жизни. Чем более чувствителен индивид к тому, в какой мере соблюдается привычный для него образ жизни в стране, тем больше требований, касающихся приятия стиля жизни страны, он выдвигает к мигранту и хуже его воспринимает.

Эти требования согласуются с мнением большинства населения той или иной страны о важности соблюдения всеми гражданами обычаев и традиций страны (табл. 3.5). Согласны с этим 2/3 респондентов в Чехии, более половины в Польше, Словении и Финляндии, но всего лишь треть в Швеции, Дании, Норвегии, Нидерландах и Германии.

Таблица 3.5. Реакция на тезис “Важно, чтобы каждый соблюдал обычаи и традиции страны”, % респондентов

	Согласен	И согласен, и не согласен	Не согласен
Австрия	40	32	28
Бельгия	45	22	32
Швейцария	33	35	31
Чехия	68	22	8
Германия	28	40	32
Дания	30	29	41
Эстония	52	30	19
Финляндия	55	22	23
Франция	40	25	35
Ирландия	41	29	31
Нидерланды	33	25	42
Норвегия	30	31	40
Польша	56	25	19
Швеция	28	38	35
Словения	54	27	19

Источник: European Social Survey 2014.

Как видим, требования к мигрантам могут объясняться более общими установками и взглядами населения той или иной страны, связанными с закрытостью и гомогенностью культуры, с доминирующими ценностями. Это согласуется с более позитивным отношением к мигрантам в протестантских странах, характеризующихся ценностями открытости и доверия.

3.4. С ЧЕМ СВЯЗАНЫ МЕЖСТРАНОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОТНОШЕНИИ К ИММИГРАНТАМ?

Мы проанализировали, как европейское общественное мнение воспринимает мигрантов. Наш анализ базируется на обследовании 2014 г., тогда как пик миграционного кризиса пришелся на 2015 г. Это означает, что, с одной стороны, острота кризиса и связанный с ней эмоциональный накал не смогли повлиять на результаты исследования, с другой – результаты эти отражают те установки, которые формировались в Европе постепенно, а потому являются глубинными.

Из анализа следует несколько основных выводов.

Общее мнение относительно присутствия мигрантов в стране дифференцировано. Образованная и более благополучная часть населения воспринимает переселенцев более терпимо. В то же время низкодоходные индивиды с невысоким уровнем образования, безработные менее благосклонны к “гостям”. Эта закономерность прослеживается по всем странам и подтверждается результатами других обследований¹⁶¹. При этом существует межстрановая вариация, которая не исчезает при контроле структуры населения (индивидуальных характеристик)¹⁶². Эти различия могут объясняться различными страновыми особенностями.

Одна из таких особенностей – удельный вес мигрантов в населении страны. Можно было предположить, что чем выше он, тем менее терпимо по отношению к ним настроено население. Однако такое допущение оказывается неверным. Более того, наименее благосклонны к переселенцам в странах с низкой долей мигрантов. Отчасти это связано с тем, что мигранты тяготеют к тем странам, где к ним лучше относятся и отработаны процедуры их приема. Тем не менее возможно, что наличие опыта общения с мигрантами в принимающих странах улучшает их восприятие местным населением.

Другой набор объяснений включает историю кооперации и сотрудничества различных культур, культурно-исторический контекст, религию, терпимость, доверие. Наглядным примером здесь является более позитивное восприятие мигрантов в северных странах, чем в южных. Протестантская культура выделяется бóльшим доверием и терпимостью, чем католическая.

Причины межстрановых различий могут быть разные и уходить корнями в историческое прошлое, определенные события в котором могли наложить отпечаток на отношение населения к мигрантам. Например, разные настроения по отношению к “чужакам” могут быть обусловлены уровнем межличностного доверия, которое, по мнению А. Алесины, формировалось при зарождении стран и в определенной степени было связано с тем, чем занимались предки их жителей. На юге Европы занимались земледелием, оно требовало совместных действий семьи – это

¹⁶¹ Coenders M., Lubbers M., Scheepers P. Op.cit.; Ceobanu A.N., Escandell X. Op.cit.; Campbell D. Op.cit.; Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Op.cit.; Katwala S., Somerville W. Op.cit.; Fitzgerald J., Curtis K.A., Corliss S.L. Op.cit.; Public Opinions and Immigration: Individual Attitudes, Interest Groups and the Media.

¹⁶² European Social Survey 2014; Meuleman B., Davidov E., Billiet J. Op.cit.

укрепляло связи и доверие внутри нее и рождало недоверие к тем, кто был вне ее. Для севера были характерны охота и рыболовство, которые опирались не на семейные связи, а скорее на взаимодействие с представителями других семей, поселений и т.п. Это способствовало развитию межличностного доверия и терпимости к окружающим людям¹⁶³. Такая культура взаимодействия может сегодня сказываться и на отношении к мигрантам.

Известные нормы толерантности голландцев по отношению к мигрантам, по мнению исследователей, могли вырасти из исторических особенностей политической системы. Отдельные сообщества здесь обладали высокой степенью автономии, но нуждались в общении и в кооперации друг с другом, что подпитывало терпимость к “чужим людям”¹⁶⁴.

Акцент во многих исследованиях делается на то, что в различных странах исторический опыт формирует определенную систему ценностей, которая во многом может определять сегодняшнее отношение к мигрантам¹⁶⁵. Терпимость к переселенцам может быть связана с колониальным прошлым: население развитых стран чувствует ответственность перед выходцами из бывших колоний и считает их переселение естественным процессом. Ряд стран сами выступают в роли доноров (например, Польша), а потому отношение к мигрантам там может быть достаточно толерантным.

Однако даже в тех странах, где настроены более терпимо к мигрантам, абсолютное большинство населения настороженно воспринимает этническое меньшинство, желающее жить по соседству. Обращает на себя внимание и возрастающая поддержка антииммигрантских партий, которая становится заметной и в Швеции, и в Нидерландах.

С мигрантами какого типа европейцы предпочитали бы жить рядом? Это важный вопрос, поскольку наше восприятие других всегда зависит не только от общей степени доброжелательности, но и от того, как эти “чужие” соответствуют нормативным представлениям локальных культур. Исследование показало, что чем больше требований индивид предъявляет к мигранту, тем более негативно он его воспринимает. Обратное также верно.

Наиболее важна здесь готовность и желание мигрантов жить по “уставу” принимающей стороны, принимать правила и устои нового места пребывания, адаптироваться к местной жизни и не демонстрировать отчуждение собственной культуры. В этом случае мигрантов воспринимают в повседневной жизни как обычных друзей, коллег, соседей и т.п. Результаты обследования показывают, что позитивные установки в отношении мигрантов во многом связаны с наличием контактов с ними, которые служат определенным инструментом взаимного доверия, обучения и адаптации. Жить вместе, взаимодействовать в повседневных делах и есть наилучший путь взаимопонимания и интеграции. В этой связи особое значение приобретают интеграционный потенциал принимающей страны (возможности и желание общества принять и “переварить” вновь прибывающих), а также возможности и желание самих мигрантов адаптироваться к местным устоям и обычаям жизни¹⁶⁶.

¹⁶³ Alesina A., Giuliano P. Family Ties // IZA DP, 2013, no. 7376.

¹⁶⁴ Coenders M., Lubbers M., Scheepers P., Verkuyten M. More than Two Decades of Changing Ethnic Attitudes in the Netherlands // Journal of Social Issues, 2008, no. 2.

¹⁶⁵ Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Opt.cit.; Public Opinions and Immigration: Individual Attitudes, Interest Groups and the Media.

¹⁶⁶ Мукомель В. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Фундаментальные аспекты психического здоровья, 2015, № 2.

Глава 4.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

И. Цапенко, Г. Монусова

Гостеприимство означает право каждого чужестранца на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался с ним как с врагом. Он может выдворить его из своей страны, если это не ведет к гибели пришельца, но, пока последний мирно живет там, он не должен обходиться с ним враждебно. Право, на которое может притязать чужестранец, – это не право гостеприимства (для этой цели был бы необходим особый дружественный договор, который делал бы его на определенное время членом дома), а право посещения, принадлежащее всем людям, сознающим себя членами общества, в силу права общего владения земной поверхностью, на которой, как на поверхности шара, люди не могут рассеяться до бесконечности и потому должны терпеть соседство других; первоначально же никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте земли.

Э. Кант. К вечному миру.

Закономерным следствием усиливающейся культурной гетерогенности принимающих обществ является возникновение фронтиров – пограничных территорий между «своими» и «чужими», пространств встреч разных культур, подвижных полос их взаимодействия и т.п.¹⁶⁷ Которые проходят сквозь территории со смешанным населением, будь то кварталы, города или страны. Подобные пространства считаются, в терминах философии постмодерна, социальными гетеротопиями, состоящими из множества «других пространств»¹⁶⁸, контр-пространств, противоречивых и взаимоисключающих друг друга, разных динамических социальных и ментальных систем, реальностей и параллельных миров. Все они оказывают взаимное влияние на язык, образ жизни и культуру

¹⁶⁷ См.: Фронтис сетевого общества как пространство политического взаимодействия. Отв. ред. Е.В. Морозова. Краснодар, 2017; Романова А.П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтирных территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2015, № 3, с. 267.

¹⁶⁸ М. Фуко в лекции «Другие пространства» (1967) предложил концепцию гетеротопии как особого пространства, которое разрушает непрерывность и нормальность в общих повседневных местах, потому что они ломают границы, создают зоны «инаковости». (См.: Баева Л.В. Современные миграционные процессы в контексте теории гетеротопии // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2016, № 3, с.103.) «Гетеротопное пространство – это не столько конкретное место, сколько способ его видения, ощущения и выделения среди общего пространства как человеком, так и отдельной, локальной, "малой" культурой» (Хлыщева Е.В. Проблемы культурного взаимодействия в условиях мультикультурной гетеротопии // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2015, № 4, с. 263.) «Гетеротопии способны смешивать в одну реалию несколько пространств, несколько территорий, которые сами по себе являются несовместимыми» (Якушенкова О.С. Трансгрессия как способ существования в условиях фронтирной гетеротопии // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2013, № 4, с. 264.)

повседневности и т.п. контактирующих сторон и стремятся к доминированию¹⁶⁹. Происходящие в таких контактных зонах межкультурные коммуникации сопровождаются трансгрессией (преодолением социальных, в том числе этнических и конфессиональных границ), разрушением традиционных культурных кодов, заимствованием фронтирными коммуникантами друг у друга обычаев, традиций, элементов религиозного мировоззрения, алиментарной и вестиментарной культуры и складыванием новых базисных паттернов. Последние включают в себя элементы бытия разных акторов межкультурного взаимодействия¹⁷⁰. Фронтирные территории в силу указанной специфики, в силу изначальной неустойчивости гетеротопного пространства в условиях культурного разнообразия обладают повышенной конфликтогенностью. В то же время разворачивающиеся там взаимоотношения «свой» – «чужой» могут нести не только деструктивный, так и конструктивный заряд.

4.1. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ

Как свидетельствуют жизненные реалии и отражающие их многочисленные исследования, этнокультурные различия между автохтонным большинством и группами аллохтонов обладают большим конфликтогенным потенциалом. «Большинство воспринимает подобных "далеких местных" как оспоривших не только законы местного гостеприимства, но и право хозяина держать гостей в своем доме на определенных условиях (а равно и выпроводить их из дома в любой момент)»¹⁷¹. При этом этнические конфликты, понимаемые как противостояние, в котором ресурсом мобилизации выступает этническая идентичность, имеют множественность типов и гибридную природу¹⁷². К острым конфликтам особенно предрасположены поляризованные общества развивающихся стран, где глубина и обширность, подчас национальный размах этнокультурных разломов, по разные стороны которых находятся противостоящие лагеря населения, усугубляются бедностью подавляющей массы населения и хрупкостью демократии¹⁷³. Зачастую весьма нестабильны и переходные многосоставные общества, сталкивающиеся с резким ухудшением социально-экономического положения на фоне неразвитости демократии. Как показал пример Югославии, нарастание этнокультурных расколов по «мобилизационной спирали» в таких странах способно привести к разрушительной гражданской войне. Хотя в западных государствах, имеющих высокий уровень благосостояния и прочные демократические традиции, этнокультурные противоречия, как правило, не столько масштабны и деструктивны, тем не менее и там они носят острый характер и проявляют тенденцию к нарастанию.

В научной литературе распространена точка зрения о негативном влиянии многокультурности на доверие и сплочение в обществе. Из социологической теории

¹⁶⁹ Якушенков С.Н., Романова А.П., Баева Л.В., Хлыщёва Е.В., Морозова Е.В., Якушенкова О.С. «Фронтир как эвристическая модель историко-культурного познания». Материалы круглого стола // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2014, № 4, сс. 307-308.

¹⁷⁰ Романова А.П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтирных территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2015, № 3, с. 270.

¹⁷¹ Акопов С.В. Человек многомерный: транснациональная модель идентификации с макрополитическими сообществами (метатеоретический анализ). СПб., 2015, с. 219.

¹⁷² Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы "большой теории" // Полис. Политические исследования, 2016, № 6.

¹⁷³ Desmet K., Ortuño-Ortín I., Wacziarg R. The Political Economy of Ethnolinguistic Cleavages // NBER Working Paper, 2009, no. 15360, p. 15.

конфликта (Л. Козер и др.) вытекает, что разнообразие ведет к усилению конкуренции между группами за власть и ресурсы, порождает враждебность в отношении представителей аутгрупп, питая при этом рост внутригрупповой солидарности. Р. Патнэм на материале США показывает, что разнообразие негативно влияет, по крайней мере в кратко- и среднесрочном плане, на социальный капитал – как на “наводящий мосты” между группами (*bridging capital*), так и на «связывающий изнутри» эти группы (*bonding capital*), снижая в целом доверие между жителями. Ученый подчеркивает, что разнообразие провоцирует аномию и социальную изоляцию, “делая людей, живущих в этнически разнообразных сообществах, похожими на черепах, втянувших голову в панцирь”¹⁷⁴. Корреляционный анализ данных *European Social Survey (ESS)* также фиксирует статистически значимую связь между представлениями респондентов о количестве мигрантов в их стране и уровнем межличностного доверия: чем больше представителей другого этноса респондент видит в своей стране, тем ниже уровень его доверия к людям¹⁷⁵.

Современная миграционная волна еще более усиливает дезинтеграционные тенденции и конфликтность, обусловленные разнообразием. Из-за резкого роста террористических угроз и особенно их реализации исламистами в 2015-2018 гг. во Франции, Бельгии, Великобритании, Швеции, ФРГ, Испании и России большинство населения европейских стран видит в беженцах потенциальных террористов. Об этом свидетельствуют данные британского социологического центра *Ipsos Mori*¹⁷⁶. Ухудшается криминогенная обстановка – рост числа грабежей, случаев насилия со стороны приезжих в отношении женщин и т.п. в Германии, Финляндии, Швеции, Швейцарии и других странах, трагичным проявлением которого стали события в Кёльне и ряде других городов в новогоднюю ночь 2016 г. Учащаются экстремистские действия и местных жителей – поджоги центров временного содержания лиц, ищущих убежища, нападение на беженцев и т.п. Усиливается радикализация политических ориентаций, причем не только правых, но и левых, происходит подъем «ксенорасизма»¹⁷⁷, антииммигрантских политических партий, мобилизующих многотысячные марши протеста местного населения против исламизации Европы. Существует межстрановая корреляция между долей иммигрантов в населении и удельным весом электората, голосующего за крайне правые партии (0.53)¹⁷⁸. В Австрии, Бельгии, Дании, Нидерландах, Франции, Норвегии, Швейцарии и Швеции ультраправые антииммигрантские партии собирают порядка 10-25% голосов избирателей. В 2015 г. представители крайне правых антииммигрантских сил Франции, Австрии, Польши, Бельгии и Италии даже создали в Европарламенте свою фракцию «Европа наций и свобод».

¹⁷⁴ Putnam R. E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century // *Scandinavian Political Studies*, 2007, no. 2, pp. 137, 149.

¹⁷⁵ Рассчитано по: *European Social Survey* 2014.

¹⁷⁶ *Global Views on Immigration and the Refugee Crisis* // Ipsos Mori, July 2016, p. 19 (https://www.ipsos.com/sites/default/files/2016-08/Immigration_and_Refugees-July_2016.pdf).

¹⁷⁷ Алунд А., Шируп К.-У., Неергард А. Осень или весна демократии. Эссе о миграции, социальных движениях и переменах в Швеции / Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности. Москва, 2016, сс. 78-79.

¹⁷⁸ Так, удельный вес избирателей Партии свободы Австрии увеличивается на 0.16 п.п. при повышении доли мигрантов в населении этой страны на 1 п.п. См.: Halla M., Wagner A., Zweimüller J. Immigration and far-right voting: New evidence. 29 November 2015 (<http://voxeu.org/article/immigration-and-far-right-voting-new-evidence>).

Ухудшаются отношения между представителями разных культур и религий¹⁷⁹. Как отмечалось выше, жители ЕС считают иммиграцию самой важной современной проблемой Союза. Доля считающих так европейцев в марте 2018 г. достигла 38% опрошенных, тогда как в 2012-2013 гг. этот показатель колебался между 8–16%. Более того, респонденты видят в иммиграции (32%), наряду с социальным неравенством (34) и безработицей (33%), сильнейшие вызовы своему будущему¹⁸⁰. Закономерно, что и порождаемое иммиграцией разнообразие традиционно рассматривается в ракурсе ограничений и вызовов.

В то же время в основе современной эскалации этноконфессионального противостояния лежат причины, имеющие не только конфессиональный, но и чисто политический характер. Рост подобной конфликтности во многом спровоцирован вмешательством принимающих государств в дела исламских стран, неополиткорректностью властей и граждан на Западе в отношении религиозных чувств мусульман и т.д.

Кроме того, следуя логике развития миграционных процессов, можно полагать, что современная эскалация остроты связанных с ними проблем носит временный, привязанный к всплеску текущей волны характер. На намечающееся ослабление напряженности указывают данные Евробарометра. Хотя население ЕС по-прежнему видит в иммиграции его главную проблему, доля считающих так существенно понизилась по сравнению с ноябрем 2015 г. – до 58% и стала такой же, как и в канун обострения миграционного кризиса весной 2015 г. (38%). Кроме того, иммиграция, занявшая осенью 2015 г. место главной национальной проблемы стран ЕС (36%), уже уступила его безработице, здравоохранению и социальному обеспечению и расценивалась как таковая в марте 2018 г. только 21% респондентов. По этой же траектории в последние годы эволюционировал и негативизм населения ЕС в отношении иммиграции из-за его пределов¹⁸¹.

Вместе с тем, как свидетельствуют исследования, проведенные на материале Великобритании и ряда других европейских стран, видимое негативное воздействие этнокультурной разнородности общества на сплочение и доверие в нем нередко служит лишь внешним проявлением, проекцией связи культурных различий с депривацией, экономическим неравенством и пространственной сегрегацией, которые разобщают людей¹⁸². Совпадение границ проживания этнокультурных групп с границами социального неблагополучия резко усиливает риски конфликтности в гетерогенных обществах¹⁸³. Этносоциальные размежевания, вытекающие из поляризации этнодемографической структуры, в свою очередь чреваты углублением этнополитических разграничений и усилением конфронтации между разделенными по этнокультурному признаку лагерями населения, ростом межгруппового противостояния “своих – других”, “нас – их”. А также – его перерастанием в конфликт идентичностей, в борьбу сообществ, представляющих иные этнические и конфессиональные культуры, за признание их особых прав как выражение политики идентичности.

Конфликты, вспыхивающие в многокультурных обществах, нередко обусловлены социально-экономическими противоречиями и имеют лишь опосредованное отношение к разнообразию. Недовольство представителей

¹⁷⁹ Special Eurobarometer, 2014, no. 418, “Social climate”, p. 55.

¹⁸⁰ Standard Eurobarometer, 2018, no. 89, pp.14, 18.

¹⁸¹ Standard Eurobarometer, 2018, no. 89, Tables of Results, T120.

¹⁸² Demireva N. Immigration, Diversity and Social Cohesion // Migration Observatory briefing. 21.07.2015.

¹⁸³ Садовая Е.С. Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности // Полис, 2016, № 4, с. 46.

этнокультурных меньшинств может быть вызвано отсутствием у них достойных работы, заработка, условий жизни и ее перспектив, в основе которого, однако, могут быть социокультурные факторы, такие как незнание языка, несоответствие образования и квалификации, полученных в культурной среде другого государства, требованиям местного рынка труда, дискриминация и т.п.

Однако в силу вовлечения в социальные конфликты этнических меньшинств возникает соблазн “культурализации социальных отношений”¹⁸⁴, или истолкования подобных действий, как например, беспорядков во Франции в 2005 г., в терминах конфликтов разных культур, этносов и конфессий и представления конфликтов интересов как конфликтов идентичностей. Эту же мысль развивают Е.И. Филиппова и Ф. Герен-Пас: «В расчете на немедленные и сиюминутные выгоды сторонники всевозможных квот, коллективных прав и привилегий способствуют эссенциализации и институционализации культурных различий, сохранению неравенства и конфликтного потенциала в обществе. За фасадом “культурного многообразия”, представленного тонким слоем “этнических” элит, неразличимы судьбы тысяч “обычных” граждан, которым нужны не столько “специфические культурные права”, сколько равный доступ к общим социальным и культурным ресурсам»¹⁸⁵. Манипулятивное «использование этнической идентичности и ее проекций в разных сферах социальных взаимодействий – от образования, языковой политики и политики памяти до трудовых отношений и экологии – в политическом целедостижении, в борьбе за экономические и властные ресурсы» подчеркивает и И.С. Семененко¹⁸⁶.

При всей взрывоопасности межэтнических отношений и большей подверженности конфликтам этнически поляризованных обществ – разобщение и взаимная враждебность не обязательно перерастают в открытые столкновения. Риски этнических конфликтов могут так и остаться латентными, если для их реализации не возникнет провоцирующих поводов. Как отмечали еще в 90-е годы Дж. Фирон и Д. Лейтин, этнические отношения, основанные на мире и сотрудничестве (интеграции), несмотря на серьезную напряженность в них, – более типичное явление, чем крупномасштабное насилие. Приводя это высказывание, М.Е. Попов развивает заложенную в него мысль: «Сами по себе культурные различия еще не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к социокультурной интеграции и межэтническому диалогу»¹⁸⁷.

4.2. ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКТИВНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Как показывает целый ряд исследований, этнокультурная гетерогенность принимающих обществ способна вызывать не только негативные, но и позитивные эффекты. Она может выступать в роли ресурса развития, “источника здоровья, богатства и могущества нации”¹⁸⁸. Американская писательница Дж. Джакобс, выпустившая в 1961 г. книгу “Смерть и жизнь великих американских городов”,

¹⁸⁴ Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. Москва, 2014, с. 92.

¹⁸⁵ Филиппова Е.И., Герен-Пас Ф. Расовые и этнические категории в переписях 2010-х годов // Этнографическое обозрение, 2015, № 1, сс.18-19.

¹⁸⁶ Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования, 2016, № 4, с. 9.

¹⁸⁷ Попов М.Е. Роль социокультурной интеграции в урегулировании конфликтов (на примере Северного Кавказа) // Пути к миру и безопасности, 2016, № 1, сс. 86, 88.

¹⁸⁸ Zachary G. The Diversity Advantage: Multicultural Identity in the New World Economy. Boulder, CO, 2003.

возможно, была первой, кто увидел в разнообразии фактор долгосрочного благосостояния урбанизаций, делающий их, подобно биоразнообразию в экосистемах, устойчивыми к негативным воздействиям. На использовании народнохозяйственного потенциала гетерогенности общества основана так называемая *экономика культурного разнообразия*. Такая экономика имеет два главных слагаемых.

Во-первых, это иммигрантский, или *этнический, бизнес*, занятые в котором принадлежат к одной и той же этнокультурной группе. Он подпитывается, с одной стороны, *культурной предрасположенностью* к предпринимательской деятельности представителей определенных диаспор, в особенности арабов, евреев, армян, корейцев, индийцев и китайцев; а с другой – групповыми *этнокультурными ресурсами*, то есть преимуществами принадлежности экономических агентов к одной и той же культуре. Отношения, построенные на доверии и групповой солидарности, содействуют снижению непроизводительных затрат и повышают конкурентоспособность и жизнестойкость этнического бизнеса. Последний составляет неотъемлемую часть экономики этнических анклавов и бедных кварталов со смешанным населением, способствуя джентрификации старых городских районов и созданию там новых рабочих мест¹⁸⁹.

Во-вторых, это *совместная народнохозяйственная деятельность* выходцев из разных стран и цивилизационных ареалов. Смешанные команды, создаваемые из уроженцев разных стран на предприятиях «большой экономики», нередко эффективнее в решении широкого круга задач, генерировании новых идей, выработке альтернативных подходов и т.п., чем гомогенные по составу группы. В особенности заметен выигрыш от представителей беловоротничковых профессий в богатых странах, который достигается благодаря *противопоставлению и комплементарности компетенций*, разных стилей мышления и видения проблем, которыми обладают носители разных культурных традиций и менталитета. В результате происходит *рост патентования, инноваций и как следствие – увеличение производительности труда* и повышение конкурентоспособности знаниеемких отраслей. Согласно оценке датского Агентства исследований и инноваций, разнообразие персонала организаций повышает шансы их инновационности до 30%¹⁹⁰. В результате экономика культурного разнообразия способствует более *сбалансированному, устойчивому и динамичному развитию* национальных хозяйственных комплексов.

Однако подмечено, что благодатен для общества лишь некий определенный уровень социальной дисгармонии¹⁹¹. Этнически разнородные по составу коллективы первоначально в силу их разобщенности менее эффективны, чем гомогенные, и лишь по мере консолидации постепенно выходят на лидирующие позиции. При этом позитивное влияние «количества» разнообразия – доли инокультурных групп в социуме – имеет вид перевернутой буквы *U*: выигрыш от гетерогенности увеличивается до определенного порога, а затем ослабляется, сопровождаясь

¹⁸⁹ За период 1998-2008 гг. в европейских странах ОЭСР каждый иммигрант, самостоятельно занятый в сфере малого бизнеса (до 50 человек персонала), создал в среднем 1.4-2.1 новых рабочих места. См. International Migration Outlook: SOPEMI 2011. Paris, OECD, 2011, p. 158.

¹⁹⁰ Guidikova I. Cultural diversity and cities – the intercultural integration approach // RSCAS Policy Paper, 2014, no. 2, p. 4 (<http://cadmus.eui.eu/handle/1814/29358>).

¹⁹¹ И, как пишут К. Десмет и соавторы, «солидарность беспрепятственно курсирует между группами, когда они разделены мелкими оврагами, а не глубокими каньонами». См. Desmet K., Ortuño-Ortín I., Wacziarg R. The Political Economy Of Ethnolinguistic Cleavages // NBER Working Paper, 2009, no. 15360, p. 15.

ростом издержек неоднородности¹⁹². С учетом «качества» различий, а именно при большей величине культурной дистанции, разделяющей людей, – такой порог может быть существенно ниже.

Р. Патнэм подчеркивает, что само по себе «разнообразие не порождает плохих межрасовых отношений или этнически обусловленной групповой враждебности»¹⁹³. Этот вывод подтверждают результаты опроса, проведенного центром *Pew* в США в 2013 г., согласно которым 76% белых американцев и 73% испаноязычного населения считали отношения между этими группами хорошими¹⁹⁴. Похожая картина складывалась и в Европе. По данным Института «Открытое общество», 69% мусульман и 67% всех остальных жителей, обследованных в 2010 г. в европейских городах, полагали, что в районах их проживания складываются хорошие взаимоотношения между людьми, различающимися по этноконфессиональной принадлежности¹⁹⁵. В Великобритании в 2015 г. средняя оценка мусульманами своих отношений с католиками и протестантами по шкале от 0 до 100 (чем выше балл, тем лучше отношения) составляла 70 баллов, с индусами – 66, буддистами – 64, неверующими – 61¹⁹⁶.

А. Хис и Н. Демирева выявляют, что в Великобритании высокий уровень доверия внутри небелых меньшинств сосуществует с их позитивной ориентацией на интеграцию, высокой степенью идентификации с британцами и низким уровнем враждебности по отношению к белым людям. Исследователи отмечают у потомков мигрантов «межпоколенческий сдвиг от параллельной жизни и обособленной культуры к британскому мейнстриму»¹⁹⁷. Жизнь в многокультурном квартале может содействовать установлению и расширению межгрупповых контактов, в том числе и с коренными белыми жителями. Более того, при контроле степени экономической и социальной депривации населения оказывается, что разнообразие жителей лондонских кварталов с доминированием представителей этнических меньшинств способно даже выступать предпосылкой социального сплочения таких местных сообществ¹⁹⁸.

При этом интенсивность межкультурных контактов влияет на их характер. Из опрошенных в 2016 г. латиносов, имевших активные контакты с афроамериканцами, 73% считали такие отношения очень дружелюбными, по сравнению с 58% таких респондентов, имевших ограниченные контакты, и 45% – минимальные контакты¹⁹⁹. Данные ESS также рисуют неоднозначную картину состояния межэтнических

¹⁹² См. Цапенко И.П. Экономические ресурсы этнокультурного разнообразия // *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, № 11.

¹⁹³ Putnam R. Op. cit., pp. 150-151.

¹⁹⁴ King's Dream Remains an Elusive Goal. Many Americans See Racial Disparities, p. 2 (http://www.pewsocialtrends.org/files/2013/08/final_full_report_racial_disparities.pdf).

¹⁹⁵ Muslims in Europe. A Report on 11 EU Cities. New York, London, Budapest, Open Society Institute, 2010, p. 6.

¹⁹⁶ C4 / Juniper Survey of Muslims 2015, p. 132 (<https://www.icmunlimited.com/wp-content/uploads/2016/04/Muslims-full-suite-data-plus-topline.pdf>).

¹⁹⁷ Heath A., Demireva N. Has multiculturalism failed in Britain? // *Ethnic and Racial Studies*, 2014, no. 1, p. 165.

¹⁹⁸ Sturgis P., Brunton-Smith I., Jackson J., Kuha J. Ethnic diversity, segregation and the social cohesion of neighbourhoods in London // *Ethnic and Racial Studies*, 2014, no. 8, p. 1286; Fieldhouse E., Cutts D. Does Diversity Damage Social Capital? A Comparative Study of Neighbourhood Diversity and Social Capital in the US and Britain // *Canadian Journal of Political Science*, 2010, no. 2, p. 311.

¹⁹⁹ On Views of Race and Inequality, Blacks and Whites Are Worlds Apart. June 27, 2016, pp. 39-40 (<http://www.pewsocialtrends.org/2016/06/27/on-views-of-race-and-inequality-blacks-and-whites-are-worlds-apart>).

отношений. На негативное отношение к инокультурным иммигрантам, прежде всего мусульманам, указывает достаточно высокая в большинстве стран, особенно в Венгрии и Чехии, доля настроенных против их приема (рис. 4.1). Такая установка коррелирует с мнением европейцев о том, что иммигранты платят меньше налогов, чем получают пособий, и повышают уровень преступности. Подмечено, что резкие увеличения даже в относительно небольшом числе иммигрантов вызывают всплески враждебности коренных жителей – в отличие от постепенного роста изначально больших инокультурных общин, к которому население в той или иной мере адаптируется.

Рис. 4.1. Отношение к мигрантам: доля респондентов, считающих, что за редким исключением не следует позволять никому из представителей других этносов/мусульман приезжать в их страну, 2014 г., % коренного населения
Источник: European Social Survey 2014.

Тем не менее, по данным ESS, в 2014 г. 49% местных жителей, в том числе более 60% в странах Северной Европы, считали свои контакты с представителями этнических меньшинств весьма хорошими. Эти жители оценивали названные контакты в 7-10 баллов по шкале от 0 до 10, а средняя оценка по всей страновой выборке достигала 6.7 балла. В большинстве стран менее 6% опрошенных считали плохими (0-3 балла) отношения с этническими меньшинствами. Кроме того, европейцы скорее были склонны полагать, что иммигранты обогащают, а не разрушают их культуру; улучшают, а не ухудшают условия жизни в этих странах. Позитивное восприятие мигрантов коренными жителями и лучшее состояние отношений с ними коррелируют с интенсивностью таких контактов, наличием близких друзей среди представителей других этнокультурных групп, низкой значимостью принадлежности начальника или/и супругов близких родственников к этническим меньшинствам.

А доля тех, кто оценивает контакты с этническими меньшинствами крайне плохо, находится в большинстве стран в пределах 5%, то есть достаточно мала. Повышенную долю (11%) оценивающих межэтнические отношения как плохие

демонстрировали страны, где удельный вес мигрантов ниже, чем в основной части ЕС и, соответственно, контакты с ними случаются реже: Чехия и Венгрия, что можно отнести на счет предрассудков (табл. 4.1)²⁰⁰.

Таблица 4.1. Оценка контактов с мигрантами другого этноса, 2014 г., %

	Контактов не было, %	Оценка контактов по шкале 0-10 баллов, где 0 - крайне плохие, а 10 - очень хорошие			
		Средняя оценка, баллы	Доля жителей, оценивших контакты, %		
			0-3	4-6	7-10
Австрия	10	6.4	6	39	45
Бельгия	9	6.9	3	27	60
Швейцария	5	6.9	4	32	59
Чехия	20	5.7	11	41	28
Германия	8	6.8	5	33	54
Дания	6	7.1	5	26	63
Эстония	19	6.6	2	39	39
Испания	17	6.6	1	38	44
Финляндия	9	7.0	2	30	59
Франция	9	7.0	2	33	56
Великобритания	6	7.2	3	30	61
Венгрия	30	5.2	11	42	17
Ирландия	12	7.1	3	30	56
Латвия	36	6.6	3	27	34
Нидерланды	6	7.2	2	22	70
Португалия	18	6.5	3	41	38
Швеция	2	7.0	4	32	63
Словения	16	7.1	3	28	53
Все страны в среднем	15	6.7	5	32	49

Источник: данные European Social Survey 2014.

Показательно, что практически во всех странах, по которым есть выборки *ESS* 2014 г.²⁰¹, для большей части опрошенных ни национальность (этнос) непосредственного руководителя, ни факт возможных родственных отношений с представителями другой культуры²⁰² скорее не имеют значения. Причем в Швеции 90% опрошенных мало обращают внимание на этнос индивидов, в Нидерландах, Германии – около 80; в Великобритании, Франции, Бельгии примерно 70% готовы работать под началом мигрантов другой национальности и вступать в родственные отношения с ними. Все это свидетельствует об отсутствии предубеждения и о потенциальной готовности взаимодействия большинства коренных жителей с представителями других этносов²⁰³.

²⁰⁰ На индивидуальном уровне фиксируется статистически значимая тесная связь между наличием предубеждения и более низкой оценкой контактов, а также между наличием предубеждения и отсутствием контактов.

²⁰¹ Исключение – Чехия, Венгрия и Латвия, где доля инокультурных мигрантов мала.

²⁰² Выбор 0-4 балла по шкале 0-10, где 0 означает, что этнос безразличен.

²⁰³ Аналогичные тенденции обнаруживаются и в США. В общей сложности 10% всех супружеских пар в стране – смешанные. Если в 1967 г. среди вновь заключенных брачных

Данные Евробарометра 2017 г. подтверждают эти настроения²⁰⁴. В целом по 28 странам Евросоюза коренное население в большинстве своем заявляет о том, что испытывает чувство комфорта, имея друзей среди представителей этнических меньшинств (81% опрошенных согласились с этим утверждением). Примерно также оценивает местное население свое отношение к мигрантам-соседям, мигрантам-коллегам (78%), мигрантам-врачам (76%). Немного меньше настроены вступать в родственные связи (70%) и иметь мигранта – босса (68%). Однако в целом можно сказать, что представители коренного населения настроены на тесное взаимодействие с мигрантами. Хотя, конечно, ситуация сильно различается по странам. В Испании, Швеции, Нидерландах, Португалии около 80% местного населения готовы к различного рода социальным отношениям с мигрантами, в то время как в Финляндии настроены на взаимодействие только 50%, в Италии – 40, а в Венгрии и Болгарии 17 и 15% соответственно²⁰⁵.

Важно отметить каналы (возможности) взаимодействия и общения с иностранными гостями. Согласно данным Евробарометра, наиболее часто коренное население встречается с соседями-мигрантами и коллегами-мигрантами (22-23% респондентов), то есть эти встречи происходят «поневоле». В школах, университетах общение сужается (12%), а досуг проводят вместе только 6% опрошенных²⁰⁶. Для расширения социального взаимодействия представляется крайне важной организация совместного досуга. Особенно это значимо для детей и подростков, которые должны взрослеть, имея общие интересы. Эти общие интересы стирают межкультурные различия, формируя граждан страны.

Крайне важную роль в улучшении межэтнических отношений играет желание самих мигрантов адаптироваться к местной среде. Согласно данным ESS, 71% представителей этнических сообществ придают большую значимость (7-10 баллов по шкале от 0 до 10) соблюдению правил и стиля жизни принимающей страны, а не считают это важным (0-3 балла) лишь 9%. В частности, у мусульман, среди которых соответствующие показатели составляют 59 и 14%, интеграционная установка также доминирует, однако в меньшей степени. Симптоматично, что 82% представителей этнических меньшинств в Европе выразили в 2014 г. сильное или очень сильное чувство принадлежности к стране проживания²⁰⁷. Хотя неготовность существенной части инокультурных сообществ к аккультурации несет сильный конфликтный заряд, преобладание среди них стремящихся к полноценной инкорпорации в европейские социумы создает фундамент для добрососедских межэтнических отношений.

союзов на межэтнические/межрасовые приходилось всего 3%, а в 1980 г. – 7, то в 2015 г. – уже 17%. У выходцев из Азии этот показатель достигал 29%, испаноамериканцев – 27, афроамериканцев – 18, англосаксонских белых жителей – 11%. Одновременно сокращается доля населения, выступающего против таких браков. См. *Intermarriage in the U.S. 50 Years After Loving v. Virginia*. May 18, 2017 (<http://www.pewsocialtrends.org/2017/05/18/intermarriage-in-the-u-s-50-years-after-loving-v-virginia>).

²⁰⁴ Special Eurobarometer, 2018, no. 469, p. 37.

²⁰⁵ Ibid, p. 38.

²⁰⁶ Ibid, p. 26.

²⁰⁷ Близкие результаты показывает и обследование социологического центра *ICM Research* в 2015 г. Из опрошенных британских мусульман 49% хотели бы полностью интегрироваться с немусульманами во всех сферах жизни; 29% – в большей части областей, кроме исламских школ и законов. Лишь 1% предпочел бы жить в полностью обособленных исламских районах с шариатским судом и правлением. Свыше 86% выражали сильное чувство принадлежности Великобритании и 91% – району своего проживания в ней. См. *C4/Juniper Survey of Muslims 2015*, p. 8 (<https://www.icmunlimited.com/wp-content/uploads/2016/04/Muslims-full-suite-data-plus-topline.pdf>).

Приводимые Р. Патнэмом примеры свидетельствуют, что «в долгосрочном плане успешным обществам удалось преодолеть этнокультурные разломы, создавая новые, сквозные формы социальной солидарности и более всеобъемлющие идентичности»²⁰⁸, которые формируются поверх этнических, лингвистических, конфессиональных и т.п. границ.

Как показывают исследования в Великобритании, приток новых мигрантов в кварталы, не имеющие длительной истории иммиграции и поселения этнических меньшинств, обладает потенциалом стабилизирующего воздействия на такие районы, которые в противном случае испытывали бы большую текучесть населения и неустойчивость социальной среды. Под влиянием прибытия новых мигрантов в английские городские кварталы, где проживают представители разных меньшинств, там возникают импульсы к укреплению и распространению социальных связей и сетей, налаживанию сотрудничества разных этнических групп, возникновению и усилению чувств солидарности и взаимопомощи. Этническая и культурная идентичность способна поставлять в местные сообщества «социальный цемент», благодаря которому жизнь в таких кварталах может стать стабильнее и безопаснее. И муниципальные, и городские управляющие признают и стремятся использовать этот потенциал социального сплочения сообществ в депривированных кварталах. Кроме того, исключенные из принимающего социума этносообщества используют такие социальные связи для доступа к местным институтам и сетям политического участия и представительства, делая вызов существующему мнению, что сильные местные сообщества вызывают изоляцию²⁰⁹.

Американский политолог Б. Рубл показывает, как в условиях многолетнего противостояния старожильческих этнических, расовых или языковых групп новые потоки мигрантов, представляющих иные этносы, расы и языки, нежели конфликтующие стороны, становятся своего рода «связующим звеном», или «социальным клеем», между этими группами. Например, мигранты заполняют промежуточное пространство, пролегающее между лагерями франко- и англоязычных жителей Монреаля, белых и афроамериканцев в Вашингтоне, каталонцев и кастильцев в Барселоне, японцев и корейцев в Осаке и т.д., оспаривая тем самым широко распространенное суждение о невозможности интеграции приезжих в дезинтегрированный социум. Однако для ослабления существующей конфронтации нужно не просто добавить в социум новые группы, а увеличить так называемый капитал разнообразия, то есть обеспечить политические и институциональные условия для встраивания таких мигрантов в городские сообщества²¹⁰.

Здесь уместно поставить вопрос о том, при каких количественных и качественных характеристиках разнообразия возможны его позитивные эффекты на социальный климат в принимающих обществах. Анализ данных ESS свидетельствует: «Позитивному восприятию “чужестранцев” способствуют постоянные контакты с ними при условии, что мигрантов вокруг не очень много и их концентрация ограничена. Наличие немногих представителей этнических меньшинств значительно снижает восприятие угроз от мигрантов во всех странах по

²⁰⁸ Putnam R. Op. cit., Op. cit., p. 137.

²⁰⁹ Robinson D., Reeve K. Neighbourhood experiences of new immigration. Reflections from the evidence base. York, Joseph Rowntree Foundation, 2006, p. 34 (<https://www.jrf.org.uk/report/experiences-new-immigration-neighbourhood-level>).

²¹⁰ Rouble B. Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv. Washington, 2005.

сравнению с их отсутствием или большим скоплением»²¹¹. Эту же закономерность обнаруживает и исследование по России, в Московской области, продемонстрировавшее наличие взаимосвязи типа проживания мигрантов и отношения к ним принимающего населения²¹².

Данный вывод говорит о том, что порог перехода от позитивного воздействия величины мигрантской массы на состояние межкультурных отношений к негативному довольно низок, что особенно актуализирует социальные риски разрастания мусульманских анклавов. При этом на благополучных в социально-экономическом отношении, протестантских и более толерантных к «чужакам» территориях – в силу культурно-исторических особенностей их развития – такой порог может быть выше, что необходимо учитывать при планировании расселения мигрантов.

Кроме того, нехристианский бэкграунд мигрантов сам по себе не оказывает принципиального влияния на отношение к ним местного населения. Для местного населения наиболее важны такие качества мигрантов, как их «готовность и желание... принимать правила и устои нового места пребывания, адаптироваться к местной жизни и не демонстрировать отчуждение собственной культуры»²¹³. Это обстоятельство говорит о возможности снизить интенсивность этнической, конфессиональной и т.п. окрашенности отношений между местными и приезжими и ослабить привязку их состояния к цивилизационным принадлежностям участвующих сторон. Оно указывает на повышение значимости в таком взаимодействии интеграционного потенциала как самих мигрантов (включая знание языка страны проживания, наличие хорошего образования и нужной профессии), так и их социального окружения. (Хотя, разумеется, в силу культурно-исторических особенностей такой потенциал у одних групп в определенной среде может быть гораздо выше, чем у других.)

Вместе с тем, учитывая изменения в массовых настроениях и ориентациях, произошедшие после ряда недавних негативно знаковых событий в европейских странах, становится все меньше ареалов доброжелательности и гостеприимства, необходимых для успешной интеграции приезжих. В 2016 г. 72% жителей Франции, от 60 до 70% – Бельгии, Швеции и Италии были настроены пессимистично в отношении возможности успешной интеграции большинства беженцев²¹⁴.

Таким образом, в современных условиях разнообразие выступает сильно действующим фактором разобщения и дестабилизации культурно гетерогенных социумов. Очевидно, что, если пустить эти процессы на самотек, их эффект может быть весьма разрушительным. Как следует из результатов вышеупомянутых исследований, разнообразие способно содействовать не только снижению доверия, разобщению и дестабилизации культурно гетерогенных социумов. Оно может быть

²¹¹ Монусова Г. Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением // Мировая экономика и международные отношения, 2016, № 11, с. 60.

²¹² Для представителей принимающего сообщества в условиях компактного проживания мигрантов характерна позиция «отчуждения» мигрантов. У них отношение к мигрантам чаще обусловлено этнической принадлежностью членов аутгруппы. Им также присущ повышенный уровень агрессивности и раздражительности. У местных жителей, проживающих в условиях диффузного расселения мигрантов, чаще отмечается положительное отношение к мигрантам без привязки к национальной принадлежности. См. Лапшина Т.В., Константинов В.В. Отношение к мигрантам представителей принимающего сообщества в зависимости от типа проживания мигрантов // Мир науки, 2016, № 4, с. 4 (<http://mir-nauki.com/PDF/15PSMN416.pdf>).

²¹³ Монусова Г. Указ соч., с. 66.

²¹⁴ Global Views on Immigration and the Refugee Crisis. Ipsos Mori, July 2016, p. 21 (https://www.ipsos.com/sites/default/files/2016-08/Immigration_and_Refugees-July_2016.pdf).

нейтральным к этим процессам, а при определенных условиях даже обладает потенциалом ослабления межкультурных противоречий и консолидирования расколотых сообществ.

Ф.Л. Сафонов и А.Д. Орлов, отмечая вызванные массовой инокультурной иммиграцией обострение проблемы этнокультурной фрагментации западных социумов и небывалую поляризацию европейского общества по этнополитической оси, вместе с тем полагают, что мультикультурализация создает предпосылки для возникновения альтернативных властных отношений²¹⁵. Очевидна необходимость такого управления неоднородностью, которое способствовало бы сокращению наиболее острых конфликтогенных разрывов (и предупреждению новых, в том числе за счет ограничения инокультурной иммиграции), смешению, гибридизации идентичностей и появлению новых, более коллаборативных форм разнообразия. Как отмечается в документе Совета Европы, «преимущества разнообразия могут быть реализованы только при условии адекватной политики, направленной на противодействие конфликту и на обеспечение равных возможностей и социального сплочения»²¹⁶. Такая политика должна содействовать взаимной, встречной, причем не просто двусторонней, а **многосторонней и многовекторной интеграции** в поликультурный социум как представителей разных мигрантских общин, так и коренных жителей, способствуя «сцеплению»/консолидации не только местных и приезжих жителей, но и разнотульных мигрантов между собой, равно как и дезинтегрированных коренных жителей²¹⁷, причем на разных территориальных уровнях. И тут возникает самый сложный вопрос: как создать условия для развертывания межкультурного диалога и формирования чувства сопричастности приверженцев разных культур?

²¹⁵ Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. Санкт-Петербург, 2017.

²¹⁶ Recommendation CM/Rec(2015)1 of the Committee of Ministers to member States on intercultural integration (https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805c471f).

²¹⁷ Дезинтеграционные тенденции наблюдаются в разных областях общества. А. Турен диагностировал «конец общества», упадок всех его традиционных институтов – семьи, школы, города, предприятий, системы социальной защиты и контроля, профсоюзов и политических партий, да и самой политики в ее привычном понимании. М. Гоше констатировал конец религии как организатора коллективного существования и как политической силы. Ж. Бодрийяр признал глубокую дезинтеграцию всего западного мира: разрыв социальных связей, нарастающее взаимонепонимание, утрату объединяющей идеи, отказ от общих ценностей. См. Культурная сложность современных наций, 2016.

Часть 3.

УПРАВЛЕНИЕ МНОГОКУЛЬТУРНЫМ ОБЩЕСТВОМ

Нарастающая культурная разнородность и формирование «параллельных обществ» привели к кризису самосознания населения, представляющего как «культурное ядро» современных наций, так и их новых жителей. А это, как полагает В.А. Тишков, завело в тупик сам вопрос «что есть нация?»²¹⁸. Е.И. Филиппова подмечает, что национальная идентичность, подразумевающая чувство солидарности и коллективного членства, трансформируется с течением времени в этничность (то есть субъективное ощущение культурного единства)²¹⁹. Более того, в результате смещения баланса между гражданской и культурной идентичностью в пользу последней в условиях глобальной миграции и этнизации национальной (гражданской) принадлежности происходит по сути расиализация «гражданских наций».

На пересечении проблемных полей многообразия, свойственного населению страны, и нациестроительства возникают такие ключевые вопросы современного общественного развития, решение которых приобретает жизненно важный, по сути, экзистенциальный характер. «До какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым и относиться к нему терпимо?»²²⁰ Как адекватно организовать это разнообразие и обеспечить при его сохранении гражданское единство и согласие в многорелигиозной, многорасовой и многоэтнической нации? При этом «требуется общее согласие не только относительно того, какие нормы поведения считать приемлемыми или обязательными в общественных местах, но и какие вопросы решаются на местном уровне, а какие являются прерогативой государства»²²¹. Эти проблемы будут в числе самых насущных для обществ глобального Севера в ближайшие десятилетия²²².

Глава 5.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ ПРИНИМАЮЩИХ ГОСУДАРСТВ К ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

И. Цапенко, Г. Монусова

5.1. ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Термин интеграция, происходящий от латинского слова *integer* (целый) и употребляемый в широком смысле, означает объединение в целое каких-либо частей. Применительно к миграционным процессам²²³ он отражает превращение

²¹⁸ Культурная сложность современных наций. Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. Москва, 2016, с. 5.

²¹⁹ Там же, с. 28.

²²⁰ Хлыщева Е.В. Проблемы культурного взаимодействия в условиях мультикультурной гетеротопии // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2015, № 4, с. 263.

²²¹ Там же.

²²² Мир 2035. Глобальный прогноз. Под ред. А.А. Дынкина. Москва, ИМЭМО РАН, 2017, с. 74.

²²³ Е. Варшавер пытается объяснить суть этого понятия, опираясь на теорию интеграции Х. Эссера (Esser H. Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? // International Migration Review, 2004, no. 3) и определяет его следующим

уроженцев других стран и их потомков в составной элемент принимающего общества²²⁴. В результате первоначально ощущавшие себя «другими», отличными от коренного населения по своему фенотипу, культуре, религии и т.п. и воспринимавшиеся как «другие», пришлые жители «признаются и принимаются новым обществом», становятся не просто его частью, а его «принятой частью»²²⁵.

Понятие «интеграция мигрантов» кажется интуитивно очевидным: мигранты должны быть каким-то образом встроены в социальную и культурную жизнь принимающей страны. Однако за кажущейся простотой скрывается многослойность этого явления, которое подразумевает и процесс, и результат этого процесса, и политику в этой области. В итоге исследователи оперируют разными определениями, которые варьируются от простого здравого смысла до сложных абстрактно-теоретических конструкций. Кроме того, суть этого понятия может существенно меняться в зависимости от страны, временного периода и конкретных условий.

Прежде всего следует различать процесс, результат и политику интеграции. *Процесс* в самом общем виде представляет собой встраивание (инклюзию) индивида в жизнь общества, *результат* – итоговое состояние, оценку того, что достигнуто (или не достигнуто). Процесс и результат тесно переплетены и не всегда явно разделимы. *Политика* интеграции предполагает определенные законодательные, административные и экономические меры, обеспечивающие этот процесс.

Суть интеграции все понимают примерно одинаково – это включение, встраивание мигранта в общество принимающей страны. Однако уже в определениях, формах и способах измерения интеграции единства мнений нет.

Ряд исследователей используют множественность синонимов «интеграции», что вносит путаницу в понимание этого термина. Ассимиляция, аккультурация, абсорбция, аккомодация, адаптация, включение (вовлечение) – это далеко не полный перечень возможных заменителей²²⁶. И все они характеризуют встраивание индивида в общество, «"вхождение" мигрантов в социум стран иммиграции, их адаптацию и последующую приживаемость в этом обществе»²²⁷. «Социальная интеграция, – пишет В. Леденева, – это процесс, тесно связанный с другими

образом: «Во-первых, это объединение частей в целое, во-вторых, это включение в целое новых элементов». См. Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики, 2014, т. 14 (3), сс. 318-319.

²²⁴ Rudiger A., Spencer S. Social Integration of Migrants and Ethnic Minorities. Policies to Combat Discrimination // The Economic and Social Aspects of Migration. Conference Jointly Organised by the European Commission and the OECD Brussels, 21-22 January 2003 (<http://www.oecd.org>).

²²⁵ Penninx R. Integration of Migrants: Economic, Social, Cultural and Political Dimensions // The New Demographic Regime. Population Challenges and Policy Responses. Geneva, UN, 2005 (<http://www.unece.org>).

²²⁶ Favell A. Integration nations: the nation-state and research on immigrants in Western Europe. The multicultural challenge // Comparative Social Research, 2003, no. 22; Hamberger A. Immigrant Integration: Acculturation and Social Integration // Journal of Identity and Migration Studies, 2009, vol. 3, no. 2; Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России // Научно-исследовательский отчет CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI), European University Institute, 2013.

²²⁷ Ионцев В., Ивахнюк И. Указ. соч., с. 2.

процессами, социализацией, аккультурацией, ассимиляцией, адаптацией, т.е. некий результат этих процессов»²²⁸.

В литературе существуют и другие точки зрения. Например, интеграция считается особым общественным феноменом, занимающим промежуточное место между ассимиляцией и мультикультурализмом на шкале инкорпорации мигранта в принимающий социум²²⁹. В. Мукомель рассматривает интеграцию как альтернативу ассимиляции и сегрегации и определяет ее как «процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу»²³⁰.

В. Малахов, обсуждая проблематику интеграции в западной литературе, обращает внимание на использование терминов «интеграция» и «ассимиляция». Он подчеркивает, что в США больше употребляют термин «ассимиляция», хотя полного культурного растворения мигрантов никто не наблюдает, а в Европе, напротив, используют понятие «интеграция», подразумевая под ней как раз ассимиляцию²³¹. «Хорошо интегрированный мигрант это тот, кто ассимилировался функционально через язык, мышление и поведение принимающего общества»²³².

Итак, при всем разнообразии определений интеграции везде речь идет о включении отдельных индивидов в новое для них общество, и это включение может протекать в разных формах, с разной степенью погружения в социальную жизнь этого общества. Для кого-то знание языка принимающей стороны может оказаться достаточным для ощущения встроенности, для кого-то необходимо наличие работы, для кого-то – включенность в местную культурную или социальную жизнь. Кому-то нужно ощущать себя полноправным гражданином с правом голоса, а для кого-то важны только временная работа и заработки. Возможно, что именно с этим связаны различия в определениях и взглядах на интеграцию, которую нередко отождествляют и с ассимиляцией, и с адаптацией.

Канадский психолог Дж. Берри выделяет четыре стратегии поведения мигрантов в отношении аккультурации в зависимости от их мотивации и возможностей идентификации с унаследованной и приобретаемыми культурами и вовлеченности в них:

- ассимиляция, предполагающая слияние одного этноса с другим с утратой первым своего языка, культуры, этнического самосознания;
- сегрегация, или сегрегация, означающая отделение конкретного этноса от другого/других с целью сохранения своей этнокультурной самобытности;
- маргинализация, проявляющаяся в утрате объективных и субъективных признаков принадлежности к определенной этнокультуре в отсутствие тесных контактов с другой/другими культурой/культурами;

²²⁸ Леденёва В.Ю. Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов. Москва, 2014, с. 41.

²²⁹ Boswell Ch. European Migration Policies in Flux. Changing Patterns of Inclusion and Exclusion. London, 2003; Мукомель В. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. Рабочая тетрадь. Москва, 2013; Семененко И.С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 10.

²³⁰ Мукомель В. Указ. соч., с. 5.

²³¹ Малахов В. Интеграция мигрантов: концепции и практики. Москва, 2015; Hamberger A. Op. cit.

²³² Hamberger A. Op. cit., p. 4.

– мультикультурная интеграция, сопровождающаяся сохранением каждой из этнических групп своей культуры в условиях установления тесных контактов с другой/другими группой/группами²³³.

Судя по разнообразию определений, встречающихся в научной литературе, термин «интеграция» используется как зонтичное понятие, объединяющее разные формы и степени инклюзии индивида в общество²³⁴. Этот процесс может протекать в форме элементарного, простейшего приспособления, а может предполагать и полное культурное погружение, и растворение (ассимиляция).

Исследователи выделяют несколько уровней и осей, по которым идет встраивание вновь прибывших, и соответственно видов интеграции. Уровень функциональной интеграции предполагает первичную, начальную адаптацию к жизни в принимающем сообществе, которая предполагает овладение информацией и навыками (языковыми, коммуникативными, профессиональными и т.п.), позволяющими обслуживать важнейшие жизненные потребности, и обеспечение работой²³⁵. Уровень структурной интеграции определяется вовлеченностью иммигрантов в образовательные и культурные инициативы, их конкурентоспособностью и преодолением их дискриминации на рынке труда, обеспечением им равных социальных гарантий, предполагает их полноправное участие во всех формах общественной жизни. В ходе структурной интеграции этническим меньшинствам открывается доступ к общественным ресурсам вне и помимо целевых социальных программ²³⁶. А среди осей, или направлений, интеграции выделяются: социальная, экономическая, политическая, культурная и идентификационная²³⁷.

При этом существуют разные дефиниции этих уровней и осей интеграции, что также затрудняет анализ²³⁸. Кроме того, движение иммигранта может идти лишь по

²³³ Berry J. Conceptual approaches to acculturation // *Acculturation: Advances in theory, measurement, and applied research* / K.M. Chun, P.B. Organista, G. Marín, eds. Washington, DC: American Psychological Association, 2003.

²³⁴ Favell A. Op. cit.

²³⁵ Политика функциональной интеграции может включать курсы языковой и профессиональной подготовки, консультирование мигрантов по вопросам, связанным с их правами, занятостью, доступом к различным социальным услугам, деятельностью тех или иных государственных и общественных структур и т.п. См. Collett E. One Size Fits All? Tailored Integration Policies for Migrants in the European Union // EPC Working Paper, 2006, no. 24 ([http://www.theepc.be/TEWN/pdf/602431467_EPC Working Paper 24.pdf](http://www.theepc.be/TEWN/pdf/602431467_EPC%20Working%20Paper%2024.pdf)).

²³⁶ Семенов И.С. Указ. соч.; Варшавер Е., Рочева А. Указ. соч.

²³⁷ Социальная ось предполагает вхождение в систему образования, здравоохранения, социальной защиты; экономическая – доступ к рынку труда, наличие работы; политическая – право голоса; культурная – знание языка, понимание и принятие базовых ценностей и норм поведения; идентификационная – отражает эмоциональную включенность мигранта в принимающее общество, ощущение близости принимающей страны. См. Hamberger A. Op. cit.; Семенов И.С. Указ. соч.

²³⁸ Е. Варшавер считает основными параметрами структурной интеграции занятость, доступ к системе образования и социальной защите, а социальную интеграцию определяет как взаимоотношения мигрантов и местного населения. См. Варшавер Е., Рочева А. Указ. соч. А И. Семенов под *политико-правовой интеграцией* подразумевает признание иммигрантами действующих правовых норм, выработку соответствующих форм социального поведения и вовлеченность в различные формы политического и гражданского участия; а под *социокультурной интеграцией* – индивидуальную включенность в систему социальных отношений и в культурное поле принимающего общества, предполагающую взаимодействие с местным сообществом, а по существу – активное участие в его повседневной жизни. См. Семенов И.С. Указ. соч.

одной или несколькими из названных осей, что еще больше запутывает понимание интеграции. Например, работа и доходы есть, а знания языка нет, или наоборот. Существует парадигма «сегментированной ассимиляции», при которой мигрант с разной скоростью и в разной степени интегрируется в разные сферы принимающего общества.

Как показывают разные исследования, положение иммигрантов на рынке труда играет исключительно важную роль в их социализации и у занятых мигрантов, по сравнению с безработными, контакты с соседями – уже, но за пределами места жительства – гораздо шире. Регрессионный анализ микроданных *ESS 2014* свидетельствует, что наличие работы у мигрантов оказывает сильное влияние на самоидентификацию со страной проживания (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1. Доля лиц, ощущающих очень сильную эмоциональную близость к принимающей стране, среди мигрантов (лиц, родившихся за пределами принимающей страны) с разным статусом на рынке труда, 2014 г., %

	Занятые	Безработные	Экономически неактивные
Все обследованные страны в целом ¹	42	28	42
Германия	38	20	35
Великобритания	42	12	43
Франция	54	59	40
Швеция	41	28	56
Испания	48	28	48

¹ Обследовано 20 стран: Австрия, Бельгия, Чехия, Швейцария, Швеция, Дания, Германия, Эстония, Испания, Франция, Финляндия, Великобритания, Норвегия, Нидерланды, Венгрия, Португалия, Польша, Словения, Ирландия, Латвия. Выборка включает 3712 человек, родившихся за пределами страны проживания. Источник: European Social Survey 2014.

Самозанятые мигранты ощущают наиболее высокую степень встроенности в принимающее общество. За ними следуют постоянные работники. Чувство близости заметно снижается у временно занятых по сравнению с занятыми постоянно. Также понижающий эффект оказывает меньшее число часов работы. У безработных, активно ищущих работу, фиксируется статистически значимое снижение чувство близости с этой страной. В то же время не все так однозначно. Безработные, устранившиеся от активных поисков работы, демонстрируют столь же высокие показатели идентификации, как и самозанятые. Это говорит о нелинейной связи между культурной идентификацией мигрантов и их экономической и социальной мобильностью, о существенной автономии первой и большой значимости в этом процессе других факторов помимо занятости (см. табл. 5.2). Поэтому не следует считать, как это делают некоторые западные эксперты, что решение социально-экономических проблем автоматически устраним и социокультурные. Более того, необходимо учитывать социокультурный аспект при социально-экономической интеграции мигрантов²³⁹.

²³⁹ К примеру, в системе здравоохранения западных стран еще в 80-е годы встал вопрос о социокультурных особенностях заболеваемости и лечения мигрантов, разработка которого привела к формированию научного направления медицинской антропологии. Ее принципы реализуются в клинической практике предоставлением мигрантам специально предназначенных для них медицинских услуг с учетом медицинских традиций и культуры стран их происхождения, влияния миграции на здоровье пациентов, с привлечением

Таблица 5.2. Доля лиц, ощущающих очень сильную эмоциональную близость к принимающей стране, среди мигрантов (лиц, родившихся за пределами принимающей страны), различающихся по характеру занятости, 2014 г., %

	Постоянно занятые	Временно занятые	Самозанятые
Все обследованные страны в целом	43	32	52
Германия	37	34	45
Великобритания	41	37	48
Франция	58	24	77
Швеция	43	22	39
Испания	55	27	77

Источник: European Social Survey 2014.

Многообразие трактовок интеграции накладывается на отсутствие универсальной дефиниции термина «иммигрант», что еще больше расширяет интерпретационное пространство понятия интеграции²⁴⁰. Как отмечалось, в статистике ООН, а также ОЭСР и ЕС, к *международным мигрантам* относят индивидов, которые проживают в одной стране больше года, а родились в другой²⁴¹. Под это весьма широкое определение попадают как те, кто имеет гражданство, так и те, кто его не имеет, те, кто приезжает на заработки, и те, кто воссоединяется с семьей и т.д. К тому же исследователи и политики активно используют термин «инокультурные мигранты», который также четко не определен. Что отличает представителей иной культуры: язык, религия, внешний вид, образ мыслей, стиль жизни, вкусы и привычки, ценности и т.п.? Возникает вопрос, что в этом наборе различий является ключевым для интеграции таких мигрантов?

Особо следует выделить трудовую миграцию. Согласно международным определениям, это – «перемещения индивидов из одной страны в другую или внутри одной страны с целью получения занятости»²⁴². Российский термин имеет нюансы. Трудовая миграция здесь отождествляется с временной и определяется как «временная миграция с целью трудоустройства и выполнения работ (оказания услуг)»²⁴³. Трудовые мигранты различаются по целям приезда. К примеру, что касается российского варианта, то часть приезжающих настроены осесть в России и соответственно действуют в этом направлении (учат или знают язык, находят друзей, работу, общаются с местным населением и т.п.). При этом многие приезжают только ради заработков, на конкретный фронт работ, и эти люди не связывают свою жизнь с новой страной и не намерены встраиваться в социальную жизнь общества.

специалистов, способных преодолевать коммуникационные барьеры между врачом и пациентом. См. Цапенко И.П., Сауткина В.А. Глобальные миграции и экономика здравоохранения// Terra Economicus, 2018, № 1.

²⁴⁰ Glossary on Migration, IOM, 2011, no. 25, pp.61-62.

²⁴¹ Ibid., p.62.

²⁴² Ibid., p.58

²⁴³ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.), статья 5. (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244>). Заметим, что в новом варианте Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (<http://kremlin.ru/events/president/news/58986>), утвержденной 31 октября 2018 г., раздел о терминах снят, понятие временной миграции отсутствует.

²⁴³ Малахов В. Указ. соч., с. 38.

Множественности определений понятия интеграции сопутствует неопределенность измерения результата этого процесса. Возникает вопрос: чем интегрированный мигрант отличается от неинтегрированного? Не совсем ясно, интеграция – это конечный результат или континуум? Чем встраивание внешних мигрантов со знанием языка принимающей страны отличается от встраивания, к примеру, коренного жителя, переезжающего (или приезжающего на заработки) из сельской местности российской глубинки в Москву или Петербург? Как бы мы ни определяли встраивание индивида в общество, нет очевидного критерия степени этого действия. Мы не можем четко сказать, кто встроился, а кто нет. И это касается не только инокультурных мигрантов, но и наших соотечественников.

В странах ОЭСР, которые имеют большой опыт работы с мигрантами, в качестве ключевых индикаторов интеграции выделяют, помимо знания языка принимающей страны, размер заработков, наличие и качество жилья, доступ к здравоохранению и состояние здоровья, доступ к системе образования, включенность в рынок труда и уровень безработицы, дискриминацию, гражданскую вовлеченность и т.п.²⁴⁴ В ЕС разработан перечень показателей интеграции иммигрантов, на основе которого устанавливаются ориентиры интеграционной политики, осуществляется ее мониторинг и международные сопоставления, оценивается успешность интеграции тех или иных этнических групп и категорий мигрантов и т.п.

Под эгидой ЕС Барселонский центр международных отношений и независимая Группа по миграционной политике разрабатывают композитный Индекс политики интеграции мигрантов (*Migrant Integration Policy Index – MIPEX*)²⁴⁵. Практически бессменным лидером этого рейтинга является Швеция, набравшая в 2015 г. 80 баллов по 100-балльной шкале, с которой в том году сравнялась Португалия. В странах, находящихся на высоких позициях, есть системная политика интеграции и соответствующее правовое и институциональное обеспечение. Худшие значения индекса демонстрируют Турция (24), Латвия, Кипр и Литва, где распространены ксенофобские настроения местного населения и дискриминационные практики на этнической, религиозной и т.п. почве (см. рис. 5.1).

²⁴⁴ Например, индикаторами политико-правовой интеграции иностранцев могут служить их правовой статус, наличие или отсутствие ограничений их прав, в частности политических, условия получения гражданства страны проживания и др. При этом в силу особенностей интеграционной политики тех или иных государств одни этнические группы могут отличаться по своему правовому положению от других, как, например, в ФРГ. Этнические немцы и их потомки, проживавшие за пределами исторической родины, почти автоматически получали немецкое гражданство сразу же по прибытии в эту страну. Однако вплоть до конца прошлого века турки, находившиеся в Германии более 20 лет, так и оставались иностранцами. Их дети, родившиеся на территории этого государства, также не могли претендовать на немецкое гражданство.

²⁴⁵ Индекс рассчитывается для 38 государств (страны ЕС, а также Австралия, Исландия, Канады, Новая Зеландия, Норвегия, Республика Корея, США, Турция, Швейцария и Япония) на основе агрегирования 167 нормализованных показателей. Последние объединены в группы: мобильность мигрантов на рынке труда; доступ к образованию; возможности воссоединения семей, получения вида на ПМЖ; политическое участие; качество антидискриминационных практик и др.

Рис. 5.1. Индекс политики интеграции мигрантов, 2015 г., баллы (по 100-балльной шкале)
Составлено по: Migrant policy integration index 2015 (<http://www.mipex.eu>).

Позиции мигрантов по мере удлинения их проживания в принимающей стране сближаются по указанным выше ключевым индикаторам с позициями коренного населения: чем ближе позиции, тем глубже интеграция²⁴⁶. Обратим внимание, что это работает не для всех мигрантов, а только для тех, кто настроен жить в стране.

Но и при таком подходе мы также не получаем ответ на вопрос: кого мы считаем интегрированным, а кого нет. Где проходит граница интеграции, если таковая в принципе может существовать? Заметим, что высококвалифицированные иностранные специалисты прекрасно адаптируются, не всегда зная местный язык, и при этом получают заработки существенно более высокие, чем местное население. Если рабочим является английский язык, то знать русский, французский, турецкий или китайский совсем не обязательно. А в супермаркете можно разобраться и без глубокого знания языка.

При этом разные группы мигрантов имеют неодинаковые показатели интегрированности в те или иные сферы жизни общества. В ЕС существенно различается положение уроженцев входящих в него государств и третьих стран. В зависимости от целей приезда, особенно на начальном этапе пребывания в принимающей стране, существенно разнится такой показатель положения мигрантов на рынке труда, как уровень их занятости (см. рис. 5.2).

²⁴⁶ Indicators of Immigrant Integration 2015. Settling In. Paris, OECD Publishing, 2015.

Рис. 5.2. Уровень занятости разных категорий иммигрантов 15-54 лет в зависимости от продолжительности проживания в принимающих европейских странах ОЭСР, 2008 г., %

Источник: OECD Migration Policy Debates, 2015, no. 7, September, p. 14.

Помимо объективных критериев результата интеграции существуют и субъективные оценки самих мигрантов, которые могут не совпадать друг с другом. Вполне вероятны ситуации, когда объективные показатели интеграции соблюдены, но иностранец не ощущает себя комфортно в стране. И наоборот. Возникает вопрос, на какие критерии в большей степени ориентироваться при оценке интегрированности: на субъективные ощущения приезжающих или объективные параметры?

Таким образом, хотя современные трактовки интеграции достаточно близки по сути, в это понятие вкладывается все же неодинаковый смысл, по-разному акцентируются ее отдельные аспекты и механизмы реализации. Для оценки результатов этого процесса могут использоваться не совпадающие наборы индикаторов. Указанные различия находят отражение в специфике подходов различных государств к интеграционной политике.

5.2. СМЕНА ГЛАВНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ

Принято считать, что существует две главные модели социокультурной интеграции мигрантов: ассимиляционная и мультикультуралистская. Также известно, что эти модели не существуют в чистом виде, а сочетают элементы друг друга и принимают весьма специфические национальные очертания. Поэтому точнее говорить о доминирующих парадигмах управления интеграцией и межкультурными отношениями. В развитых регионах мира наибольшее распространение получили **два подхода** к интеграционной политике. Во-первых, – это курс на стирание этнокультурной неоднородности принимающего общества, который опирается на так называемый этнический дальтонизм, не различающий цвета кожи (*colour-blind*) и формально считающий равными разные расы и этносы. И, во-вторых, – стратегия признания и создания условий для поддержания этнокультурного разнообразия²⁴⁷.

²⁴⁷ Следует упомянуть еще об одном подходе (почти канувшем в Лету) – так называемого этнического национализма, практиковавшемся в некоторых государствах ЕС, в которых в

Согласно концептуальному обоснованию **первой** парадигмы, этнорасовые предрассудки проистекают из неадекватного фокусирования общественного внимания на групповых принадлежностях и соответственно могут быть ослаблены путем снижения последнего в отношении группового членства. Этому должно способствовать акцентирование межгруппового сходства, общности черт представителей разных этнорасовых групп, их принадлежности к одной нации или же необходимости одинакового принятия всеми группами господствующей культуры мейнстрима²⁴⁸. Оно же по сути означает **ассимиляцию**, основными теоретиками «классического варианта» которой являются М. Гордон, Р. Альба и В. Ни. Такой тип интеграции имеет одностороннюю направленность на социальную метаморфозу лишь переселенцев: он предполагает усвоение ими социальных нормативов относительно гомогенного принимающего общества, их постепенное поглощение этим обществом и полную утрату представителями меньшинств своей этнокультурной самобытности. При этом, как утверждают Н. Глейзер, П. Мойнихэн и А.Портес, С. Браун и др., ассимиляционный процесс может встречать на своем пути препятствия, как замедляющие его (например, скопление малоквалифицированных мигрантов на локальных рынках труда и в этнических анклавах, негативно влияющее на экономическую и социальную мобильность), так и блокирующие (в частности, дискриминация)²⁴⁹.

Яркие образцы ассимиляционной политики представляли Франция и США.

Во Франции в соответствии с курсом на **гражданскую интеграцию** иммигрантов, государство обязано обеспечить им благоприятные условия для быстрого получения гражданства принимающей страны. Из принципа равенства всех французских граждан перед законом вытекает требование политической лояльности стране и следования ее культурным нормам в публичной сфере. В соответствии с таким подходом, идентичность новых граждан иностранного происхождения должна определяться национальным политическим порядком, а не этнокультурными или религиозными корнями. Этнические, культурные и религиозные вопросы относятся сугубо к сфере частной жизни мигрантов. Государство формально не признает, что у этнических меньшинств могут быть особые потребности, которые необходимо

основу формирования нации был положен принцип общности происхождения населения, или «право крови». Он отличался двойственностью, предполагая стимулирование полноценной интеграции этнических переселенцев, тогда как в отношении мигрантов, не имевших таких корней или хотя бы европейского происхождения, – лишь политику *функциональной интеграции* в сферу занятости и социального обеспечения. Такая модель была характерна в первую очередь для Германии и Греции, которые еще в минувшем веке не признавали себя странами иммиграции и рассматривали присутствие иностранцев как временный феномен. Притом что в Германии сформировались крупные диаспоры выходцев из Турции, овладевших немецким языком и пустивших корни в новой стране, доступ таких мигрантов и их потомков, включая даже родившихся в Германии, к политическим правам и гражданству был сильно усечен. Подобная аномалия стала особенно очевидной в условиях интенсивного притока этнических немцев из бывшего СССР и других стран Восточного блока, многие из которых едва говорили по-немецки, но тут же получали немецкое гражданство и все сопутствующие ему права. Нарастание этнокультурных противоречий в этой стране потребовало пересмотра закона о гражданстве и активизации мер по интеграции этнических меньшинств. Подробнее см. главу 10.

²⁴⁸ Rosenthal L., Levy S. The Colorblind, Multicultural, and Polycultural Ideological Approaches to Improving Intergroup Attitudes and Relations // Social Issues and Policy Review, 2010, vol. 4, no. 1.

²⁴⁹ Brown S., Bean F. Assimilation Models, Old and New: Explaining a Long-Term Process. MPI, October 1, 2006 (<https://www.migrationpolicy.org/article/assimilation-models-old-and-new-explaining-long-term-process>).

учитывать в практической политике, и считает, что в адресуемых новым и коренным гражданам мерах не должно быть различий²⁵⁰.

Так называемая модель **плавильного котла** (*melting pot*) долгие годы служила одним из главных оснований нациестроительства США, объявленных нацией иммигрантов. Подобная стратегия предполагала «сплавление», культурное и биологическое смешение населяющих страну народов, растворение их различий и формирование на этой основе американской национальной идентичности, а также соответственно устранение видимых или психологических предпосылок к расизму. Данная политика, поощрявшая культурную униформность, приверженность национальным ценностям и американскому образу жизни, считалась наиболее ассимиляционной, чем какая-либо другая. Важная роль в процессе американизации отводилась языковой ассимиляции. А в перспективе, как считалось, с построением подлинно свободного демократического общества людям будет комфортно жить в сообществах, имеющих смешанный этнорасовый состав, и между их членами не будет ни социальных, ни этнических конфликтов.

Однако, как показывает исторический опыт, такой тип интеграции, характерный для ранних стадий развития миграционных процессов, «работает», как правило, лишь в тех случаях, когда мигранты довольно не многочисленны, этнически относительно близки коренному населению и территориально расплывлены по стране. Ныне полная ассимиляция этнических меньшинств нереалистична по целому ряду причин. Главные из них:

- формирование весьма крупных диаспор представителей незападных цивилизаций,
- постоянный массовый приток инокультурных мигрантов, пополняющий такие сообщества новыми неинтегрированными контингентами,
- становящаяся критической территориальная концентрация приезжих и их потомков,
- их отличность от коренного населения,
- чужеродность для них культуры западного мира, в особенности трудная совместимость норм и ценностей традиционного ислама и христианского основания западной цивилизации,
- инертность их облика, инокультурного маркера коллективной идентичности,
- большая длительность ассимиляционного процесса, растягивающаяся на несколько (обычно не менее трех) поколений,
- распространение «ксенорасизма» в принимающих обществах.

Именно этими факторами во многом объясняется пробуксовка ассимиляционного подхода к интеграционной политике, доминировавшего вплоть до 70-х годов прошлого века в западных странах.

Направленные на насильственную гомогенизацию общества меры, как-то: принудительная гражданская интеграция этнических меньшинств и ограничение культурно-религиозных прав²⁵¹, обернулись возрастающей территориальной сегрегацией инокультурного населения в этнических анклавах и маргинализацией мигрантов второго и третьего поколений. В условиях массовой инокультурной иммиграции и роста разнообразия населения и рабочей силы и европейские, и американские города разделяются на кварталы, где живут преимущественно представители одной этнокультурной группы, разрастаются обособленные этнические анклавы, населенные стигматизированными слоями. При этом в США не

²⁵⁰ Подробнее см. главу 8.

²⁵¹ Запрет ношения знаков мусульманской атрибутики (хиджабы, бурки) в общественных местах во Франции, Бельгии и Австрии, запрет строительства минаретов в Швейцарии и т.п.

только не удалось воспрепятствовать расширению испаноязычных ареалов, но и сохранились тенденции к сегрегации афроамериканцев в пространственных гетто и экономических нишах. Недовольство представителей этнических меньшинств своим депривированным, маргинальным положением проявляется в социальных волнениях, периодически вспыхивающих в негритянских кварталах городов США. Его выражением стали и аналогичные события 2005 г. во Франции.

Несмотря на ценность заложенного в ассимиляционный подход равенства отношения ко всем как к гражданам, независимо от их культурной принадлежности, когда раса и этничность считаются незначимыми, фактически отрицается существование расизма и дискриминации и тем самым оправдывается бездействие в противодействии им. (Игнорирование расы и этничности по сути равносильно пренебрежению историей и вкладом групп меньшинств в мировую культуру.)

Более того, принуждение иммигрантов к ассимиляции, подавляющее примордиальные слагаемые идентичности этнических меньшинств, провоцирует сопротивление «реактивной этничности», способствуя акцентированию инокультурного маркера идентичности таких сообществ и их политической самоорганизации по этническому принципу. Эта тенденция подпитывается процессами размежевания внутри диаспор. Ассимилирующиеся соотечественники зачастую подвергаются групповому осуждению и отвержению в мигрантских сообществах как нарушители групповых норм, отличимости и целостности групповой идентичности последних²⁵².

Неэффективность ассимиляционной стратегии прошлого века повлекла за собой поиски новых интеграционных парадигм, которые были бы основаны на признании сосуществования и взаимодействия в социуме различных представителей разных этносов и культур²⁵³. На этой волне в 70–90-е годы утвердилась **вторая** парадигма – в форме **мультикультурализма**, активными сторонниками которого являются У.Кимлика, Б. Парекх, Ч.Тейлор, Т.Модуд и др. В основе мультикультуралистской концепции интеграции²⁵⁴, базирующейся на плюралистической концепции демократии, лежит признание постоянно существующего культурного многообразия в обществе и регулирование этого многообразия на основе принципов взаимности, равенства и сплоченности. Мультикультуралистская интеграционная политика, призванная обеспечивать реализацию прав этнокультурных меньшинств в области культуры и вероисповедания и их защиту от дискриминации, в теории предполагала не разрушение границ культуры меньшинств, как ассимиляция, и не укрепление границ между культурами меньшинств и большинства, как сегрегация, а обеспечение их

²⁵² Schwartz S., Vignoles V., Brown W., Zagefka H. The Identity Dynamics of Acculturation and Multiculturalism: Situating Acculturation in Context / Benet-Martínez V., Hong Y.-Y. (eds.). The Oxford handbook of multi-cultural identity: Basic and applied psychological perspectives. Oxford, 2014, p. 78.

²⁵³ Приходит понимание интеграции как двустороннего процесса, в ходе которого меняется не только сам мигрант, но и принимающее его общество. В стратегических документах ЕС (Лиссабонская стратегия, «Европа 2020: Стратегия разумного устойчивого и всеобъемлющего роста» и др.) интеграция трактуется как вовлечение в жизнь общества всех его членов. Оно предполагает обеспечение всем жителям возможностей участвовать в жизни социума и пользоваться соответствующими благами, предотвращение исключения из нее социально уязвимых групп населения, включая мигрантов и представителей этнических меньшинств, создание условий для наиболее полной реализации потенциала последних и сплочения общества.

²⁵⁴ Подробнее см.: Семененко И.С. Указ. соч.

большей проницаемости и превращение принимающих обществ в социальные организмы, функционирующие по принципу *E Pluribus Unum* («из многих – единое»).

Выделяются две главные разновидности мультикультуралистской политики.

Первый вариант – так называемой **культурной мозаики** – характерен для Канады, Австралии и Новой Зеландии. Там мультикультурализм возведен в ранг национальной политики. При этом Канада, которая издавна сталкивалась с проблемами социокультурного противостояния англо- и франкофонов и интеграции аборигенов, пошла дальше всех стран в институционализации и поощрении разнообразия своего населения, реализации масштабных программ интеграции мигрантов. Принцип культурного плюрализма, предусматривающий содействие в сохранении культуры и языка населяющих страну народов, противодействие дискриминации и развитие взаимопонимания и взаимодействия представителей разных культур, стал основой нации и лозунгом национальной политики: «Одна нация, два языка, много народов и культур». Реализация такой политики на городском уровне считалась не только нравственным императивом, но и экономическим активом. Яркое свидетельство того – девиз Торонто: «В разнообразии наша сила»²⁵⁵.

Весьма убедителен и австралийский пример проведения официальной политики мультикультурализма, направленной на социальную сплоченность нации. Как пишет И.Г. Остроух, «несмотря на разность происхождения и культур, в своем многообразии австралийцы – это единая нация»²⁵⁶. Довольно успешное встраивание приезжих в австралийский социум достигается в первую очередь благодаря активной политике мультикультурализма, в рамках которой все вновь прибывшие получают доступ к бесплатному медицинскому обслуживанию, образовательным и семейным программам, через два года право на получение нового гражданства без отказа от предыдущего и т.д. Однако, как показывает упомянутый автор, важна и австралийская культура, в которой мужское братство и товарищество (*mateship*), считаются отличительными чертами национального характера, олицетворяют солидарность и взаимопомощь и формируют толерантную интеграционную среду.

Государственная политика бикультурализма, проводимая в Новой Зеландии, сфокусирована на достижении позитивного взаимодействия двух культур, представляемых потомками иммигрантов-европейцев и коренным народом маори. В эту модель полностью вписывается и интеграция мигрантов из стран Океании, в основном уроженцев бывших английских колоний: Самоа, Фиджи, Питкэрна и др., специально привлекаемых в страну в целях сохранения маорийской культуры. Инкорпорации таких мигрантов в новозеландское общество благоприятствует владение английским языком большинством из них, а также близость языку маори, второму официальному языку Новой Зеландии, других языков полинезийской группы.

Кроме того, и Канаде, в Австралии, и Новой Зеландии среди инокультурных мигрантов доминируют выходцы из Китая и Индии, обладающие, как известно, немалым интеграционным потенциалом, в отличие от трудноассимилируемых мусульман в Европе.

Второй вариант – так называемый **корпоративный мультикультурализм**, воплощавшийся в 70–90-е годы в Нидерландах и Великобритании. В Нидерландах, где по праву земли всем родившимся там потомкам мигрантов предоставлялось гражданство этой страны, закреплено их равенство с автохтонами перед законом и им были адресованы социальные программы, обеспечивавшие доступ к

²⁵⁵ Wood P., Landry C. Op. cit., p. 58.

²⁵⁶ Культурная сложность современных наций, с. 185.

образованию, жилому фонду и социальной помощи. Традиции защиты прав верующих и атеистов облегчили учреждение мусульманских и прочих учебных заведений конфессиональной направленности; введение квотной системы способствовало трудоустройству жителей с иностранными корнями и расширению их представительства в политических институтах и СМИ²⁵⁷.

Власти Великобритании делали упор на поддержание общественного порядка и управление отношениями между большинством и меньшинствами, формируя правовые условия для искоренения дискриминации и побуждения государственных организаций к учету в их деятельности этнокультурного разнообразия британского общества. Л.К. Мамедова показывает, что в предыдущие десятилетия такая политика продемонстрировала в Великобритании немало достоинств. Среди них – образовательные успехи небелых жителей (так называемых *BAME*²⁵⁸), рост в их массе средних слоев, их активное участие в политической жизни, лояльность мусульман британской нации, поддержка ее внешнеполитического курса и т.д.²⁵⁹ В 90-е годы многие даже считали, что в Великобритании создано успешное мультикультурное общество со все более сравнивающимися возможностями большинства и меньшинств. Некоторым даже казалось, что проблемы, связанные с расой и этничностью, возможно, скоро исчезнут²⁶⁰.

Однако во всех странах, проводивших политику мультикультурализма, наиболее сложные проблемы инкорпорации инокультурных сообществ так и остались нерешенными, а некоторые из них даже обострились. В Канаде, Австралии и Новой Зеландии так и не преодолены трудности социально-экономической интеграции аборигенов. В Великобритании отсутствие масштабных мер по интеграции представителей меньшинств в сферу занятости и их социальной поддержке обернулось появлением новых этнических анклавов, стигматизируемых массовой безработицей и депривацией их жителей. И Австралии, и Голландии, и Великобритании не удалось избежать волнений и беспорядков на этнорасовой почве. Расследование причин волнений в целом ряде городов Великобритании в 2001 г. выявило широкое распространение и глубокую укорененность «институционального» расизма, особенно в деятельности полиции и судебной системы. Оно также указало, что в условиях существования «параллельных обществ» необходим пересмотр так называемой политики сплочения, проводимой городскими и местными органами власти и т.п.²⁶¹ Как заметил в 2016 г. бывший

²⁵⁷ Wood P., Landry C. Op. cit., p. 59.

²⁵⁸ Black, Asian, and minority ethnic.

²⁵⁹ Культурная сложность, с. 87.

²⁶⁰ Wood P., Landry C. Op. cit., p. 60.

²⁶¹ Уже тогда усиливавшейся коммунитарной направленности правительственной политики «сплочения» между пространствами отдельных кварталов противопоставлялась идея присущих смешанным кварталам «сообществ без сообществ», каждое из которых маркировано множественными и гибридными территориальными аффилиациями. См. Wood P., Landry C. Op. cit., p. 62. Вместе с тем, как показывают исследования в западных странах и России, дисперсное проживание мигрантов и отсутствие этнических кварталов в городах не означает автоматическую интеграцию мигрантов, а пространственная близость необязательно ведет к социальной близости и включению мигрантов в те ли иные территориальные сообщества. В Москве, в отличие от европейских и американских метрополисов, отсутствует явная этническая и социальная сегрегация по территориальному принципу, которая бы предполагала расселение конкретных иммигрантских сообществ в определенных районах. Однако члены таких сообществ поддерживают связи между собой и порой даже создают в городе свою инфраструктуру (киргизские клиники, узбекские и киргизские рестораны и кафе), объекты которой не привязаны к определенным кварталам и рассчитаны на соэтнических потребителей со всего города, знающих благодаря социальным

председатель британской Комиссии по расовому равенству Т. Филлипс (*T. Phillips*): «Интеграция британских мусульман будет, вероятно, сложнейшей из задач, которые мы когда-либо решали. Это потребует отказа от столь любимого многими бесхребетного мультикультурализма и принятия гораздо более мускулистого подхода к интеграции»²⁶².

Причины неудач в построении многокультурного общества равных возможностей кроются как в сущности самой концепции мультикультурализма, так и условиях ее практической реализации. Воплощение подобной модели, поощряющее сохранение унаследованных элементов культурной идентичности, не благоприятствует при этом развитию чувства принадлежности к новой культуре, лояльности стране проживания. Осуществление такого курса, исходящего из верховенства групповых прав над индивидуальным выбором, культурных запросов над социальными, привело в итоге к нарастанию этнического и конфессионального коммунитаризма и росту социального иждивенчества.

Как пишет известный российский этнолог Е.И. Филиппова, реализация указанной стратегии вызывает «постоянное воспроизводство и исключение "другого" внутри национального государства, создание внутренних границ в форме этнических гетто и замкнутых общин... В конечном итоге идеология мультикультурализма, предполагающая примат культурного над социальным, и тем более политика мультикультурализма, ставящая групповые права выше индивидуального выбора, противоречат принципам демократии и угрожают существованию построенных на этих принципах национальных государств»²⁶³.

Названный автор отмечает и другие недостатки этой модели. «Мультикультуралистский дискурс зачастую призван замаскировать дискриминацию и исключение другого. Оказавшись не в состоянии обеспечить равенство, государства предложили взамен право на различие и именно этими (культурными) различиями оправдывают социальное неравенство. Отказывая меньшинствам в доступе к политике (и, в частности, к гражданству), им предлагают взамен свободу культурного выражения, нередко попустительствуя таким нормам и практикам, которые несовместимы с нормами и практиками большинства и с демократическими принципами как таковыми. Под лозунгом права на различие, – заключает Е.И. Филиппова, – культура воздвигает жесткие границы внутри современных обществ, лишенных прежних сословных перегородок. Наличие иностранного или регионального акцента, недостаточно грамотная литературная речь, незнание культурных и поведенческих кодов большинства, иной язык тела не только эффективно маркируют чужака в публичном пространстве, но и могут стать преградой для его социальной мобильности и карьерного роста»²⁶⁴.

Действительно, местное население зачастую отказывает мигрантам в признании их новой культурной идентичности. Оно видит в приезжих «вечных

сетям, где лечиться или где сыграть свадьбу. Тем не менее, несмотря на диффузное проживание мигрантов, которое, казалось бы, должно способствовать их социально-экономической интеграции, они сталкиваются в этой области с немалыми барьерами, в том числе дискриминационными практиками со стороны общества и властей. См. Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2017, no. 15, pp. 13-15.

²⁶² C4/survey and documentary reveals What British Muslims Really Think. 11 apr 2016 (<http://www.channel4.com/info/press/news/c4-survey-and-documentary-reveals-what-british-muslims-really-think>).

²⁶³ Филиппова Е.И. Мультикультурализм мертв? Дискурс и практики мультикультурализма в России и за рубежом / Человек в меняющемся мире. Томск, 2014, сс. 56-57.

²⁶⁴ Культурная сложность современных наций, с. 27.

чужаков», угрожающих не только переформатированием национальной идентичности в результате включения в нее иных культурных идентичностей, но и ее полным разрушением, предвещаемым в апокалипсических прогнозах превращения Европы в «Еврабию», а США – в «Мексифорнию». Подобные представления усугубляются опасениями рисков для безопасности принимающих стран, исходящих от множественной лояльности и соответственно политической ненадежности мигрантов, в частности возвращаемого в домашних условиях исламского терроризма.

Соглашаясь с критикой мультикультурализма как политики нациестроительства, в то же время можно предположить, что этот курс, как и феномен нации, – исторически преходящий феномен. Более того, для успешности этого курса необходимы определенные общественные условия. Трудно не согласиться с Л.К. Мамедовой, что «мультикультурализм жизнеспособен при сильной поддержке чувства общности у граждан принимающей страны»²⁶⁵. Однако разворачивающийся кризис национальной идентичности лишает этот курс необходимой опоры. «Мультикультурализм прошел свой апогей и сейчас становится препятствием на пути создания более динамичного и взаимосвязанного общества»²⁶⁶. В довершение всего, террористические акты, совершенные в европейских странах их новыми гражданами из числа мигрантов родом с исламского Востока, равно как и насильственные действия коренных белых жителей в отношении мусульман, уже не оставляют сомнений в провале мультикультурализма на Европейском континенте. Даже в Австралии и Канаде ощущается все больше скепсиса относительно перспективности мультикультурализма. Мало того, в первой ужесточаются требования к претендентам на получение гражданства этой страны, а в политическом дискурсе намечается постепенный отход от терминологии мультикультурализма.

Надо также учитывать, что, как показывает пример Нидерландов, в 80-90-е годы политика мультикультурализма проводилась в условиях существования ограниченного числа крупных, длительно проживавших в стране мигрантских сообществ и основывалась на наделении их «дифференцированными по группам правами». При этом государство субсидировало самоорганизацию мигрантов, их обучение, радиовещание на их родных языках, их привлечение к политическим консультациям и т.п. Однако резкое усиление разнообразия населения принимающих стран на рубеже тысячелетий существенно усложняет управление этим разнообразием и с организационной, и с финансовой точек зрения. Как подчеркивает австралийский культуролог Й. Энг, «в национальных государствах разнообразие достигло таких масштабов, которые уже более не способна вместить аккуратная модель единства в разнообразии»²⁶⁷.

В ответ на вызовы разнообразия власти отходят от подобных адресных мер и отдают все большее предпочтение политике, ориентированной на всех граждан, – более широкой политике гражданства, обращенной к принципам государства конституционной демократии (свобода слова, религии, равенство отношения, права человека), социальным правам и соответствующим им обязанностям граждан²⁶⁸.

²⁶⁵ Там же, с. 87.

²⁶⁶ Wood P., Landry C. Op. cit., p. 62

²⁶⁷ Ang I. Ethnicities and Our Precarious Future // Ethnicities, 2011, no 11(1), p. 29.

²⁶⁸ Engbersen G. Floating populations, civic stratification and solidarity: Comment on Will Kymlicka's article: "Solidarity in Diverse Societies" // Comparative Migration Studies, 2016, vol. 4, No.8

Голландский ученый-правовед Т. Ваал, констатируя этот процесс, полагает, что западные страны вступают не просто в «постмультикультурную эру»²⁶⁹ (в терминах испанского политолога Р. Сапата-Барреро), а в «эру антиразнообразия», знаменуемую разворачиванием на волне критики мультикультурализма справа «стратегии антиразнообразия»²⁷⁰.

У стран Европы, особенно Германии, Дании, Нидерландов и Франции, обозначается ассимиляционный крен, который подпитывается распространением в их обществах мнения, что интеграция более не должна носить встречного характера, ей следует быть однонаправленным процессом, предполагающим, что лишь иммигрантам необходимо усваивать нормы принимающего социума. Современный вариант ассимиляторства получил название **новой политики гражданской интеграции**, активным теоретиком и сторонником которой выступает немецкий социолог Х. Йопке. При таком подходе делается акцент на занятии вновь прибывших в процессе их включения в общественную жизнь страны-реципиента, от них ожидают уважения к базовым либерально-демократическим ценностям. Также подчеркивается необходимость овладения ими базовыми знаниями языка, истории и институтов этой страны как неперемennого условия для получения там вида на ПМЖ и гражданства. Однако при этом принудительный вариант подобной политики чреват социальным исключением, нарушением демократических принципов и подавлением культурного плюрализма.

И мультикультурализм, и ассимиляторство противопоставляли меньшинство большинству, различаясь лишь тем, что одна модель поощряла отделение меньшинства от большинства, а другая – поглощение первого последним. По замечанию Р. Сапата-Барреро, обе эти модели оказались запертыми в заколдованном кругу, увязывая разнообразие с меньшинствами, и соответственно «другими» для большинства, тогда как разнообразие должно пониматься как атрибут всего общества²⁷¹.

Еще в 2005 г. Т. Филлипс, возглавлявший тогда британскую Комиссию по расовому равенству, заявил: «Над нами нависла угроза выплеснуть интеграционного младенца из купели вместе с ассимиляционной водой...Необходим баланс между "все дозволяющим" мультикультурализмом, который ведет к углублению разногласий и неравенства, с одной стороны, и нетолерантной репрессивной униформностью, с другой. Нам нужна такая интеграция, которая нас объединяет, не подавляя при этом. Мы должны быть нацией многих цветов, сочетание которых образует целую радугу. Это действительно означает признание разнообразия и отвержение ассимиляции»²⁷². Настоятельную необходимость поиска альтернативы «неолиберальному мультикультурализму, отстаивающему мобильность и разнообразие за счет национальной солидарности, равно как и шовинизму благосостояния, защищающему национальную солидарность в ущерб иммигрантам и меньшинствам», подчеркивает и канадский философ и политолог У. Кимлика²⁷³.

²⁶⁹ Zapata-Barrero R. Interculturalism in the post-multicultural debate: a defense // Comparative Migration Studies, 2017, no. 5 (<https://doi.org/10.1186/s40878-017-0057-z>).

²⁷⁰ Waal T. Is the post-multicultural era pro-diversity // Comparative Migration Studies, 2018, no. 6 (<https://doi.org/10.1186/s40878-018-0084-4>).

²⁷¹ Zapata-Barrero R. Op. cit.

²⁷² Wood P., Landry C. Op. cit., p. 62.

²⁷³ Kymlicka W. Solidarity in diverse societies: beyond neoliberal multiculturalism and welfare chauvinism// Comparative Migration Studies, 2015, no. 3(17) (<http://dx.doi.org/10.1186/s40878-015-0017-4>)

5.3. ПОИСКИ НОВЫХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ СБЛИЖЕНИЯ РАЗНЫХ ЭТНОСОВ И КУЛЬТУР

В условиях кризиса европейской интеграционной политики, в отсутствие эффективных механизмов улаживания этнокультурных конфликтов предлагаются новые, отличные от мультикультурализма и ассимиляции, модели организации межкультурных отношений, основанные на признании существования в обществе этнических и прочих различий и ориентированные на поиск основ реального сближения представителей разных культур.

Как следует из теории контакта (Г. Оллпорт и др.)²⁷⁴, для налаживания позитивного взаимодействия разных этнокультурных групп необходимо наличие у них общих интересов. Как это ни парадоксально при обострении этнокультурных противоречий на фоне миграционного кризиса в Европе, очертания оснований для такого сотрудничества, хотя и не четкие, все же просматриваются в регионе. Так, согласно телефонному опросу 2015 г., 71% британских мусульман считали, что ценности ислама и британского общества совместимы²⁷⁵. 73% опрошенных на территории ЕС весной 2016 г. считали, что у жителей их страны есть много общего. В Швеции этот показатель достигал 90%, а в Ирландии – 92%, и это, несмотря на то, что они испытали в последние десятилетия интенсивный приток мигрантов²⁷⁶. Эта же тенденция просматривается и в Америке. Согласно опросу Центра Реву 2016 г., 54% испаноязычных и 57% англосаксонских жителей США полагали, что для улучшения межрасовых отношений (в частности между белыми и черными) в этой стране важнее фокусироваться на общем, объединяющем этнические и расовые группы, а не на уникальности исторического опыта и характеристик разных групп²⁷⁷.

Иранский психолог Ф. Могхаддам продвигает модель **омникультурализма**. Ученый пишет: «Конечной целью омникультурализма является построение общества, в которое люди осознают общность человеческой природы и отдают ей приоритет, оставляя также место для признания и дальнейшего развития групповых отличий»²⁷⁸. Фактически омникультуралистская модель предполагает конструирование своеобразной *двойственной идентификации*: с некой транскультурной общностью как категорией высшего (*superordinate*) порядка и с локальной культурной группой. Инструментом реализации данного подхода должна стать система образования, на первой стадии прививающая учащимся идеи общности человеческих ценностей и универсалий человеческого поведения, а на второй – идентифицирующая групповые различия и подчеркивающая ценности разнообразия, но при этом отдающая приоритет общности людей. В продвижении этого подхода, в частности в поиске фундаментальных оснований общности людей и ответе на вопрос: какие у людей общие характеристики, важную роль призвана

²⁷⁴ См., например, Allport G.W. The nature of prejudice. New York, 1979; Pettigrew Th., Christ O., Wagner U., Stellmacher J. Direct and indirect intergroup contact effects on prejudice: A normative interpretation // International Journal of Intercultural Relations, 2007, vol. 31, no. 4; Варшавер Е. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2015, № 5.

²⁷⁵ British Muslims Poll. Prepared by Survation on behalf of Sky News (<http://interactive.news.sky.com/2015/PDFs/Sky-Muslim-Poll.pdf>).

²⁷⁶ Standard Eurobarometer, 2016, no. 85, p. 28.

²⁷⁷ On views of race On Views of Race and Inequality, Blacks and Whites Are Worlds Apart, 2016, p. 34 (http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/3/2016/06/ST_2016.06.27_Race-Inequality-Final.pdf).

²⁷⁸ Moghaddam F.M. The Omnicultural Imperative // Culture & Psychology, 2012, no. 18, p. 306 (<http://dx.doi.org/10.1177/1354067X12446230>).

сыграть психологическая наука. Кросскультурные исследования в США указывают на поддержку идей омникультурализма немалой частью населения этой страны.

Однако люди, конструируя универалистский концепт человеческой природы как категорию высшего порядка, нередко склонны воспринимать именно свою группу как более прототипичную, что ведет к инфрагуманизации, то есть дискриминации других групп. Например, коренные жители Германии, идентифицируя себя одновременно как немцев и европейцев, стремятся исключать аутгруппы, в частности иммигрантов, из своего определения высшей – европейской – категории. Индикатором предубеждения человека по отношению к другим этносам может служить его мнение о том, что представители разных наций отличаются друг от друга врожденным уровнем интеллекта от рождения. Если в Швеции, Норвегии, Нидерландах, Германии и Дании так полагают не более 10% респондентов, то в Чехии, Португалии, Венгрии и Эстонии – уже треть и более (см. рис. 5.3). И в США 29% опрошенных 2016 г. Центром Pew латиносы отмечали, что окружающие относятся к ним как интеллектуально неполноценным²⁷⁹. Некоторые сторонники омникультурализма полагают, что необходимо более широкое понятие человеческой природы, включающее ее понимание в других культурах и фокусирующееся на сходстве первичных человеческих эмоций²⁸⁰.

Рис. 5.3. Доля респондентов, считающих, что представители определенных наций отличаются врожденным уровнем интеллекта, 2014 г., %
Источник: European Social Survey 2014.

Историками Р. Келли и В. Прашадом предложена модель **поликультурализма**. В рамках этого подхода акцентируются исторические и современные взаимосвязи и взаимовлияния групп, относящихся к разным этносам, расам и культурам. Отмежевываясь от эссенциалистского рассмотрения культур как обособленных и неизменных, упомянутые авторы полагают, что не бывает «чистых» культур, присущих конкретным расовым или этническим группам и что нельзя

²⁷⁹ On views of race, p. 61.

²⁸⁰ Bilewicz M., Bilewicz A. Who defines humanity? Psychological and cultural obstacles to omniculturalism // Culture Psychology, 2012, no. 3.

понимать и использовать культуру для разграничения, а фактически – разобщения групп. Они представляют культуры и народы как продукт пересекающихся историй и взаимосвязей между разными этническими и расовыми группами²⁸¹. Примером таких взаимосвязей между народами Африки и Азии и взаимовлияний их культур считается боевое искусство кунг-фу, обретшее мировую популярность.

По замыслу архитекторов этой модели, осознание людьми общности, характеризуемой как «все мы – наследники прошлого европейцев, африканцев, американских индейцев и ... азиатов»²⁸², позволит улучшить их отношения с отличными «другими». Опираясь на результаты социально-психологических обследований населения, сторонники этого подхода считают, что распространение идей поликультурализма, в том числе через систему образования, поможет людям, относящимся к разным группам, улучшить отношения между ними, более комфортно чувствовать, живя, работая и обучаясь рядом с отличными «другими». При этом в процессе реализации такой политики не потребуется определение общих целей и формирование взаимозависимостей, поскольку культурное взаимовлияние существует и лишь нуждается в акцентировании²⁸³.

Однако представители некоторых групп, особенно маргинальных, могут фокусироваться и на негативных аспектах таких связей, например рабстве и колонизации, навязывании культуры господствующей группы и т.п. Представители доминирующих культур также могут недооценивать роль других культур: как минимум 27% коренных жителей европейских стран считают, что одни культуры лучше других. А в Норвегии и Дании этот показатель зашкаливает за 60% (см. рис. 5.4).

Рис. 5.4. Доля респондентов, считающих, что отдельные культуры лучше других, 2014 г., % коренного населения
Источник: European Social Survey 2014.

²⁸¹ Prashad V. Bruce Lee and the anti-imperialism of Kung Fu: A polycultural adventure // Positions, 2003, no. 11; Kelley R. The people in me // Utne Reader, 1999, no. 95.

²⁸² Kelley R. Op. cit., p. 81.

²⁸³ Rosenthal L., Levy S. The Colorblind, Multicultural, and Polycultural Ideological Approaches to Improving Intergroup Attitudes and Relations // Social Issues and Policy Review, 2010, no. 1.

При этом представление истории с позиции поликультурализма может фокусироваться на негативных межгрупповых отношениях и их влиянии на прошлое и современное состояние обществ, что чревато усилением взаимного неприятия и враждебности между такими группами. Напротив, сосредоточение внимания исключительно на позитивных взаимосвязях и взаимовлияниях, способствовавших, например, развитию знания, науки и технологий или формированию таких популярных продуктов культуры, как национальная еда, музыка, танцы и т.п., способно вызвать ощущение поверхностности данного подхода и его отвержение. Все это ограничивает потенциальные имплементационные возможности данной модели, как и предыдущей. Учитывая возможности подобной негативной реакции, сторонники данного подхода считают предпочтительным нейтральный вариант этой концепции, признающий наличие взаимосвязей без их оценки или же подчеркивающий как их позитивные, так и негативные аспекты²⁸⁴.

Таким образом, оба подхода не представляются самодостаточными. Более того, они могут иметь лишь отложенное во времени, ограниченное и притом далеко не всегда позитивное воздействие.

Проведенный в данной главе анализ показывает, что негативные эффекты культурного разнообразия в развитых регионах в немалой мере обусловлены неспособностью принимающего общества вместить, интегрировать это разнообразие, сгладить его наиболее острые проявления и обеспечить нормальные межкультурные отношения. Что во многом проистекает из неадекватности управленческой стратегии и практических мер. В этой связи растущий интерес вызывает **интеркультурализм**, который призван преодолеть недостатки других подходов.

²⁸⁴ Bernardo A., Rosenthal L., Levy S. Polyculturalism and attitudes towards people from other countries // International Journal of Intercultural Relations, 2013, no. 37.

Глава 6. КУРС НА ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ

И. Цапенко

Предоставляя метекам²⁸⁵ возможность участвовать во всем, в чем их участие было бы полезно,... мы смогли бы внушить им большую благожелательность и вместе с тем сделали бы город более сильным и великим...

Ксенофонт. О доходах.

Среди новых интеграционных подходов, заявивших о себе на волне критики мультикультурализма, быстро набирает популярность интеркультурализм. Он делает ставку на развитие культурного плюрализма и налаживание позитивного межкультурного взаимодействия между людьми на основе поиска у них совместных интересов.

По большому счету, и термин, и концепт интеркультурализма – сами по себе не новы. Как полагает британский эксперт по межкультурным отношениям Т. Кэнтл, некоторые идеи данного интеграционного подхода были высказаны еще в 1959 г. – даже ранее, чем мультикультурализма, заявившего о себе в 1960 г. Однако при том, что мультикультурализм совершил политический рывок и на протяжении нескольких десятилетий определял курс целого ряда западных правительств в отношении мигрантских сообществ, интеркультурализм как интеграционная модель долгое время находился в «дремлющем состоянии», не привлекая внимания ученых и политиков²⁸⁶. Тем временем отдельные идеи, родственные интеркультурализму, воплощались в Европе в общественную практику под иными политическими знаменами и девизами. Об этом, например, свидетельствует предоставление иностранцам права участия в выборах местных органов власти, вовлечение представителей этнических меньшинств в деятельность правительственных институтов и государственных учреждений, проведение кампаний по борьбе с дискриминацией, осуществление специальных программ обучения детей иммигрантов языкам страны происхождения и проживания, учет этнокультурной принадлежности пациентов при проведении их лечения и т.п.

«Разбуженный» кризисом мультикультуралистской модели интеркультурализм консолидируется теоретически, постепенно оформляясь из разрозненных положений во все более целостную концепцию и обретая новый, современный облик. Опора на уже сложившиеся, созвучные интеркультурализму практики, их реконфигурация и продвижение в рамках проекта Совета Европы и Еврокомиссии позволяют этому идейно-политическому течению выдвинуться в качестве реального интеграционного курса, который претендует сменить отживающий свой век мультикультурализм.

6.1. КОНЦЕПТ И ДИСКУРС ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМА

В основе теоретической конструкции интеркультурализма лежит система принципов, которые были сформулированы на рубеже тысячелетий австралийской исследовательницей проблем городского планирования Л. Сэндеркок. Приведем

²⁸⁵ Метеки – чужеземцы в Афинах, которые имели намного меньше прав, чем граждане города.

²⁸⁶ Cantle T. Interculturalism: for the era of cohesion and diversity. London, 2012.

основные положения предлагаемой ученым концепции управления городами будущего, называемыми ею космополисами.

– Культурная встроенность людей закономерна. Они вырастают в культурно структурированном мире, формируются им и видят его сквозь призму своей специфической культуры. Хотя они способны критически оценивать нормы и практики, относящиеся как к их родной культуре, так и к другим культурам, некоторые формы культурной идентичности и принадлежности представляются неизбежными.

– Культура, вопреки ее эссенциалистскому пониманию как статичной, в реальности всегда развивающаяся, динамичная и неизбежно гибридная. Все культуры, даже якобы консервативные и традиционные, содержат внутри себя множественные различия, которые находятся в состоянии взаимодействия.

– Позитивный межкультурный диалог должен быть необходимым элементом культурно разнообразных обществ. Никакая из культур не является и не может быть совершенной. Но всем культурам есть чему учиться у других и учить других. Культуры развиваются в процессе повседневной практики и социального взаимодействия.

– Политическая борьба вокруг интеркультурализма неизбежна, учитывая общественные дискуссии вокруг достоинств множественных идентичностей и требований права на отличие.

– В основе интеркультурализма как повседневной политической практики находятся два права: право на отличие и право жителя города. Первое означает признание легитимности и специфических потребностей меньшинств или культур, не относящихся к господствующим. Второе – это право на присутствие, занятие публичного пространства и участие на равных в общественных делах.

– Право на отличие должно постоянно отвоевывать себе место среди других прав и переопределяться в соответствии с новыми запросами и соображениями.

– Понятие постоянной состоятельности интеркультурализма подразумевает отстаивание демократическими политиками требований активного гражданства и ежедневной интерактивности различий во всех сферах межкультурного взаимодействия.

– Чувство принадлежности к межкультурному обществу не может основываться на расе, религии или этничности, а нуждается в фундаменте разделяемой приверженности политическому сообществу. Такая приверженность требует гражданства, наделяющего его носителей необходимыми правами и возможностями.

– Страх и нетерпимость могут быть преодолены только путем воздействия на неравенство в политической и экономической сфере и формирования новых нарративов о национальной и локальной идентичности и их символах²⁸⁷.

Такие суждения получили последующее развитие в работах П. Вуда, Ж. Бушара, Т. Кэнтла, А. Раттанси, Д. Пинелли, Р. Сапаты-Барреро и целого ряда других исследователей. В их видении интеркультурализм признает неизбежность укоренности культур, существование права на отличие, на специфические потребности культурных меньшинств. Однако он выступает против морального релятивизма за универсальные ценности. В противовес акценту мультикультурализма на защиту культурных различий, которые разобщают социум, если в нем не создаются условия для взаимодействия представителей разных этнических, конфессиональных и др. групп, интеркультурализм, опираясь на теорию

²⁸⁷ См. Wood P., Landry C. The Intercultural City: Planning for Diversity Advantage. London, 2008, pp. 64-65.

контакта (Г. Оллпорт и др.), обещает ослабить мотивы к формированию замкнутых культурных сообществ. Он отходит от прежнего понятия диалога культур, исходящего из их различия. Межкультурный диалог как неотъемлемый элемент поликультурного общества, основывающийся на общих человеческих потребностях и интересах независимо от культурных принадлежностей людей и предполагающий их взаимную ответственность и равенство положения, должен вестись поверх (хотя в самом слове «интеркультурализм» присутствует приставка «интер», то есть «между») культурных и этнических границ.

Стержневые идеи и принципы интеркультурализма были зафиксированы в «Белой книге по межкультурному диалогу», утвержденной министрами иностранных дел 47 стран – членов Совета Европы в 2008 г., и манифесте совместной программы Совета Европы и Европейской комиссии «Межкультурные города», принятом в 2009 г. Белая книга определяет межкультурный диалог как «открытый и вежливый обмен мнениями на основе взаимопонимания и уважения между лицами и группами с различным этническим, культурным, религиозным и языковым прошлым и наследием»²⁸⁸.

Главными условиями межкультурного диалога, как указано в этом документе, являются развитие соответствующих структур управления, межкультурные знания, которыми должны обладать государственные учреждения и организации социального обслуживания, а также создание пространств межкультурного диалога, открытых для широких масс. Это позволит «избежать разделения по этническому, религиозному, лингвистическому принципам», «...вместе идти вперед и на основе разделяемых всеми универсальных ценностей находить конструктивный и демократический подход к нашей различной идентичности»²⁸⁹. В результате должна сложиться «межкультурная система», которая возьмет лучшее из предыдущих моделей. Из концепции ассимиляции – интерес к индивидуальной личности, ее правам и свободам, а у мультикультурализма – признание факта культурного многообразия и при этом включит «новый элемент – крайне важный для интеграции и социального сплочения – диалог на основе равного достоинства и общих ценностей»²⁹⁰.

При этом подчеркивается добровольность подобного межкультурного взаимодействия. Как пишет Р. Сапата-Барреро, «если люди не хотят контактировать, мы не можем их к этому принудить», нельзя заставить их считать хорошей жизнь, изобилующую контактами с людьми других культур, и тем более сделать такое понимание публичной нормой²⁹¹. Интеркультурализм лишь стремится создать благоприятные условия для развертывания таких коммуникаций и интеграции диалога в культурную сферу, связанную с образом жизни. Акцент интеркультурализма на диалог и контакты между индивидами и группами в обществе разнообразия отличает его от мультикультурализма, одним из центральных элементов которого являются взаимоотношения между государством и культурными меньшинствами²⁹².

²⁸⁸ Белая книга по межкультурному диалогу: «Жить вместе в равном достоинстве». Страсбург, Совет Европы, 2009, с. 10.

²⁸⁹ Белая книга, с. 3.

²⁹⁰ Там же, с. 20.

²⁹¹ Zapata-Barrero R. Interculturalism in the post-multicultural debate: a defense // Comparative Migration Studies, 2017, no. 5 (<https://doi.org/10.1186/s40878-017-0057-z>).

²⁹² Под межкультурными контактами понимаются встреча реальных людей с разным культурным бэкграундом в конкретных физических местах, а также личные отношения этих людей. Для содействия которым требуется политика городского планирования, направленная на создание городских пространств межкультурных контактов.

Подчеркивая ключевую роль такого диалога, точнее было бы даже говорить о «культурном полилоге, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза, слияния, полного культурного перевода, где культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются, сохраняя свое право на "непрозрачность"»²⁹³. Осуществляющееся в ходе такого взаимодействия социальное смешивание призвано способствовать формированию общей публичной культуры и нового социального целого. Этого предполагается достичь благодаря инициативному добровольному гражданскому участию без массивной финансовой поддержки.

Основной площадкой для реализации идеи межкультурной интерактивности призваны стать города. Как отмечал немецкий философ и социолог Г. Зиммель, «в толерантной среде городское пространство становится лабораторией социальных экспериментов, местом, где происходят контакты и реализуются общественно-политические проекты локального коллектива», который объединяет сограждан следованием общим ценностям, заинтересованностью в общем благе, общей локальной идентичностью²⁹⁴. Именно в городах будут приниматься ключевые решения, определяющие, станет ли Европа в последующие десятилетия удобной для проживания в своем культурном разнообразии или же будет пребывать в состоянии внутренней войны. Более того, XXI век – это столетие городского пространства, после 2007 г. больше половины населения Земли проживает в городах, а не в сельской местности. И во многом от того, смогут ли города сделать разнообразие своим активом, или же оно станет для них обузой, будет в ближайшие годы зависеть, какие из них будут процветать, а какие придут в упадок²⁹⁵.

В отличие от ориентации стратегий гражданской интеграции (по сути, ассимиляции) и мультикультурализма на национальный уровень, интеркультурализм сосредоточивается на локальном уровне. Австрийский политолог Р. Баубек, расценивая уровень национальных государств как адекватный для продвижения всеобъемлющих концепций социальной справедливости, считает его все менее подходящим для управления культурным разнообразием, обусловленным не столько поселенческой, сколько временной миграцией и называемым им «территориальным национализмом меньшинств». Города же, как полагает ученый, предоставляют альтернативные политические пространства, которые открыты для чужестранцев, прибывающих из разных уголков планеты, а затем, возможно,

Межкультурный диалог представляет собой встречу идей, ценностей, символов, суждений, практик и т.п., присущих разным традициям, это общественный процесс, в ходе которого эти атрибуты культур адаптируются друг к другу и ведут переговоры по поводу их выражения в совместной публичной сфере. Для ведения такого диалога требуется повышение чувствительности правительства к запросам меньшинств, выражаемым их элитами в судах, на официальных общественных консультациях, в законодательных собраниях и т.п. При этом межкультурный контакт, в ходе которого, например, обсуждается погода, не автоматически генерирует межкультурный диалог, а последний не обязательно осуществляется посредством личных контактов, он может вестись посредством сообщений в газетах и научных журналах. См. Boucher F., Maclure J. Moving the debate forward: interculturalism's contribution to multiculturalism // *Comparative Migration Studies*, 2018, no. 6 (<https://doi.org/10.1186/s40878-018-0078-2>).

²⁹³ Тлостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации. Учеб. пособие. Москва, РУДН, 2008, с. 153.

²⁹⁴ Цит. по: Культурная сложность современных наций. Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. Москва, 2016, с. 130.

²⁹⁵ Межкультурные города. К модели межкультурной интеграции. Под ред. Ф. Вуда. Б. м., Совет Европы, 2009, с. 23 (<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016802ff5f0>).

переезжающих в другие государства. Лояльность таких жителей может быть обеспечена путем реализации концепции гражданства, вытекающего не из места рождения, а из места жительства²⁹⁶, в частности конкретного города. Хотя, как замечает У. Кимлика, «локальные проекты межкультурного взаимодействия непременно будут хрупкими в отсутствие явного стремления государства переопределить понятие национальной общности»²⁹⁷.

Принципиально отличает интеркультурализм от мультикультурализма и лежащий в основе первого подход к разнообразию – не только и не столько как к фактору общественных антагонизмов, а как к преимуществу (*diversity advantage*), общественному благу и источнику развития креативных и инновационных возможностей общества. Как пишет Д.М. Бондаренко, «равноправное сосуществование множества культурных идентичностей акцентируется ныне как новая базовая национальная ценность, как источник национального развития в современных условиях интенсивной глобализации»²⁹⁸. Более того, если следовать логике Р. Флориды, создание толерантной среды в городах способно привлекать туда кадры и инвестиции, содействуя продвижению экономики знаний. Расценивая культурную принадлежность члена социума как своего рода «индивидуальную собственность и экономический актив, по отношению к которым человек занимает предпринимательскую позицию»²⁹⁹, сторонники интеркультурализма видят в мобилизации такого ресурса в сфере занятости возможность преодоления отверженности в социально-экономической сфере и тем самым некоторой разгрузки государства благосостояния³⁰⁰.

Помимо этого, интеркультурализм обнаруживает отход от эссенциализма и принудительного группизма в отношении идентичностей, присущих мультикультурализму. В новой модели люди и группы представляются добровольными носителями динамичных многомерных и гибридных идентичностей³⁰¹.

Во-первых, интеркультурализм – противник аскриптивных, предписанных от рождения индивиду сообществами идентичностей и выстраиваемых на их основе стереотипов, которые используются для достижения политических целей и способствуют воспроизведению этнокультурных размежеваний. В интеркультурализме право на культурную идентичность и практику – это не навязываемая защита свободы культурных сообществ от большинства, а свобода выбора индивидом своей культурной, в том числе множественной, принадлежности и образа жизни. Идея этой свободы была сформулирована в рамках возможностного подхода лауреатом Нобелевской премии по экономике А. Сеном³⁰².

²⁹⁶ Bauböck R. Why liberal nationalism does not resolve the progressive's trilemma: Comment on Will Kymlicka's article: "Solidarity in Diverse Societies" // Comparative Migration Studies, 2016, vol. 4, no. 8. (<https://doi.org/10.1186/s40878-016-0031-1>)

²⁹⁷ Цит. по: Joppke C. War of words: interculturalism v. multiculturalism // Comparative Migration Studies, 2018, no. 6 (<https://doi.org/10.1186/s40878-018-0079-1>).

²⁹⁸ Культурная сложность современных наций, с. 240.

²⁹⁹ Bodirsky K. The Intercultural Alternative to Multiculturalism and its Limits. Paper presented at the Workshop "Uncertainties in the Crisis of Multiculturalism" at the EASA 2012 conference, Paris, 2012, p. 6 (http://scholarworks.umass.edu/chess_easa?utm_source=scholarworks.umass.edu%2Fchess_easa%2F8&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages).

³⁰⁰ Bodirsky K. Op. cit., pp. 4-5.

³⁰¹ Wood P., Landry C. Op. cit., pp. 64-65.

³⁰² Федюнин С. Мир после мультикультурализма: научные прорывы и политические тупики // Вестник Института Кеннана в России, 2013, вып. 23, с. 66-76.

Во-вторых, интеркультурализм, тяготея к конструктивизму, исходит из пластичности и изменчивости этнокультурных, равно как и многих иных, типов самоотнесения, претерпевающих дальнейшие метаморфозы у потомков мигрантов и их последующих поколений.

В-третьих, интеркультурализм делает ставку на кросскультурное взаимообогащение и гибридизацию идентичностей, включая вкрапление элементов культурных идентичностей значимых «других» в идентичности коренных жителей и принятие ими тех или иных основных норм находящихся по соседству инокультурных общин³⁰³. В процессе трансграничных передвижений люди знакомятся с новыми культурами, усваивают и интернализируют их, а также относящиеся к ним смыслы, представления, нормы, ценности, практики и образцы поведения. Поскольку зачастую мигранты не утрачивают своих исторических корней, прежней культуры, связей с родиной, происходит смешение и объединение элементов взаимодействующих культур. В кросскультурных пространствах, в которых люди живут одновременно в разных культурных измерениях, происходит диффузия исходных культурных идентичностей³⁰⁴. Генерируются новые – межкультурные, или транскультурные – виды самокатегоризации, носители которых обладают более толерантным мышлением, способны видеть мир глазами «других», «видеть себя в "других"»³⁰⁵ сквозь межкультурные линзы, фокусироваться на общем, сближающее, а не на различия, уважая при этом последние, адекватно переключать поведенческий репертуар. Это делает таких индивидов «идеальными медиаторами межкультурных конфликтов и разобщенности в сообществах, нациях и в мире в целом»³⁰⁶. В выстраивании таких идентичностей видится потенциал формирования общности людей на транскультурной основе³⁰⁷.

В-четвертых, учитывая многосоставной характер идентичности, возможности позитивной развертки межкультурных идентичностей, их позитивного совмещения с гражданской идентичностью, межкультурное взаимодействие в условиях демократии может способствовать преодолению на микроуровне антагонизмов «мы–чужие», осознанию людьми общности с позитивно значимыми другими, формированию с ними чувства «мы»³⁰⁸ и поддержанию в многосоставных социумах гражданского согласия. В этом заключается потенциал интеркультурализма в консолидации фрагментированных социумов. Поскольку проблемы социокультурной интеграции во многом проистекают из социально-экономической неустроенности мигрантов и их потомков, ограниченности их прав и политического участия, враждебности окружающей их социальной среды, решение этих вопросов предполагает комплексный подход. Предусматривается содействие гражданской и социально-экономической интеграции представителей этнических меньшинств, формирование их приверженности ценностям, истории и традициям страны проживания при обеспечении условий для сохранения этничности и религиозной принадлежности как важного компонента идентичности, не препятствующего культурной

³⁰³ Британская комиссия по расовому равенству еще в начале века заявляла о преобладании культурной гибридности в Великобритании, представляя страну как место жительства граждан с множественными идентичностями.

³⁰⁴ Эпштейн М.Н. Транскультура и трансценденция / Только уникальное глобально: Личность и Управление. Культура и Образование. СПб., 2007.

³⁰⁵ Cuccioletta D. Multiculturalism or Transculturalism: Towards a Cosmopolitan Citizenship // London Journal of Canadian Studies, 2001/2002, vol. 17, p. 1.

³⁰⁶ Benet-Martínez V. Multiculturalism: Cultural, Social, and Personality Processes // K. Deaux, M. Snyder (eds.). Oxford handbook of personality and social psychology. Oxford, 2012, p. 639.

³⁰⁷ Cuccioletta D. Op. cit., p. 9.

³⁰⁸ Акопов С.В. Человек многомерный. СПб., 2015, сс. 160, 212, 236.

идентификации с принимающим сообществом. В итоге реализация данного курса должна разрушить предрассудки и стереотипы в отношении «других», устранить социокультурные барьеры и сегрегацию, возродить и наладить доверие и взаимопонимание между людьми, сплотить последних и обеспечить политическую стабильность³⁰⁹. Этому благоприятствует и идеологическая нейтральность и кросс-партийность призывов европейского интеркультурализма.

Однако во взглядах архитекторов и сторонников этой концепции пока нет стройности. Основные используемые понятия, в том числе и сам термин «интеркультурализм», не устоялись и неоднозначно позиционируются в координатах интеграционных моделей. Симптоматично, что в русскоязычной литературе даже нет единого общепринятого определения нового подхода, называемого также межкультурализмом.

Одна группа исследователей видит (или первоначально видела) в новом течении не радикальный отход от мультикультурализма, а лишь его разновидность. Например, формирующаяся модель трактуется не как альтернатива либеральному мультикультурализму, а как «альтернативный неолиберальный мультикультурализм» с присущими неолиберализму социальными ограничениями³¹⁰.

Или же, наоборот, зарождающееся направление интерпретируется как новый, хороший интеркультурный, интеграционный мультикультурализм в отличие от прежнего – плохого, дезинтеграционного³¹¹. Кроме того, выделяются «мультикультурно чувствительный интеркультурализм» и «интеркультурно настроенный мультикультурализм», которым есть чему учиться друг у друга³¹². При этом, учитывая утвердившееся в широких массах негативное отношение к мультикультурализму, попытки его ребрендинга под названием интеркультурализма могут сослужить плохую службу для продвижения последнего. Однако и признание мультикультурализма полностью себя дискредитировавшим может быть на руку сторонникам ассимиляторства и ксенофобам, что также не благоприятно для упрочения интеркультурализма.

Другая группа экспертов сводит интеркультурализм преимущественно к политике в области межкультурных отношений, которая «поддерживает взаимодействие, понимание и уважение разных культур и национально-этнических групп»³¹³. И соответственно рассматривает его «не как новую парадигму управления разнообразием или интеграции мигрантов, а только как часть целостной интеграционной политики»³¹⁴, то есть как всего лишь один из элементов такой политики.

Ряд активных сторонников мультикультурализма не видят ничего нового в интеркультурализме. У. Кимлика считает его функции «чисто риторическими»: интеркультурализм продолжает повестку мультикультурализма под другим флагом, отрекшись от этого названия. А Т. Модуд обвиняет новое течение в карикатурном искажении портрета мультикультурализма, по крайней мере его либерального варианта³¹⁵.

³⁰⁹ Cante T. *Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity*. London, 2012, p. 103.

³¹⁰ Bodirsky K. *Op. cit.*, pp. 1, 6.

³¹¹ Паин Э.А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму // Вестник Института Кеннана в России, 2011, вып. 20.

³¹² Levrau F., Loobuyck P. Introduction: mapping the multiculturalism-interculturalism debate // *Comparative Migration Studies*, 2018, no. 6 (<https://doi.org/10.1186/s40878-018-0080-8>).

³¹³ Межкультурные города. К модели межкультурной интеграции, с. 11.

³¹⁴ *Intercultural policies in European cities*. Strasbourg, 2010, p. 8.

³¹⁵ Joppke C. *Op. cit.*

Кроме того, некоторые ученые считают, что между обеими моделями больше сходства, чем различий, и что они не просто комплементарны³¹⁶, а являются «неразлучными друзьями»³¹⁷. Интеркультурализм также позиционируется и как компромиссный вариант между мультикультурализмом и ассимиляцией, призванный преодолеть недостатки обоих подходов³¹⁸.

Наконец, часть последователей интеркультурализма исходят из того, что общества вступают в новый исторический период – «межкультурный век»³¹⁹, который сулит превращение стран из территорий в «социально и культурно мотивированные кооперации»³²⁰. Согласно этой, представляющейся наиболее адекватной позиции, «интеркультурализм – это не просто новая риторика или модная политика, а действительно новая парадигма»³²¹. Парадигма развития современных социумов и их интеграционной политики, представляющая третий путь³²², реальную альтернативу мультикультурализму и ассимиляции³²³.

Будучи предметом жарких научных дискуссий, интеркультурализм присутствует и в политическом дискурсе, который в Европе ведется, однако, почти исключительно на наднациональном уровне. Согласно документам Совета Европы, последний выдвигает интеркультурализм как новую интеграционную модель, как альтернативу ассимиляторству и мультикультурализму, берущую лучшее из прежних подходов и добавляющую к этому межкультурный диалог. Однако при этом Совет Европы четко не определяет политические механизмы реализации данной парадигмы. А, судя по документам Европейской комиссии, роль межкультурного диалога в интеграционной политике редуцирована к избавлению последней от ошибок мультикультурализма. Датский культуролог О. Гарсия Агустин подчеркивает, что Европейская комиссия делает основной акцент не столько на правах иммигрантов, сколько на их обязанностях. Таких как уважение фундаментальных ценностей ЕС, лежащих в основе общеевропейской идентичности, активность на рынке труда, приобретение базовых знаний языка, истории и институционального устройства принимающего государства, что свойственно скорее политике гражданской интеграции, от которой ЕК отказываться не собирается³²⁴.

³¹⁶ Meer N., Modood T. How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? // Journal of Intercultural Studies, 2011, vol. 33, no. 2, p. 192.

³¹⁷ Joppke C. Op. cit.

³¹⁸ Interculturalism: Europe and Its Muslims In Search of Sound Societal Models. Ed. by M. Emerson. Brussels, 2011, p. 2.

³¹⁹ Zapata-Barrero R. The three strands of intercultural policies: a comprehensive view // GRITIM-UPF Working Paper Series, 2013, no. 17, p. 7.

³²⁰ Неклесса А.И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизация // Полис. Политические исследования, 2015, № 1, с. 87.

³²¹ Zapata-Barrero R. The three strands of intercultural policies: a comprehensive view, p. 7.

³²² Cantle T. Op. cit.

³²³ Bodirsky K. Op. cit.

³²⁴ По мнению О. Гарсии Агустина, к подобному подходу, сочетавшему установку на социальное сплочение и оберегание ценностей принимающего общества с уважением разнообразия и реализовывавшемуся в форме межкультурного диалога, тяготели до последнего времени, по крайней мере до миграционного кризиса, власти Бельгии, Испании, Португалии и Швеции. См. García Agustín Ó. Intercultural Dialogue: Visions of the Council of Europe and the European Commission for a Post-Multiculturalist Era // Journal of Intercultural Communication, 2012, № 29 (<http://www.immi.se/intercultural/nr29/garcia.html>). А Испанский философ Х. Мехиас Кирос охарактеризовал интеграционную политику стран ЕС начала XXI века как «смесь умеренного ассимиляционизма и интеркультурализма». См. Megías Quirós J. Asimilación e interculturalidad en la política de integración social Europea // Entelequia. Revista Interdisciplinar, 2008, no. 8, p.91.

Однако на дискурсивном поле интеркультурализма просматривается явный дисконтинуум, разрыв, проявляющийся в том, что в политическом дискурсе этой модели фактически пропущен национальный уровень. Как отмечалось выше, европейский интеркультурализм не идеологизирован и не политизирован (в отличие от его квебекского варианта, противопоставляющего региональный подход к управлению разнообразием федеральному³²⁵). Позиция и Совета Европы, и Европейской комиссии в силу полномочий этих органов не предполагает их вмешательства в национальную политику и законодотворчество и ориентирована на региональный уровень с локальными акторами и пространствами встреч разных культур.

Британские социологи Н. Меер и Т. Модуд отмечают отсутствие консенсуса европейских правительств в пользу интеркультурализма, равно как и их активных усилий по воплощению в жизнь и освещению в СМИ рекомендаций Белой книги. Объясняют они это связкой интеркультурализма с определенными типами неправительственных организаций, а не с теми, кто делает политику или ее комментирует³²⁶.

Показательно, что главы Великобритании, Германии и Франции, критикуя мультикультурализм, не высказываются в пользу интеркультурализма.

А в тех случаях, когда интеркультурализм присутствует в национальном политическом дискурсе, партийно-политическая нейтральность этого концепта благоприятствует появлению соответствующего термина на совершенно разных политических полях. Так, в преамбуле к уставу Новой демократической партии Канады (*The New Democratic Party*), имеющей социал-демократическую направленность, записано: «Новые демократы чествуют разнообразие Канады и богатые историю, традиции и устремления всех ее народов. Новые демократы верят в модель интеркультурной интеграции, основанной на солидарности и гармоничных обменах между индивидуумами, представляющими разные культуры»³²⁷. Депутаты парламента от социал-демократической партии Швеции также подчеркивают необходимость продвижения там интеркультурализма и построения межкультурного общества³²⁸. При этом к интеркультурализму стали апеллировать и представители крайне правого крыла политического спектра. В 2015 г. тогдашний лидер Партии независимости Соединенного Королевства (*United Kingdom Independence Party, UKIP*) Н. Фараж, критикуя в интервью *BBC* формирование в британских городах фактически закрытых зон, деятельность шариатских судов, и т.п., заявил о том, что нужно больше интеркультурализма, а не мультикультурализма³²⁹.

Подобная «аполитичность» интеркультурализма может сыграть в его дальнейшем продвижении двоякую роль. С одной стороны, – привлечь на сторону

³²⁵ Квебекский интеркультурализм (иногда отождествляемый с мультикультурным либеральным национализмом) отстаивает язык и культуру франкофонного населения в этом штате Канады от англофонного давления на федеральном уровне и выступает за развитие и интеграцию других культурных сообществ в общую публичную культуру штата, основанную на французском языке, при уважении разнообразия.

³²⁶ Meer N., Modood T. *Interculturalism, Multiculturalism, or Both?* // Robert Schuman Centre for Advanced Studies Policy Papers, 2013, no. 18, p. 5 (http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/28501/RSCAS_PP_2013_18.pdf).

³²⁷ Wherry A. NDP convention: A new preamble is approved. Apr. 14, 2013 (<https://www.macleans.ca/politics/ottawa/ndp-convention-a-new-preamble-is-approved>).

³²⁸ См. главу 7.

³²⁹ Nigel Farage criticises FGM and sharia courts in UK 14 Jan 2015

(<https://www.theguardian.com/politics/2015/jan/14/nigel-farage-fgm-sharia-courts-interculturalism>).

интеркультурализма самые разные политические силы, а, с другой, – ослабить его поддержку в либеральном лагере в случае перехвата его лозунгов крайне правыми силами.

К тому же данный концепт имеет ограничения, в том числе политического плана, которые признают и сами некоторые его сторонники.

Во-первых, в понятие разнообразия привносится «имплицитное классовое измерение», поскольку применительно к высококвалифицированным мигрантам, необходимым для экономики знаний, оно трактуется как ресурс, тогда как по отношению к малообразованным представителям этнических меньшинств – как проблема и угроза³³⁰. Подобная двойственность способна вылиться в противоположность мер в отношении разных категорий инокультурного населения. Например, джентрификация старых городских районов в целях привлечения креативных профессионалов может обернуться вытеснением оттуда «низов». Кроме того, интеркультурализм следует в русле общественного мейнстрима – от *Welfare state* (благополучие для всех) к *Workfare state* (благополучие для работающих). Упоная на производительное использование ресурса культурных особенностей в сфере занятости во благо развития индивидов и общества в целом, он подразумевает сокращение социального иждивенчества, а не обеспечение равенства возможностей и тем более – не продвижение к социальной справедливости. Так, концентрация мигрантов в худших сегментах рынка рабочей силы, происходящая в условиях снижения уровня социальной защиты и роста неустойчивости трудовых отношений, чревата обострением социального неравенства³³¹.

Во-вторых, обещание одновременно решить все городские проблемы, не вкладывая больших средств, звучит, по меньшей мере, как утопия. Интеграция мигрантов, особенно в социально-экономической сфере, не осуществима за счет лишь роста их гражданского участия. Это весьма ресурсоемкий процесс. При современных финансовых трудностях, делающих проблематичной реализацию масштабных интеграционных программ, цели сплочения общества нередко меркнут на фоне приоритетности повышения конкурентоспособности экономики³³².

В-третьих, немалый скепсис относительно создания условий, мотивирующих людей к устойчивому взаимодействию, вселяет низкая коммуникабельность, атомизированность жителей крупных городов. Кроме того, если контакты в общественных местах не обусловлены необходимостью совместного решения общих вопросов (на работе, в школе и т.п.) и не предполагают взаимопонимания, они могут не только не способствовать улучшению межкультурных отношений, но и привести к их ухудшению. Например, неодобрение местных жителей, посещающих городские парки, встречают пикники, устраиваемые на их газонах мусульманскими семьями. Наконец, процесс сближения людей сам по себе тернист и может протекать с конфликтами³³³.

В-четвертых, нынешняя волна беженцев, приведшая к массовой инфильтрации чужеродных и депривированных слоев в европейские общества, ввергая их жителей в «культурный шок» и вызвавшая там резкий рост этнополитической конфликтности, не только замедлит, застопорит интеграционный процесс в регионе, но и может повернуть его вспять. То есть современные обстоятельства, обуславливающие острую потребность в подходе, основанном на

³³⁰ Bodirsky K. Op. cit., p. 8.

³³¹ Ibid., p. 6.

³³² Ibid., p. 11.

³³³ Wood P., Landry C. Op. cit., p. 216.

принципах интеркультурализма, одновременно и препятствуют внедрению этих принципов.

В-пятых, критики европейского интеркультурализма вменяют ему в вину пренебрежение проблемой защиты прав большинства и соответственно его интересами при демографической и социокультурной экспансии этнокультурных меньшинств³³⁴.

Однако, несмотря на указанные недостатки, концепт интеркультурализма в целом отвечает общественному запросу на реформирование управления разнообразием. Креативный подход, разумность используемых принципов и замах на достижение значимых социальных целей придают привлекательность новой интеграционной модели. В то же время, как предупреждает Белая книга, «межкультурный диалог не панацея от всех зол и не дает ответа на все возможные вопросы; необходимо признать, что сфера его применения может оказаться ограниченной»³³⁵.

6.2. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

В силу того, что интеркультурализм вырос из «теоретизации озабоченности текущей политики тем, как справиться с негативными последствиями усиливающегося разнообразия», он имеет явную «перформативную ориентацию» (*performance-oriented*)³³⁶ – четкую прагматическую направленность на решение конкретных практических вопросов на фоне сильно концептуализированного и менее озабоченного политическими мерами мультикультурализма. При этом, поскольку разнообразие является преимущественно городским феноменом, оно соответственно и должно быть в первую очередь объектом городского управления. Учитывая также, что интеграционные меры, как правило, приносят наибольший эффект на местном уровне, практики интеркультурализма имеют локальный фокус и «ближний радиус действия»³³⁷. По сути, современный интеркультурализм представляет собой модель управления разнообразием в городских условиях, призванную **развивать снизу** (а не навязывать сверху) **межкультурные коммуникации**.

Подобные практики гармонично вписываются в наметившийся в развитых регионах мира (и не только в них) поворот миграционной политики в сторону местного управления (*local turn in migration governance*)³³⁸. На усиливающуюся локализацию регулирования, происходящую в рамках развития многоуровневого управления, указывает расширение полномочий и автономии, которыми стали обладать органы власти низшего территориального уровня в решении интеграционных вопросов. Проведенное ОЭСР в 2017-2018 гг. обследование 72 городов и муниципалитетов стран ЕС и Турции показало, что в 81% этих территориальных образований имелись институты, занимавшиеся интеграцией беженцев и других категорий мигрантов, в 54% – комплексные интеграционные программы³³⁹.

³³⁴ Joppke C. Op. cit.

³³⁵ Белая книга, с. 18.

³³⁶ Zapata-Barrero R. The three strands of intercultural policies, p. 10.

³³⁷ Zapata-Barrero R. The three strands of intercultural policies, p. 31.

³³⁸ Zapata-Barrero R., Caponio T., Scholten P. Theorizing the 'Local Turn' in a Multi-Level Governance Framework of Analysis: A Case Study in Immigrant Policies // International Review of Administrative Sciences, 2017, no. 83(2).

³³⁹ Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees. Paris, OECD, 2018, p. 33.

Правовые основы межкультурной политики закреплены в целом ряде международных документов, в первую очередь ЮНЕСКО и органов Совета Европы³⁴⁰. Положения интеркультурализма реализуются в целом ряде европейских инициатив.

В 2006 г. Европейским фондом улучшения условий жизни и труда (Еврофонд) совместно с Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы была создана сеть городов за местную политику интеграции мигрантов (*Cities for Local Integration Policies for Migrants – CLIP*), включавшая 31 участника. В немалой мере благодаря городам этой сети получили известность практики по созданию публичных пространств совместности для представителей разных культур и стимулирования неформальных межкультурных контактов.

Например, центральная библиотека Мальмё (Швеция) организует «живые библиотеки» – еженедельные встречи представителей разных этнокультурных групп, на которых один из них представляет 45-минутный рассказ о своем жизненном опыте. В Арнсберге (Германия) проводятся «Вечера международной кухни», где за вечерней трапезой из блюд, представляющих разные религиозные традиции, обсуждаются и насущные вопросы. В Керклизе (Англия) проект «Чай для двоих» предусматривает взаимное приглашение семей разной этнической принадлежности на чаепитие. В Дублине на футбольных фестивалях состязаются смешанные команды представителей разных этнических групп.

Однако межкультурная политика не сводится лишь к таким «мягким» практикам, нередко выставляемым в качестве витрины межкультурной политики и все же имеющим второстепенное значение по сравнению с «жесткими» мерами структурной интеграции в институты рынка труда, образования, гражданства, политического участия и др. Как показывает обследование Еврофонда, прошедшее в 2009 г., во всех городах сети *CLIP* действовали языковые курсы для приезжих и представителей этнических меньшинств, в 2/3 городов проводились межкультурные мероприятия, осуществлялось противодействие расизму и дискриминации. Вместе с тем лишь в половине городов реализовывались меры по формированию межкультурных компетенций, управлению публичными пространствами и был институционализирован межрелигиозный диалог, затрагивавший в том числе вопросы атрибутики и ритуалов ислама. И только в трети городов устраивались мероприятия по гуманизации образа «другого» и продвижению инклюзивной городской идентичности, как например движение «Мы – амстердамцы». В конце нулевых годов насчитывалось всего несколько городов, в законодательных органах которых на представителей этнических меньшинств приходилась заметная доля депутатов: Таллин (30%), Мальмё (25), Амстердам (20), Керклис (17), Антверпен (16%)³⁴¹.

Наиболее резонансной стала совместная инициатива Европейской Комиссии и Совета Европы «Межкультурные города». Данный проект первоначально был запущен в 2008 г. как пилотный в 11 европейских городах³⁴². Постепенно число его

³⁴⁰ Наиболее значимы Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001), такие документы Комитета министров Совета Европы, как «Белая книга по межкультурному диалогу» (2008), Рекомендация странам-участницам по межкультурной интеграции (2015), Директива о защите и содействии прав человека в культурно разнообразных обществах (2016), а также Рекомендация Конгресса местных и региональных властей Совета Европы «Межкультурные города» (2009).

³⁴¹ Intercultural policies in European cities. Strasbourg, 2010, pp. 50-51, 97-98.

³⁴² Берлин-Нойкёльн (Германия), Ижевск (Российская Федерация), Люблин (Польша), Лион (Франция), Мелитополь (Украина), Невшаталь (Швейцария), Осло (Норвегия), Патры (Греция), Реджио Эмилия (Италия), Суботица (Сербия), Тилбург (Нидерланды).

участников расширилось. Сейчас уже создана обширная международная сеть таких городов, в составе которой действуют национальные сети Италии, Норвегии, Португалии, Испании, Германии и Украины. В сентябре 2018 г. насчитывалось 126 участников проекта, включая российский Ижевск. Помимо европейских, сеть объединяет города Австралии, Израиля, Канады, Марокко, Мексики, США, Турции и Японии.

Яркими новациями этого проекта являются «межкультурные линзы» видения города, индикаторы открытости и межкультурности, по которым оценивается происходящее в нем, и «Десять шагов (элементов) стратегии межкультурного города». Последняя, в частности, включает:

- формирование позитивного отношения в обществе к разнообразию;
- пересмотр и перестройка сквозь «межкультурные линзы» основных функций города в ключевых областях (образование, обустройство публичных пространств совместности, городское планирование и решение жилищных вопросов, деятельность городских служб, функционирование бизнеса и рынка труда, развитие культуры и спорта, работа полиции);
- посредничество и разрешение конфликтов;
- обучение языкам титульной нации и этнических меньшинств;
- сотрудничество городских органов власти с местными СМИ;
- развитие связей с другими городами и регионами мира;
- поддержание информированности о реальном состоянии дел в городе;
- развитие межкультурных навыков и компетенций;
- гостеприимство по отношению к новоприбывшим;
- межкультурное управление городом.

Однако в этой стратегии не делается особого акцента на межрелигиозный диалог. Между тем мусульманский вопрос – один из наиболее болезненных в европейских обществах. Именно он в первую очередь требует решения, которого не достичь без специальных пакетных мер. Отсутствие же их может поставить под удар всю программу.

В целях реализации проекта разработано практическое руководство для применения городской модели межкультурной интеграции «Межкультурный город: шаг за шагом». Вместе с тем оно не дает готовых схем и рецептов, а побуждает межкультурных инноваторов и обычных граждан к воображению и творчеству. «Многие города экспериментируют с новой политикой и... являются естественными лабораториями, в которых может тестироваться такой подход»³⁴³.

Менее чем за десятилетие существования программы «Межкультурные города» уже накоплен немалый арсенал позитивных практик, чувствительных к разнообразию. Приведем лишь несколько примеров.

В университете Тилбурга (Нидерланды) создана школа выходного дня, где предлагаются дополнительные уроки для детей иммигрантов. В ратуше этого города проводятся специальные церемонии для иностранцев, которые сдали экзамены для получения гражданства, организуются автобусные экскурсии для новых жителей города. В некоторых районах города вновь прибывших мигрантов встречают специальные гиды гостеприимства той же этнической и языковой принадлежности, которые рассказывают приезжим о правилах жизни в городе, общественных услугах и т.п.

³⁴³ Guidikova I. Cultural diversity and cities – the intercultural integration approach // RSCAS Policy Paper, 2014, no. 2, p. 1.

В Ижевске действует проект «Телевизионный клуб межкультурных семей», в рамках которого на телевидении смешанные супружеские пары обсуждают вопросы межкультурных отношений.

В межкультурном центре «*Mondinsieme*» в Реджио Эмилия (Италия) работают специально обученные, владеющие несколькими языками посредники разного этнического происхождения, которые занимаются предупреждением и разрешением этнокультурных конфликтов. Городские власти сотрудничают с местным университетом в вопросах мониторинга интеграции и благосостояния иммигрантов, общественного мнения и результатов городской политики.

В Невшателе (Швейцария) действует консультативный комитет по вопросам интеграции иностранцев, в состав которого входят представители иммигрантских сообществ. Власти этого кантона оплачивают работу журналистов-фрилансеров, которые берут интервью у иностранцев, проживающих в городе, и готовят соответствующий материал для местных СМИ.

В Копенгагене действует программа Инновационный рост через разнообразие (*Innogrowth via Diversity*), которая призвана популяризировать успешный опыт предприятий со смешанными командами и побуждать руководство компаний использовать позитивный потенциал разнообразия занятых.

До наступления миграционного кризиса Берлин-Нойкёльн демонстрировал позитивные примеры сосуществования и гибридизации немецкой и мигрантских культур. Как полагает Ю.В. Бучатская, это был один из немногих, возможно единственный в Европе метрополис, сумевший дать конструктивный ответ на вызовы иммиграции и интегрировать приезжих в городское общество: «городу удалось стать «идентичность-образующей» общностью для всех его граждан, несмотря на растущее экономическое неравенство и социальную гетерогенность ... Долголетнее сосуществование немецкой и мигрантских культур в Берлине привело к обоюдным культурным заимствованиям, гибридизации городской культуры, проявляющейся на уровне повседневных практик»³⁴⁴. Ю.В. Бучатская объясняет подобный феномен тем, что, «если не конструировать различия априори: в больших городах конфессиональная и национально-этническая идентичность уступают место городской»³⁴⁵.

Для оценки эффективности межкультурных инициатив ежегодно по выборке (не более 25 городов) рассчитываются Индексы межкультурных городов. Эти показатели строятся на основе агрегирования данных анкетного опроса представителей местных органов власти (демографические, экономические и институциональные характеристики территории: число иммигрантов, площадь социального жилья, действие и выполнение того или иного закона и др.), а также результатов социологического обследований населения города (настроения, удовлетворенность, доверие, ценности, социальные связи и т.д.). За 2009-2016 гг. наиболее высокие показатели межкультурности по шкале от 0 до 100 баллов имели Невшатель (92-93), Цюрих (79-85), Копенгаген (78-84) и Осло (80-83). Напротив, менее всех преуспели в построении межкультурных обществ Бухарест (23), Лимассол (29) и Страсбург (30). Оставляют желать много лучшего достижения российского Ижевска, получившего в 2009 г. всего 49 баллов³⁴⁶.

Кроме того, в 2014 г. был проведен экспертный опрос координаторов межкультурных городов о результатах межкультурной политики в области образования, культуры, спорта, политического участия на местном уровне и

³⁴⁴ Культурная сложность современных наций, с. 130-131.

³⁴⁵ Там же, с. 132.

³⁴⁶ Interactive Intercultural Cities Index charts
(<http://www.coe.int/en/web/interculturalcities/interactive-charts>).

сплоченности сообществ (сфера бизнеса и рынка труда не оценивалась). Данный опрос выявил позитивные изменения на указанных участках.

В частности в сфере образования отмечаются безусловное повышение «культурной чувствительности» преподавателей и директоров школ (так считают 38.9% респондентов), расширение общения между детьми разных культурных принадлежностей (33.3%) и их взаимопомощи в обучении (31.5%). Однако по ряду аспектов пока отсутствует явный прогресс, в частности в повышении успеваемости и снижении конфликтности в школах (рис. 6.1).

Рис. 6.1. Наличие позитивных эффектов межкультурных инициатив в сфере образования, % респондентов

Источник: Final Report Evaluation of the Intercultural Cities Programme. Council of Europe, 2015, p. 46 (<http://www.coe.int/en/web/interculturalcities/results-and-impact>).

Респонденты фиксируют несомненное расширение формальных и неформальных контактов между разными группами в сфере культуры и спорта (38.9%), повышение активности (участия) мигрантов и представителей меньшинств в культурных (38.9%) и спортивных мероприятиях (33.3%), а также расширение контактов между людьми разной культуры (35.2%) (рис. 6.2).

Рис. 6.2. Наличие позитивных эффектов межкультурных инициатив в сфере культуры и спорта, % респондентов

Источник: Final Report Evaluation of the Intercultural Cities Programme, p. 47.

В то же время эффекты межкультурных практик в политической жизни местных сообществ гораздо менее значимы, особенно в стимулировании участия мигрантов и представителей меньшинств в принятии касающихся их решений. Тем не менее бесспорно повысилась «культурная чувствительность» политических руководителей (29.6%) и повысилась способность сообществ находить совместные решения по затрагивающим их проблемам (25.9%) (рис. 6.3).

Рис. 6.3. Наличие позитивных эффектов межкультурных инициатив в политической жизни местных сообществ, 2014 г., % респондентов

Источник: Final Report Evaluation of the Intercultural Cities Programme, p. 48.

При оценке динамики социального сплочения (связанности) в сообществе обнаружены явный рост доверия между людьми разного культурного происхождения (31.5%), улучшение отношений в местных сообществах (29.6), а также повышение открытости и толерантности у населения города и снижение конфликтности (20.4%). Однако не прослеживается существенного улучшения ни безопасности жизни, ни публичного имиджа разнообразия (рис. 6.4).

Рис. 6.4. Наличие позитивных эффектов межкультурных инициатив в сфере социального сплочения, % респондентов
 Источник: Final Report Evaluation of the Intercultural Cities Programme, p. 48.

Приведенные данные свидетельствуют, что результаты реализации межкультурных инициатив пока достаточно скромные и не всегда определенные. Как показывает опыт отдельных городов, временное улучшение межэтнических отношений порой сменяется их ухудшением. Поскольку в подобном эксперименте официально участвует лишь мизерно малая доля из общего массива городов Европы и других регионов мира, межкультурная политика имеет ограниченное, по сути островное распространение, что делает ее уязвимой к внешним воздействиям и потенциально неустойчивой.

В то же время число субъектов такой политики в рамках программы увеличивается. Кроме того, подобные и сходные практики осуществляются и за пределами указанной программы. Как показало вышеупомянутое исследование ОЭСР, в 61% городов и муниципалитетов проводились кампании, популяризовавшие позитивные эффекты иммиграции, например, возрождение старых кварталов в Афинах, восполнение депопуляционных потерь в германской Альтене и т.п.; в 47% – практиковались консультации органов управления с городскими организациями мигрантов, гражданского общества и бизнес-структурами по интеграционным вопросам. В Барселоне для повышения толерантности жителей города организован тренинг волонтеров в качестве «агентов против слухов» (*anti-rumour agents*)³⁴⁷. В Москве также имеется опыт налаживания неформальных межкультурных контактов на районном уровне³⁴⁸.

Разработана среднесрочная стратегия программы межкультурных городов на 2016-2019 гг., свидетельствующая о том, что реализация данной программы – это не

³⁴⁷ Working Together..., pp. 33, 36.

³⁴⁸ Установлено, что московские практики кулинарных мастер-классов для женщин, «живых библиотек» для школьников, интеркультурного футбола для молодых мужчин и др. привели к интенсификации общения с представителями других этносов, улучшению к ним отношения, усилению районной идентичности. См. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования, 2017, № 5.

краткосрочный проект, а длительный процесс на перспективу. Более того, в этом документе указывается на необходимость использования межкультурного подхода на региональном, национальном и европейском уровне, а также адаптации к этим условиям наработок, которые были накоплены в рамках городской модели³⁴⁹, что в свою очередь могло бы ретранслировать такую стратегию и практику в транслोकальную политику гораздо большего числа городов.

Голландский этнолог Р. Пеннинкс подчеркивает, что интеграционная политика, проводимая на уровне городов, должна отличаться от реализуемой в масштабах государства и тем более ЕС. Ученый выделяет три измерения городской политики, определяющих, по его мнению, соответственно три интеграционных профиля городов. Первый – города с «мейнстримом равенства», которые фокусируются на социально-экономическом аспекте и продвигают равенство и противодействие дискриминации в качестве стратегии и практики управления. Второй – собственно межкультурные города, которые сосредотачиваются на культурном аспекте интеграции, ориентируясь на использование разнообразия в качестве ресурса, а управления разнообразием и межкультурными отношениями как стратегии. Третий – так называемые партисипативные города, которые акцентируют участие горожан в местных общественных процессах. Это измерение интеграции предполагает, с одной стороны, надзор за «структурами доступа и возможностей», с другой – стимулирование активного (локального) гражданства и социального сплочения, выражаемых девизами «мы – амстердамцы», «мы – копенгагенцы» и т.п.³⁵⁰ В то же время, как представляется, подобная классификация довольно условна, и все три измерения городской интеграционной политики укладываются в рамки стратегии и практики интеркультурализма, выделяя при этом те или иные фокусы этой управленческой модели.

С Р. Пеннинксом можно согласиться в том, что, разумеется, частные локальные меры типа семейных чаепитий не воплотить на макроуровне. К тому же конкретные практики, эффективные в одних условиях, не обязательно будут работать в другом контексте. Однако некоторые общие приемы реализации межкультурных инициатив все же можно использовать в более широких масштабах:

1. *Составление дорожной карты*: формирование плана по улучшению социально-экономического положения этнических меньшинств, созданию условий для личностного развития всех членов общества и использования их талантов и знаний во благо обществу.

2. *Устранение стен* между этническими группами: организация позитивного публичного дискурса, борьба с предрассудками, расизмом и дискриминацией.

3. *Наведение мостов*: усиление разнообразия персонала в организациях и стимулирование межкультурного взаимодействия внутри них; развитие межкультурных компетенций и навыков государственных служащих и более широкого круга заинтересованных лиц.

4. *Создание совместно используемых пространств* для уважительного обмена мнениями, идеями и опытом (например, в СМИ и интернете).

О возможности воспроизведения такого опыта в масштабах регионов свидетельствует, в частности, принятие в целом ряде земель Германии

³⁴⁹ Intercultural Cities Programme Medium-term strategy 2016-2019, p. 5 (<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806a5e96>).

³⁵⁰ Penninx R. Challenges and opportunities of migrants' integration in the light of recent flows (http://ec.europa.eu/research/conferences/2016/migration-challenge/pdf/migration_conf-r_penninx.pdf).

интеграционных законов, которые требуют «межкультурной открытости органов власти», а именно внимательности к лингвистическим, религиозным и прочим культурным запросам обращающегося в них населения и даже приоритетности найма лиц с иммигрантскими корнями³⁵¹. А в национальном плане – например, включение специального курса «межкультурная компетентность» в учебный план подготовки педагогических и социальных работников.

В рамках программы межкультурных городов в 2017 г. создана Лаборатория инклюзивной интеграционной политики «Квадратура круга», занимающаяся разработкой концепции межкультурной политики национального и регионального масштаба. В качестве канала трансфера межкультурных технологий с местного на более высокий уровень и их последующей ретрансляции могли бы служить консультации органов власти соответствующих уровней и разные дискуссионные платформы. Например, Европейская сеть межкультурных центров (*European Network of Intercultural Centres*), Еврогорода (*EUROCITIES*), Объединенные города и местные органы власти (*United Cities and Local Governments, UCLG*), Совет европейских муниципалитетов и регионов (*Council of European Municipalities and Regions, CEMR*), Международная коалиция инклюзивных и устойчивых городов (*International Coalition of Inclusive and Sustainable Cities, ICCAR*), Глобальный форум мэров (*Global Mayoral Forum*) и др.

* * *

Таким образом, настоящее и особенно будущее стран глобального Севера во все большей мере связывается с растущей этнокультурной неоднородностью их населения, не только порождающей вызовы и риски, но и открывающей новые возможности для развития их социумов. Однако интегрирующий потенциал этнокультурного разнообразия реализуем лишь при нахождении и эффективном претворении в жизнь действенных моделей управления социальным общежитием представителей разных культур.

Интеркультурализм содержит здравые идеи, как вместить это разнообразие и добиться построения более сплоченного (связанного), политически стабильного и экономически динамичного общества на основе налаживания снизу позитивного межкультурного взаимодействия. Он представляет попытку совместить универсальные ценности и культурные особенности и тем самым продвинуться по пути к социальной гармонии и солидарности в многосоставном принимающем социуме на основе формирования транскультурных идентичностей.

Как отмечают петербургские этнологи, «...в качестве нового теоретического подхода интеркультурализм предлагает реконфигурацию концептов, социальных моделей и практик, которые уже состоялись в различных национальных и интеллектуальных контекстах. Однако в процессе их переосмысления, смещения акцентов и символических инверсий он становится релевантным для изучения сложной меняющейся реальности XXI века. В настоящее время интеркультурализм выступает как совокупность моделей интеграции, управления культурным и социальным разнообразием, возникающим не только в иммиграционном контексте, но также и в контекстах социального неравенства, различий (профессиональных, образовательных, гендерных, этнических), в том числе в границах национального государства»³⁵².

Принципы интеркультурализма находят расширяющееся воплощение в практиках городов и кварталов и получают все большее географическое распространение. Межкультурные инициативы местных органов власти в сфере

³⁵¹ Joppke C. Op. cit.

³⁵² Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс // Вестник РУДН. Серия: Социология, 2018, № 2, с. 259.

городского и муниципального управления, школьного обучения, трудоустройства молодежи, организации досуга и т.п., направленные на включение приезжих в жизнь местных социумов, весьма разнообразны:

- обеспечение городских услуг на разных языках;
- мероприятия по ознакомлению приезжих с городской инфраструктурой;
- предоставление негражданам права участвовать в голосованиях по вопросам, относящимся к компетенции местных органов власти и т.п., что особенно важно;
- создание пространств совместности и контактов между представителями разных культур (будь то городской парк, стадион, студенческий клуб, веб-сайт или блог и т.п.). На них могут организовываться «живые библиотеки», дни этнической кухни, социальный театр, футбольные фестивали и т.п.

Достигнут целый ряд позитивных результатов, которые свидетельствуют о происходящей настройке городской системы управления и общественных структур на условия разнообразия.

Однако такие инициативы пока немногочисленны, носят анклавный характер, а результаты зачастую скромны и бывают непрочными. Поэтому пока преждевременно говорить об интеркультурном повороте в интеграционной политике. Это скорее политический эксперимент, который имеет немалые шансы увенчаться успехом. Но его перспективы на данном этапе не вполне определенные и, вероятно, останутся таковыми, пока политика, основанная на принципах интеркультурализма, не пройдет проверку на национальном уровне.

Часть 4.

ИММИГРАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ В СТРАНОВОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Наплыв инокультурных пришельцев в Европу вновь обострил полемику вокруг проблемы, выраженной в часто приписываемом Редьярду Киплингу тезисе: Востоку и Западу никогда не сойтись. Глобализация, интернационализация национальных экономик, облегчение трансграничной коммуникативности создали и создают объективные предпосылки "смешения народов". Но этому процессу тоже объективно противостоит исторически сложившаяся глубокая разделенность человечества на центр, периферию и полупериферию, на различные цивилизационные макроареалы и этнорасовые общности. Связи между каждым из них интенсифицировались, но интеграция массы выходцев из бывшего Третьего мира, особенно мусульман, в государствах Европы с их христианской моралью, несмотря на их в целом благосклонное отношение к мигрантам из Азии и Африки, оказались сопряжена со множеством осложнений.

Доминирующая в новой иммиграции инокультурность принесла с собой потенцию уже заявившей о себе многочисленными терактами серьезной угрозы внутренней безопасности. Проблема иммигрантов и их интеграции стала одной из центральных или даже приоритетной в общественном мнении и политической повестке дня. Что связано с беспрецедентной актуальностью этой проблемы и небывалыми для последних десятилетий общественными разногласиями вокруг нее и деформацией партийной системы, выразившейся в "парламентаризации" и усилении роли антииммигрантских партий.

Деколонизация Востока/Юга сопровождалась в свое время и до сих пор (Южная Африка) сопровождается вытеснением оттуда "белого человека". А каковы перспективы массового приживания уроженцев бывших колониальных и зависимых стран в нынешней, изменившейся с рубежа веков Европе? Каковы существующие условия для этого? В настоящей части книги эти вопросы рассматриваются более приближенно к конкретной реальности, чем в предыдущих, – в страновом срезе: на примерах Швеции, Франции, Италии и Германии, а также России.

Глава 7.

ИММИГРАЦИЯ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОАДАПТАЦИИ В ШВЕЦИИ

И. Гришин

Решение вопросов миграции и интеграции, а они тесно взаимосвязаны, имеет важнейшее значение. Если тут мы потерпим неудачу, нас ждут большие и долговременные проблемы.
Лидер Умеренной партии Швеции Ульф Кристерссон (январь 2018 г.)³⁵³

Приверженная утвердившейся в период доминирования социал-демократии идеологии солидарности поверх границ и международным обязательствам, Швеция в месяцы европейского миграционного кризиса приняла огромную для нее массу искателей убежища из стран Ближнего и Среднего Востока и Африки.

³⁵³ Stor enkät med partiledarna
(<https://www.metro.se/artikel/stor-enk%C3%A4t-med-partiledarna-h%C3%A4r-%C3%A4r-v%C3%A5ra-l%C3%B6ften-till-dig-inf%C3%B6r-valet>).

Проблема мигрантов вышла на передний план, породила новые разногласия и небывалый для последних десятилетий разлад в обществе. Одновременно активизировались поиски новой модели интеграции лиц с инокультурным бэкграундом.

Невозможно численно представить все плюсы и минусы иммиграции для страны приема и сравнить их итоговый результат в различных государствах. Однако, судя по самой высокой в Евросоюзе доле лиц, положительно относящихся к инокультурным иммигрантам, плюсов для Швеции больше (а можно сказать – минусов меньше), чем для других стран. До 7 апреля 2017 г., когда в Стокгольме теракт, совершенный выходцем из Центральной Азии, унес жизни пяти человек, Швеция не знала резонансных террористических атак со стороны переселенцев, имевших место в Германии, Франции и Англии. Наверное, ее можно отнести к наиболее щедрым и “приветливым” в Европе. Вместе с тем едва ли правомерно утверждать, что проблема иммиграционной политики и интеграции иностранцев в Швеции менее остра, чем в иных странах-реципиентах. И шведское общественное мнение, казалось бы, наиболее благосклонное в Европе к переселенцам, при более детальном его анализе и с учетом деформирующих его факторов предстает не таким уж проиммигрантским, каким оно видится вообще и истеблишменту в частности.

Это обстоятельство не умаляет значимости шведского опыта иммиграционной и интеграционной политики как в период, предшествовавший европейскому иммиграционному кризису 2015–2016 гг., так и – особенно – в последующее время. Оно (время) подвергло и подвергает серьезному испытанию не только практику переселенчества, но и постулаты и методы/инструменты вживления представителей инородных этносов в национальную среду. Раскритикованная в Европе в целом концепция мультикультурализма и в Швеции поставлена под сомнение, и на смену ей идет теория интеркультурализма.

В соответствии с заголовком главы почти все внимание в ней уделяется последним годам. На них пришлось взлет иммиграции и последовавшие за ним коррекция правительственной политики, перемены в общественном мнении и поиски новых подходов к решению проблем приема и интеграции переселенцев³⁵⁴. Эти же годы отмечены принципиальной реконфигурацией партийно-политических сил, вызванной запросом значительной части электората на ревизию иммиграционной политики.

Проблема иммиграции и интеграции рассматривается в данной главе на широком фоне благоприятствующих и противодействующих им факторов. Последние не должны *благонамеренно*³⁵⁵ затеняться. Без исследования всего диапазона условий, в которых протекают анализируемые процессы, велик риск определенного искажения реальной картины вещей. Риск оказаться в ситуации: “было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним – ходить”.

7.1. ИММИГРАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ В ШВЕДСКОМ ДИСКУРСЕ

Не имея в прошлом колоний и будучи до недавнего времени практически моноэтничным государством, отстоя далеко от стран исхода инокультурных

³⁵⁴ Благо, что обстоятельный и не теряющей актуальности анализ миграционной проблематики Швеции до текущего десятилетия дан в книге: Плевако Н., Чернышева О. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. Москва, 2012.

³⁵⁵ По Салтыкову-Щедрину (“Благонамеренные речи”); в данном случае – соответственно официальному образу мыслей, принятому в Швеции.

мигрантов, Швеция практически столкнулась с расово-этническими и иноконфессиональными (иноцивилизационными) проблемами лишь в самые последние десятилетия. Сформировавшееся в стране восприятие дальнего (так называемого Третьего) мира зиждилось преимущественно на умозрительной (упоминавшейся солидаристской) основе, складывалось без непосредственной и длительной массовой сопричастности с ним.

Притягательность Швеции для международных мигрантов во многом объясняется ее широко известным имиджем гостеприимного реципиента. Шведы выбрали это предназначение осознанно и глубоко мотивированно, полагая, что их моральный долг как избавленной от войн с начала XIX в. (1814 г.) и социально преуспевающей нации – насколько это возможно, облегчить участь нуждающихся в защите и помощи. Еще в 30-е годы прошлого века они принимали жертв нацистского произвола, в конце войны и после нее – прибавалов, польских евреев, чилийских сторонников свергнутого Сальватора Альенде и др. (Затем вынужденную, политическую миграцию сменила трудовая.) Верные идеологии социальной солидарности поверх государственных границ, они усмотрели свою международную миссию в миротворческой деятельности, гуманитарной помощи и содействии решению проблемы беженцев. Лояльность к приезжим стала важной частью шведской идентичности.

Гордость шведов достижениями своей страны, писал американский журналист Дэниел Пайпс, транслируется в этическое превосходство, символизируемое часто слышимым от них утверждением, что она является "моральной сверхдержавой"³⁵⁶. О Швеции как моральной сверхдержаве в международной политике говорил в феврале 2015 г. и политолог Омар Шейкмас, сирийский курд, шведский гражданин с 1974 г.³⁵⁷ Ему в самый канун иммигрантского кризиса вторил шведский экономист Тино Санандажи, иранский курд. По его мнению, великодушная иммиграционная политика Швеции имеет большое значение для имиджа страны, которая гордится собой как моральная супердержава³⁵⁸. И в этом же ряду – заявление министра интеграции шведского населения Эрика Улленхага в августе 2014 г. при обсуждении иммиграционной ситуации: "Мы будем оставаться гуманитарной сверхдержавой, развивать шведские традиции политики оказания помощи своему ближнему. И это тот тип лидерства, благодаря которому большинство шведского народа считает, что мы должны быть страной, которой можно гордиться"³⁵⁹. Как отмечал уже позже, в 2017 г., финский профессор Пауль Лиллранк, "шведская элита старается превратить свою страну в мультикультурную моральную сверхдержаву"³⁶⁰.

Посмотрим, как отражены темы миграции и интеграции в программных установках ведущих шведских партий. Поскольку обнаружить соответствующие развернутые документы не удалось (остается впечатление, что к их разработке и не обращались), пришлось довольствоваться подбором тематических фрагментов, который *volens nolens* не мог не носить в той или иной мере случайный, произвольный характер, но не мог исказить суть дела. То же самое надо сказать и по поводу отображения позиции правительства.

В программе Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) 2001 г. миграции как таковой не посвящено ни строчки, косвенно она затронута в

³⁵⁶ Washington Times, 26.08.2015.

³⁵⁷ Визит Аббаса в Стокгольм

(<http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6089711>).

³⁵⁸ The globe and mail, 11.09.2015.

³⁵⁹ Новую волну иммигрантов Швеция тоже выдержит

(<http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5945202>).

³⁶⁰ Hufvudstadsbladet, 18.08.2017.

небольшом подразделе "Этничность". В нем осуждаются дискриминация и предрассудки, говорится о трудностях обустройства приезжих. С точки зрения их интеграции, констатируется: "... Растет отчуждение среди тех взрослых, которые не выходят на рынок труда, и среди детей, которые не видят своего будущего в окружающем шведском обществе. Это отчуждение порождает самое большое и вопиющее неравенство в современном обществе. Отчуждение и ограниченность жизненных шансов, вынужденно испытываемые слишком многими иммигрантами, полностью несовместимы с социал-демократическими идеалами свободы и равенства"³⁶¹. Благие намерения авторов данных формулировок сомнению не подлежат, но умолчание обратной стороны массового наплыва лиц с инокультурным бэкграундом вряд ли отвечает требованию оптимального программного сопровождения миграционной и интеграционной политики.

В последней (2013 г.) программе партии наиболее близкая к проблеме иммиграции и интеграции формулировка – "Лучший способ противодействовать расизму – обеспечение полной занятости и совершенствование политики всеобщего благосостояния"³⁶². Формулировка универсальная – вместо "расизма" можно поставить любой социальный недуг.

В разделе "Наша политика", в рубрике "Интеграция и (этно)многообразие" ("иммиграция" как таковая отсутствует) официальный сайт СДРПШ следующим образом представляет позицию партии. "Перемещение людей делает более широким применение рабочей силы, знаний и идей, расширяет связи и открывает новые возможности. Слишком много времени приходится тратить вновь прибывшим беженцам и иммигрантам на то, чтобы утвердиться на рынке труда. Для каждого из них должна быть в нашей стране возможность самообеспечения. Успешная политика занятости играет центральную роль в преодолении сегрегации"³⁶³. Как видим, последствия иммиграции рассматриваются только в позитивном ключе, "определенные" недостатки приема иностранцев усматриваются в несовершенстве системы их трудоустройства и недостаточности предоставляемых принимающим обществом возможностей достижения ими самообеспечения. Негативный, деконструктивный потенциал иммиграции, тем более инокультурной, и его очевидные проявления игнорируются. Конечно, приведенный пассаж стоит расценить как некий образец социал-демократического интернационализма, но едва ли можно – как реал-политический посыл миграционного регулирования и практики интеграции. Все негативные стороны и трудности иммиграции, уже относительно давно ставшие очевидными и почти общепризнанными, политкорректно, суперполиткорректно не упомянуты – их как бы и нет вообще.

Небольшой раздел программы Умеренной (модератов) партии, названный "Работа, интеграция и миграция", акцентирует внимание на национальной традиции открытости миру и приверженности "щедрой и гуманной беженской политике", на приоритетности трудоустройства новых шведов и достижения ими самообеспечения³⁶⁴. То есть, как и социал-демократы, модераты абсолютизируют значение материальных факторов и обходят стороной важность усвоения "гостями"

³⁶¹ Partiprogram för Socialdemokraterna beslutat av partikongressen i Västerås den 6 november 2001 (<https://snd.gu.se/sv/vivill/party/s/program/2001>).

³⁶² ETT PROGRAM FÖR FÖRÄNDRING, s. 13

(https://www.socialdemokraterna.se/globalassets/var-politik/partiprogram-och-riktlinjer/ett-program-for-forandring_2013.pdf).

³⁶³ Integration och mångfald (<https://www.socialdemokraterna.se/var-politik/a-till-o/integration-och-mangfald/>).

³⁶⁴ Moderaternas partiprogram (2013). Arbete, integration och migration (<http://partiprogram.se/moderaterna#arbete-integration-och-migration>).

культурного кода страны-хозяина и неизбежность/необходимость противодействия негативным проявлениям мигрантской инокультурности.

Принципиально близки социал-демократическому и модераторскому подходу к вопросам миграции взгляды других "старых"/системных партий.

Отражение сегодняшнего взгляда правительства на иммиграцию удалось найти в документах министерства юстиции. В одном из них говорится, что кабинет стремится обеспечить "долгосрочную устойчивую миграционную политику, гарантирующую право убежища и облегчающую в рамках регулируемой иммиграции трансграничную мобильность, способствовать ориентированной на рыночный спрос миграции рабочей силы, учитывать и сохранять эффекты миграции, поддерживающие развитие, а также углублять европейское и международное сотрудничество"³⁶⁵. Из небольшого процитированного фрагмента можно все же заключить, что в документе уделено должное внимание аспектам международного права (на убежище) и рынка труда, но оставлены за скобками вопросы аккультурации, обеспечения безопасности и др.

Благостное, некритичное и как бы канонизированное, ставшее конвенциональным партийное восприятие "инопришельцев" не могло не наложить отпечаток на линию поведения национальных СМИ. Новостные передачи и публичный дискурс об иммиграции и интеграции ограничен рядом табу. Журналисты и общественные деятели, выходящие при обсуждении этих проблем за границы того, что шведы называют "коридором мнений", рискуют получить ярлык ксенофоба или расиста³⁶⁶. То есть запрос сверху на упоминавшуюся благонамеренность существует. Эта специфика публичного дискурса часто позволяет политикам и властям отрицать наличие проблем, порождаемых политикой миграции и интеграции, уходя тем самым от их подлинного обсуждения и решения. Подобное мнение высказывается многими наблюдателями, особенно зарубежными, поскольку свобода слова по данному вопросу внутри Швеции ограничена описанными обстоятельствами. А критические выступления шведских журналистов и других представителей творческих профессий громче звучат вне страны³⁶⁷.

До поры до времени спокойное отношение к мигрантам характеризовало и массовые настроения. Перелом наметился к концу нулевых годов и нашел свое выражение в стремительном росте популярности Партии шведодемократов (*Sverigedemokraterna*), или шведских демократов (ШД). Третья партия риксдага (по числу мандатов) оценивается политическим мейнстримом как антииммигрантская и антисистемная, но ее парламентские позиции делают ее важным политическим актором (см. ниже). Программные формулировки партии не оставляют сомнения в ее однозначно отрицательном отношении к инокультурным иммигрантам, хотя и содержат некую позитивную (умиротворяющую) оговорку.

"Несмотря на то, что нет недостатка в примерах лиц, ... внесших в последнее время вклад в развитие шведского общества, – записано в партийной программе, – общий конечный эффект массовой иммиграции из *отдаленных* стран явно отрицателен как в экономическом, так и в социальном плане. Шведодемократы не возражают против иммиграции, но она должна осуществляться в таких масштабах и

³⁶⁵ Faktablad Justitiedepartementet Februari 2018. Svensk migrations- och asylopolitik (<https://www.regeringen.se/491b2f/contentassets/8e2b2eb4a8a7433fa8d083b27ccdb87a/svensk-migrations--och-asylopolitik>).

³⁶⁶ Плевако Н., Чернышева О. Указ. соч., с. 42.

³⁶⁷ См., например, Neuding P. The Truth about Sweden // The Weekly Standard, 03.03.2017.

иметь такой характер, которые не представляют угрозы для нашей национальной идентичности, благосостояния и безопасности"³⁶⁸ (курсив мой. – И.Г.).

Все представленные выше пафос трансграничной солидарности, суждения и директивные установки шведских политических институтов, а также *modus operandi* массмедиа оказались малоадекватны реалиям нашего столетия. Их одностороннее, не фиксирующее негативные моменты, игнорирующее противопоказания в сфере культуры, видение иммиграции уже сказалось отрицательно на повседневной жизни шведов (см. ниже), и эта тенденция как доминирующая, вероятнее всего, сохранится. Появление и усиление антииммигрантской партии ШД стало закономерным ответом общества (точнее – его немалой части) на благородную, но не рациональную, великодушную, но не до конца продуманную и взвешенную стратегию социальной солидарности поверх границ и моральной/гуманитарной сверхдержавности. Однако ее (стратегии) инерция, с определенными рестрикциями последних лет (см. ниже), все еще остается в силе.

7.2. ЭФФЕКТЫ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

Ситуация, сложившаяся в Швеции (как и в Европе в целом) в сентябре 2015 – январе 2016 гг., характеризовалась небывалым и неожиданным наплывом просителей убежища. Еще в апреле 2015 г. на вопрос, существует ли потолок численности беженцев, которых Швеция может принять, премьер Стефан Лёвен ответил: "Нет, предел отсутствует. Мы должны вести прием в соответствии с (международными) конвенциями, которые обязательны для нас"³⁶⁹. В 2015 г. их оказалось 163 тыс., в два раза больше, чем в предыдущем году, и в три – против 2013 г. В пересчете на душу населения страны – больше, чем в Германии и где-либо еще в Старом свете³⁷⁰. Главным образом это были выходцы³⁷¹ из Сирии, Афганистана, Ирака и других мусульманских государств. Крутизну всплеска миграционного наплыва осенью–зимой 2015–2016 гг. красноречиво иллюстрирует рис. 7.1. Соответствующие службы Швеции столкнулись с серьезными трудностями. Все эти обстоятельства дали основание говорить об иммигрантском, или – точнее – беженском, кризисе. И он имел существенные, преимущественно негативные, последствия, которые усугубили ранее проявившиеся неблагоприятные тенденции.

³⁶⁸ Sverigedemokraternas partiprogram (2011) (<http://partiprogram.se/sverigedemokraterna#sverigedemokraterna-och-invandringen>).

³⁶⁹ Цит. по: Att ta emot människor på flykt. SOU 2017:12. Stockholm, 2017, s. 294.

³⁷⁰ При соотношении стран по населению, Швеция в 2004–2013 гг. приютила в десять раз больше беженцев, чем Германия.

³⁷¹ Как никогда огромную их часть – свыше 35 тыс. – составляли беспризорные (не сопровождаемые взрослыми) дети. Ежедневное содержание каждого обходится примерно в 195 долл. См. How Sweden became an example of how not to handle immigration (<https://www.spectator.co.uk/2016/09/how-sweden-became-an-example-of-how-not-to-handle-immigration/>).

Рис. 7.1. Численность просителей убежища, прибывавших ежемесячно в Швецию, январь 2010 г. – декабрь 2017 г.

Источник: Asylsökande (<https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Asylsokande---de-storsta-landerna.html>).

В избранном контексте не приходится развернуто говорить о положительной экономической и демографической (с точки зрения поддержания *численности* населения) роли иммиграции. Без нее, по данным за 1950–2014 гг., экономика страны была бы в 2014 г. на 1/5 меньше, а население – на 1/4³⁷², но тут речь идет прежде всего о трудовой (и притом западнохристианской) миграции, которая преобладала в указанный период. Исходно иммиграционная политика виделась как элемент регулирования занятости, как инструмент ее расширения и обеспечения экономического роста, но примерно с середины 80-х годов она переродилась в беженскую политику³⁷³. В структуре иммиграции стали, особенно в последнее время, превалировать лица, ищущие убежища. Но экономическая отдача от получивших из них статус беженца *возможна* лишь в относительно долгой перспективе. Вероятнее всего, конечный баланс настоящих затрат на искателей убежища, включая беженцев, и налоговых поступлений от последних в недалеком будущем будет отрицательным. По сведениям шведского мозгового центра экологов и либералов *Fores*, средний иммигрант приносил госказне чистый доход до 90-х годов, до того как беженцы стали большинством переселенцев³⁷⁴. С тех пор затраты на

³⁷² Profit from immigration: SEK 900 billion

(<http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=6202705>).

³⁷³ Этот перелом отражен в названии книги шведских авторов – "От импорта рабочей силы к иммиграции беженцев" (Lundh Chr., Ohlsson R. *Från arbetskraftsimport till flyktinginvandring*. Stockholm, 1994).

³⁷⁴ Логическое следствие этой перемены можно видеть, в частности, в том, что в нынешней Швеции разница между уровнями занятости зарубежных и местных уроженцев – самая большая (исключая Нидерланды) в Европе (16.5 против 5.5 п.п. в ЕС-28), что 42% длительно безработных – иммигранты, на долю общей массы которых приходится 58% социальных пособий. Сюда же надо отнести в решающей степени и такой нарастающий эффект

такого “середняка” превышают отдачу от него. Более того, Швеция принадлежит к странам, где данный разрыв наиболее значителен³⁷⁵. К тому же упомянутыми прямыми затратами дело не ограничивается, есть и немалые косвенные потери, связанные как с хозяйственными, так и уголовными правонарушениями, которые совершаются инокультурными приезжими лицами гораздо чаще, чем коренными жителями (см. ниже).

Взлет иммиграции вызвал серьезное повышение госрасходов. Ассигнования госбюджета по статье “миграция” на 2015 г. были утверждены риксдагом в сумме 17.4 млрд крон³⁷⁶, на 2016 гг. – 19.4 млрд, но затем скорректированы до 50.3 млрд. На 2017 г. было выделено 32.6 млрд, или 5.2% всех госрасходов. (Для сравнения: ассигнования на оборону и преодоление чрезвычайных ситуаций – 50.3 млрд.) Мало того, значительная часть прироста затрат прошла по статье “социальное выравнивание и устройство новоприбывших иммигрантов”, расходы по которой поднялись с 16.8 млрд в 2015 г. до 32.6 млрд крон в 2017 г.³⁷⁷ По заключению крупнейшей ежедневной газеты Скандинавии *Aftonbladet*, высказанному в апреле 2016 г., ожидается, что в 2017–2020 гг. всего на прием и интеграцию иммигрантов придется тратить ежегодно около 70 млрд крон³⁷⁸.

Конфедерация шведских предпринимателей (*Svenskt Näringsliv*) уже в начале 2016 г. предупредила об “ослаблении прироста благосостояния” из-за беженского кризиса. Шведский *Konjunkturinstitutet* спрогнозировал негативную динамику душевого ВВП на 2018 и 2019 гг. Государственные расходы вырастут в 2020 г. на 140 млрд крон по сравнению с планировавшейся величиной в основном вследствие наплыва переселенцев³⁷⁹.

Словом, иммиграционный взлет обошелся, да и обходится, шведам очень дорого, и это – разумеется, вкупе с другими факторами (см. ниже) – не могло и не может не сказаться на государственной политике.

Был принят закон, ограничивающий возможности просителей убежища получить вид на жительство, а беженцев – воссоединиться со своими семьями. Он вступил в силу 20 июля 2016 г., под его действие попадают и лица, подавшие прошение об убежище до этой даты, предусмотрено его применение в течение трех лет (его использование в дальнейшем не исключается). Постоянный вид на жительство заменяется временным, на три года. Прежде щедрые, социальные пособия новоприбывшим сокращены до общеевропейского минимума. Мало того, закон имеет обратную силу. Ускоряется рассмотрение ходатайств об убежище, предусматривается более быстрая высылка искателей убежища, получивших отказ. Для сдерживания притока иммигрантов вводился погранконтроль, одобренный Еврокомиссией. В январе 2016 г. Стокгольм объявил, что 80 тыс. человек, то есть

иммиграции-беженства, как самое значительное в кругу стран ОЭСР усиление социального неравенства с 80-х годов. См. *Sysselsättningsgap – internationellt* (<http://www.ekonomifakta.se/Fakta/Arbetsmarknad/Integration/Sysselsattningsgrad---internationellt/>).

³⁷⁵ Offentliga finanser (<http://www.migrationsinfo.se/ekonomi/offentliga-finanser/#fnref-176-2>).

³⁷⁶ Средний курс кроны к доллару в марте 2017 г. – 0.11.

³⁷⁷ Statens budget 2017 i siffror (<http://www.regeringen.se/artiklar/2017/04/statens-budget-2017-i-siffror/>); Migration (<http://www.regeringen.se/4a6c26/contentassets/49618bcb4fd94b6081d9696f55bc7f8d/utgiftsomrade-8-migration.pdf>); Grafik: Statens budget 2015 (<http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=5998346>).

³⁷⁸ *Aftonbladet*, 13.04.2016.

³⁷⁹ Refugee crisis not over (https://www.svensktnaringsliv.se/english/refugee-crisis-not-over_639292.html).

половина из прибывших в 2015 г., будут депортированы. В правительственных заявлениях во главу угла стали ставиться рестрикционные установки.

Нарастание волны просителей убежища и связанная с этим дальнейшая актуализация проблемы их трудоустройства повлекли за собой острые споры о допустимости понижения минимальной оплаты труда как средства повышения спроса на неквалифицированную рабочую силу, ее востребованности. Минимальная заработная плата в Швеции ввиду высокой квалификации ее производственных кадров – одна из самых высоких в мире, отставание минимума от средней зарплаты составляет всего лишь 30–40% (50–67% в целом по ЕС). По этой причине наем малообразованных в своей массе беженцев невыгоден бизнесу. В то же время для них малый (по шведским меркам) заработок лучше никакого, и – с другой стороны – для общества (государства) он тоже приемлем как альтернатива социальных выплат, выделяемых новопривывшим (и не только им) мигрантам. Более того, трудоустройство – важнейший шаг к интеграции иммигрантов, своего рода создание материальной основы для нее.

Продвижение в этом направлении теперь существенно затрудняется тем, что по своему потенциалу трудоустройства прибывшие в последние годы мигранты в основной своей массе значительно уступают своим предшественникам. Удельный вес лиц со средним образованием, прибывших из неевропейских стран, упал с начала века на 22 п.п. – с 74 до 52% (рис. 7.2).

Рис. 7.2. Швеция. Доля лиц со средним образованием в зависимости от страны происхождения, 2002–2015 гг., %

Источник: Andel behöriga till gymnasium i befolkningen ...

(https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/c9/Andel_av_befolkning_beh%C3%B6riga_till_gymnasium_efter_f%C3%B6delseregion_1997-2015.png).

Следовательно, необходимость в повышении общеобразовательной и профессиональной подготовки новопривывших контингентов переселенцев возросла, но это (включая изучение шведского языка) потребует немалого времени, да и обучение нескольких десятков тысяч беженцев – чересчур затратное мероприятие. Не отказываясь от него в принципе, ряд экономистов и представителей бизнеса предлагают понизить минимальную оплату труда и институционализировать особые коллективные договоры для беженцев с низким уровнем компетенции.

Такая постановка вопроса вызвала резкие возражения, в частности и прежде всего, профсоюзов, положивших много сил на подтягивание низких зарплат. А без согласия сильного в стране профсоюзного движения у рассматриваемой инициативы нет шансов на реализацию. К тому же, и это очень важно, в Швеции минимум заработной платы определяется не законом, а в определенной степени координируемым сверху, в данном случае, коллективно-договорным регулированием, являющимся общепризнанным правовым институтом. Противники понижения минимума считают, что предлагаемое изменение правил формирования заработной платы чревато раздвоением рынка труда по этноконфессиональному принципу.

В конце концов был найден некий разумный компромисс. Для иммигрантов 25–45 лет, не имеющих среднего образования, вводится работа-обучение с пониженной оплатой, которая заменяется нормальной при достижении ими уровня компетенции коллег-шведов. После этого иммигрант подпадает под действие колдоговорного регулирования. Нововведение может вначале охватить 50 тыс. человек³⁸⁰, но его возможный вклад в расширение занятости мигрантов не стоит переоценивать.

Еще одно новое яблоко общественного раздора – привносимое мигрантами массовое попрошайничество. Оно стало заметным еще до их последнего высокого наплыва, но он усугубил это явление, обостренно воспринимаемое в стране “развитой” социальной демократии. Попрошайничество стало проблемой после вхождения Румынии в ЕС (2007 г.) и последовавшего затем притока из нее цыган. Как румынские граждане они имеют право безвизового пребывания в течение трех месяцев. Хотя из всех политических партий Швеции только шведодемократы выступают за введение запрета на попрошайничество, половина шведов согласна с необходимостью этой меры; 27% – против, остальные не определились (май 2016 г.). По данным на конец октября 2016 г., в Стокгольме доля поддерживающих идею запрета достигла 55% и возросла за один год на 20 п.п.³⁸¹ Ровно через год их осталось столько же (противников запрета – 31%)³⁸². Правительство, вместе с тем, заявило об ужесточении мер против бизнес-попрошайничества (использование детей для сбора милостыни в пользу цыганских баронов и т.п. лиц). Примечательно, что румынский посол в Швеции одобрил идею запрета.

Таким образом, можно констатировать появление в шведском социуме ряда новых острых общественных проблем, порожденных или существенно осложненных иммиграцией последних лет. Эти проблемы оттеснили на второй план ранее злободневные вопросы образования, здравоохранения и налогов, по решению которых практически всегда находился компромисс. Ставшие приоритетными в новой повестке дня темы, связанные с инокультурной иммиграцией, как никогда за послевоенные десятилетия³⁸³, внесли разлад в шведское общество. Споры о масштабах иммиграции и ее инклюзии заняли центральное место в общественной жизни. Особую остроту им придает то, что затрагивают фундаментальные принципы социальной и политической культуры: солидарность (в том числе и “поверх границ”, то есть планетарную), толерантность и политкорректность.

³⁸⁰ Aftonbladet, 06.03.2017.

³⁸¹ Majority of Stockholmers want to ban begging: survey
(<https://www.thelocal.se/20161031/more-than-half-of-stockholmers-want-a-begging-ban>).

³⁸² Majoritet av stockholmarna vill förbjuda tiggeri
(<https://www.ipsos.com/sv-se/search?search=Samh%C3%A4lle%20%26%20Opinion>).

³⁸³ Возможно, исключая середину 70-х годов, ознаменованную противоречиями по поводу введения фондов наемных работников, но этот эпизод шведской истории был преходящим. См. Гришин И. Экономическая демократия: шведский казус // МЭМО, 2006, № 5.

Словом, иммиграция из некогда считавшегося почти безусловным блага превратилась в объект нарастающих противоречий в обществе и тяжкую ношу для государства благосостояния. Открытые границы несовместны с государством благосостояния, говорит Тино Санандажи, иранский курд, известный шведский экономист... "Если вы предлагаете щедрые льготы государства благосостояния всем и каждому и каждый может ими воспользоваться, тогда огромные массы людей постараются сделать это. Но просто математически невозможно для малой страны, подобной Швеции, финансировать эти льготы"³⁸⁴, – логично заключает он.

7.3. ПОСТКРИЗИСНАЯ МИГРАЦИЯ

Последовавший к весне 2016 г. спад миграционной волны в Европу вкупе с ужесточением в ней пограничного контроля и условий приема лиц, ищущих убежища, существенно уменьшили число претендентов на переселение в Швецию. Соответствующие госрасходы оставались высокими, за 2017 г. по статьям "миграция" и "социальное выравнивание и устройство новоприбывших иммигрантов" было выделено 74 млрд крон. И лишь на 2018-й прогнозируется сокращение вдвое ассигнований по первой из названных статей³⁸⁵. По сравнению с 2015 г. в 2016-м новоприбывших мигрантов оказалось меньше в 5.6 раза, в 2017-м – в 6.4 раза. Абсолютный показатель последнего года составил 25.7 тыс. (табл. 7.1), что даже несколько ниже, чем в период, предшествовавший кризису (рис. 7.1).

Таблица 7.1. Количество лиц, ищущих убежища в Швеции, ранжированных по странам гражданства

	2016	2017
Сирия	5 459	4 718
Ирак	2 758	1 887
Эритрея	1 151	1 691
Афганистан	2 969	1 681
Без гражданства	1 339	1 201
Грузия	737	1 105
Иран	1 279	1 090
Турция	738	872
Сомали	1 646	780
Албания	785	760
Марокко	429	512
Украина	600	497
Монголия	514	484
Россия	414	471
Нигерия	369	401
Прочие	7 752	7 516
Итого	28 939	25 666

Источник: Asylsökande, de 15 största länderna (<https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Asylsokande---de-storsta-landerna.html>).

Табл. 7.1 позволяет также оценить степень инокультурности прибывшей в страну в 2016–2017 гг. массы искателей убежища, или удельный вес нехристиан в

³⁸⁴ The globe and mail, 11.09.2015.

³⁸⁵ Statens budget i siffror (<https://www.regeringen.se/sveriges-regering/finansdepartementet/statens-budget/statens-budget-i-siffror>).

ней. Ясно, чем эта степень выше, тем проблемнее интеграция новоприбывших. При определении конфессиональной характеристики стран будем исходить из того, что (по большому счету):

- их подавляющее большинство – мусульманские,
- Грузия, Украина, Россия – христианские,
- Эритрея, Албания и Нигерия – 50:50,
- Монголия – буддистская,
- конфессиональная структура искателей, отнесенных к разрядам "без гражданства" и "прочие", тождественна таковой остальных.

Подсчеты показывают величины 2016 и 2017 гг. соответственно: нехристиане – 85 и 83%, из них мусульмане – 83 и 81%³⁸⁶. Таким образом, более чем на 4/5 иммигранты – инокультурны и примерно четверо из пяти принадлежат к исламской цивилизации, представители которой считаются наименее – как говорят шведские опросы (см. ниже) – адаптабельными к интеграции в западное общество.

Вследствие явного преобладания в последние десятилетия в составе иммигрантов приверженцев ислама их доля стремительно росла. Рассмотрение динамики численности 12 крупнейших диаспор за 1990–2017 гг. (табл. 7.2) показывает:

- самой большой иммигрантской "фракцией" стали сирийцы, потеснив некогда не имевших "соперников" финнов³⁸⁷;
- на третье место вышел Ирак, обойдя Норвегию, Германию, Польшу;
- как никто, в 23 раза поднял свою долю Афганистан;
- в итоге удельный вес *только* шести ведущих неевропейских мусульманских диаспор (Сирия, Ирак, Иран, Сомали, Турция, Афганистан) во всем иммигрантском населении увеличился почти в три раза (с 10.5 до 29%), а с учетом Боснии и Герцеговины – более чем в три раза (до 32.1%).

Суммарно в сегодняшней Швеции, оценочно³⁸⁸, – свыше полумиллиона исповедующих ислам, в 1970 г. – одна тысяча. И главное – как абсолютно, так и относительно их численность продолжает увеличиваться. Этот конфессионально-демографический, он же культурно-демографический и цивилизационно-демографический, набирающий силу сдвиг придает иммиграционно-интеграционной проблеме качественно новый характер.

Международная миграция, тем более вынужденная, – процесс стихийный и сопряжена с неизбежными перекосами/диспропорциями и даже аномалиями в половозрастной структуре просителей убежища. По данным на 2017 г. (табл. 7.3), в их возрастной группе 18–44 лет мужчин больше, чем женщин чуть ли не в два (1.87) раза. Эта "физиологическая" (можно, наверное, и без кавычек) характеристика новоприбывших несет в себе некую предопределенность сексуальной агрессивности их мужской половины. Сравнительно со стандартной демографической структурой Юга/Востока, среди новоприезжих мало детей и пожилых, что обещает в дальнейшем при разрешении претендентам остаться в стране их претензии на воссоединение семей. "Недобор" женщин также может и будет играть роль подобного фактора. Надо полагать, что все или почти все старшие беспризорники –

³⁸⁶ В год миграционного кризиса (2015) только три мусульманские страны – Сирия, Афганистан, Ирак – "дали" более 70% искателей. Подсчитано по: Inkomna ansökningar om asyl (<https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Oversikter-och-statistik-fran-tidigare-ar/2015.html>).

³⁸⁷ Уместно напомнить: как и шведы, финны – (условно говоря) протестанты; в Финляндии второй государственный язык – шведский; общность культур двух стран связана с пребыванием Финляндии в составе Шведского королевства до 1809 г.

³⁸⁸ Шведская официальная статистика не дает соответствующих данных.

мальчики. По крайней мере их не менее тысячи. В потенции они – самая подходящая для уличных бесчинств иммигрантская страта. И именно она, думается, заслуживает самого пристального внимания принимающей стороны, именно на нее должна быть направлена в первую очередь политика инклюзии – ибо в первую очередь иммигранты-подростки и, особенно, второе поколение "новых шведов" составляют социальную базу роста преступности в стране.

Таблица 7.2. Динамика численности иммигрантов в Швеции по главным странам происхождения

Страны происхождения мигрантов	Численность иммигрантов, человек		Доля в общей численности иммигрантов в Швеции, %	
	1990	2017	1990	2017
Сирия	5874	172258	0.7	9.2
Финляндия	217636	150877	27.5	8.0
Ирак	9818	140830	1.2	7.5
Польша	35631	91180	4.5	4.9
Иран	40084	74096	5.1	3.9
Сомали	1441	66369	0.2	3.5
Бывшая Югославия	43346	65877	3.5	3.5
Босния и Герцеговина	-	58880	-	3.1
Германия	37558	50863	4.8	2.7
Турция	25528	48028	3.2	2.6
Афганистан	534	43991	0.1	2.3
Норвегия	52744	42028	6.7	2.2
Все иммигрантское население	790445	1877050	100	100

Составлено и рассчитано по: Immigration to Sweden (https://en.wikipedia.org/wiki/Immigration_to_Sweden#cite_note-125).

Таблица 7.3. Половозрастная структура просителей убежища, 2017 г.

Возраст, лет	Всего	Мужчины, вкл. мальчиков	Женщины, вкл. девочек	Дети	Беспризорные дети
0-6	4544	2352	2192	4544	47
7-12	1883	1052	831	1883	153
13-17	2080	1368	712	2080	1136
18-24	4102	2718	1384		
25-34	6675	4339	2336		
35-44	3786	2432	1354		
45-64	2162	1193	969		
Свыше 64	434	181	253		
Итого	25 666	15 635	10 031	8 507	1 336

Источник: Inkomna ansökningar om asyl (<https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Aktuell-statistik.html>).

7.4. ИММИГРАЦИЯ И ВНУТРЕННЯЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

"Насильственные беспорядки в Швеции – от исключения к нормальности", – таково красноречивое, тезисное название исследования шведских авторов Т.

Нильссона и А.И. Вестерберга³⁸⁹, характеризующее криминальную ситуацию в стране. Роль инокультурного фактора в этом печальном сдвиге несомненна, она – ведущая и, наверняка, была бы доказуема соответствующей статистикой, если бы последняя наличествовала. С 2005 г. прекращена регистрация этнической принадлежности правонарушителей по мотивам политкорректности и противодействия расизму и ксенофобии; власти и лица, с ними связанные, отрицают целесообразность ее возобновления³⁹⁰. Но и без этого достаточно событий/фактов и свидетельств, подтверждающих то, что указанный сдвиг вызван (по крайней мере тесно связан с) увеличением миграции из отдаленных стран.

Один из важных, если не важнейший, атрибут иммиграции, в основном инокультурной, – отличие правосознания ее представителей (а это главным образом мусульмане) от такового у граждан принимающей страны. Отличие норм общественного поведения, базирующихся на римском праве, кодексе Наполеона и Декларации прав человека и гражданина, от норм, диктуемых шариатским правосознанием. Или – в несколько ином “измерении” – отличие христианской цивилизации/морали от исламской. Конечно, это самая общая детерминация указанной трудносовместимости и многое в ее проявлении специфично, но ее базовость не подлежит сомнению.

Столь же бесспорна иммигрантская причинность нарастания криминальности в шведском обществе, хотя политическая элита старается всячески приглушить эту тему, стараясь быть максимально политически корректной и толерантной³⁹¹. Отмена регистрации этнической принадлежности правонарушителей не могла не осложнить борьбу с этнопреступностью. И все же на правительственном сайте вынуждены констатировать, что доля подозреваемых в криминальных действиях среди лиц с иностранными корнями в 2.5 раз выше, чем среди этнических шведов. В интересующем нас 2016 г. зафиксировано, согласно данным Совета по предотвращению преступлений (*Brottsförebyggande rådet*), входящего в структуру министерства юстиции, преступлений против личности на 7% больше, чем годом ранее; из них изнасилований – на 13 и сексуальных домогательств – на 20%³⁹².

Это, может быть, новость для остального мира, но гангстерские войны стали атрибутом Швеции, пишет ее уроженец журналист Туве Ливендаль. В Стокгольме можно видеть молоденьких карманников и других воришек, играющих в кошки-мышки с полицией, которая чувствует себя бессильной. Складывается параллельное общество, где государственной монополии на соблюдение законности и порядка бросается вызов, полагает Ливендаль³⁹³.

³⁸⁹ Nilsson T., Westerberg A.I. Våldsamma upplopp i Sverige – från avvikelse till normalitet. Karlstad, 2011. Что удивительно в данном издании, если забыть про “эту самую” политкорректность, – отсутствие анализа инокультурности как причины умножения правонарушений и обострения криминальной ситуации. Об этноминоритарной молодежи сказано лишь несколько фраз в разделе “Молодежные стычки, или беспорядки в пригородах” (*Ungdomsbråk eller förortsupplopp*), хотя она заслуживает первоочередного внимания.

³⁹⁰ Для сравнения. Статистическое бюро Дании ежегодно публикует информацию о преступности (и многом другом, что связано с мигрантами и детьми мигрантов) в докладе “Мигранты в Дании”. См. Андерссон М. Статистика, которую не хочет знать Швеция (<https://inosmi.ru/politic/20170128/238620139.html>).

³⁹¹ См. статью Дарьи Асмоловой “Изнасилованная Швеция больна стокгольмским синдромом” (Комсомольская правда, 01.04.2017). Ее диагноз – “гуманистический экстремизм”.

³⁹² Anmällda brott 2016 – preliminar statistik (<http://www.bra.se/bra/nytt-fran-bra/arkiv/nyheter/2017-01-12-anmalda-brott-2016---preliminar-statistik.html>).

³⁹³ How Sweden became an example of how not to handle immigration.

Не избавлена Швеция и от джихадистской угрозы. За последние годы из нее уехали воевать за ислам 300 человек, из них 150 вернулись. Как заявил глава шведской службы безопасности (SÄPO) А. Торнберг, с 2010 г. по начало 2017 г. радикальных исламистов стало в десять раз больше (200 – 2000). По его оценке, эти люди – приверженцы идеи глобального халифата, они – не обязательно прямые террористы, но могут, к примеру, помогать в организации и финансировании нападений³⁹⁴.

Интеграция инокультурной мигрантской молодежи как первого, так и второго поколений представляется проблемой проблем шведской политики инклюзии. При всем разнообразии издержек/негативов массового приема просителей убежища (финансовые, материальные и т.п.) все более тревожащей, даже пугающей для шведского общества становится угроза безопасности, исходящая от криминалитета, импортированного и/или формирующегося под его влиянием. Он концентрируется в так называемых незащищенных районах (швед. – *utsatta områden*), или недоступных зонах (англ. – *no-go zones/areas*), имеющих низкий социально-экономический статус и появление в которых чревато риском хулиганского нападения и/или ограбления. В том или ином виде и масштабе зоны преступности и социальной эксклюзии присущи любому обществу, но они становятся крайне опасными, будучи маркированы цивилизационно-этнически. Шведские служебные инстанции (чересчур) политкорректно избегают связывать наличие зон с иммиграцией, и бесполезно искать в официальных публикациях прямые указания на инокультурность этих зон. Хотя на *исторически* малокриминальном шведском фоне они воспринимаются особенно остро. Поэтому сам термин, подразумевающий отсутствие или ущербность контроля властей и их неспособность законоприменения, имеет шведское происхождение (2014 г.) и приписывается журналисту газеты *Svenska Dagbladet* Перу Гудмундсону. (Французская *Zone urbaine sensible*, именуемая даже как *Islamic no-go zone*, наиболее созвучна и, наверное, близка шведскому аналогу.)

По уточненным данным шведской полиции, в стране насчитывается 61 упомянутая зона и в них орудуют 5 тыс. преступников и 200 преступных сетей. 23 зоны отнесены к особо незащищенным. В них влияние криминальных структур столь очевидно, что люди отказываются обращаться в суд, а полиция сталкивается с немалыми трудностями при исполнении своих обязанностей, отмечает один из шведских авторов³⁹⁵. Объектами нападения часто становятся персонал и транспорт служб спасения (скорая помощь, пожарные), которых местные подростки забрасывают камнями. Неотъемлемым слагаемым образа жизни криминального мира зон являются наркобизнес и торговля оружием. Незаконное применение его стрелковых видов в последние годы выросло многократно, но чаще всего оно идет в дело при внутренних разборках обитателей зон. Стало более широким и существенно участилось использование ручных гранат. Если до 2013 г. взрывы гранат в населенных пунктах были редчайшим явлением, то в последующем и особенно с 2015 г. фиксируется два–три десятка в год. По заключению шведской полиции, применение ручных гранат в Швеции преступными элементами является беспрецедентным для всех сопоставимых европейских и неевропейских стран, пребывающих в состоянии мира. Сравнение возможно лишь с такими странами, как Мексика с ее нарковойной³⁹⁶. Конечно, шведский уровень преступности гораздо ниже американского, о чем не забывают писать некоторые издания, но принципиально

³⁹⁴ Szwecja: ekstremiści rosną w siłę, a politycy się boją
(<http://euroislam.pl/szwecja-ekstremisci-rosna-w-sile-a-politycy-sie-boja/>).

³⁹⁵ Dagens Nyheter, 20.06.2017.

³⁹⁶ List of grenade attacks in Sweden
(https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_grenade_attacks_in_Sweden#2018).

важно для последних лет другое – ежегодное количество убийств в преступном мире страны увеличилось по сравнению с 1990–1994 гг. в 2010–2014 гг. в 3.5 раза, а в 2015 г. примерно в 7 раз³⁹⁷.

Наиболее яркие (огненно-яркие) примеры/свидетельства разгула уличной преступности – беспорядки/погромы, учиненные молодежью с иностранным бэкграундом в пригородах Стокгольма, его незащищенных районах Ринкебю (2010, 2013, 2017 гг.) и Хусбю (2013 г.). Вполне объяснимы социально-экономические корни ее недовольства (безработица, бедность, социальная эксклюзия), но формы ее протеста (каковы ни были бы его поводы), его последствия никак не могут быть оправданы. Десятки–сотни сожженных автомобилей, порушенные и разграбленные магазины, вынужденная эвакуация жителей, нападения на полицейских (булыжник – орудие "ино-люмпен-пролетариата"), вандализм и т.п. и т.п. – всё это непереносимые атрибуты антиобщественных выступлений подростков из так называемых недоступных зон. В этих условиях неизбежно нарастает недовольство полицией со стороны законопослушных "старых" и "новых" шведов. В то же время ее действия, как уже отмечалось, скованы боязнью быть обвиненной в расизме и ксенофобии. Сформировалась некая "культура секретности", лакирующая этноситуацию: опасаясь подобных обвинений, полиция предпочитает замять судебное дело, если его фигурантом выступает выходец из афро-азиатского мира. И это становится особенно понятно, если взять оценку действий молодых хулиганов, данную в официальном духе шведским профессором криминологии Ержи Сарнецки. Он расценивает их как нелегальное выражение легитимного недовольства безработицей, нерешенностью проблемы образования и полицией³⁹⁸. То есть все дело в социально-экономических факторах и культурный геном/код тут ни при чем³⁹⁹.

Констатируя нарастание негативных тенденций в сфере безопасности и трудностей в деятельности полиции в 2017 г., ее руководитель взывает о помощи: "Развитие идет в неверном направлении ... Усилий полиции и судебных органов преодолеть негативную тенденцию недостаточно... Все части общества должны взять ответственность за то, чтобы мы смогли повернуть развитие". Он считает также необходимым ужесточение соответствующего законодательства, увеличение персонала и финансирования полиции и усиление ее правовой защиты⁴⁰⁰. Последнее пожелание может включать и освобождение стражей порядка от чрезмерной политкорректности и боязни быть обвиненными в расизме и/или ксенофобии при работе с мигрантами-правонарушителями.

Таким образом, при всей бесспорной важности решения социально-экономических проблем приема и интеграции выходцев из иномонархических стран и их потомков, родившихся в Швеции, не подлежит сомнению острая злободневность и непреходящесть вопроса внутренней безопасности, резко актуализированного наплывом инокультурных беженцев и претендентов на получение этого статуса. В своем нынешнем выражении стратегия политкорректности и толерантности (снисходительности и попустительности), остающейся относительно (соседних государств) низкой требовательности к лицам, не желающим соблюдать устав чужого монастыря, вряд ли окажется успешной. Но

³⁹⁷ Six claims and facts about Sweden

(<https://www.thelocal.se/20170220/sweden-facts-a-closer-look-at-filmmaker-ami-horowitz-claims>).

³⁹⁸ Upploppen_i_Stockholm_2013 (https://sv.wikipedia.org/wiki/Upploppen_i_Stockholm_2013).

³⁹⁹ Как не вспомнить здесь тот факт, что главари основных исламских террористических организаций мира – в основном выходцы из отнюдь не бедных семей.

⁴⁰⁰ Rikspolischef Dan Eliasson om året som gått

(<https://www.svt.se/nyheter/lokalt/uppsala/rikspolischef-dan-eliasson-om-aret-som-gatt>).

корректировке этой стратегии пока мало способствуют динамика общественного мнения и зависимые от него позиции системных политических партий.

7.5. ДИНАМИКА И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Активная политика солидарности с народами развивающихся стран, проводимая шведскими социал-демократами с рубежа 60–70-х годов и тесно связанная с именем Улофа Пальме, оказала серьезное влияние на формирование позитивного отношения его соотечественников к оказанию помощи Третьему миру и иммигрантам. Симптоматично: на поддержку развивающихся стран по международной программе *Официальная помощь развитию* Швеция выделяет большую долю своего валового национального дохода (1.4% в 2015 г.), чем какое-либо другое развитое государство (ближайшие по этому показателю Норвегия и Дания – 1.05 и 0.85% соответственно)⁴⁰¹. У нее же, как отмечалось, наивысший относительный показатель приема беженцев. Здесь она значительно отличается от соседей – Дании, Норвегии, Финляндии, к ней близки немногие, в частности Германия. Но если в последней толерантность к мигрантам в немалой, если не решающей, степени обусловлена раскаянием за преступления нацизма, то в Швеции она – продукт прежде всего упомянутой идеологии солидарности поверх границ. Ранее – государственных, теперь – плюс этнических и конфессиональных.

Впрочем, первоисточник этой солидарности – доктринальная установка шведских социал-демократов на социальное выравнивание с ее *абсолютизацией роли социально-экономических факторов в формировании культурного кода человека*. Поборники массовой миграции полагают, что поведенческие девиации мигрантов обусловлены их не инокультурностью, а социально-экономической неустроенностью и ее преодоление снимет проблему цивилизационно-этических разрывов.

Весной 2016 г. (как и осенью годом ранее) 62% шведских респондентов заявили о своих позитивных чувствах к мигрантам извне ЕС. То был высший показатель, выявленный тогда Европейским социальным обследованием. И это, несмотря на всю тогдашнюю напряженность беженской ситуации. Контрастным фоном служит тот факт, что в 24 государствах ЕС было зафиксировано преобладание отрицательного отношения⁴⁰². Согласно указанному опросу, в Швеции, как и в большинстве стран – членов ЕС, важнейшей его (*Союза*) проблемой была названа иммиграция. По удельному весу отдавших приоритет этой проблеме Швеция – на 8–9-м месте. Таковой же ее расценили шведы и с точки зрения *национальной* значимости – в отличие от респондентов из большей части других государств ЕС, поставивших на первое место безработицу. Лишь в Германии, Дании, Нидерландах и на Мальте доля наиболее обеспокоенных иммиграцией оказалась выше, чем в Швеции. Примечательно также и еще одно измерение озабоченности иммиграцией – *персональное* (“что беспокоит Вас лично более всего?”). В числе двух особо тревожащих их проблем указали иммиграцию 16% шведов – это больше, чем в какой-либо другой стране ЕС, средний показатель для которого наполовину ниже (Германия – 11, Франция – 4%). С осени 2015 г. доля лиц, негативно

⁴⁰¹ Official development assistance (https://en.wikipedia.org/wiki/Official_development_assistance).

⁴⁰² Standard Eurobarometer 85. Spring 2016. Public opinion in the European Union. Fieldwork: May 2016, p. 36 (http://media.hotnews.ro/media_server1/document-2016-08-4-21202938-0-eurobarometru.pdf).

воспринимающих мигрантов извне ЕС, выросла на 9 п.п. (до 36%) – лишь в Румынии этот скачок был значительнее (10 п.п.)⁴⁰³.

Таким образом, на общеевропейском фоне Швеция предстает страной, население которой:

- характеризуется наибольшей долей лиц, положительно относящихся к прибывающим из развивающихся стран (1),
- разделяет общеевропейскую обеспокоенность наплывом мигрантов (2),
- в высокой – сравнительно с большинством других стран – степени усматривает в нем причину для общественной озабоченности (3),
- в наибольшей – опять же в сопоставлении с другими странами – мере видит в нем основание для личного огорчения (4),
- демонстрирует почти рекордный – в том же соотношении – рост категории лиц, не желающих видеть в стране мигрантов-неевропейцев (5).

Полученная картина может быть охарактеризована как довольно противоречивая и содержащая в себе определенный потенциал поляризации общественных подходов к иммиграционной политике в силу логически трудной совместимости приведенных выше 1-го момента (“все хорошо ...”) и 3–5-го (“за исключением ...”⁴⁰⁴), отражающих дисгармоничные настроения в социуме в отношении мигрантов. Дисгармоничные – потому что просматривается очевидный разрыв между 3–5-й позициями, а они демонстрируют повышенную настороженность (сензитивность) шведов к “чужим” при ответах на *конкретные* вопросы, и позицией 1-й, которая (ответ на *общий* вопрос) детерминирована господствующими в обществе морально-политическими установками и нормами, отклонение от которых не комильфо⁴⁰⁵. Эти установки и нормы, в той или иной мере присущие всей современной европейской, западнохристианской цивилизации, в Швеции гиперболизированы философией и идеологией интернациональной солидарности, сохраняющих серьезное влияние на образ мыслей, или социальное кредо, граждан этой страны. И, конечно же, исторически длительной толерантностью к различным религиям и этносам, законодательно подкрепленной еще в 1781 г. эдиктом Густава III.

В разнице между 3–5-й и 1-й позициями можно увидеть некое (конечно, ослабленное) подобие разницы между хорошо знакомыми нам по советским временам диалогами при обсуждении политических проблем “на кухне” и на публике. Речь идет о своего рода двойственности выражения своего отношения к чему- или кому-либо – на миру и в душе, в дискурсах “как положено” и “между нами говоря”⁴⁰⁶. Подтверждение шведского аналога можно найти в статье доцента кафедры социальной антропологии Лундского университета К.Э. Фридман, опубликованной еще в 1997 г. Она писала, что шведы избегают открыто говорить о том, что они думают о последствиях иммиграции для страны, опасаясь обвинений в расизме⁴⁰⁷.

⁴⁰³ Ibid., pp. 7, 11, 13.

⁴⁰⁴ В полной редакции: “Все хорошо, прекрасная маркиза ... за исключением пустяка”.

⁴⁰⁵ При интерпретации результатов опросов, при сопоставлении ответов на общие и частные (конкретные, “узкие”) вопросы важно учитывать, что в последнем случае респондент в большей мере, чем в первом, выражает свое *личное* мнение/видение, а не общепринятое.

⁴⁰⁶ Как в чудесном советском анекдоте: «Что такое демократический централизм? – Это когда все вместе – “за”, а каждый в отдельности – “против”».

⁴⁰⁷ Из интервью Анны Мартинес, шведского комментатора аргентинского происхождения (1990 г.): “Отношение к иммигрантам в Швеции выжидательное ... Шведам нужно время, чтобы привыкнуть к мультикультурализму. Это ошибочно, когда власти заставляют их любить иммигрантов ...” См. Om Sverige och svensk mentalitet (<http://ybelov.livejournal.com/64440.html>). По суждению известного шведского экономиста

“Это напоминает поведение людей в странах бывшего Восточного блока, где собственные мнения выражались в частных беседах, тогда как на публике боязливо повторялись политически корректные фразы”, – заключила Фридман⁴⁰⁸.

Опасения быть обвиненным в расизме и даже фашизме в известной мере деформируют общественное мнение и пространство принятия политических решений. В шведском интернете нередок афоризм “В Швеции вы или сторонник массовой иммиграции, или расист”. С такой ложной дилеммой вынуждены считаться и деятели традиционных, системных партий. Этим во многом объясняется их нежелание не только вступать в диалог с ШД, но и вообще контактировать с ними. Лишь в последнее время, с резким обострением проблемы мигрантов, в стане правоцентристских партий наметился сдвиг к поиску компромиссных решений.

Надо полагать, что немаловажным фактором этой перемены выступает ослабление проиммигрантских настроений в обществе и нарастание критицизма к этническому многообразию. Проследить это можно, в частности, по обследованию, проведенному Университетом в Евле (*Högskolan i Gävle*) в мае–июне 2016 г. Опросы выявили следующую картину. Позитивно расценивают опыт общения на работе или учебе с лицами, имеющими иностранные корни, 70% респондентов, и эта величина последние годы стабильна. Большинство считает, что переселенцы должны иметь такие же социальные права, как и у уроженцев Швеции, но оно существенно сократилось – с 77 (2014 г.) до 55%. Почти половина опрошенных высказались за создание условий для сохранения культурных традиций иммигрантов, но по сравнению с 2014 г. и этот показатель упал. Этномногообразие (*mångfald*) принимают 64%, однако и здесь минус 10 п.п. Уменьшилась, в том числе, доля положительно воспринимающих этномногообразие в трудовой сфере, хотя по-прежнему она выше 50%.

Более интересны другие – деликатные – пробные шары: о религии, культуре, соседстве. Почти половина респондентов полагают, что религии разноценны и ислам стоит особняком. Большинство соглашается, что этномногообразие развивает шведскую культуру, но доля считающих так сократилась. Половина усматривает большие различия между шведской культурой и культурой выходцев из Африки и Ближнего и Среднего Востока, а также находит, что их трудно интегрировать в принимающее общество.

И, наконец, сфера приватной жизни – соседство. Понятно, как ревностно она оберегается. Каждый третий предпочитает в качестве соседа уроженца Швеции, 37% не разделяют такой выбор, 30% не определились в этом щепетильном для шведов вопросе (политкорректно уклонились от ответа?). Большую ясность мнений демонстрирует тот факт, что принимают положение “иммиграция увеличивает жилищную сегрегацию” 65% респондентов, не принимают – лишь 7%. При этнической дифференциации иммигрантов, по сравнению с азиатами и латиноамериканцами менее приемлемы как соседи африканцы и, особенно, переселенцы с Ближнего и Среднего Востока⁴⁰⁹.

Из данных этого опроса можно заключить, что, с точки зрения *общего* отношения к мигрантам, *социально*-психологической готовности шведского общества, его интеграционный потенциал довольно высок, но после миграционного кризиса рубежа 2015–2016 гг. он значительно понизился. Названный потенциал представляется явно меньшим, если определять его в аспекте повседневности и частной жизни (соседство, личные контакты) – то есть с точки зрения *личностно*-

курдско-иранского происхождения Тино Санандажи, высказанному в сентябре 2015 г., между мнениями элит и электората существует пропасть (The Globe and Mail, 11.09.2015).

⁴⁰⁸ Dagens Nyheter, 06.05.1997.

⁴⁰⁹ Mångfaldsbarometern 2016. Gävle, Oktober 2016, ss. 4, 54, 55.

психологической приемлемости. Это, наверное, тот случай, когда что-то принимается в жизненных, обыденных деталях труднее, чем в морально-идеологическом целом. Чем ниже этажи коммуникации с инокультурной иммиграцией, чем менее эта коммуникация опосредована мнениями других, тем – как правило – заметнее холодность к носителям чуждой культуры. Вместе с тем динамика общественного мнения и очевидная разновеликость его позитивности/негативности по отдельным измерениям (вопросам) дают в случае резонансного нарастания издержек инокультурной иммиграции основание допускать вероятность того, что степень ее отвержения сделает новый скачок, особенно по вопросам, тесно связанным с обыденными интересами/предпочтениями. И данное обстоятельство не может не вызывать пессимизма в оценке перспектив шведского общества обеспечить реальное продвижение к интеграции инокультурных беженцев даже при предкризисных масштабах их приема.

Еще до кризиса, в феврале 2015 г., выявилось, что большинство населения полагает иммиграцию чрезмерной. Так посчитали 58% шведов – по сравнению с 45% в 2012 г. (Лишь 8% оценили как недостаточную.) Примечательно также, что усиление негативного отношения к иммиграции отмечено не только в малообразованных группах (коим оно обычно наиболее свойственно), но и – в существенной мере, с 39 до 49%, – среди высокообразованных⁴¹⁰. А это означает, что сомнения в прежнем курсе иммиграционной политики крепнут и в близких к элите кругах.

Конечно, спад иммиграционной волны и связанное с ним окончание иммиграционного кризиса к весне 2016 г. значительно уменьшили остроту напряженности в обществе, порожденную всплеском присутствия в общественной жизни иноэтнического, инокультурного (иноцивилизационного) компонента. Но на “шкале беспокойств” иммиграция остается в числе главных, что по-прежнему выделяет Швецию на фоне многих других стран. Из 26 стран⁴¹¹, где IPSOS⁴¹² провела в сентябре 2017 г. опросы, только в двух проблема иммиграции (“контроля за иммиграцией”) была названа в числе *трех* наиболее злободневных. И одной из этих двух оказалась Швеция. Там иммиграцию поставил на третье место каждый четвертый респондент. Более острыми вопросами были признаны “преступления и насилие” (47%) и “подъем экстремизма” (27%)⁴¹³, но их тесная связь с инокультурой сомнению почти не подлежит. Другая страна, где общественное мнение наиболее обеспокоено иммиграцией, – Италия. Там ее расценили как вторую по важности 42% респондентов (как первую – безработицу). Правда, еще в двух странах – ФРГ и Канаде – доля лиц, наиболее обеспокоенных миграцией, выше, чем в Швеции – соответственно 38 и 30%, но в них она в приоритетах общественного мнения менее значима⁴¹⁴.

⁴¹⁰ Demoskop-undersökning: Svenskarna anser att invandringen är för stor (<http://www.dnv.se/nyheter/demoskop-undersokning-svenskarna-anser-att-invandringen-ar-for-stor/>).

⁴¹¹ Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Германия, Канада, Китай, Франция, Израиль, Индия, Испания, Италия, Мексика, Перу, Польша, Республика Корея, Россия, Саудовская Аравия, Сербия, США, Турция, Швеция, ЮАР, Япония.

⁴¹² Международная исследовательская компания со штаб-квартирой в Париже.

⁴¹³ Всего предлагалось для определения степени актуальности 17 проблем. Помимо названных, это – терроризм, безработица, финансовая/политическая коррупция, здравоохранение, бедность и социальное неравенство, угроза окружающей среде, изменение климата, инфляция, налоги, упадок морали, образование, поддержание социальных программ, детское ожирение, доступность кредита.

⁴¹⁴ IPSOS Public Affairs. What Worries the World. September 2017, p. 12

Казалось бы, данные о приоритетности в опросах тем “преступления и насилие” и “подъем экстремизма” не адекватны заголовку главы и ее эпиграфу с их первоочередностью миграции. В какой-то мере – да. В мере, точнее – аспекте, формального несоответствия. Однако все указанные здесь три позиции в существенной степени, повторим, взаимосвязаны и по большому счету триедины. Вполне возможно, что на шкале тревог респондентов могут приоритетными в последующем стать образование, здравоохранение или другие сферы, *традиционно важные* для развитого государства благосостояния, но это лишь будет делать менее контрастным фон особой проблемности иммиграции. Все это подчеркивает значение иммигрантского вопроса (тем более в широкой его трактовке, включая интеграцию) в кругу проблем, стоящих перед страной, и позволяет характеризовать его как ее ахиллесову пята.

7.6. МУЛЬТИ- И ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ: ОТ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ – К СБЛИЖЕНИЮ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Сколь значительны ни были бы урезания прибывающего беженского контингента, проблема интеграции инокультурных иммигрантов этим не решается. Есть авторитетные мнения, что их и так уже больше, чем может органично абсорбировать шведское общество. Так, по высказанной в конце 2016 г. оценке бывшего госсекретаря в правоцентристском правительстве, возглавлявшемся Фредриком Райнфельдтом⁴¹⁵ (2006–2014 гг.), Микаэля Сандстрёма, количество мигрантов в Швецию во много раз превысило то, к которому приспособлена система их приема и с которым может справиться страна. По его оценке, на долю Швеции приходится 3% ВВП стран ЕС, но 10–15% притока искателей убежища⁴¹⁶.

Беженцы из Африки и Ближнего и Среднего Востока большей частью закапсулированы в своих гетто на окраинах крупнейших городов и не стремятся из них вырваться. Мало того, их активные, радикальные представители заявляют и подкрепляют силой/огнем претензии не только на закрытость гетто, но и на экстерриториальность последних – неподчинение шведским властям и законам. На этом фоне перспективы успешной интеграции представляются пока проблематичными. Как можно интегрироваться и тем более – быть интегрированными, когда сильны настроения самосегрегации?!

Признавая провал иммиграционной и интеграционной политики в своих странах, А. Меркель и Н. Саркози еще несколько лет назад указали на упомянутый фактор как на первопричину неудачи. Сосуществование без взаимодействия – так они политично определили сложившуюся этноситуацию. (Надо бы уточнить: сосуществование – далеко не всегда мирное.) Это узловым изъян всего концепта

(https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2017-10/What_worries_the_world-Autumn_2017.pdf). В одноименной публикации января 2018 г. картина принципиально не меняется. Швеция оказалась третьей по доле лиц, наиболее озабоченных “контролем за иммиграцией”, после Германии (40%) и Италии (32), но эта доля поднялась на 4 п.п. (до 29), превысив показатель “подъем экстремизма” (19) и уступая по-прежнему индикатору “преступления и насилие” (46%). См. IPSOS Public Affairs. What Worries the World. January 2018

(https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2018-01/what_worries_the_world-january_2018.pdf).

⁴¹⁵ Вариант написания фамилии – Рейнфельдт.

⁴¹⁶ Nu börjar sig den svenska migrationspolitiken i obanad terräng (<http://kvartal.se/artiklar/de-goda-foresatserna>).

мультикультурализма, из которого исходит теоретическое обоснование политики интеграции, противопоставленной в свое время ассимилятивному подходу.

Нельзя сказать, что идея сотрудничества не предполагалась в мультикультурализме, она просто не акцентировалась, поскольку считалась само собой разумеющейся и не требующей целенаправленных действий. Посему представляется, что, хотя мульти- и интеркультурализм не так уж далеко отстоят друг от друга, их цели и практики реализации вследствие разности акцентов далеко не идентичны. Интеркультурализм требует гораздо более широкого включения в интеграционную политику гражданского общества, более разветвленного ее инструментария и более тонкой настройки последнего. Он исходит из того, особенно в шведском случае, что государственные меры социального благоприятствования мигрантам недостаточны и не всегда конструктивны, что важную роль в преодолении этноотчуждения должны играть организационная (микроинституциональная) и культурная составляющие.

Смена мультикультуралистской парадигмы интеграционной стратегии на интеркультуралистскую начала обсуждаться в Швеции еще до иммиграционного кризиса⁴¹⁷. В 2014 г. вопрос о необходимости разработки национальной межкультурной стратегии неоднократно поднимался в риксдаге. Пожалуй, наиболее широко его затронул депутат правительственной, социал-демократической партии Серкан Кёсе, выступление которого заслуживает внимания, поскольку оно содержит бинокулярную характеристику этнополитического положения в стране, которую он видит и как шведский гражданин, и как этнический турок. Вместе с тем речь парламентария ясно отображает степень осмысления проблемы представителем ведущей правительственной партии и политического истеблишмента в целом.

В Швеции многие люди по-прежнему воспринимаются как иностранцы, несмотря на то что они живут в стране более полувека или даже родились в ней, сказал Кёсе. После десятилетий дебатов вокруг интеграции и этнокультурного многообразия настало время снова поднять вопрос о мультикультурности. Подход к пониманию того, что такое шведская общность, нуждается в пересмотре. Сегодня Швеция – полиэтническая страна. Ее культурное и языковое разнообразие – огромный актив, который используется лишь частично. Чтобы задействовать его, Швеция должна стать интеркультурным обществом, которому присущи встречные движения отдельных лиц и групп. Задача состоит в том, чтобы выйти из нынешнего положения, когда разные этнические и социально-экономические группы живут рядом, но отчуждены друг от друга и пребывают во взаимном неведении. Ключ к поступательному движению – тесное сотрудничество между государством и гражданским обществом и включение социальных лифтов для уменьшения социальных дистанций между людьми. Для продвижения к интеркультурному обществу, которое обеспечит экономический рост и общественную стабильность, нужна длительная и сознательная работа по многим направлениям совместно со всеми акторами из государственного, волонтерского и частного секторов.

В то время как понятие мультикультурализма, заключил Кёсе, описывает состояние, интеркультурализм – это действие. Точнее, он отображает взаимодействие между людьми с разными исходными позициями и системами

⁴¹⁷ Дефиниций интеркультурализма – масса. Шведское популярное толкование таково. Это – коммуникативный процесс между индивидами, принадлежащими к различным культурным группам, в школе и обществе, то есть между лицами разных культур (с разными родными языками и жизненными правилами), и взаимопонимание между ними. Концепция интеркультурализма отличается от родственной ей концепции мультикультурализма, которая предполагает только параллельное сосуществование многих культур в обществе. См. Interkulturalitet (<https://sv.wikipedia.org/wiki/Interkulturalitet>).

взглядов, которое базируется на равноправии и равноценности всех людей независимо от их социальной, этнической или религиозной принадлежности. Цель заключается в нахождении того, как поддерживать культурные различия в рамках основополагающих демократических ценностей и международных договоров о правах человека⁴¹⁸.

Кёсе дал бивалентные оценки этноситуации и рекомендации *общего* плана, которые, наверное, приемлемы для “обеих сторон” искомого взаимодействия. В то же время в выступлении социал-демократического депутата даже не поставлены такие важные вопросы, как: может ли территория интеркультуризации считаться нейчейной, где заново устанавливаются нормы общежития (тем более если мигранты прибывают на нее без приглашения); может ли обратная дискриминация быть правилом при движении к этносоциальному согласию⁴¹⁹. Не удалось найти суждения на такие темы и в других официальных документах. Толерантность и политкорректность отнюдь не всегда способствуют поиску и формулированию необходимых рамочных установок, исходящих из первичности культуры этноса-реципиента.

О начавшемся продвижении СДРПШ к трезвому пониманию иммиграционно-интеграционной ситуации свидетельствуют ее признание в прежде облегченном восприятии политики интеграции и обновлении этой политики. Которое выражается прежде всего в заявлении: “Теперь у нас новая миграционная политика. Новоприбывшие должны работать. В Швеции все должны работать, все должны быть в состоянии жить на свою зарплату...”⁴²⁰

При всем обилии пояснений и рекомендаций касательно интеркультурализма и интеграционной политики, содержащихся в служебных публикациях, ее заявленные несколько лет назад задачи ориентированы на макроуровень исполнения. Этого явно недостаточно, чтобы следовать интеркультуралистской стратегии, основательно меняющей акценты в интеграционной политике. Если мультикультурализм, как пишет шведский ученый Фредрик Суннемарк, заточен на макроуровень и групповую идентичность, то интеркультурализм – на микроуровень и индивидуальную идентичность и сфокусирован на том, чтобы найти методы коммуникации для людей, принадлежащих к разным культурам. Первый ставит во главу угла границы между группами и право удерживать их, второй – то, как понизить эти границы, как работать через них и как свести их значение к второстепенному, сохраняя уважение к ним. Мультикультурализм, добавляет Суннемарк, можно понимать как запрос на толерантность и социальный

⁴¹⁸ Enskild motion. Motion till riksdagen: 2014/15:311 av Serkan Köse (S). En nationell interkulturell strategi (<https://data.riksdagen.se/fil/F4B418D4-C2AA-48FE-B8F6-0E0178D4E6BD>).

⁴¹⁹ Пример обратной дискриминации в университете г. Упсалы. Там при поступлении на учебу по программе бакалавра в области права в 2003 г. были зарезервированы 10% мест для студентов, чьи оба родителя – уроженцы зарубежья. Цель состояла в том, чтобы увеличить этническое и социальное разнообразие студенческой группы. Все поступившие по этой льготе получили отметки ниже, чем два претендента, у которых родители – граждане Швеции. Университет не смог доказать законность квотирования и был признан виновным в дискриминации шведских учащихся. Им была присуждена компенсация за счет государства. См. Omvänd diskriminering (https://sv.wikipedia.org/wiki/Omv%C3%A4nd_diskriminering).

⁴²⁰ Snabbare integration (<https://www.socialdemokraterna.se/engagera-dig/integration/>). Из новых мигрантов, расселенных по муниципальным округам в 2007 г., половина работали через восемь лет. Из расселенных в 2012 г. – через пять.

протекционизм, интеркультурализм – как необходимость диалога и преобразований⁴²¹.

В соответствии с таким перестроением теории интеграции шведские власти уделяют растущее внимание обращению интеркультурных практик не только к мигрантам, но и к носителям ведущей этнокультуры для развития взаимопонимания и взаимообщения. Одновременно большее содействие оказывается образовательному успеху молодых инокультурных мигрантов с целью повышения их уровня просвещения и понимания европейской цивилизации. Отправную посылку формирования новых, интеркультурных отношений шведские теоретики видят в максиме: идентичность не есть нечто неизменное, она меняется со временем и может включать в себя несколько идентичностей⁴²². Интересно и определение "интеркультурализма в действии" – это создание чего-то нового совместными усилиями представителей различных культур.

В стиле "новокультурного" мышления с его упором на низовой уровень деятельности начинают активно работать некоторые небольшие населенные пункты с высокой или преобладающей долей лиц, имеющих нехристианский бэкграунд. В их числе – коммуна Ботчюрка⁴²³, включенная в совместный проект Совета Европы и Европейской комиссии "Интеркультурный город". Первое ключевое слово в дискурсе коммунальной администрации – антидискриминация. Этот девиз касается прежде всего трудоустройства и учебы, играющих базовую роль в жизнеустройстве мигрантов.

Часть муниципального бюджета, выделяемая на специфически интеркультурные цели, невелика. Их реализация финансируется в рамках традиционных статей расходов. Они идут, в частности, на возведение объектов досуга (спортивных, развлекательных и т.п.), в работе которых предусматриваются активизация межэтнических контактов и трансформация их в конструктивное взаимодействие. Особенно это относится к молодежи – той категории населения, социальный потенциал которой наиболее нуждается в общественно полезной ориентации. Важное место при проведении стратегии интеркультурализма отводится НКО, причем моноэтнические из них также призываются к сотрудничеству. Согласно документам администрации Ботчюрки, в преодолении сегрегации и эксклюзивности мигрантов значимы также публичные обсуждения мер по стиранию социальных и ментальных различий между группами граждан и частями коммуны, культурно-педагогические методы по усилению межкультурной идентичности и солидарности, развитие культуры рабочего места в духе интеркультурализма, создание интеркультурной сети локальных обществ по всей коммуне.

Вместе с тем признается, что хотя интеркультуральная стратегия уже существует, она многим видится пока как довольно абстрактная и отдаленная от реальности. Однако ее актуальность и потенциал развития мало кто ставит под сомнение. Следующими шагами должны стать систематизация имеющихся политик и инициатив, их проверка, оценка через оптику интеркультурализма для того чтобы

⁴²¹ Sunnemark F. Interculturalism, National Identity, Citizenship and the Populist Right. The Example of Sweden (<http://www.inter-disciplinary.net/at-the-interface/wp-content/uploads/2014/02/sunnemarkinterpaper.pdf>).

⁴²² Материи эти вроде бы сугубо академические, но, тем не менее, дают пищу для острых политических дебатов. ШД видят в инокультурной иммиграции опасность размывания национальной идентичности ("шведскости").

⁴²³ Ботчюрка (*Botkyrka*) – муниципалитет губернии Стокгольм с населением 90 тыс. человек. Из них – 57% иностранного происхождения или имеют обоих таких родителей (2015 г.), в 2002 г. – 47%. Курс на интеркультурализм был взят в 2010 г.

определить, какие из них наиболее эффективны в достижении стратегических целей⁴²⁴.

Каковы бы ни была концептуальная основа проводимой политики, крайне важна ее институциональная сеть. Ее базисные части можно представить четырьмя акторами. Первый – государственная Миграционная служба (*Migrationsverket*), специальное подразделение министерства юстиции⁴²⁵. Второй – местные органы власти (пример Ботчюрки). Третий, – представляющий гражданское общество, – многочисленные некоммерческие организации (в том числе филиалы международных), помогающие иммигрантам⁴²⁶. При всей несомненной важности и необходимости анализа деятельности этих акторов ее контуры в целом нетрудно очертить (что хотя бы отчасти и было сделано). Здесь достоин внимания четвертый актор – диаспорные организации.

Без них просто невозможен институционализированный диалог принимающей и принимаемой сторон, его репрезентативная модель. И в этом диалоге, как и во всей интеграционной политике принципиально значимо состояние, позиции и активность диаспорных ассоциаций. Наверное, эту проблему можно признать критически важной – без налаженного диалога продвижение к взаимопониманию и тем более взаимодействию нереально. Ограничимся краткой характеристикой ассоциаций и попыткой оценить степень их включенности в интеграционную работу.

Организации инокультурных мигрантов строятся как по этническому (национальному – по стране происхождения), так и конфессиональному принципу. В последнем варианте крупнейшая среди них – Мусульманская ассоциация Швеции (МАШ – *Sveriges muslimska förbund*), охватывающая около 70 тыс. человек и субсидируемая государством как религиозное объединение. Долгое время в руководстве МАШ отстаивалась установка на подчинение всех сторон жизни в новом обществе религиозным – исламским – канонам⁴²⁷, что, естественно, противоречит шведским нормам. Краткое знакомство с сайтами МАШ и еще одной аналогичной ассоциации – Объединенных исламских общин Швеции (*Förenade Islamiska Föreningar i Sverige*)⁴²⁸ – показывает, что главное для них – внутренние и религиозные вопросы и их интеграционная роль либо преимущественно декларативна, либо не прослеживается вовсе⁴²⁹. Кроме того, немалая часть их усилий тратится на преодоление внутренних раздоров.

Среди национальных диаспор одна из крупных – сомалийская. Недостаточно материалов, чтобы дать оценку степени ее взаимодействия с окружающим шведским миром, но некоторые факты из ее жизни весьма примечательны. В 2014 г.

⁴²⁴ Ett interkulturellt Botkyrka (<http://mkcentrum.se/wp-content/uploads/2015/09/Ren%C3%A9-Le%C3%B3n-Rosales-Ett-interkulturellt-Botkyrka-webb.pdf>); Botkyrka, Sweden - Intercultural City (<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016804828f7>).

⁴²⁵ Ее сайт – Migrationsverket (<https://www.migrationsverket.se/>).

⁴²⁶ О них см. Organisationer som arbetar med asyl- och flyktingfrågor (<http://www.farr.se/sv/att-soeka-asyl/lankar/742-organisationer-som-arbetar-med-asyl-och-flyktingfragor>).

⁴²⁷ Sveriges muslimska förbund (https://sv.wikipedia.org/wiki/Sveriges_muslimska_f%C3%B6rbund). В 2014 г. МАШ и другие подобные структуры в Европе были квалифицированы в ОАЭ как причастные к "Братьям-мусульманам".

⁴²⁸ Förenade Islamiska Föreningar i Sverige (<http://web.archive.org/web/20170423133122/http://fifs.se/vara-foreningar/>).

⁴²⁹ См. также Веретевская А. Мусульмане в Швеции: обострение интеграционного кризиса (http://www.perspektiv.info/book/musulmane_v_shvecii_obostrenije_integracionnogo_krizisa_2013-09-12.htm).

при содействии ряда международных организаций, связанных с ООН, представители диаспоры и шведские власти приступили к разработке планов возвращения сомалийцев, получивших высшее и специальное образование в Швеции, в Сомали с целью улучшения там функционирования систем управления, правосудия и здравоохранения. Данная инициатива призвана мотивировать шведских сомалийцев к непосредственному участию в преодолении последствий недавних военных конфликтов на родине.

Другая – казалось бы, "мелкая" – история относится к спорту, столь обожаемому шведами. В городе Бурлэнге был запущен интеграционный проект создания команды для игры в хоккей с мячом, составленной из местных сомалийцев. Начинание оказалось успешным, и в 2014 г. команда вышла на международную арену⁴³⁰ и стала спортивной гордостью Швеции, как ранее – футболист Златан Ибрагимович, имеющий боснийско-хорватский бэкграунд.

Но все это – малые позитивные вкрапления в общей картине интеграционных возможностей диаспор. В целом их интерационный потенциал низок.

Остается надеяться, что ростки новой культуры межэтнического общения окажутся жизнеспособными, что стране удастся избежать острых этносоциальных конфликтов и усиления кливажей в обществе по этому поводу. Несмотря на то что пробиваться росткам приходится не только сквозь толщу предрассудков и предубеждений, но и наперекор глубоким цивилизационным (Восток/Юг – Запад/Север) различиям.

7.7. ИММИГРАЦИЯ, ВЫБОРЫ И ДЕФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Одним из (немногих) проявлений, в которых эти различия можно квантифицировать, и в то же время одним из количественных показателей степени гражданской интеграции (политической – как ее разновидности) иммигрантов может служить их участие в коммунальных выборах. На него они (в случае неевропейского происхождения) имеют с 1976 г. право по прошествии трехлетней регистрации в Швеции. Ориентализация, или девестернизация, этноконфессиональной структуры иммиграции находит четкое отражение в динамике участия ее представителей в местных выборах. Возрастание доли выходцев из недемократических стран совпадает с очевидным снижением общей электоральной активности на коммунальном уровне иностранцев (рис. 7.3). За 1976–2014 гг. эта активность упала почти вдвое. То есть в данном измерении преобладает тенденция деинтеграции, которая будет закрепляться с конца 10-х годов в связи с подъемом иммиграционной волны в 2015 г. Уже в выборах 2018 г. вправе принять участие 578 тыс. иностранных граждан – на 123 тыс. больше против 2014 г., когда состоялись предыдущие выборы. По-прежнему прогнозируется их низкая явка, которую социолог Мердад Дарвишпур из Университета Мэллардален (*Mälardalens Högskola*) на фоне высокой электоральной активности этнических шведов характеризует как явный признак усиливающегося отчуждения (эксклюзии) в обществе⁴³¹.

Таким образом, в электорально-политическом выражении интегрированность шведского общества будет ослабевать, тем более что одновременно непосредственное представительство "новых шведов" и их интересов в

⁴³⁰ Den somaliska diasporan i Sverige
(<http://diasporas.se/den-somaliska-diasporan-i-sverige/>).

⁴³¹ Rekordmånga utländska medborgare får rösta i kommunvalet
(<https://www.svt.se/nyheter/lokalt/sormland/forskaren-darfor-rostar-sa-fa-utlandska-medborgare>).

муниципальных органах власти будет относительно убывать, несмотря на то что в сравнении с другими странами оно значительно и всячески поощряется сверху.

Последнее можно сказать и о роли/месте шведских граждан с *инокультурным* бэкграундом в политической жизни страны, в исполнительной и законодательной власти. В кабинете С. Лёвена – их пятеро. Несколько – в риксдаге. Но этот элемент интеграции при всей его, казалось бы, импрессивности (эффективности) – верхушечный, сконструированный сверху, а не выросший снизу. Он важен, но все же отнюдь не порожден *глубинными* процессами интеграции.

Насколько успешна/неуспешна окажется миграционно-интеграционная политика шведского государства и общества в ближайшие годы в немалой степени зависит от отражающего общественные настроения расклада партийно-политических сил в стране, точнее – в парламенте, и от их взаимодействия и/или противоборства. Какой бы ни была традиционная линия партий по тому или иному вопросу, динамика упомянутого расклада вносит в нее определенные коррективы. Если одна партия, делая упор на определенную проблему, набирает очки, это не может не влиять на ее конкурентов на политическом поле. Такой партией последние годы являются шведодемократы. Тем более если речь идет о самой злободневной проблеме, ставшей таковой уже после парламентских выборов 2014 г. Такую оценку подтверждает шведский политолог Юхан Мартинссон, заявивший за несколько месяцев до новых выборов, что его соотечественники *впервые* идут к ним с повесткой дня, во главе которой – иммигранты и их интеграция⁴³².

Рис. 7.3. Доля иностранных граждан, имеющих право голоса, которые приняли участие в коммунальных выборах, 1976–2014 гг., %

Источник: Valdeltagande i kommunfullmäktigval 1976–2014 bland utländska medborgare efter kön (<http://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/demokrati/allmanna-val/allmanna-val-valdeltagandeundersokningen/pong/tabell-och-diagram/historisk-statistik/valdeltagande-i-kommunfullmaktigval-19762014-bland-utlandska-medborgare-efter-kon/>).

Влияние прежде незаметной партии ШД резко поднялось на объективно возникшей в начале этого века волне актуализации данной темы. Однако другие партии не приняли вызова и возвели в принцип отказ от диалога/полемики с новой,

⁴³² Dagens Nyheter, 30.12.2017.

популистской силой. На парламентских выборах 1998 г. за ШД отдали голоса всего лишь 0.37% избирателей, четыре года спустя – менее 1.5%. Показатель 2006 г. – 2.6% – тоже не внушал тревогу системным партиям, поскольку ШД были все еще далеки от прохождения в риксдаг, для чего требовалось 4%. Выборы 2010 г. стали вдвойне сенсационными. Партия получила 5.7% голосов и 20 (из 349) мест. Мало того, появление даже небольшой фракции ШД принципиально изменило расстановку сил в парламенте – ни один из традиционных партийных блоков (левый и правый центры⁴³³) не набрал абсолютного большинства (табл. 7.4). То есть исход вотирований оказался зависим от ШД. Эта зависимость усилилась и стала значимой практически после выборов 2014 г., принесших шведодемократам 12.9% голосов и 49 мандатов⁴³⁴.

Таблица 7.4. Доля голосов, поданных за партии на парламентских выборах (%)¹, и мандаты, полученные ими (в скобках)²

Партии	2006	2010	2014	2018
Социал-демократическая	35.0 (130)	30.7 (112)	31.0 (113)	28.3 (100)
Левая	5.9 (22)	5.6 (19)	5.7 (21)	8.0 (28)
Партия зеленых	5.2 (19)	7.3 (25)	6.9 (25)	4.4 (16)
Левый центр, всего	46.1 (171)	43.6 (156)	43.6 (159)	40.7 (144)
Умеренная (модераты)	26.2 (97)	30.1 (107)	23.3 (84)	19.8 (70)
Партия центра	7.9 (29)	6.6 (23)	6.1 (22)	8.6 (31)
Либеральная	7.5 (28)	7.1 (24)	5.4 (19)	5.5 (20)
Христианско-демократическая	6.6 (24)	5.6 (19)	4.6 (16)	6.3 (22)
Правый центр, всего	48.2 (178)	49.3 (173)	39.4 (141)	40.3 (143)
Шведодемократы	2.9 (0)	5.7 (20)	12.9 (49)	17.5 (62)

¹ Барьер непрохождения в риксдаг – 4%. ² Всего – 349.

Источники: Valresultat (<https://www.val.se/valresultat/riksdag-landsting-och-kommun/2018.html>); Valmyndigheten Beslut 2018-09-16, s. 1/16 (https://data.val.se/val/val2018/slutresultat/protokoll/protokoll_00R.pdf).

Такой результат однозначно сигнализировал о неудовлетворенности значительной части общества проводившейся иммигрантской политикой. (Логично предположить еще больший успех ШД, если выборы проводились бы позже – в разгар беженского кризиса.) Одновременно расстановка сил в риксдаге после выборов 2010 г. привела к парадоксальной ситуации: предложения правящего левого центра (159 депутатов)⁴³⁵ отвергались, если ШД голосовали против вместе с правым центром (суммарно 190 депутатов). Но правый центр не желал даже *вынужденного* взаимодействия с ШД. Впрочем, как и левоцентристские партии⁴³⁶.

⁴³³ Возглавляемые соответственно СДРПШ и Умеренной партией (модератами).

⁴³⁴ "Удвоение или утроение" рядов сторонников ШД на выборах 2014 г. в случае продолжения их бойкота спрогнозировал после выборов 2010 г. известный шведский писатель Хеннинг Манкель. См. Henning Mankell. We should have argued Sweden Democrats to oblivion (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/sep/24/sweden-democrats-far-right-election>).

⁴³⁵ Правительство может быть утверждено риксдагом, если против него не проголосуют большинство депутатов (так называемый негативный парламентаризм).

⁴³⁶ Примечательно, что в соседних странах с родственной политической культурой (Дания, Норвегия и Финляндия) партии – аналоги ШД не только приняты в семью "старых" партий, но и участвуют (прямо или косвенно) в формировании правительства. В Швеции "старые"

Новые, досрочные выборы, вероятнее всего, усугубили бы положение. "Старым" партиям пришлось пойти на заключение Декабрьского соглашения, по которому инициативы кабинета меньшинства не будут блокироваться, чтобы исключить воздействие ШД на итоги голосований⁴³⁷. Некогда функционально отлаженные и предсказуемые в своей динамике, партийно-политическая и зависимая от нее парламентская системы с приходом в риксдаг ШД претерпели существенную реконфигурацию⁴³⁸ и подверглись разбалансированию. Устойчивый до того порядок формирования правительства и вотирования законопроектов оказался дестабилизирован. Политический вес ведущих партий блоков заметно снизился. Некоторые из поддерживающих их партий, согласно опросам, проводившихся до выборов 2018 г., балансировали на грани непопадания в риксдаг. Десятилетиями не знавшая правительственных кризисов и досрочных парламентских выборов, Швеция в 2014 г. едва избежала их после того, как риксдаг принял бюджет, предложенный не кабинетом министров, а оппозицией⁴³⁹. И первопричина всех этих пертурбаций в конечном счете – не какая иная проблема, как иммиграционно-интеграционная. Ее выдвижение на передний план повлекло за собой беспрецедентное перестроение и дисфункцию партийно-политической системы страны, принесло новые вызовы. Сфокусировав на себе главное внимание электората, иммиграционно-интеграционный вопрос превратился в наиболее важный демаркатор межпартийного размежевания.

Парламентские выборы в сентябре 2018 г. усугубили создавшееся положение. ШД вновь значительно расширили свой электорат, набрав 17.5% голосов⁴⁴⁰ (+4.6 п.п.) и получив 62 депутатских места (+13). В то же время возглавляющие лево- и правоцентристский блоки социал-демократы и модераты понесли значительные потери, а сами блоки, уменьшившись до 144 и 143 мандатов соответственно, в еще большей степени оказались зависимы от поведения ШД. В связи с этим, а также из-за фактического аннулирования Декабрьского соглашения, проблема формирования правительства и бюджета обострилась еще более.

Не так давно вполне предсказуемый и отработанный, послевыборный процесс преемства власти – из-за усложнения расстановки сил в риксдаге, неопределенности поведения фракции ШД – оказался вне прецедентно-нормативных рамок. Лидеры партий и эксперты признали, что упомянутый процесс, вероятнее всего, будет затяжным.

Конечно, культура диалога и компромиссов в Швеции очень высока, но образовавшиеся в риксдаге глубокий межпартийный разрыв и тупиковая ситуация с созданием правительства беспрецедентны. Поднятая за несколько лет на политический олимп небывало быстрой переменой партийных симпатий, вызванных высокой волной инокультурной иммиграции, партия ШД деформировала устоявшиеся системы партийно-политических отношений, а также формирования и функционирования исполнительной власти. Словом, всплеск инокультурной

парламентские партии отказываются от сотрудничества с ШД как партией, имеющей нацистские и расистские корни.

⁴³⁷ Гришин И. Шведский парламентский тупик: выход найден? // Мировая экономика и международные отношения, 2015, № 5.

⁴³⁸ ШД заявляют себя единственной парламентской оппозицией ввиду того, что левый и правый центры "дружат против" их партии.

⁴³⁹ Гришин И. Шведский парламентский тупик: выход найден?

⁴⁴⁰ Хотя это явно меньше, чем можно было ожидать исходя из показателей ряда опросов (до 28%), предшествовавших выборам. См. Opinion polling for the Swedish general election, 2018 (https://en.wikipedia.org/wiki/Opinion_polling_for_the_Swedish_general_election,_2018).

иммиграции, опосредованный стремительным усилением противящейся ей партии, существенно сказался и на деятельности высших управленческих структур, серьезно усложнив поддержание континуума последней.

* * *

Ясно, что искать решение страновых проблем международной миграции необходимо глобально. Применительно как к государствам приема, так и к государствам исхода. В принципе направления и механизмы воздействия развитых стран на последние известны. Это – внешняя помощь, иностранные инвестиции, внешняя и внешнеторговая политика⁴⁴¹. Помощь экономически преуспевающих наций в состоянии значительно уменьшить эмиграцию из развивающегося мира, если эта помощь не сопровождается стремлением – и акциями его подтверждающими, тем более военного характера – на свой манер переформатировать/переиначить (тем паче резко) *modus vivendi* "благодетельствуемых" стран (примеры – Афганистан, 1979 г. и позже; Ирак, Ливия, Сирия). Поэтому сейчас императивно – наладить взаимодействие ведущих держав по возрождению мирной жизни в регионах, являющихся основными поставщиками мигрантов, – на Ближнем и Среднем Востоке⁴⁴², а также в Африке. Сегодня, как никогда в текущем столетии, это крайне сложно. То есть глобальные условия смягчения проблемы международной миграции никак не благоприятственны. И тогда особо важны и ценны инициативы стран с высоким моральным, гуманитарным авторитетом, к коим принадлежит Швеция, направленные на прекращение опосредованных войн (*proxy war*)⁴⁴³.

Что же касается Швеции непосредственно, то напрашиваются следующие выводы. Нельзя переоценивать адаптационно-интеграционные возможности страны в случае массового приема инокультурных переселенцев, какой бы тип интеграционной политики ни был избран. Их территориальная концентрация чревата локальной утратой государством внутреннего суверенитета. Продвижения в решении социально-экономических задач интеграции (занятость, доходы и т.п.), какие бы усилия ни были потрачены на их выполнение и какие бы результаты тут ни были достигнуты, недостаточно. Нельзя недооценивать важность цивилизационных различий стран-реципиентов и стран-доноров. Это чревато импульсом криминализации. Интеркультурализм предполагает более длительный и более трудоемкий процесс интеграции, требует более тонкого инструментария настройки, чем мультикультурализм, и не может расцениваться в качестве совершенного средства имплантации гетерогенных групп. Вместе с тем понятно, что сегодня не видно иных перспективно представляющихся эффективными концепта интеграции и вытекающей из него политики.

⁴⁴¹ Воздействие на причины миграции / Цапенко И. Управление миграцией: опыт развитых стран. Москва, 2009, сс. 312–349.

⁴⁴² В частности, "что касается дальнейшего пребывания в Сирии ВС РФ и США, то было бы оправданным скоординировать их деятельность в этой стране и придать ей формат миротворческой операции под эгидой Совета Безопасности ООН". См. Иванов С. Проблемы беженцев и восстановления Сирии (<http://riataza.com/2018/08/25/problems-bezhenstev-i-vosstanovleniya-sirii/>).

⁴⁴³ Войн между двумя странами, пытающимися достичь своих целей военными средствами на территории и с использованием ресурсов третьей страны под предлогом разрешения внутреннего конфликта в ней.

Глава 8.

ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. Преображенская

Заметно усилившаяся в ходе глобализации иммиграция в развитые страны не только играет важную роль в обеспечении принимающих сообществ необходимыми для экономического развития ресурсами, но и влечет за собой ряд острых этнокультурных и социально-политических проблем, решение которых требует поиска адекватных моделей интеграции приезжих и их потомков. В данной главе ставится задача проанализировать порождаемые иммиграцией социальные вызовы, выявить особенности французской модели интеграции иммигрантов, рассмотреть эволюцию отношения общества к иммиграции и порождаемым ею проблемам, оценить возможности развития на французской почве интеркультурных практик.

8.1. ВЫЗОВЫ ИММИГРАЦИИ

История, масштабы, структура иммиграционных потоков во Францию, состав населения с иммигрантскими корнями, а также система его расселения отличаются целым рядом особенностей, которые в свою очередь сказываются на ходе интеграционного процесса.

Иммиграция во Францию имеет давнюю историю. Приток иностранных работников в страну начался еще во время промышленной революции второй половины XIX века. Особый размах импорт рабочей силы, осуществлявшийся в первую очередь из Португалии, Италии, Испании и стран Магриба, приобрел после окончания Второй мировой войны. Эти передвижения потянули за собой подобно цепи потоки воссоединяющихся членов семей, лиц, ищущих убежища и нелегальных мигрантов. Кроме того, с 60-х годов, ознаменованных крушением французской колониальной империи, началось массовое переселение жителей заморских территорий в метрополию.

Крупномасштабный характер притока иммигрантов обуславливает многочисленность приезжего населения. На 1 января 2015 г. во Франции проживало 65.8 млн человек, из которых 5.9 млн (9% населения) были иммигрантами (то есть родившимися вне Франции от родителей-нефранцузов)⁴⁴⁴. У еще 7.3 млн (11% жителей), появившихся на свет во Франции, хотя бы один родитель – иммигрант⁴⁴⁵.

Главными векторами иммиграционной политики в конце XX – начале XXI веков вне зависимости от политической окраски правительственных кабинетов стали ужесточение иммиграционного законодательства и борьба с нелегальной иммиграцией. Если президент Николя Саркози, представитель правых политических сил, по выражению генерального секретаря ассоциации по помощи иммигрантам и беженцам *Cimade* Жан-Клод Ма, практиковал «жесткость с элементами гуманизма», то президент-социалист Франсуа Олланд ориентировался на «гуманизм в сочетании

⁴⁴⁴ Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Population française, étrangère et immigrée en France depuis 2006, 13.10.2015 (<https://www.insee.fr/fr/statistiques/1410693>).

⁴⁴⁵ Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Être né en France d'un parent immigré, 08.02.2017 (<https://www.insee.fr/fr/statistiques/2575541>).

с жесткостью»⁴⁴⁶. За последнюю четверть века среднегодовое количество принимаемых легальных иммигрантов было сокращено с 250-300 тыс. до 200 тыс. Предпринимались шаги по затруднению воссоединения семей, усложнению процедуры получения статуса беженцев, принимались меры против фиктивных браков, заключенных для получения гражданства, а также были сужены возможности легализации переселенцев, не имеющих вида на жительство. Во время беженского кризиса 2015-2016 гг. Франция использовала все возможности, чтобы выслать обратно в Италию и Германию лиц, прибывших из этих стран.

Вместе с тем иммиграция рассматривается правящими кругами и в качестве возможного ресурса экономического роста. С этой целью Франция проводит все более селективную иммиграционную политику. В предпринимательских кругах, озабоченных возрастанием доли пожилых когорт в демографической структуре страны, нашла поддержку идея иммиграционных квот по географическому и профессиональному принципу. Не случайно президент Эммануэль Макрон назвал иммиграцию «экономическим, культурным и социальным шансом» для динамичного развития страны⁴⁴⁷.

Однако существенная часть иммиграции по-прежнему приходится на потоки гуманитарного характера. Несмотря на многочисленные ограничения в праве на воссоединение семей, семейные потоки по-прежнему составляют весьма значительную, одну из самых высоких среди западных стран долю в структуре постоянной иммиграции. По данным ОЭСР, в 2012 г. этот показатель равнялся почти 40%.

Кроме того, несмотря на сложности получения статуса беженца во Франции, туда идет многочисленный поток лиц, ищущих убежища, по масштабам которого в этом столетии до 2012 г. Франция опережала все страны ЕС. Франция не относится к числу стран, наиболее пострадавших от недавнего миграционного кризиса, однако, по данным Евростата, число прибывших туда вынужденных мигрантов также увеличилось: с 64 тыс. в 2014 г. до 84 тыс. в 2016 г.⁴⁴⁸ Поскольку приток гуманитарных мигрантов не обусловлен потребностями рынка труда, это порождает особые сложности их трудоустройства.

Низкий уровень образования мигрантов существенно ограничивает возможности их занятости – главным образом нестабильными рабочими местами с низкой оплатой и плохими условиями труда, а также повышенным риском увольнения. По данным Евростата, в 2016 г. 42% приезжего населения в возрасте 15-74 лет не имели полного среднего образования, тогда как в ЕС в среднем – только 35%; уровень занятости уроженцев других стран этого возраста составлял соответственно 48 и 59%, а уровень безработицы 17 и 13%. В 2015 г. 24% приезжих старше 18 лет считались бедными, поскольку их доходы были ниже 60% медианного уровня доходов в стране, 10% страдали от тяжелой материальной депривации⁴⁴⁹.

⁴⁴⁶ Nouvel observateur, 29.03.2017

(<http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/migrants/20170329.OBS7293/l-immigration-reste-percue-a-tort-comme-une-invasion.html>).

⁴⁴⁷ Les Echos, 03.05.2017 (<https://www.lesechos.fr/elections/presidentielle-2017/0212030492910-immigration-deux-visions-opposees-du-monde-2084047.php#JucGF51Y828KoxPw.99>).

⁴⁴⁸ Eurostat. Asylum and first time asylum applicants by citizenship, age and sex Annual aggregated data (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>).

⁴⁴⁹ Eurostat, Population by educational attainment level, sex, age and country of birth; Employment rates by sex, age and country of birth; Unemployment rates by sex, age and country of birth. At-risk-of-poverty rate by broad group of country of birth; Severe material deprivation rate by broad group of country of birth (<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>).

Ограниченный доступ мигрантов на рынок труда существенно затрудняет их социально-экономическую интеграцию и мобильность.

Власти пытались смягчить остроту социальных проблем наиболее уязвимых групп, расширяя практику предоставления последним пособий. Однако развитие системы выплат отчасти привело к тому, что стало выгоднее не искать работу за минимальную зарплату, а жить на пособия, что привело к распространению социального иждивенчества. Одновременно развивалась криминальная экономика, связанная с воровством, рэкетом и торговлей наркотиками, что меняло шкалу ценностей молодых людей. В отсутствие перспектив приличного заработка и социального роста последние находили способ самовыражения в хулиганстве и вандализме. Периодически повторяющиеся бунты и погромы, самыми масштабными из которых стали события ноября 2005 г., являлись свидетельством социальной маргинализации молодежи. При этом религия использовалась как маркер солидарности.

В структуре миграционных потоков повысилась доля инокультурных мигрантов, что сказывается на этническом составе французского населения. В 2014 г. среди иммигрантов насчитывалось 36.1% выходцев из европейских стран, 43.8% - из Африки и 14.5 – из государств Азии⁴⁵⁰. Для значительной части иммигрантов и их потомков основой цивилизационной самоидентификации служит ислам. За последние 50 лет во Франции образовалась самая многочисленная в Европе арабомусульманская диаспора, которая составляет свыше 5 млн человек. Несмотря на то, что французские мусульмане являются выходцами из 123 стран, три четверти из них ведут свое происхождение из Алжира, Марокко и Туниса. Все это обуславливает существование во Франции давно обосновавшихся, сложившихся диаспор, включающих в себя уже не одно поколение мигрантов и притягивающих все новые потоки соотечественников.

Расселение мигрантов по территории страны отличается неравномерностью и концентрацией в ограниченном ряде ареалов. Трое из пяти приезжих и их потомков проживают в трех регионах – Иль-де-Франсе, Овернь-Рона-Альпы и Прованс-Альпы-Лазурный Берег, а точнее говоря – в пригородах Парижа, Лиона и Марселя. Десятилетиями в эти пригороды стягивались безработные, иммигранты, зачастую не имеющие вида на жительство, лица с низким уровнем образования и профессиональной квалификации, неблагополучные семьи и пр., а покидали их – имеющие стабильный заработок рабочие и служащие, что способствовало геттоизации этих кварталов.

Чем больше иммигрантов проживает в отдельных кварталах, тем более межличностные отношения замыкаются на лицах своей национальности, тем более неукоснительным становится соблюдение религиозных обрядов. По словам социолога Д. Лаперони, социальная и этническая сегрегация привела к формированию в ряде кварталов «альтернативного контробщества», характеризующегося тесными связями между его членами и отсутствием позитивного взаимодействия с представителями аутгрупп⁴⁵¹. Как отметила политолог М. Трибаля, «наблюдается упрочение идентичности, которая отделяет мусульман от остальных граждан, ужесточает социальный контроль и довлеет над

⁴⁵⁰ Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Insee Références, 27.02.2018 (<https://www.insee.fr/fr/statistiques/3303358?sommaire=3353488>).

⁴⁵¹ Novembre 2005, dix ans après les émeutes. Actes du colloque des 19 & 20 octobre 2015 à Sciences PO, p. 42 (http://www.cevipof.com/rtefiles/File/graduate%20conference/Cahier_60.pdf).

правами как правоверных, так и немусульман»⁴⁵². Происходит самоорганизация мусульманских общин, интенсифицируется отправление религиозных обрядов – становятся более регулярными и обязательными посещение мечетей, соблюдение правил Рамадана, употребление исключительно халяльной пищи.

Таким образом, в результате массовой иммиграции французское общество перестало быть этнически и конфессионально однородным. Перед государством встала сложная задача интеграции в общественную ткань светского, демократического государства многочисленных переселенцев, сознание которых формировалось в иной социокультурной среде.

8.2. ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

В отличие от Канады, Австралии, Великобритании и стран Северной Европы, где в прошлом веке широкое распространение получили идеология и практика мультикультурализма, во Франции изначально возобладали ассимиляционный подход к интеграционной политике, в рамках которого ставка делается на слияние жителей в единое монокультурное сообщество⁴⁵³. Такой процесс имеет одностороннюю направленность на поглощение принимающим социумом приезжих, которые усваивают его социальные нормативы.

При этом приоритет отдается не работе с инокультурными общинами, а индивидуальной интеграции, принятию индивида в политическую нацию путем приобщения к республиканским нормам и ценностям. Важнейшими элементами унификации являются французский язык и система образования – государственная светская школа, причем курс гражданского воспитания обязателен в начальной и средней школе.

В 80-е годы такой подход получил название политической интеграции⁴⁵⁴. Последняя понимается не как культурный, а как социальный феномен. Интеграция предполагает сохранение культурного и конфессионального плюрализма на уровне структур гражданского общества, но не допускает институционализации иммигрантских общин как коллективных представителей интересов этнокультурных групп населения. Предполагается сосуществование и взаимное обогащение присутствующих на территории страны культур.

Политика интеграции должна была обеспечить иммигрантам права, которыми обладают французские граждане в области образования, жилья, здравоохранения при условии, что переселенцы будут соблюдать основные ценности принимающего общества: признавать светский характер государства, равенство мужчин и женщин, выполнять свои обязанности, а также проникнутся духом гражданственности. С 2006 г. стал обязательным контракт интеграции – посещение курсов французского языка, лекций по гражданским правам и обязанностям, консультаций по поводу трудоустройства. Согласно закону 2011 г., регламентирующему натурализацию иммигрантов, для получения гражданства необходимо знать историю, культуру и политическую систему страны, свободно владеть французским языком, а также подписать Хартию прав и обязанностей.

⁴⁵² Tribalat, M. Assimilation: la fin du modèle français. Paris, 2013. Цит. по: Assimilation: la fin du modèle français (https://www.amazon.fr/Assimilation-fin-du-modèle-français/product-reviews/2810005532/ref=dpx_acr_txt?showViewpoints=1).

⁴⁵³ См. подробнее: Новоженова И.С. Национальная идентичность в эру глобализации / Франция в поисках новых путей. Под ред. Рубинского Ю.И., Москва, 2007, сс. 27-68.

⁴⁵⁴ Тогда же было отменено требовавшееся ранее разрешение МВД для учреждения иммигрантами ассоциаций взаимопомощи, защиты гражданских прав, культурно-фольклорных, спортивных, женских и др.

Этнокультурные группы официально не признаются национальными меньшинствами, их представители считаются французами, поскольку нация является единой и неделимой. Подобным подходом можно объяснить то, что Франция не подписала Рамочную конвенцию Совета Европы о защите прав национальных меньшинств и не ратифицировала Европейскую хартию языков регионов и меньшинств, согласно которой иммигрантские общины и культурные меньшинства имеют право обращаться на своем языке в государственные структуры и обучать детей на родном языке. На официальном уровне этнические корни иммигрантов не упоминаются. Законом запрещено интересоваться национальностью при приеме на работу, при обращении в государственные и общественные структуры, при получении пособий и социальной помощи. Не ведется и учет населения по конфессиональной принадлежности. Сведения об этнических корнях французских граждан носят приблизительный характер. Это создает трудности в работе демографов и социологов, выработке и осуществлении адекватной интеграционной политики.

Неотъемлемой чертой французской идентичности является светский характер Республики. Еще в 1905 г. церковь была отделена от государства, преподавание каких-либо религий в государственных учебных заведениях не допускается. В 2004 г. принят закон о запрете знаков религиозной символики в школах, в 2010 г. – о запрете в общественных местах ношения одежды, закрывающей лицо. Однако вопрос состоит в том, может ли ислам стать совместимым со светскими, республиканскими нормами и институтами, ведь законы шариата регулируют все стороны жизни человека – касающиеся государства, суда в том числе, семьи, образования и др.

Французские исследователи констатируют, что к середине 2000-х годов значительная часть проживающих в стране мусульман восприняла европейские нормы и цивилизационные ценности и фактически являлись не практикующими верующими. Менее четверти мусульман относили себя к регулярно исполняющими религиозные обряды. Из них 80% положительно высказывались о христианстве. Уже второе поколение женщин – потомков иммигрантов жило в соответствии с французской демографической моделью.

В нулевые годы иммигранты и их потомки в большей степени идентифицировали себя с французами, чем иммигранты в Великобритании и Германии соответственно с англичанами и немцами. Французская идентичность и идентичность страны происхождения не противопоставлялись друг другу, а сочетались между собой. Как показал опрос 2008-2009 гг. во Франции, среди мигрантов, приехавших в эту страну взрослыми, доля ощущающих себя одновременно французами и представителями своей этнической группы составляет 45%, среди переселившихся туда еще детьми – 58, а среди потомков иммигрантов (оба родителя иммигранты) – 66%. В то же время 43% натурализованных выходцев из стран Магриба, равно как и Турции, отмечали отказ местного населения в их восприятии как французов⁴⁵⁵.

Согласно опросам, проведенным в середине 2000-х годов, подавляющее большинство (72%) французских последователей ислама не видели противоречия в том, чтобы исповедовать ислам и жить в современном обществе⁴⁵⁶. Такой же точки зрения придерживались только 57% мусульман ФРГ и лишь 49% Великобритании. Кроме того, 67% французских мусульман желали бы, чтобы их дети обучались в государственной школе без религиозного образования, 18 – в государственной

⁴⁵⁵ Simon P. French National Identity and Integration: Who Belongs to the National Community. Washington, 2012, pp. 10, 14.

⁴⁵⁶ Laurence J., Vaisse J. Intégrer l'islam. Paris, 2007, p. 22.

школе с возможностью религиозного образования и только 5% – в религиозной школе. Девять из десяти потомков иммигрантов из стран Магриба (и только четверть их родителей) считали своим родным языком французский. Напротив, знали арабский язык 69% детей иммигрантов и только 24% внуков⁴⁵⁷. Уже второе поколение мало отличалось от этнических французов по образу жизни.

Приведенные цифры свидетельствуют об относительной успешности социокультурной интеграции немалой части мусульман к середине нулевых годов. Вероятно, сказалась инерция прошлого, когда подавляющую массу иммигрантов составляли переселенцы из франкоязычных бывших колониальных владений, с которыми у французов был, по выражению Ж. Ширака, «общий культурный минимум». Исторические связи, общность языка, чувство принадлежности к общему франкофонному миру, вбирающему выходцев из бывших французских колоний, облегчали самоидентификацию мигрантов как французов, равно как и их восприятие как французов со стороны коренных жителей.

Некоторые потомки иммигрантов воспользовались шансом подняться вверх по социальной лестнице. Ряд граждан, иммигрантов второго или третьего поколения, добились значительных успехов, которые принесли Франции всемирную славу в спорте и искусстве, все больше выходцев из семей мигрантов являются заметными фигурами на политической сцене. В 2016 г. 8.2% лиц, относящихся к категории «кадров и высших интеллектуальных профессий» являлись иммигрантами⁴⁵⁸. Однако карьера основной массы переселенцев не была столь успешна. Из-за экономического кризиса 70-х – начала 80-х годов и последовавшей за ним реструктуризации производства иммигранты, обладающие более низкой квалификацией, чем коренное население, оказались в числе первых без работы. Традиционные отрасли промышленности, в которых они были заняты, переживали кризис. Так, по данным проведенного на 360 предприятиях в конце 90-х годов опроса, за предшествующие десять лет было уволено 12% работников, родившихся во Франции, и 41% сотрудников, родившихся за границей⁴⁵⁹.

Считается, что ассимиляционный подход эффективен, как правило, лишь тогда, когда мигранты довольно немногочисленны, этнически относительно близки коренному населению и территориально распылены. Однако при существенном увеличении численности мигрантов в последнее десятилетие, значительном расширении географии миграционных потоков и росте числа приезжих из Афганистана, Турции, Ирака, Китая, стран Африки, в том числе нефранкоязычной, при их растущей территориальной концентрации – такой ассимиляционный подход стал давать сбои.

Еще с конца 90-х годов наблюдается тенденция к реисламизации потомков переселенцев, которую французские исследователи связывают с неудачами в социально-экономической интеграции мигрантов, особенно представителей их второго-третьего поколений⁴⁶⁰. За официальной риторикой равенства шансов и возможностей скрывались социальная сегрегация при получении образования и дискриминация по происхождению при трудоустройстве. Молодые потомки

⁴⁵⁷ Ibidem.

⁴⁵⁸ Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Part des étrangers et des immigrés au sein des actifs selon la catégorie socioprofessionnelle en 2016. 27.02.2018 (<https://www.insee.fr/fr/statistiques/3303358?sommaire=3353488>).

⁴⁵⁹ Smith T.B. La France injuste. Paris., 2006, p. 266.

⁴⁶⁰ Beauchemin C. Emploi, école: les réussites et les blocages de l'intégration en France // Le Monde, 08.08.2016 (http://www.lemonde.fr/societe/article/2016/01/08/les-enfants-d-immigres-s-integrent-mais-restent-victimes-du-chomage-et-de-la-discrimination_4843872_3224.html).

иммигрантов все сильнее ощущали свою отстраненность от национального сообщества. По убеждению политолога Жюль Кепеля, религия преподнесла последним компенсацию чувства социальной, политической и экономической не востребоваемости⁴⁶¹. В мире бедности именно ислам стал доступным культурным ресурсом.

Сказались и внешние факторы: палестино-израильский конфликт, иракский, афганский, ливийский и особенно сирийский кризисы сыграли на руку идеологам радикального исламизма. Пропаганда экстремизма активно распространяется по интернету, особенно в социальных сетях. В базе данных спецслужб Франции за приверженность к радикальному исламу числятся около 15 тыс. человек, среди них – 18% несовершеннолетних. Более 2 тыс. человек причастны к сетям джихадистов, 4 тыс. представляют высокую угрозу для национальной безопасности⁴⁶².

Первым большим потрясением, связанным с иммигрантами, стали события марта 2012 г., когда французско-алжирский террорист Мохаммед Мера застрелил трех военнослужащих, раввина и троих детей из местной еврейской школы. К этому, по словам Мера, его подтолкнули тяжкая участь палестинцев, военное присутствие Франции в Афганистане и запрет на ношение во Франции головного убора, закрывающего лицо. В 2015-2016 гг. произошла серия масштабных террористических актов, совершенных радикальными исламистами. Ответственность за них взяла на себя террористическая организация «Исламское государство» (запрещенная в РФ). Однако большинство исполнителей терактов, несмотря на иностранные корни, выросли во Франции и имели французское гражданство.

По мнению исследователей, французских террористов можно разделить на две категории. Во-первых, это выходцы из семей мигрантов второго-третьего поколения, жители гетто из социально неблагополучных семей, которые потерпели фиаско в обучении, имеют в биографии эпизоды правонарушений и преступлений, пребывания в местах лишения свободы. Подобный опыт породил у них чувство фрустрации и унижения, перешедшее в ненависть к обществу. Обращение к радикальному исламу привело к трансформации чувства своей униженности в презрение к другим и сакрализацию собственной персоны. Во-вторых, это молодые люди, принадлежащие к среднему классу, мусульманского происхождения или новообращенные. Ими движет поиск смысла существования путем опыта вступления в коллективный проект⁴⁶³.

Эти очевидные неудачи в ассимиляции мусульман говорят о необходимости пересмотра интеграционной политики. Очевидна потребность в усилении мер, направленных на включение мигрантов и их потомков в социально-экономическую сферу общества, равно как и в умножении инициатив, направленных на поддержание нормальных отношений между представителями разных этносов, культур и конфессий.

⁴⁶¹ Pourquoi "Banlieue de la République"? // Le Monde 04.10.2011 (https://abonnes.lemonde.fr/idees/article/2011/10/04/pourquoi-banlieue-de-la-republique_1581850_3232.html).

⁴⁶² Europe 1 Jdd Les 15.000 islamistes que la police surveille, 08.10.2016 (<http://www.lejdd.fr/Societe/EXCLUSIF-Les-15-000-islamistes-que-la-police-surveille-815596>).

⁴⁶³ La sociologie de la radicalisation: entretien avec Farhad Khosrokhavar // Ressources en sciences économiques et sociales, 10.01.2016 (<http://ses.ens-lyon.fr/articles/la-sociologie-de-la-radicalisation-entretien-avec-farhad-khosrokhavar-291659>).

8.3. УСПЕХИ И НЕУДАЧИ ПОЛИТИКИ ДЕМАРГИНАЛИЗАЦИИ

Преодоление социальной маргинализации мигрантов и их потомков является главной задачей городской политики, которая проводится во Франции уже на протяжении 40 лет. Основные направления данной политики – модернизация жилых кварталов, улучшение качества образования и борьба с дискриминацией.

Президент Саркози (2007–2012 гг.) после молодежных бунтов в 2005 г. уделял повышенное внимание особо выделенным неблагополучным («трудным») кварталам, выдвигая многочисленные инициативы – школы «второго шанса», интернаты для одаренных детей, квоты по социальному признаку при обучении и трудоустройстве и др. Большие суммы были ассигнованы на субсидии досуговым, спортивным и культурным ассоциациям. Вместе с тем Саркози, еще будучи главой МВД, в 2003 г. упразднил организованную в 1998 г. социалистами «полицию, близкую к гражданам». Цель данной службы состояла в борьбе со средними и мелкими правонарушениями, при этом она несла отчасти и социальные функции. Саркози, сторонник силовых мер по борьбе с преступностью, в выступлении в одном из комиссариатов полиции заявил, что ее цель состоит не в организации спортивных турниров, а в задержании правонарушителей, полицейские – это не социальные работники. В результате отношения жителей иммигрантских кварталов с органами правопорядка становятся все более напряженными. В ходе президентской избирательной кампании 2017 г. из уст кандидатов левых партий звучали предложения вернуться к подобной, просоциальной организации полиции в той или иной форме, в частности будущий президент Макрон предложил учредить «полицию ежедневной безопасности»⁴⁶⁴.

Для президента Олланда (2012-2017 гг.) городская политика не являлась приоритетным направлением деятельности. С 1 января 2015 г. количество «трудных» кварталов сокращено, самые неблагополучные из них трансформированы во вновь созданные «приоритетные зоны городской политики». Данная реформа призвана прекратить распыление средств и сконцентрировать усилия на наиболее нуждающихся в помощи районах. В 1500 приоритетных зонах проживает 5,5 млн человек, из которых более половины – иммигранты первого или второго поколения.

Разрушить «логику сегрегации и апартеида» и избежать концентрации бедности был призван принятый еще в 2001 г. правительством социалистов закон, согласно которому муниципальные власти небольших населенных пунктов, расположенных около крупных городских агломераций, обязаны в течение 20 лет довести долю социального жилья до 20% от общего жилого фонда. Премьером Вальсом в 2015 г. эта цифра была поднята до 25%. В октябре 2016 г. региональный совет Иль-де-Франса пошел еще дальше: было принято решение о прекращении финансирования социального жилья в коммунах, в которых оно уже составляло более 30% жилого фонда. В 90 из 1300 коммун региона было сконцентрировано 66% социального жилья, доступного самым низкооплачиваемым категориям населения, доходы которых не превосходили 12725 евро в год (на одного человека)⁴⁶⁵.

Несмотря на усилия властей, через десять лет после событий 2005 г. упоминавшиеся приоритетные зоны продолжали лидировать по доле лиц с низким уровнем образования и профессиональной квалификации, безработных, особенно

⁴⁶⁴ RTL présidentielle Présidentielle 2017: que proposent les candidats pour les banlieues (<http://www.rtl.fr/actu/politique/presidentielle-2017-que-proposent-les-candidats-pour-les-banlieues-7787266014>).

⁴⁶⁵ Un dispositif anti-ghettos pour une plus grande mixité sociale (<https://www.iledefrance.fr/fil-presidence/dispositif-anti-ghettos-plus-grande-mixite-sociale>).

среди молодежи. Под влиянием наступившего осенью 2008 г. экономического кризиса программа реконструкции жилья одной из первых подпала под сокращение финансирования. Реконструкция жилых кварталов должна была завершиться в 2008 г., однако в 2015 г. она была реализована только наполовину. По мнению социолога Р.Эпштейна, реновация кварталов имела целью улучшить качество жизни их обитателей, а не привлечь новых жителей извне и поэтому не привела к увеличению «социального разнообразия» жителей⁴⁶⁶. В то время как экономика страны в 10-е годы начала выходить из кризиса, пригороды погрузились в рецессию. Так, в 2014 г. уровень безработицы лиц 15–64 лет, проживающих в данных районах, равнялся 27% против 10% в среднем по стране⁴⁶⁷. Несмотря на то, что за прошедшее после молодежных бунтов десятилетие в модернизацию кварталов и борьбу против социальной сегрегации было вложено 45 млрд евро, пригороды продолжают оставаться печальным символом структурных проблем страны. Характерно, что только 10% граждан страны заявили, что городская политика была эффективна.

Значимость мер интеграции и борьбы с социальной сегрегацией в сфере *начального и среднего образования* обусловлена тем, что именно в школе закладываются основы гражданского воспитания и базовые знания для успеха в будущей профессиональной деятельности. И именно на начальном этапе образования образуются провалы в знаниях и умениях учащихся, которые зачастую приводят к фиаско на дальнейшей образовательной траектории и в профессиональной карьере.

Несмотря на официальную риторику равенства шансов и постановку задач формирования классов из учеников, принадлежащих к разным социальным кругам, поляризация между различными учебными заведениями велика – как по происхождению учеников, так и по итогам образовательной деятельности. Усиливающиеся социальное расслоение учащихся, пауперизация пригородов привели к росту подростковой преступности и насильственных действий в учебных заведениях, токсикомании, увеличению числа столкновений на этнической почве и оттоку из ряда школ представителей благополучных слоев населения. В 2016 г. 63% учащихся колледжей из социально неблагополучной среды были сконцентрированы всего в 10% подобных образовательных учреждений⁴⁶⁸. По данным проведенных исследований, подобная социальная сегрегация приводит к ухудшению результатов в учебе представителей социальных низов⁴⁶⁹.

Несмотря на ежегодные финансовые вливания в размере 1.3 млрд евро в приоритетные зоны образования⁴⁷⁰, в которых обучаются 20% учеников, система школьного обучения имеет явно ограниченный инструментарий по смягчению социального неравенства. Наиболее подвержены неудачам в школе потомки

⁴⁶⁶ Epstein R. La rénovation urbaine est loin d'être le succès incontestable qu'on nous vend // L'Humanité, 13.05.2013 (<http://www.humanite.fr/societe/renaud-epstein-la-renovation-urbaine-est-loin-d-et-541254>).

⁴⁶⁷ Le Monde, 03.05.2016 (http://www.lemonde.fr/banlieues/article/2016/05/03/dans-les-quartiers-prioritaires-le-chomage-affecte-de-plus-en-plus-fortement-diplomes-et-non-immigres_4912791_1653530.html).

⁴⁶⁸ Liberation, 13.12.2016 (http://www.liberation.fr/france/2016/12/13/contre-les-colleges-ghettos-des-initiatives-a-confirmer_1535101).

⁴⁶⁹ Felousis G. Le système éducatif français dans l'OCDE: quelles performances? // Cahiers français, 2012, № 368, p. 12.

⁴⁷⁰ Приоритетные зоны образования были созданы правительством социалистов в 1981 г. Расположенные в них школы и колледжи с целью социального выравнивания снабжаются дополнительными ресурсами и располагают большей автономией по сравнению с остальными учебными заведениями.

неевропейских иммигрантов: они чаще коренного населения остаются на второй год, 18% детей иммигрантов покидают школу без диплома против 12% коренных жителей той же возрастной категории⁴⁷¹. Наиболее плачевные результаты в учебе показывают мальчики из семей выходцев из стран Магриба, субэкваториальной Африки и из Турции, которые в результате оказываются в крайне неблагоприятном положении на рынке труда.

Объективную сложность для проведения политики социального выравнивания в образовании представляет наличие глубокого социального расслоения в обществе. Тем не менее предпринимаемые в этом направлении меры принесли некоторые плоды – в последние годы на 20% убавилось число молодых людей, закончивших школу, не получив аттестата (со 136 тыс. в 2010 г. до 110 тыс. в 2014 г.⁴⁷²). Нововведения президента Макрона в области образовательной политики – сокращение в два раза количества учащихся в классах младшей школы в приоритетных зонах образования и реформа системы профессиональной подготовки имеют цель повысить эффективность образования и уменьшить социальную маргинализацию.

Как при правых, так при левых правительственных кабинетах министерство образования не признавало «вновь прибывших во Францию» как отдельную категорию обучающихся с особыми потребностями, за исключением функциональной помощи в изучении французского языка. Властями ставится более общая задача – формирование в школе у молодежи приверженности «принципам светскости и ценностям Республики». Однако речь идет уже не только о том, чтобы внушить юным гражданам любовь к родине и чувство национальной гордости. В более прозаической манере цель заключается в том, чтобы дети освоили правила элементарной социализации: уважение друг к другу, отказ от насилия, терпимость и признание норм, которые позволяют жить вместе. То есть цель гражданского воспитания сместилась с формирования специфической французской национальной идентичности к созданию возможности существовать французской нации как мозаике различных культур, несмотря на различия. Акцент делается на правах и обязанностях гражданина, правилах социальной жизни. Также французская образовательная система предусматривает практическое применение принципов гражданственности посредством участия учащихся в управлении учебными заведениями в средней школе – посредством работы в советах класса, административном совете учебного заведения.

Однако французская система воспитания в школах далека от идеала: на изучение принципов гражданственности отводится немного времени – час в неделю в колледже и полчаса в лицее. Отнюдь не тождественны теория и практика участия учащихся в самоуправлении школы.

Борьба с дискриминацией мигрантов и их потомков на рынке труда, в сферах здравоохранения, образования, жилищных условий составляет важный аспект действий властей. Глава кабинета министров Мануэль Вальс в начале 2015 г. заявил о существующем в стране «территориальном, социальном и этническом апартеиде», признав наличие дискриминации по расовому и этническому признаку. К «социальной нищете», по словам премьера, «добавляется дискриминация, по причине неправильной фамилии, не того цвета кожи или по гендерному

⁴⁷¹ Le Monde Economie, 28.03.2017.

⁴⁷² Le Monde, 01.12.2015 (http://www.lemonde.fr/education/article/2015/12/01/le-decrochage-scolaire-en-baisse-de-20-sur-cinq-ans_4821759_1473685.html); Le Point, 14.11.2016 (http://www.lepoint.fr/societe/education-nationale-moins-de-100-000-decrocheurs-scolaires-en-2016--14-11-2016-2082912_23.php).

признаку»⁴⁷³. Данное мнение разделяют более трех четвертей французов – 76% опрошенных уверены, что в стране существует дискриминация по этническому принципу⁴⁷⁴.

Как свидетельствуют исследования Института Монтеня, проведенные в 2013-2014 гг., 44% иммигрантов второго поколения хотя бы раз в жизни сталкивались с дискриминацией⁴⁷⁵. Среди претендентов на трудоустройство с одинаковым уровнем профессиональной квалификации шансы быть вызванными на собеседование с работодателем у католиков на 30% выше, чем у иудеев, и в два раза выше, чем у мусульман, особенно мужчин-мусульман, которые для приглашения на собеседование вынуждены были послать в четыре раза больше анкет, нежели католики⁴⁷⁶. Не в пользу мужчин-мусульман действуют такие бытующие в общественном сознании стереотипы, как связь данной религии с экстремизмом и неравное положение мужчин и женщин.

Под влиянием мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. в стране сложилась напряженная ситуация на рынке труда, которая привела к усилению дискриминации по всем направлениям. В 2014 г. уровень безработицы жителей приоритетных зон равнялся 26.7% для коренных французов и 27.9% для иммигрантов⁴⁷⁷. При этом в весьма уязвимом положении оказались специалисты высокой квалификации. Предприниматели избегают лиц другой расы при подборе кандидатов для работы с клиентами или на руководящие посты. Несмотря на то, что закон «О равенстве шансов» 2006 г. дал возможность отбора кадров по анонимным анкетам, использование последних остается весьма ограниченным; напротив, 18% работодателей полагают, что важно иметь фотографию в личном деле⁴⁷⁸. Как подчеркивается в докладе исследовательского центра Национальной обсерватории городской политики 2015 г., обладатели дипломов о высшем образовании старше 30 лет имеют на 22% меньше шансов на трудоустройство по специальности, если они проживают в приоритетной городской зоне. Вместе с тем невозможно оценить, связана ли дискриминация в данном случае с этническим или исключительно территориальным фактором.

Во Франции пока не получили заметного развития практики интеркультурализма, которые делают ставку на налаживание позитивного межкультурного взаимодействия между людьми на основе общности их потребностей и интересов⁴⁷⁹. Несмотря на схожесть афишируемых целей интеграции иммигрантов во Франции и замыслов сторонников интеркультурализма, а также существование де-факто действий, которые вполне вписываются в русло

⁴⁷³ Le Monde, 20.01.2015 (http://www.lemonde.fr/politique/article/2015/01/20/pour-manuel-valls-il-existe-un-apartheid-territorial-social-ethnique-en-france_4559714_823448.html#B3WulOKeYEERwVtd.99).

⁴⁷⁴ Institut Montaigne Dix ans de politiques de diversité: quel bilan? Rapport septembre 2014 (http://www.institutmontaigne.org/res/files/publications/rapport_politique%20de_diversit%C3%A9_institut_montaigne.pdf).

⁴⁷⁵ Ibidem.

⁴⁷⁶ Institut Montaigne. Discriminations religieuses à l'embauche: une réalité (<http://www.institutmontaigne.org/res/files/publications/discriminations-resume.pdf>).

⁴⁷⁷ Observatoire national de la politique de la ville Rapport 2015 (http://www.onpv.fr/uploads/media_items/rapport-onpv-2015.original.pdf; (<http://www.onpv.fr/publications>; http://www.onpv.fr/uploads/media_items/synthese-du-rapport-onpv-2015.original.pdf p/28).

⁴⁷⁸ Le Monde, 19.03.2013 (http://www.lemonde.fr/economie/article/2013/03/19/la-crise-a-favorise-les-discriminations-au-travail_1849804_3234.html).

⁴⁷⁹ См. главу 6.

этого направления⁴⁸⁰, существует ряд исторических, культурных и политических причин, которые сдерживают распространение последнего на французской почве. Концепция гражданственности предусматривает прямые отношения индивида с государством, без каких-либо посредников. Властям страны трудно выйти за пределы индивидуальной интеграции, признать социокультурную и этническую дифференциацию в обществе и принять тот факт, что многие общественные институты фактически способствуют воспроизведению этой дифференциации. Также исторически сложившаяся централизованная, иерархическая система управления страной ограничивает инициативы гражданского общества. И наконец, традиционная рестриктивная трактовка во Франции понятия «интеркультурности» сужает сферу ее действия областями культуры и искусства. В проекте Совета Европы и Европейской комиссии «Межкультурные города» участвуют всего три французских города – Лион, Страсбург и Париж.

Если в Страсбурге и Париже, которые присоединились к проекту соответственно в 2015 и 2016 гг., только приступают к разработке подходов к интеркультурным практикам, то в Лионе, который является участником проекта с 2008 г., интеркультурные инициативы проводятся по четырем направлениям.

Преодоление дискриминации и поддержка равных возможностей. Создан Совет равенства, который разрабатывает и объединяет мероприятия городских служб и местные инициативы по действиям в этой области.

Обеспечение разнообразия в политике городского трудоустройства и социального сплочения. Правительство Большого Лиона и городские власти Лиона утвердили Договор о муниципальной социальной сплоченности, чтобы поддерживать политику разнообразия и сократить социальное и экономическое неравенство. Власти Лиона ввели аудит равенства в политике набора персонала и профессиональной ориентации города как работодателя. Наконец, решено, что условием для организаций, получающих бюджетную поддержку, становится необходимость быть работодателем, не допускающим этнической дискриминации.

Обеспечение разнообразия (этнического плюрализма) в местной политике в области культуры и искусства. В одном из районов Лиона, где проживают иммигранты, в кафе постоянно организуются дискуссии, на которых женщины-иммигрантки рассказывают о своих традициях в разных сферах, в том числе о замужестве, национальной кухне и т.п.

Объединение и усиление растущего числа местных интеркультурных программ. Иммигрантами создан городской клуб разнообразия, который сотрудничает с самой крупной региональной газетой *Le Progres*, способствующей продвижению позитивного имиджа разнообразия.

Президент Макрон заявил, что в его намерения не входит презентация очередного дорогостоящего плана «спасения пригородов». 22 мая 2018 г. в Елисейском дворце на совещании, на котором присутствовали более 600 человек, он призвал к мобилизации жителей, ассоциаций, представителей бизнеса и выборных лиц на местах⁴⁸¹. Именно инициатива снизу, а не очередной план Маршалла должна, по убеждению президента, лежать в основе политики демаргинализации и городских интеграционных практик. Также президент отметил,

⁴⁸⁰ Например, для представительства ислама по Франции в 2002 г. был создан Французский совет мусульманского культа, в распоряжении мусульман в 2015 г. было 2450 мечетей. См. Senat. Les collectivités territoriales et le financement des lieux de culte, Rapport d'information, 2015, mars, 345 (<https://www.senat.fr/notice-rapport/2014/r14-345-notice.html>).

⁴⁸¹ Les Echos, 22.05.2018 (<https://www.lesechos.fr/politique-societe/regions/0301705587586-banlieues-ce-que-macron-a-promis-2177677.php>).

что наиболее значимые проекты ассоциаций получают финансирование от государства.

Эти планы, по сути, предвосхищают эксперимент, который уже проводится с 2015 г. в 20 департаментах, причем пилотным участником стал г. Монпелье по инициативе родителей детей, посещающих школу в одном из бедных кварталов города. В учебных заведениях данного района обучались исключительно дети выходцев из Марокко. Группа матерей (практикующих мусульманок) была обеспокоена тем, что их дети «проследуют от детского сада до окончания колледжа, не открыв для себя другую культуру, не обучившись жить вместе»⁴⁸². Примечательно, что специалисты министерства образования только приступают к поиску инструментария, позволяющего им измерять как социальную разнородность, так и гетерогенность национального происхождения учащихся.

Учитывая, что интеграционные меры приносят наибольший эффект именно на местном уровне, возможно, городские межкультурные инициативы позволят в какой-то мере компенсировать недостатки традиционного ассимиляционного подхода и адаптировать политическую практику к современным миграционным реалиям.

8.4. ИММИГРАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Очевидным политическим последствием сложностей, связанных с интеграцией мигрантов, стал рост влияния партии Национальный фронт (с июня 2018 г. – Национальное объединение, *Rassemblement national*), находящейся на крайне правом фланге политического спектра и связывающей рост безработицы, преступности и терроризма с нарастанием иммиграции. Большинство (54%) французов считают, что последняя вызвала в стране негативные изменения, в частности рост давления на социальные службы и усиление конкуренции на рынке труда⁴⁸³. Пользу иммиграции для экономики признали только 16% опрошенных, для культуры – 28%⁴⁸⁴.

С иммиграцией жители страны связывают и резкое усиление террористических угроз. С сентября 2015 г. по март 2016 г., после серии террористических актов, значительно увеличилась (с 59 до 80%) доля французов, полагающих, что под видом мигрантов в страну могут проникать террористы⁴⁸⁵.

В феврале 2018 г. 63% французов сочли, что иммигрантов в стране слишком много⁴⁸⁶. Вместе с тем такое же количество – 63% опрошенных полагают, что Франция должна принимать беженцев, которые «подвергаются гонениям на родине»⁴⁸⁷. По сравнению с 90-ми годами население стало несколько толерантнее относиться к присутствию мигрантов на рынке труда. Так, в декабре 2012 г. 70%

⁴⁸² Liberation, 03.06.2015 (http://www.liberation.fr/societe/2015/06/03/en-classe-on-voudrait-des-petits-blonds-avec-nos-enfants_1322454).

⁴⁸³ Ipsos Immigration et réfugiés : france, pays d'accueil ou pays en repli? 22, Août 2016 (<http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2016-08-22-immigration-et-refugies-france-pays-d-accueil-ou-pays-en-repli>).

⁴⁸⁴ Ibidem.

⁴⁸⁵ Ipsos. Présidentielle 2017: la place de la religion et de la laïcité dans l'élection présidentielle, pp. 10, 11

(<http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-03-22-presidentielle-2017-place-religion-et-laicite-dans-l-election-presidentielle>).

⁴⁸⁶ Migrants: seuls 37% des Français approuvent la politique d'Emmanuel Macron // Le Nouvel Observateur, 02.07.2018

(<https://www.nouvelobs.com/monde/migrants/20180207.OBS1855/sondage-migrants-seuls-37-des-francais-approuvent-la-politique-d-emmanuel-macron.html>).

⁴⁸⁷ Ibidem.

французов были согласны с утверждением, что переселенцы выполняют такую работу, которая не привлекает коренное население, 54% полагали, что сокращение числа мигрантов никак не отразится на уровне безработицы. Только 24% опрошенных выступали за приоритет французов при трудоустройстве, тогда как в 90-е годы такого мнения придерживались 45%⁴⁸⁸.

Острые проблемы интеграции иммигрантов видятся респондентам и в социокультурной плоскости. Во Франции проживают последователи различных ветвей ислама – от традиционного классического до неофундаменталистских течений, приверженцы которых отвергают европейские ценности и стремятся в максимально возможной степени жить по законам шариата. Вопрос состоит в том, может ли ислам стать совместимым со светскими, республиканскими нормами и институтами.

Одной из основных ценностей, по убеждению абсолютного большинства граждан (90%), является светскость. Согласно результатам обследования населения страны в 2017 г., около трех четвертей опрошенных полагают, что она находится под угрозой, тогда как в 2005 г. подобного мнения придерживались 58% респондентов. Вместе с тем трактуется это понятие по-разному. Для 43% опрошенных светскость означает «право исповедовать любую религию или не исповедовать никакую», для 36 – «возможность для людей различных убеждений жить вместе», 34 – «отделение религии от государства» и 25% – «сохранение традиционной французской идентичности»⁴⁸⁹. А вот две трети мусульман понимают светскость как «возможность свободно исповедовать во Франции свою религию»⁴⁹⁰.

По данным опроса 2013 г., 73% респондентов имели плохое или очень плохое мнение об исламе. Несмотря на то, что только треть французов утверждали, что хорошо или достаточно хорошо осведомлены об этой религии, две трети заявляли, что «ценности ислама не совместимы с ценностями французского общества»⁴⁹¹. И главная причина такого соотношения в том, что исламская культура постоянно выходит за границы частной сферы – в общественное пространство и политическую жизнь.

Общественное мнение расценивает как правомерные такие пожелания мусульман, как принятие во внимание нужд верующих в тюрьмах, больницах, армии. Французы толерантно относятся к обычаям, не выходящим за пределы частной жизни, – паломничеству в Мекку, употреблению халяльного питания. Большинство (55%) опрошенных одобрили наличие в школьных столовых меню, составленного в соответствии с религиозными традициями учащихся⁴⁹². Но другие запросы мусульман вызвали негативную реакцию – ношение закрывающей лицо одежды в общественных местах, требование предоставить место молитвы на рабочем месте, отказ от работы в разнополом коллективе или под руководством женщины

⁴⁸⁸ Ipsos. France 2013: les nouvelles fractures. 25, Janvier 2013 (<http://www.ipsos.fr/ipsos-public-affairs/actualites/2013-01-24-france-2013-nouvelles-fractures>; http://www.tns-sofres.com/_assets/files/2013.02.06-baro-FN.pdf).

⁴⁸⁹ Ipsos. Sopra Steria Présidentielle 2017: la place de la religion et de la laïcité dans l'élection présidentielle (<http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-03-22-presidentielle-2017-place-religion-et-laicite-dans-l-election-presidentielle>).

⁴⁹⁰ Institut Montaigne. Un islam français est possible Rapport septembre 2016 (<http://www.institutmontaigne.org/fr/publications/un-islam-francais-est-possible>).

⁴⁹¹ Le regard des Français sur la religion musulmane (<https://app.box.com/s/2rrh1m44p0m12ydqps258zi550vwbknl>).

⁴⁹² IFOP Ce que veulent les Français (http://www.ifop.com/media/poll/3945-1-study_file.pdf).

(мужчины). Не случайно Высший совет интеграции⁴⁹³ подчеркнул, что не может быть даже дискуссии о смещении графика обучения в школах и школьных программах, недопустим отказ от работы в разнополых коллективах. Вместе с тем он рекомендовал искать компромисс в таких вопросах, как еда без свинины в столовых, отсутствие на работе в праздничные для мусульман дни⁴⁹⁴.

С 2014 по 2016 гг. зафиксирован явный рост неодобрения проявлений ислама в общественном пространстве. За эти два с лишним года снизилось количество французов, одобряющих сооружение мечетей (45%, -8 п.п.), возросло неприятие «мужчин в традиционном мусульманском костюме» (52%, +4) и женщин в головном уборе, закрывающем лицо (87%, +4 п.п.). Как отметил политолог Б. Тентюрье, гендиректор института по изучению общественного мнения *IPSOS*, «символическая фигура мусульманского мужчины в национальной одежде кажется особенно угрожающей»⁴⁹⁵. Все больше негативных откликов вызывает гипотетический выход замуж дочери за мусульманина (42%, -2 п.п.), особенно выходца из стран Магриба (47%, -6 п.п.), в то время как, напротив, растет одобрение женитьбы сына на мусульманке (51%, +3 п.п.)⁴⁹⁶.

Подавляющее большинство граждан (79%) в 2017 г. приветствовали запрет мусульманского головного убора в университетах, 77% французов поддерживают запрет буркини (мусульманского купальника) в общественных местах. Более половины французов (58%) согласились с предложением лидера крайне правых Марин Ле Пен внести в конституцию запись о том, что «Республика не признает никаких общин»⁴⁹⁷. Вместе с тем с 2013 по 2017 гг. несколько увеличилась (с 32 до 39%) доля респондентов, признающих совместимость ислама с французскими ценностями, и напротив, снизилась (с 32 до 24%) доля тех, кто абсолютно уверен в их несовместимости⁴⁹⁸. При этом серия масштабных террористических актов 2015-2016 гг. прервала положительную динамику, с января 2015 по март 2017 гг. совместимость потеряла 8 п.п. поддержки⁴⁹⁹. Однако большинство французов были далеки от того, чтобы возлагать на мусульман ответственность за произошедшие теракты. Так, 67% французов после терактов ноября 2015 г. считали, что «большинство мусульман мирно проживают во Франции, представляют угрозу лишь радикальные исламисты», тогда как для 28% опасен ислам в целом⁵⁰⁰.

⁴⁹³ Высший совет интеграции – с 1989 по 2012 гг. – консультативный орган при правительстве. В его задачи входила подготовка рекомендаций по разработке и реализации политики интеграции.

⁴⁹⁴ 1990-2010: 20 ans au service de l'intégration Auteur(s): Haut conseil à l'intégration Editeur La Documentation française, 2010, p. 41.

⁴⁹⁵ Ipsos. L'évolution de la relation à l'autre dans la société française. 17 Janvier 2017 (<http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-01-17-l-evolution-relation-l-autre-dans-societe-francaise>).

⁴⁹⁶ Ibidem.

⁴⁹⁷ Ipsos. Sopra Steria Présidentielle 2017: la place de la religion et de la laïcité dans l'élection présidentielle (<http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-03-22-presidentielle-2017-place-religion-et-laicite-dans-l-election-presidentielle>).

⁴⁹⁸ Harris interactive, 04.2013. Le regard des Français sur la religion musulmane, p. 12 (<https://app.box.com/s/2rrh1m44p0m12ydqps258zi550vwbknl>).

⁴⁹⁹ Ipsos. Présidentielle 2017: la place de la religion et de la laïcité dans l'élection présidentielle, pp. 10, 11 (<http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-03-22-presidentielle-2017-place-religion-et-laicite-dans-l-election-presidentielle>).

⁵⁰⁰ Le rapport des Français à l'Islam en France Ifop pour Atlantico.fr (http://www.ifop.com/?option=com_publication&type=poll&id=3218).

В феврале 2018 г. прошел опрос, согласно которому большинство (56%) французов заявили о том, что ислам совместим с республиканскими ценностями⁵⁰¹. С декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. на 6 п.п. (с 43 до 37%) упала доля считающих, что «дети иммигрантов, родившиеся во Франции, – не настоящие французы»⁵⁰². Несмотря на то, что данные опросы проводили разные институты по изучению общественного мнения и их цифры разнятся, можно уловить тенденцию снижения недоброжелательного отношения к исламу и мусульманам, а также некоторое уменьшение скепсиса к результатам интеграции потомков иммигрантов в общество.

Можно отметить и то, что несколько более благожелательное отношение к иммиграции, стремление наделить приезжих теми же гражданскими правами, какие есть у французов, а также наиболее толерантное отношение к социокультурным особенностям иммигрантов и их потомков – демонстрирует молодежь, особенно возрастная категория от 18 до 24 лет (см. табл. 8.1).

Таблица 8.1. Доля респондентов, согласных со следующими положениями, по возрастным категориям, 2017 г., %

Возраст, лет	18-24	25-34	35-49	50-64	Более 65
Темп иммиграции слишком высок	51	71	60	70	66
Иностранцы могут голосовать на выборах в местные органы власти ¹	52	42	44	34	34
Сохранить автоматическое получение гражданства детьми иностранцев, родившимися во Франции, по достижении ими 18 лет	64	49	49	35	34
Отменить воссоединение семей	43	53	52	65	65
Ввести пограничный контроль между Францией и другими странами ЕС	49	63	67	73	69
Ввести специальное меню в школьных столовых	74	61	53	50	48
Разрешить ношение закрывающего лицо головного убора в вузах	11	13	4	2	3

¹ Иностранцы неевропейского происхождения, проживающие во Франции не менее пяти лет.

Составлено по: IFOP. Ce que veulent les Français (https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/03/3945-1-study_file.pdf).

Несмотря на критическое отношение к иммиграции и исламу, наблюдается относительная стабильность в личных отношениях французов с лицами разных национальностей и конфессий. Так, согласно данным опросов, проводившихся с июля 2014 г. по ноябрь 2016 г., три четверти французов посещали людей, отличающихся от них вероисповеданием, этническими корнями и цветом кожи. Доля тех, кто поддерживает хорошие отношения с выходцами из стран Магриба, субэкваториальной Африки и Азии, устойчиво остается в диапазоне 56-68% и даже поднимается в отношении цыган (впрочем, держится на низком уровне – 28%, +13

⁵⁰¹ Europe 1 Sondage sur l'islam: C'est le signe d'une certaine décrispation. 11.02.2018 (<http://www.europe1.fr/societe/sondage-sur-lislam-cest-le-signe-dune-certains-decrispation-3571043>).

⁵⁰² CEVIPOF. Le Barometre de la confiance politique. Les résultats : vague 9-janvier 2018 (<http://www.cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/resultats-1/vague9/>).

п.п.)⁵⁰³. Хотя четверть опрошенных полагают, что «мусульмане плохо интегрированы в общество», отношения с ними в повседневной жизни у основной массы складываются хорошо (61%), что намного превышает долю респондентов, у которых они складываются плохо (16%)⁵⁰⁴.

Таким образом, в общественном мнении наблюдается неоднозначное отношение к иммиграции и при этом преобладание негативных оценок над позитивными. Сдержанное отношение французов к переселенцам и исламу во многом отражает возникшие под влиянием иммиграции социально-политические проблемы. Алармистский дискурс об «исламизации» Европы сопровождался появлением все новых требований, зачастую идущих вразрез с поведенческими нормами в светском государстве, со стороны мусульман. Однако в личных отношениях французов с лицами иных национальностей и конфессий отмечалась относительная стабильность.

* * *

Миграционные процессы оказывают разноплановое влияние на французский социум. Массовая иммиграция играет важную роль в обеспечении экономики необходимыми ресурсами, сглаживании структурных диспропорций рынка труда, в улучшении демографической ситуации и т.п. В то же время приток представителей незападных цивилизаций и этносов влечет за собой перемены в этнокультурном составе, в религиозно-конфессиональном и социальном облике принимающего общества.

Французская модель интеграции традиционно базируется на республиканских ценностях, но она не принимает до сих пор в достаточной мере во внимание этнические и религиозные особенности приезжих. Проводившаяся более 40 лет политика социального выравнивания имеет более чем скромные результаты. Не получили заметного развития городские интеркультурные инициативы.

Большая численность среди иммигрантов мусульман, резистентных к ассимиляции, способствует формированию иммигрантских анклавов и поляризации этнокультурной структуры общества. Исключение из экономической и социальной жизни, высокий уровень безработицы переселенцев и их потомков, особенно молодежи, социальная маргинализация влекут за собой усиление влияния в этих кругах религиозной идеологии, зачастую в ее радикальных проявлениях. Эти процессы в свою очередь питают исламофобию местного населения, на волне которой заметно усилились позиции крайне правых политических сил. Эти же процессы порождают конфликты в межконфессиональных отношениях, в том числе с использованием таких крайних методов выражения интересов, как экстремизм и терроризм. Вопрос о формах взаимодействия светского государства с исламом, у приверженцев которого сформировано представление о неразделимости религиозной и общественной жизни, остается открытым. От успехов или неудач при поиске оптимальных форм политики интеграции во многом зависит и национальное единство французского народа, и будущее Франции в глобализирующемся мире.

⁵⁰³ Attentats en France: pas de hausse des préjugés sur les minorités et les immigrés // Le Monde, 17.01.2017.

⁵⁰⁴ Ibidem.

Глава 9. ИММИГРАЦИОННОЕ БРЕМЯ ИТАЛИИ

Н. Гоффе

В повестке дня многих европейских государств ведущие места сегодня занимают массовая иммиграция и комплекс связанных с ней проблем, регулирование которых стало головной задачей для их элит. Интеграция в общество носителей чуждых для принимающей стороны ценностей и традиций сопряжена с большими рисками. Рост этнической и культурной разнородности таит в себе угрозу целостности обществ-реципиентов, их социальной стабильности и национальной идентичности. Столкнулась с подобными вызовами и Италия. Эти вопросы приобрели в ней особую остроту в середине текущего десятилетия с началом миграционного кризиса, когда на Европейский континент хлынул неконтролируемый поток людей, спасающихся от хронических вооруженных конфликтов, насилия, голода и нищеты на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке. Однако в кругу западноевропейских страновых вариантов иммиграционной ситуации итальянский нельзя назвать типическим.

9.1. СТРАНОВАЯ СПЕЦИФИКА МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Для того чтобы понять, что придает Италии «лица необщее выражение», коротко остановимся на наиболее важных, с нашей точки зрения, особенностях, влияющих на развитие в ней миграционного кризиса.

В первую очередь это исторические факторы. Итальянская республика – *страна давней эмиграции и внутренней миграции, но относительно недавней (с середины 70-х годов) иммиграции*. Впечатляющий по масштабам исход населения начался вскоре после возникновения в 1861 г. единого итальянского государства. В общей сложности за 100 лет (с 1876 по 1976 г.) страну покинули около 24 млн человек⁵⁰⁵.

Принимать иностранную рабочую силу Италия стала, когда другие европейские государства под влиянием ухудшившейся экономической конъюнктуры 70-х годов начали контролировать и ограничивать численность приезжих. В вопросах миграционного законодательства она существенно отличалась от своих соседей по континенту⁵⁰⁶. Долгое время ее отношение к приему иностранцев было довольно либеральным. Первый закон, ужесточивший процедуру получения рабочих виз, был принят лишь в 1990 г. По мнению ряда исследователей, иммиграционный режим в Италии до сих пор не сформирован, а итальянское общество так и не свыклось со статусом страны-реципиента⁵⁰⁷.

Что касается внутренней миграции, то ее всплеск пришелся на 50–60-е годы прошлого века. Процессы, разворачивавшиеся в те десятилетия, удивительно похожи на происходящие на наших глазах. Тогда, точно так же, как и сегодня, с Юга

⁵⁰⁵ Il più grande esodo della storia moderna (<http://www.emigrati.it/Emigrazione/Esodo.asp>).

Превратившись в страну приема, Италия не перестала быть страной исхода. Итальянцы, особенно молодежь с высшим образованием, уезжают в другие страны в поисках лучших условий жизни и труда. Они называют это не бегством, а выбором, позволяющим удовлетворить амбиции и любознательность. Более 40% покидающих страну считают отъезд единственной возможностью для самореализации.

⁵⁰⁶ Копылова В. Иммиграционная политика Италии // Современные научные исследования и инновации, 2015, № 11.

⁵⁰⁷ Сакаев В. Политико-демографические аспекты иммиграции в Италии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН, 2016, Т. 16, вып. 1.

на Север в поисках лучшей жизни хлынули потоки переселенцев. С той лишь разницей, что все это протекало в рамках одной страны. Выходцы из депрессивных районов начали свою жизнь в развитых не с чистого листа. Они принесли с собой архаичную модель социальных отношений, свойственную традиционным и традиционалистским обществам. В ее основе лежали (и лежат по сей день) разветвленные семейные, клановые и клиентелярные связи. Низкий уровень трудовой этики соседствует с патриархальными ценностями и пренебрежительным отношением к закону.

Нельзя сказать, что северяне успешно справились с выпавшим на их долю “набегом”. Привнесенные южанами “понятия” оказались токсичными для принимающей стороны. Мало-помалу Юг вращался в общественно-политическую ткань Севера, прививая ему свою ментальность, образ жизни, отношение к труду. Миграция, таким образом, сыграла ключевую роль в данном процессе – меридионализации (от итальянского *Meridione* – Юг) страны. В наше время существует опасность того, что импульсы, усиливающие этот недуг, могут исходить от многочисленной общины выходцев из стран Тропической Африки, находящихся на раннекапиталистической стадии развития.

Мощный фактор, в значительной степени придавший миграционным проблемам Италии их нынешний характер, – *географическое положение страны*. Лежащее на стыке трех частей света Средиземное море – один из самых древних торговых и транспортных путей в истории человечества. То, что веками приносило выгоду, сегодня оборачивается головной болью. Вместе с Мальтой Италия оказалась расположенной на так называемом центральном средиземноморском маршруте, который привлекает лиц, ищущих убежища, как самый короткий и доступный путь для переправы с Африканского континента на Европейский. Итальянский остров Лампедуза⁵⁰⁸, находящийся в 113 км от Туниса, стал сразу после “арабской весны” 2011 г. основной точкой высадки мигрантов из Северной Африки. Италия первой в ЕС и поначалу фактически в одиночку⁵⁰⁹ столкнулась с проблемой, перед необходимостью решения которой через четыре года очутится вся Европа. С течением времени давление на этом направлении нарастало. После падения режима Каддафи порты Ливии превратились для выходцев из разных регионов мира в перевалочные пункты с хорошо налаженной сетью контрабандной транспортировки людей.

Важной особенностью Италии является то, что подавляющее большинство лиц, ищущих убежища, воспринимают ее как *страну транзита*. Лишь треть прибывших в 2015 г. задержались на ее территории. Остальные продолжили свой путь в другие европейские государства⁵¹⁰. Даже счастливые обладатели вида на жительство в дальнейшем покидают страну. На начало 2016 г. в ее пределах остались треть получивших право проживания в 2011 г. и половина тех, кому дали его в 2012 г.⁵¹¹

Спасаясь от ужасов войн и насилия на родине, большинство мигрантов стремятся прописаться в благоустроенном мире. Однако первое, с чем они

⁵⁰⁸ При 5-тысячном постоянном населении острова на него только в 2015 г. высадились более 21 тыс. человек. См. *La Repubblica*, 07.01.2016.

⁵⁰⁹ Евросоюз пришел на помощь лишь в конце лета 2015 г., начав в Средиземном море операцию “София”, в задачу которой входило спасение людей и контроль над морскими путями.

⁵¹⁰ L'Europa e l'Italia delle migrazioni. (http://www.caritas-forli.it/it/leuropa_e_litalia_delle_migrazioni).

⁵¹¹ *Permessi di soggiorno per asilo politico e protezione umanitaria* (<https://www.istat.it/it/archivio/194747>).

сталкиваются по прибытии в Италию, – ее *неповоротливая бюрократическая машина, слабые не всегда приспособленные для приема большого числа людей структуры*. Каждая из них действует в пределах собственных компетенций без взаимной координации усилий.

По данным МВД, весной 2016 г. из 113.4 тыс. включенных в систему приема иностранных граждан 70% находились на попечении центров, которые работали в чрезвычайном режиме (*Cas*). В основном их задачи сводятся к предоставлению жилья. Остальные принимаемые обычно попадают в ведение государственной мегаструктуры, носящей название центров для просителей убежища (*Cara*), где можно месяцами ожидать решения властей, хотя закон обязывает принимать его в течение 35 дней. Другие, если повезет, могут быть направлены в систему оказания помощи беженцам (*Sprar*), нацеленную на обучение и дальнейшую интеграцию в общество. На сегодняшний день она в состоянии принять не более 20% нуждающихся. И это далеко не все организации, работающие с выходцами из других стран.

Государство предоставляет различным структурам (коммунам, кооперативам, учреждениям сферы услуг и т.п.), занимающимся приемом мигрантов, около 35 евро в день на каждого получившего статус беженца (что примерно на 20% меньше выплат по безработице). Эта сумма практически полностью уходит на покрытие расходов на еду, жилье⁵¹², уборку помещений. На карманные расходы выдается 2.5 евро. Отсутствие жесткого контроля за расходованием средств дает недобросовестным чиновникам широкие возможности для различных манипуляций ими, использования не по назначению или откровенного воровства.

Не желая быть на неопределенное время подвешенными между небом и землей, часто в малопригодных для жизни условиях, лица, ищущие убежища, предпочитают двигаться дальше в страны Центральной и Северной Европы, рассчитывая там получить необходимое.

Правда, в 2016 г., когда волна вынужденных мигрантов, хлынувшая на Апеннины, достигла своего максимума, транзитный путь в другие страны оказался затруднен. Почти все соседи по Евросоюзу решали свои проблемы и не хотели их усугублять упорядоченным распределением нуждающихся в убежище по территории ЕС.

В миграционном кризисе в Италии транзит играет своеобразную роль. С одной стороны, последний стал естественным механизмом, благодаря которому часть приезжих покидают ее границы, а оставшиеся, хотя и не равномерно, рассредоточиваются по территории. С другой, одна из причин ярко выраженной неприязни итальянцев к “чужакам” заключается, возможно, в том, что вся страна в той или иной мере познакомилась с иммиграцией именно в ее нынешнем – беженском – варианте. Весьма вероятно также, что граждане и элиты Итальянской республики воспринимают иммиграцию из-за ее транзитного характера как временное явление, проблему, которая раньше или позже разрешится сама собой. Такой настрой существенно затрудняет поиски путей интеграции выходцев из других стран в итальянское общество.

На первый взгляд итальянский казус парадоксален. Ведь в перевалочный пункт превратилась страна с одной из ведущих европейских экономик, способная, казалось бы, стать для ищущих убежища или работу желанной целью. Однако этого не произошло.

⁵¹² Жилье предоставляется в лучшем случае – в гостиницах, в худшем – в складских помещениях или просто под навесами (благо климат позволяет), разбросанными по всей стране часто на значительном удалении от населенных пунктов.

Одно из объяснений этого связано с *социально-экономическим положением* страны. Массовое паломничество вынужденных мигрантов в Италию случилось не в лучшее для нее время. Как минимум с середины 90-х годов в экономике накапливались проблемы, усилившиеся из-за мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Последние 15 лет по темпам роста и динамике душевого ВВП страна устойчиво находилась в нижней части рейтинга стран – членов ЕС⁵¹³.

Выход из глубокой и долгой рецессии наметился лишь в 2015 г. При слабых темпах роста, низкой по европейским меркам занятости и высокой – особенно среди молодежи – безработицы⁵¹⁴ проблемы, связанные с интеграцией мигрантов в общество, решаются сложнее, чем в период устойчивого подъема. Да и местное население наплыв пришельцев из других стран в такой ситуации воспринимается острее, чем во времена тучных коров.

Тесно связанная с предыдущей, но в силу своей важности заслуживающая особого внимания особенность Италии – уже упоминавшиеся выше *территориальные диспропорции, так называемая проблема Юга*. С асимметрией в социально-экономическом развитии между отсталыми южными и продвинутыми северными областями связан характер пространственного расселения иностранных граждан (см. ниже). Кроме того, своеобразные черты миграционной ситуации в стране добавляет засилье в ее южных регионах мафиозных группировок.

Прибывающие на Апеннины морем вынужденные мигранты формально попадают в европейскую страну. Однако южные итальянские области с их архаикой и традиционалистским типом социальной организации – весьма специфическая часть Европы. Действующие там мощные преступные организации – сицилийская Коза Ностра, неаполитанская каморра и калабрийская ндрангета – стремятся к контролю практически над всеми сторонами жизни Юга. Нелегальная иммиграция, выросшая вместе с наплывом из неблагополучных регионов мира лиц, ищущих убежища, не могла не оказаться в сфере их интересов. Должностные лица, расследующие деятельность мафии, заявляют, что людской вал, хлынувший через Средиземное море, стал манной небесной для криминалитета. Способность миграционных потоков генерировать легкую прибыль слишком соблазнительный бизнес, чтобы мафиозные кланы могли его упустить.

Действия мафии в этой сфере разворачиваются по нескольким направлениям. Во-первых, в контакте с контрабандистами из Северной Африки она занимается организацией транспортировки людей через Средиземное море с последующей доставкой их в центр и на север Европы. Остановить этот процесс крайне трудно, тем более что в него могут быть вовлечены коррумпированные чиновники. По оценкам Европола, в “урожайном” 2015 г. доход всех преступных мультинациональных сетей, управляющих трафиком нелегальных мигрантов в акватории Средиземного моря, составил от 3 до 6 млрд евро⁵¹⁵.

Во-вторых, одним из самых привлекательных и прибыльных занятий для криминальных группировок всегда было “освоение” государственного бюджета. Без их вмешательства в южных областях не обходится реализация ни одного сколь-нибудь значимого проекта⁵¹⁶. В данном случае поживиться удастся за счет хищения

⁵¹³ OECD. Stat (<http://stats.oecd.org/>).

⁵¹⁴ Безработица среди молодежи – проблема для многих европейских государств, но в Италии она приобрела колоссальные масштабы. В 2016 г. в среднем по стране она достигла 38%, в южных районах зашкаливала за 56%. См. Tasso di disoccupazione (<https://www.istat.it/it/files/2016/04/notastampa-noitalia2016.pdf>).

⁵¹⁵ La Stampa, 04.05.2016.

⁵¹⁶ Pinotti P. The economic costs of organized crimes: evidence from southern Italy // Banca d'Italia. Working Papers, April 2012, № 868.

средств, идущих на финансирование структур, занимающихся приемом беженцев по всей стране.

В-третьих, мафия представляет собой первое “бюро по трудоустройству”, с которым сталкиваются многие вынужденные мигранты сразу по прибытии в Италию. Оно предлагает “полный пакет услуг” – документы, работу, деньги и жилье. Мафиози кровно заинтересованы в такой рабочей силе и несут ответственность за рост нелегальной миграции, создавая фиктивные фирмы-однодневки, привлекающие клиентов из числа незаконно находящихся в стране иностранцев. Их труд используется в теневой экономике, занятой производством, продажей или перепродажей поступающей из-за рубежа контрафактной продукции. Но им находится применение и в других сферах. По свидетельству итальянских должностных лиц, нелегалы широко привлекаются к торговле наркотиками и принуждаются к занятию проституцией по всей стране – от Палермо до Милана. “Альтернатива” этому существует: проживание часто в нечеловеческих условиях в перенаселенных, плохо снабжаемых даже самым необходимым лагерях беженцев или работа на апельсиновых плантациях по 12 часов в сутки за мизерную плату.

И наконец, при анализе миграционной ситуации в Италии нельзя забывать о характерной для нее незавершенности процессов национальной консолидации, концентрированное выражение которых представляет собой существующая уже более 150 лет проблема Юга. Дуализмом социально-экономического и политического развития страны, незаконченностью формирования эффективных структур государственного управления во многом объясняется размытый характер национальной идентичности. В свою очередь нация, не ощущающая свое гражданское единство, чувствует себя перед лицом глобальных угроз особенно уязвимой. Отсюда более острая, чем, например, в Германии или Швеции, негативная реакция на приток инокультурных мигрантов.

9.2. ИММИГРАНТСКИЙ СРЕЗ ИТАЛЬЯНСКОГО СОЦИУМА

Глобализация миграционных потоков сделала итальянское общество многонациональным. По данным на 1 января 2016 г., в стране проживали около 5 млн иностранцев (8.2% населения страны)⁵¹⁷. По этому показателю она более чем в два раза превосходит средний по ЕС (3.9%), но уступает таким странам, как Австрия (13.2) или Бельгии (11.6%)⁵¹⁸.

Большинство иммигрантов прибывают в страну из Европы. Причем их удельный вес в общем количестве приезжих с 2000 по 2015 гг. заметно вырос (на 11 п.п). Ровно настолько же снизилось присутствие выходцев с Африканского континента. В меньшей степени колебания затронули людской приток из государств Азии и Латинской Америки (рис. 9.1).

⁵¹⁷ Noi Italia. Edizione 2016, p. 2 (<https://www.istat.it/it/files/2016/04/notastampa-noiitalia2016.pdf>).

⁵¹⁸ Statistics Explained ([http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Non-national_population_by_group_of_citizenship,_1_January_2015_\(%C2%B9\)_YB16.png](http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Non-national_population_by_group_of_citizenship,_1_January_2015_(%C2%B9)_YB16.png)).

Рис. 9.1. Распределение иммигрантов по регионам происхождения, 2015 г., %
 Источник: Towards Sustainable Migration. Interventions in Countries of Origin. Rome, January 2017, p. 10.

Однако Европа бывает разной. Страной, выходцы из которой наиболее массово (1.15 млн) представлены в Италии, стала Румыния после ее вступления в 2007 г. в ЕС. Румыны с большим отрывом лидируют по доле в общей численности иностранцев (рис. 9.2). Отношение к ним формируется в стране на основе специфического набора стереотипов (“цыгане”, “воры”, “попрошайки”). Не удивительно, что оно преимущественно негативное. На втором и третьем местах албанцы (9.31%) и марокканцы (8.7%), до 2007 г. возглавлявшие список.

Рис. 9.2. Распределение иммигрантов по странам происхождения, 2016 г., %
 Источник: Guida alle Comuni, alle Province ed alle Regioni d'Italia
 (<http://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri-2016/>).

Далее следует Китай (271 тыс., 5.4%). Выходцы из КНР появились в Италии достаточно давно, и сегодня их можно встретить даже в самых удаленных ее уголках. Чаще всего они отдают предпочтение Милану, Риму и городам Тосканы. В одном из них, Прато, почти половина всех иностранцев и 10% населения – китайцы. Их общины замкнуты и на первый взгляд не могут представлять угрозу общественному порядку. Однако в январе 2018 г. были опубликованы первые результаты многолетнего расследования, касающегося деятельности крупной китайской мафиозной организации, действующей в ряде европейских стран. Оказалось, что сфера ее интересов не ограничивалась нелегальным оборотом товаров, произведенных в различных чайна-таунах (в том числе в Прато), но включала контроль над подпольными казино, ночными клубами, проституцией и торговлей наркотиками⁵¹⁹.

Итальянцы положительно оценивают трудолюбие граждан Поднебесной, но их активная экономическая деятельность вызывает опасения местных жителей. Принадлежащие гражданам КНР предприятия вклинились в традиционные отрасли тосканского производства – обувную и кожевенную. Они снижают цены, а вместе с ними и качество продукции, реализуемой под торговой маркой *Made in Italy*. Посягнули они и на святая святых – мир итальянской моды, поставляя свои изделия фирмам (в том числе известных брендов), торгующим одеждой.

Распределение иностранных граждан по территории страны отражает упоминавшиеся выше диспропорции между ее северными и южными регионами. В начале 2015 г. почти 60% иммигрантов проживали на продвинутом Севере, в том числе 34% в его наиболее развитой западной части. Немногим более 15% приходилось на отсталый Юг⁵²⁰.

Аналогичная картина наблюдается и уровнем ниже (рис. 9.3). Сразу бросается в глаза высокая степень концентрации иностранцев в шести областях Севера и Центра и то, как даже на этом фоне выделяется Ломбардия – 23% общего числа иммигрантов в Италии. Их доля в населении области превышает 11%. В сущности, в масштабах страны воспроизводится ситуация, характерная не только для Европы, но и для всего мира. Человек всегда стремится туда, где жизнь лучше, а возможностей для самореализации – больше. Ломбардия – самый богатый и процветающий регион страны, уровень развития которого сопоставим с передовыми европейскими странами, она естественно притягивает к себе людей. На противоположном полюсе – Юг, где даже в лидирующей по доле иммигрантов в населении Кампании она не дотягивает до 5%.

В эту же группу попадают три небольшие альпийские области Севера – Фриули-Венеция-Джулия, Трентино-Альто-Адижде и Валле д'Аоста, где численность иностранцев невелика, но их удельный вес в населении (соответственно 8.6, 8.96, и 6.7%) весьма ощутим.

Власти страны, как в центре, так и на местах, стремятся противостоять подобной стихийной концентрации, стараясь по возможности равномерно распределять вновь прибывающих по ее территории, чтобы не допустить возникновения обособленных иноэтнорелигиозных анклавов. (На это, в частности, нацелена уже упоминавшаяся система защиты нуждающихся в убежище *Sprar*.) Осуществлению такого курса отчасти способствует тот факт, что иммигранты, прибывающие в Италию, представляют собой этнокультурный конгломерат из представителей почти 200 национальностей, говорящих на 140 языках⁵²¹.

⁵¹⁹ La Repubblica, 01.18.2018.

⁵²⁰ Caritas e Migrantes. XXV Rapporto Immigrazione 2015. La cultura di incontro. Sintesi. Todi, 2016, p. 11.

⁵²¹ L'Europa e l'Italia delle migrazioni...

Рис. 9.3. Распределение иммигрантов по областям, 2016 г., %

Источник: Guida alle Comuni, alle Province ed alle Regioni d'Italia...

Однако проведение такой политики наталкивается на многочисленные трудности, в том числе на тягу мигрантов перебраться с Юга в развитые области Севера и Центра, преимущественно в крупные города, где легче найти соплеменников и больше возможностей для выживания. Забегая вперед, отметим, что в последнее время в связи с наплывом беженцев возникло еще одно серьезное препятствие. Местные власти отказываются размещать вновь прибывших из-за отрицательного отношения к ним населения.

Тем не менее, несмотря на все сложности, избранная правительством тактика, до сих пор приносила свои плоды – в Италии, в отличие от Франции, США, Великобритании или Швеции, не было массовых беспорядков, спровоцированных жителями неблагополучных кварталов, где обретаются иммигрантские общины.

Возможно, стране удастся избежать худшего и совладать с последствиями миграционного кризиса. Его главные действующие лица – искатели убежища – в основном прибывают на Апеннинский полуостров по морю. С 2008 по 2013 г. таким способом до Италии добиралось в среднем 30 тыс. человек в год. В 2014 г. их численность подскочила до 171 тыс.⁵²² В 2015 г. Средиземное море пересек 1 млн человек (почти в пять раз больше, чем годом ранее). Основной удар приняла на себя Греция (856 тыс.). Италия с большим отрывом (153 тыс.) оказалась на втором месте. Однако после вступления в силу достигнутого в марте 2016 г. соглашения между ЕС и Турцией⁵²³ более половины всех иммигрантов, прибывших в Европу морем, высадились на итальянских берегах. Их количество превысило 181 тыс., плюс 18% к уровню 2015 г.⁵²⁴ Затраты правительства, идущие только на предоставление прибывающим помощи на море и обустройство их на суше, выросли с 828 млн в 2011 г. до 2.6 млрд евро в 2015 г.⁵²⁵

⁵²² FRONTEX. Risk Analysis for 2017. Warsaw, 2017, p. 20.

⁵²³ Договор, подписанный Брюсселем и Анкарой 18 марта 2016 г., закрыл так называемый балканский маршрут, ведущий из Турции в европейские страны.

⁵²⁴ FRONTEX. Risk Analysis for 2017, p. 18.

⁵²⁵ Corriere della Sera. Economia, 22.06.2016.

В 2017 г. благодаря договоренностям между итальянским правительством и Ливией⁵²⁶ мощность людского потока, направляющегося в Италию через Средиземное море, ослабла более чем в два раза: берегов Апеннинского полуострова удалось достичь 117 тыс. человек⁵²⁷. В 2018 г. тенденция сохранилась. За неполных пять месяцев число прибывших по морю слегка превысило 13 тыс. – почти столько же, сколько в одном только мае предшествующего года⁵²⁸.

Кто эти люди? В отличие от Греции, ставшей пропускным пунктом на Европейский континент для тех, кто бежал из горячих точек, до 80% прибывающих в Италию покинули свои страны по экономическим причинам, а значит, бо́льшая их часть не имеет права на получение статуса беженца⁵²⁹.

По данным Агентства Европейского союза по охране внешних границ (*Frontex*), в 2016 г. практически все они (91%) были выходцами из африканских стран, преимущественно из Нигерии, Эритреи и Гвинеи⁵³⁰, дающих 40% покинувших Черный континент. Заметно сократившийся поток сирийских граждан в указанном году практически не затронул Италию, поскольку большая их часть воспользовалась восточным средиземноморским маршрутом.

Странами – лидерами по относительному числу (в расчете на миллион жителей) обращенных к ним просьб о предоставлении убежища в 2015 г. были Венгрия, Швеция и Австрия (рис. 9.4). Италия в этой таблице о рангах заняла скромное место за пределами первой десятки. На нее пришлось лишь 7% общего количества поданных в странах ЕС заявок⁵³¹. В 2016 г. ситуация изменилась. Практически все европейские государства, за исключением Германии, ужесточили правила предоставления убежища. В результате количество запросов на его получение в Италии, оставшейся одним из основных каналов продвижения на континент, существенно увеличилось.

Впрочем, получить убежище стало нелегким делом и в Италии. Правила министерства внутренних дел страны на этот счет делаются все более суровыми. Если в 2012 г. в таком праве было отказано каждому пятому просителю, то в 2016 г. – трем из пяти⁵³². Учитывая, что у “отказников” не всегда есть возможность и/или желание вернуться на родину, значительная их часть могла пополнить армию нелегальных иммигрантов. Точные размеры ее оценить крайне сложно, но их присутствие в стране не может не сказываться отрицательно на взаимоотношениях местных и приезжих.

⁵²⁶ В феврале 2017 г. был подписан Меморандум, предусматривающий, что Италия (вместе с ЕС) окажет финансовую и техническую поддержку отрядам, контролирующим береговую линию и южную границу Ливии с тем, чтобы перекрыть доступ к центральному средиземноморскому маршруту.

⁵²⁷ XXIII Rapporto ISMU sulle migrazioni 2017. Comunicato stampa. 05.12.2017, p. 2 (<http://www.ismu.org/wp-content/uploads/2017/12/Comunicato-23esimo-rapporto-ISMU.pdf>).

⁵²⁸ UNHCR. Operational Portal. Refugee Situation (<https://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean/location/5205>).

⁵²⁹ Il Giornale, 09.12.2016.

⁵³⁰ FRONTEX. Risk Analysis for 2017... p. 18.

⁵³¹ Stranieri (http://dati.istat.it/Index.aspx?DataSetCode=DCIS_POPSTRRES1).

⁵³² First instance decisions on applications by citizenship, age and sex Annual aggregated data (rounded) (http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_asydcfst&lang=en).

Рис. 9.4. Число запросов на предоставление убежища, поданных впервые, 2015 г. и 2016 г., в расчете на 1 млн жителей

Источники: Asylum in the EU Member States (<http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6>); Asylum in the EU Member States (<http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7921609/3-16032017-BP-EN.pdf/e5fa98bb-5d9d-4297-9168-d07c67d1c9e1>).

9.3. ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ И ИДЕЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

По данным опроса, проведенного британской компанией *Ipsos MORI* летом 2016 г., 65% итальянцев полагали, что число иммигрантов, находящихся в стране, избыточно⁵³³. Примечательно, что Италия – один из немногих членов ЕС, где преобладает отрицательное отношение к приезжим как из стран, не входящих в него (69%), так и находящихся в его составе (51%)⁵³⁴. Такое неприятие своих соседей по континенту объясняется, во-первых, тем, что итальянцы опасаются конкуренции иностранцев на рынке труда. Уровень занятости в стране граждан из других государств Евросоюза почти на 10.1 п.п. (в большей степени чем где бы то ни было в нем) выше данного показателя для местных⁵³⁵. А во-вторых, это реакция на наплыв иммигрантов из Восточной Европы, прежде всего Румынии⁵³⁶.

⁵³³ Global Study Shows Many Around the World Uncomfortable with Levels of Immigration. 11.08.2016 (<https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3771/>).

⁵³⁴ Standard Eurobarometer 86. Autumn 2016. Public Opinion in the European Union. Fieldwork: November 2016. S.I., 2016, p. 33.

⁵³⁵ Migrant Integration in the EU Labour Market in 2015 (https://emnbelgium.be/sites/default/files/attachments/press_release_eurostat_activity_rate_migrant_2016_0.pdf).

⁵³⁶ На год вступления Румынии в ЕС приходится всплеск антимигрантских настроений в Италии. По данным Института социальных и политических исследований *Demos & Pi*, осенью 2007 г. 61% итальянцев назвали иммиграцию опасной для общественного порядка и личной безопасности. Летом 2005 г. такого мнения придерживались 39% опрошенных. См.

Восприятие итальянцами (как и жителями многих других государств) иммиграционной ситуации не всегда совпадает с реальностью. Они сильно преувеличивают общую численность находящихся в стране иммигрантов, более чем в три раза завышая их долю в ее населении (30% против реальной цифры менее 9%). Особенно пугают мусульмане. Как свидетельствуют опросы *Ipsos MORI*, на уровне ощущений представляется, что их на порядок больше, чем в действительности (соответственно 20% и 2.3%)⁵³⁷. Из-за того что слишком бросается в глаза инокультурный код последователей ислама (их манера поведения, речь, одежда), итальянцам кажется, что у иммиграции в целом ярко выраженные мусульманские черты. Почти 70% опрошенных поллстерской (социологической) компанией *Pew Research Center* (Центр Пью) выразили негативное отношение к приверженцам данной религии. Более высокий результат (72%) был зафиксирован только в Венгрии⁵³⁸.

Одним из главных раздражающих факторов предстает, по мнению европейцев, нежелание мусульман приспосабливаться к образу жизни и обычаям страны пребывания, их стремление сохранить свои традиции и пристрастия. Опросы выявили, что такие настроения преобладали во всех 10 странах, данные по которым приведены в исследовании Центра Пью (рис. 9.5). Но если в неприятии мусульман на фоне Греции Италия может показаться “умеренной”, то по сравнению с Польшей – отнюдь не таковой.

Рис. 9.5. Распределение ответов на вопрос, склонны ли мусульмане принять традиции и образ жизни страны приема или сохранить свои собственные, 2016 г., %
 Источник: Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs (<http://www.pewglobal.org/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/>).

Широкое распространение получили идеи о том, что вместе с притоком мигрантов растет угроза безопасности. Так, в 2016 г. 77% опрошенных *Ipsos MORI* итальянцев полагали, что под видом беженцев в Европу проникают террористы⁵³⁹. Наиболее обобщенное представление о восприятии иммиграции дает, очевидно, распределение ответов на вопрос о влиянии растущего расового, этнического и национального разнообразия на ситуацию в стране в целом. Исследования Центра

Sondaggio Demos & Pi (http://www.termometropolitico.it/1244051_sondaggi-politici-immigrazione-2.html).

⁵³⁷ Perceptions are not Reality: What the World Gets Wrong (https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/perceptions-are-not-reality-what-world-gets-wrong?language_content_entity=en-uk).

⁵³⁸ European Opinions of the Refugee Crisis in 5 Charts (<http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/09/16/european-opinions-of-the-refugee-crisis-in-5-charts/>).

⁵³⁹ Global Study Shows...

Пью свидетельствуют, что и в этом измерении итальянцы уступают в пессимизме только грекам, вдвое и более превосходя в нем шведов, французов и испанцев (рис. 9.6).

Рис. 9.6. Распределение ответов на вопрос о том, какой станет жизнь в стране в связи с ростом числа людей, принадлежащих к другим расовым, этническим и национальным группам, 2016 г.

Источник: European Opinions of the Refugee Crisis in 5 Charts...

Проще всего такие настроения было бы объяснить тем, что после “арабской весны” итальянцы постоянно ощущают себя на линии фронта, сводки с которого не сходят с экранов телевизоров и страниц печатных и электронных изданий. Трудно спокойно оценить ситуацию, если каждый день появляются сообщения о сотнях высадившихся самостоятельно на берег и спасенных мигрантах, об установленных и вероятных смертях.

Этот алармизм подпитывается, к тому же, историческим бэкграундом. Недолгая практика итальянского колониализма не заложила основу для последующих широких контактов бывшей метрополии с ее бывшими африканскими владениями. Тем более что период господства фашизма в Италии отличался ксенофобской идеологией.

Поэтому неудивительно, что граждане Италии почувствовали себя в осажденной крепости относительно рано. В 2007 г. 94% опрошенных назвали иммиграцию большой или очень большой (64%) проблемой для страны. С 2002 по 2007 г. с 80 до 87% выросла доля тех, кто поддерживает введение жестких мер по ее ограничению⁵⁴⁰. К этому времени итальянцы не понаслышке знали, что такое мусульманская иммиграция. С 70-х годов прошлого века марокканцы, а с 90-х годов албанцы постоянно наращивали свое присутствие в стране. Так что резко отрицательное отношение к беженцам-мусульманам в современной Италии легло на подготовленную почву, а не возникло на волне нынешнего миграционного кризиса. К такому же выводу пришли сотрудники Центра Пью, констатируя, что неприятие мусульман имеет давние корни и на его динамику в европейских странах лишь в незначительной степени повлияли резонансные террористические акты в европейских городах. На этот удививший экспертов факт указала заместитель директора Центра К. Симмонс. Она и ее коллеги установили также, что существует

⁵⁴⁰ World Publics Welcome Global Trade – But Not Immigration (<http://www.pewglobal.org/2007/10/04/world-publics-welcome-global-trade-but-not-immigration/>).

прямая зависимость между отрицательным отношением к мусульманам и негативным восприятием беженцев в целом⁵⁴¹.

Недовольство наплывом “чужих” проявляется в повседневной жизни. Жители богатых и бедных кварталов во многих населенных пунктах по всей Италии устраивали акции протеста против приема переселенцев. В маленьком городке Горино (область Эмилия-Романья) осенью 2016 г. дело дошло до возведения баррикад на пути автобуса, везущего группу вынужденных мигрантов, которых собирались разместить в местной гостинице. Годом раньше в похожей ситуации жители богатого римского пригорода вышли на демонстрацию под лозунгом “Нет фальшивым беженцам в Казале Сан-Никола. Дубинкам префекта не сломить нашу волю”. Примеров такого рода много. На отрицательном отношении к приему переселенцев сошлись разные по политическим убеждениям главы местных органов власти – президент областного совета Венето, член правой партии Лига Севера Л. Дзайа и мэр Флоренции демократ Д. Нарделла.

Усилившиеся антибеженские и антимусульманские настроения отражаются в росте поддержки правых партий. И ветеранов итальянской политической арены, таких как “Лига Севера” или “Вперед, Италия” с их традиционно жесткой антимигрантской риторикой. И относительно молодых успешных игроков в лице популистского Движения пяти звезд, требующего немедленной высылки нелегальных иммигрантов, приостановки действия Шенгенского договора и закрытия границ. Возникает своего рода замкнутый круг. Используя в своих целях чувства страха и неприятие страной мигрантов, правые чрезмерно политизируют и криминализируют проблему, усугубляя тем самым ее негативное восприятие обществом⁵⁴².

В сущности правые требуют дальнейшего ужесточения ими же самими введенного иммиграционного законодательства. В 2002 г. был принят закон Босси–Фини, который увязывал выдачу вида на жительство с наличием трудового контракта, а также предполагал немедленную депортацию нелегалов. В дальнейшем в этот закон вносились определенные дополнения, направленные в первую очередь на усиление безопасности. В 2009 г. был одобрен пакет мер, предусматривающих, в частности, ужесточение финансовой ответственности и уголовное наказание за нелегальное пребывание в стране как для иммигрантов, так и для лиц, оказывающих им содействие. Время от времени правительство пыталось вывести нелегалов из тени, проводя кампании по их легализации. В последний раз такая амнистия, дающая вид на жительство, проводилась в 2012 г. и затронула почти 130 тыс. человек. Однако, учитывая нынешнюю остроту иммиграционной проблемы, повторение подобной практики в ближайшем будущем, скорее всего, невозможно. В целом политика в значительной степени носит ситуативный характер, и в ней явно отсутствует органичная система мер, нацеленных на последовательную интеграцию иммигрантов в общество.

Поиск способов налаживания отношений между местными жителями и переселенцами – носителями иных культурных кодов представляет для Италии отнюдь не академический интерес. Прогресса в этом вопросе нельзя добиться абстрактными призывами уважать права меньшинств или следовать принципам гостеприимства. Для того чтобы люди перестали испытывать страх и недоверие, им нужно знать, с кем они имеют дело. А получить эти знания они могут, только идя

⁵⁴¹ Weber S. What Influences Many Europeans' Attitude toward Refugees (<http://www.deseretnews.com/article/865658011/What-influences-many-Europeans-attitude-toward-refugees.html>).

⁵⁴² Зонова Т.В. Миграционный аспект глобализации: казус Италии // Научный диалог, 2015, № 1, с. 137.

навстречу друг другу в процессе общения, обмена опытом и идеями, выявления приемлемых для всех путей решения конфликтных ситуаций. Только так может возникнуть понимание общности ценностей и интересов, более важных, чем разделяющая их культурная инаковость.

Возможно, принципом, способствующим достижению этих целей, может стать интеграция иммигрантов на основе интеркультурализма⁵⁴³. Трактовка этого термина в Италии не отличается оригинальностью. Чаще всего под ним понимается коммуникативный процесс, в который вовлечены субъекты, принадлежащие к различным социальным и культурным общностям. Он нацелен на поиски форм, инструментов, возможностей, компетенций и структур для реализации конструктивного и творческого диалога с целью построения общества на принципах сплоченности и плюрализма.

Коль скоро интеркультурализм предполагает необходимость диалога, встает вопрос о пространстве, в котором он может реализовываться. Естественной площадкой межкультурного взаимодействия могут стать муниципальные образования разного уровня. Повседневная городская жизнь дает тысячи примеров сосуществования различных культур, языков, религий. Учитывая это, Европейская комиссия и Совет Европы инициировали проект “Межкультурные города”, нацеленный на поиск и развитие моделей, способствующих интеркультурной интеграции иммигрантов.

В 2008 г. в проекте участвовал один итальянский город – Реджио Эмилия. Сегодня их 26. В рамках проекта в 2010 г. была образована национальная итальянская сеть “Город Диалога” (*Citta di Dialogo*), в задачу которой входит сотрудничество по развитию межкультурной политики, выявлению полезного опыта на уровне местного самоуправления, а также популяризация преимуществ культурного многообразия.

Диапазон направлений развития межкультурного диалога достаточно широк⁵⁴⁴. Большое внимание уделяется преподаванию языков. Тут интересные программы предлагает Турин. Каждое воскресенье прямо на площади волонтеры проводят языковые курсы для иммигрантов из Китая, Марокко и Румынии, а также итальянцев, желающих изучать китайский.

В Турине к 2014 г. сложилась сеть из возникших в разное время соседских общин (*Case del Quartiere*)⁵⁴⁵, которые муниципалитет города рассматривает как открытые пространства межкультурных коммуникаций, способствующих процессу социальной интеграции. Одними из самых успешных с этой точки зрения являются кварталы/соседства *San Salvario* и *Bagni Pubblici via Agliè*. В первом упор сделан в основном на сферу культуры. Местные жители и мигранты всем миром отмечают национальные и этнические праздники, организуют выставки, презентации книг, коктейли солидарности, различные мастер-классы, музыкальные и танцевальные фестивали, конференции и т.д.

Во втором стремятся решать более широкий круг задачи: предлагают всем нуждающимся, как приезжим, так и местным, базовый набор социальных услуг, вовлекают мигрантов в процесс принятия решений, касающихся повседневной жизни квартала. Кроме того, поддерживая безработных актеров – выходцев из других стран, устраивая публичные чтения книг, написанных иммигрантами на итальянском языке, община не только дает им возможность выразить себя, но и показать

⁵⁴³ См. главу 6.

⁵⁴⁴ Intercultural Cities Program (<http://www.coe.int/en/web/interculturalcities/participating-cities>).

⁵⁴⁵ Rete delle case del quartiere (<http://www.retecasedelquartiere.org/hub-cecchi-point-2/>).

зрителям и слушателям, что в процессе взаимодействия национальных культур происходит взаимное обогащение всех его участников⁵⁴⁶.

В фокусе интеркультурных практик – борьба с различными симптомами дискриминации и расизма. В Генуе, например, проводится фестиваль “Страны Средиземноморья против расизма”, девизом которого являются равенство и взаимоуважение. В его рамках для носителей разных культур организованы спортивные соревнования, концерты, тематические фотовыставки. Муниципалитетами ряда городов одобрены документы, запрещающие любые виды дискриминации на рабочем месте. В Турине и Кампи Бизенцио принимаются меры по стимулированию участия иммигрантов в местной экономике, в том числе в ее высокотехнологичных отраслях. Для представителей разных культур созданы совместные сети инкубаторов малого бизнеса.

Формами активизации межэтнических контактов стали различные фестивали. Особенно широкую известность приобрел один из них, проходящий каждое лето в Генуе под эгидой ассоциации *Suq Genova*. *Suq* – арабское слово, означающее рынок как место не только обмена товарами, но и проведения праздников. В контексте фестиваля – это пространство, где смешиваются языки, звуки, вкусы и традиции, где каждый может представить свою самобытную культуру и познакомиться с обычаями и ценностями других народов.

Важное направление работы муниципалитетов – создание позитивного образа мигрантов и этнических меньшинств в СМИ с помощью специальных рубрик в прессе и на радио. В Болонье, например, группа беженцев стала активными участниками создания телевизионных программ. В сотрудничестве с профессиональными журналистами они берут интервью и снимают репортажи, тематика которых направлена на разрушение бытующих в Италии антииммигрантских мифов.

Помимо европейского проекта в стране реализуется ряд других. Интересная инициатива родилась в 2010 г., когда один из туроператоров Турина начал проводить своеобразные прогулки по городу. Ставилась задача показать жизнь мультиэтнических кварталов, рассказать об истории, культуре, традициях, обычаях, кулинарных пристрастиях и ремеслах их жителей. Со временем идея была подхвачена еще четырьмя итальянскими городами, а также Марселем, Парижем, Валенсией и Лиссабоном.

Еще пример межкультурного сотрудничества. В богатой историческими и архитектурными памятниками Италии не хватает рабочих рук для их надлежащего содержания. Капуя решила эту проблему, создав в 2014 г. мастерскую, где беженцы и лица, ищущие убежища, обучаются профессиональным навыкам проведения самых разных реставрационных работ – от восстановления старинных церквей до ремонта антикварной мебели. Помимо этого беженцы регулярно участвуют в просветительской деятельности в школах области, во время которых не только рассказывают детям о себе и культуре своих стран, но и о том, что представляет собой проект их интеграции в общество.

Интересный образчик интеркультурных практик – опыт маленького калабрийского городка Риаче. Эксперимент начался 20 лет назад, когда находившееся на грани вымирания обезлюдившее поселение стало принимать беженцев из Ирака и Турции. Прибывшим предоставили жилье (восстановив вместе с ними заброшенные дома), возможность изучать итальянский язык, получить профессию и работу в ремесленных мастерских. Обретая трудовые навыки, они передают их тем, кто появляется в Риаче позже.

⁵⁴⁶ Caponio T., Donatiello D. Intercultural Policy in Times of Crisis: Theory and Practice in the Case of Turin // Comparative Migration Studies, September 2017.

Сейчас в двухтысячном городке проживает 400 иностранцев, выходцев из 20 стран⁵⁴⁷. Модель, использованная мэром, в Италии воспринимается неоднозначно. Кто-то называет ее утопией, кто-то обвиняет муниципалитет в нарушении закона (в городе, если запаздывает финансирование от *Sprar*, для расчетов с иммигрантами используются специальные купоны), кто-то полагает, что опыт достоин большей поддержки правительством и благотворительными организациями. Но, так или иначе, мэр городка Д. Луккано добился поставленной цели – совместными усилиями местных жителей и приезжих сохранить город и дать новые импульсы его развитию.

С конца прошлого века межкультурные принципы продвигаются в итальянских школах, этнический состав которых все более разнообразится. Задачами провозглашаются борьба с расизмом, обучение, основанное на взаимодействии между различными культурами, на принципах уважения индивидуальных и коллективных идентичностей в атмосфере диалога и солидарности. На деле очень часто все сводится к обучению детей иммигрантов итальянскому языку. Но есть и позитивные примеры. В ряде школ, например, для преодоления этноцентрических/европоцентристских подходов в преподавании истории и языка были полностью пересмотрены учебные планы. Осуществляются и специальные внеклассные проекты, способствующие активному межкультурному диалогу – театральные постановки, спортивные соревнования, танцевальные кружки, игры. Для знакомства друг с другом, с учителями и учениками в школьную жизнь вовлекаются родители.

Тем не менее, оценивая состояние общее качество межкультурных практик в итальянских школах, исследователь из миланского Католического университета отмечает, что положительные примеры достаточно редки и связаны с действиями отдельных групп энтузиастов, не имеющих возможности донести свой опыт до широкого круга заинтересованных лиц⁵⁴⁸.

* * *

Своеобразие этнокультурного развития итальянского общества, обусловленное прежде всего чрезмерной дифференциацией характера и динамики его слагаемых, а также особым географическим положением страны, серьезно осложняет интеграцию инокультурных мигрантов как для них самих, так и для коренного населения. При растущем этноразнообразии итальянского социума поиск новых способов ее реализации становится категорическим условием стабильности его дальнейшего развития. Определенные подвижки на пути построения межкультурного общества в Италии, безусловно, имеются, но они незначительны, тогда как потребность в них нарастает. Существует опасность, что поиск позитивных решений возникающих в связи с этим проблем может быть серьезно затруднен, поскольку в результате парламентских выборов в стране к власти пришли силы, последовательно занимающие антииммигрантские позиции.

События последних месяцев, похоже, подтверждают эти опасения. Так, в сентябре 2018 г. Совет министров Италии одобрил ряд мер, направленных на дальнейшее ужесточение миграционного законодательства и имеющих целью не

⁵⁴⁷ Domonijanni I. La restituzione di Riace (<http://www.internazionale.it/opinione/ida-dominijanni/2016/04/04/riace-migranti-sindaco>).

⁵⁴⁸ Santagati M. Interculturalism, Education and Society: Education Policies for Immigrant Students in Italy // *Australia and New Zealand Journal of European Studies*, 2016, № 2, p. 17.

только любыми способами затруднить въезд нелегальных мигрантов в страну⁵⁴⁹, но и сократить численность уже находящихся на ее территории. Они не ограничиваются приостановкой рассмотрения просьб о предоставлении убежища и высылкой лиц, которые считаются «социально опасными» (правонарушители, наркоторговцы и т.д.) и расширением полномочий полиции в борьбе с мафией. После утверждения парламентом правительственный декрет позволит отменить некоторые существующие ныне формы помощи и заменить их системой специальных разрешений, которая может затруднить получение статуса беженцев лицам, нуждающимся в гуманитарной защите⁵⁵⁰. В итоге, по мнению ряда экспертов, вместо снижения это может привести к росту нелегальной миграции. Предполагается также сократить затраты на прием мигрантов, что по расчетам правительства даст ежегодную экономию в 1.5 млрд. евро, которые можно будет использовать для покрытия иных затрат, связанных с решением миграционных проблем⁵⁵¹.

Что касается политики в рамках Евросоюза, то Италия настаивает на выработке общего подхода государств-членов в отношении мигрантов и беженцев и смене приоритетов в уже имеющихся его элементах. Это предусматривает, в частности, отказ от принципов распределения беженцев между государствами ЕС, заложенных в Дублинском соглашении, дальнейшее усиление защиты внешних границ ЕС, осуществление специальных проектов и инвестиции в третьи страны - источники самых мощных потоков мигрантов (так, как это было сделано в отношении Ливии) и ряд других мер⁵⁵².

⁵⁴⁹ Летом 2018 г. Италия вместе с Мальтой закрыла свои порты для судов неправительственных организаций, занимающихся спасением мигрантов в Средиземном море.

⁵⁵⁰ Italian government approves Salvini bill targeting migrants // The Guardian. 24.09.2018.

⁵⁵¹ Migranti, ecco il decreto. Salvini: stop alla protezione dopo la prima condanna // Sole 24 Ore. 24.09.2018.

⁵⁵² In Parlamento i punti del Governo Conte su immigrazione. Premier: Consiglio Ue possibile spartiacque (<http://www.rainews.it/dl/rainews/articoli/In-Parlamento-i-10-punti-del-Governo-Conte-su-immigrazione-Consiglio-Ue-28-29-giugno-possibile-spartiacque-a32cb2b7-8f94-44db-9db8-53972f53d7b5.html>).

Глава 10.

ГЕРМАНИЯ: ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

А. Бардин

Длительное время иммиграция рассматривалась в ФРГ преимущественно как временное явление, а государственная политика в этой сфере ограничивалась функциональной адаптацией иммигрантов к выходу на рынок труда страны. Как следствие, скорость процессов адаптации иммиграционной и интеграционной политики к вызовам, связанным с иммиграцией, оказалась недостаточной, что привело к накоплению целого комплекса социально-экономических и политических проблем при продолжающемся усложнении миграционной картины.

Сегодня Германия занимает второе место в мире и первое в Европе по числу иммигрантов; в стране проживает одна из крупнейших мусульманских диаспор в Европе. Де-факто в крупнейших городах Германии уже сформировалось общество сверхразнообразия (с высоким уровнем лингвистической, этнической и конфессиональной гетерогенности), что выступает важным фактором их развития.

Как отвечать на вызовы миграционного кризиса? Необходимость противодействия дестабилизирующим эффектам людских потоков требует активизации интеграционных усилий и поиска новых инструментов. Эксперты отмечают перспективность применения практик интеркультурализма⁵⁵³. В Германии есть успешные примеры решения актуальных миграционных задач в этой логике, которые мы рассмотрим ниже. Тем не менее подобные проекты пока носят точечный характер и реализуются в основном на уровне организаций гражданского общества и отдельных индивидов, реже – на уровне городов и районов.

10.1. НАРАСТАНИЕ ИММИГРАЦИИ И СВЯЗАННЫХ С НЕЙ РАЗНОГЛАСИЙ В ОБЩЕСТВЕ

Первая половина 2010-х годов отмечена в Германии многократным ростом чистой миграции, в том числе в 2010-2014 гг. – со 180 до 680 тыс. В 2015 г. вследствие небывало массового притока лиц, ищущих убежища, произошел беспрецедентный ее скачок – до 1.2 млн чел.⁵⁵⁴ При сравнении 2010 и 2015 гг. (табл. 10.1) видно, что из топ-10 стран происхождения наибольшим увеличением мигрантов характеризуются Сирия (в 100 с лишним раз) и Афганистан (в 11.5 раза). По данным Центрального реестра по учету иностранцев ФРГ, на конец 2017 г. в ФРГ проживало около 10.6 млн мигрантов; наибольшую их часть составили выходцы из стран, приведенных в табл. 10.2. Если в 2005 г. на тысячу граждан ФРГ приходилось 0.4 беженца, то в 2015 г. – уже 5.5. Отличительной особенностью миграционного кризиса стал инокультурный характер миграции: более 85% беженцев исповедовали ислам, тогда как при трудовой, образовательной и семейной миграции этот показатель, как правило, не превышает 40%.

⁵⁵³ См. главу 6.

⁵⁵⁴ International Migration Outlook 2017, p. 190.

Таблица 10.1. Численность въехавших в ФРГ мигрантов, топ-10 стран происхождения, тыс.

	2010	2015
Сирия	3.0	309.7
Румыния	75.5	221.4
Польша	115.6	190.8
Болгария	39.8	86.3
Афганистан	7.4	84.9
Албания	0.9	69.4
Ирак	9.5	64.8
Хорватия	10.2	61.0
Венгрия	29.3	58.1
Италия	23.9	57.2

Источник: International Migration Outlook 2017. Paris, OECD, p. 256.

Таблица 10.2. Численность лиц с иностранными паспортами, проживающих в ФРГ, 2017 г., топ-10 стран происхождения, тыс.

	Численность	Динамика по сравнению с 2016 г., %
Турция	1 480	- 0.6
Польша	870	+ 10.7
Сирия	700	+ 9.6
Италия	640	+ 5.2
Румыния	620	+ 16.7
Хорватия	370	+ 10.6
Греция	360	+ 4.0
Болгария	310	+ 17.9
Афганистан	250	- 0.7
Россия	250	+ 1.6

Источник: Ausländische Bevölkerung. Ergebnisse des Ausländerzentralregisters (https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendBevoelkerung2010200177004.pdf?__blob=publicationFile).

В 2016 г., по оценке *Pew Research Center*, в Германии проживало около 5 млн мусульман, что составляло около 6% населения. Специалистами исследовательского центра построено три базовых сценария, прогнозирующих динамику этой цифры к 2050 г.:

– «нулевой сценарий» – миграция прекращается как таковая: 5 990 тыс. чел. (8.7% населения);

– «медианный сценарий» – поток беженцев прекращается, обычная миграция сохраняется: 8 480 тыс. чел. (10.8% населения);

– «максимальный сценарий» – поток беженцев сохраняется: 17 490 тыс. (19.7% населения).

В последнем случае Германия, наряду со Швецией и Австрией, окажется в тройке стран с наибольшим удельным весом мусульманского населения среди государств ЕС⁵⁵⁵. Как показывают новейшие тенденции, наиболее вероятным для Германии видится сценарий, промежуточный между «медианным» и

⁵⁵⁵ Europe's Growing Muslim Population. Pew Research Center, 29.11.2017 (<http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/11/06105637/FULL-REPORT-FOR-WEB-POSTING.pdf>).

«максимальным», а значит, нагрузка на интеграционные механизмы и запрос на их совершенствование будут расти весьма быстрыми темпами.

Миграционный кризис 2015 г. стал серьезным испытанием для немецкого общества, резко усилив в нем поляризацию позиций по вопросу об отношении к инокультурным переселенцам. С одной стороны, значительная часть немцев и структур гражданского общества оказали огромную поддержку прибывшим в страну беженцам, стали волонтерами, выступавшими и участвовавшими в инициативах, призванных облегчить их тяготы. С другой стороны, часть общества сдержанно или отрицательно восприняла наплыв миллионной массы мигрантов; произошел всплеск правого экстремизма и антимиграционной риторики. В год кризиса было зафиксировано более полутысячи нападений и поджогов лагерей беженцев; причем, по данным министерства внутренних дел, большая часть их участников ранее не совершали каких-либо правонарушений. Эмоциональный шок вызвали у немцев отнюдь не редкие нападения беженцев на местных женщин. Градус напряженности не только не спадает, но и продолжает расти: в 2018 г. федеральный президент Франк-Вальтер Штайнмайер выразил обеспокоенность расширением географии преступлений против беженцев и тенденцией к «десолидаризации общества»⁵⁵⁶ – углублению раскола по вопросу отношения к мигрантам, усилению их отторжения.

Из последних правонарушений, совершенных мигрантами, серьезным потрясением для немецкого общества стали столкновения после городского праздника в Хемнице (Саксония) 26 августа 2018 г., в которых от ножевых ранений погиб один немец и еще двое пострадали. В качестве подозреваемых были задержаны два переселенца-араба. После этого в городе прошли акции протеста противников миграции и их стычки с антинацистами⁵⁵⁷. Аналогичные выступления имели место других городах: например, в берлинском районе Нойкёльн под антииммигрантскими лозунгами вышли тысячи человек. Здесь же состоялась и демонстрация против правых радикалов, в которой приняли участие около пяти тысяч человек⁵⁵⁸. Словом, немцы оказались по разные стороны баррикад, «возведенных» иммиграцией.

Обследования, проведенные *IPSOS* в июле 2017 г., засвидетельствовали:

- только 18% немцев думают, что иммиграция позитивна для страны;
- половина немцев находят, что в стране слишком много иммигрантов;
- 45% считают, что иммиграция вызывает чувство дискомфорта;
- 54% полагают, что большинство беженцев не смогут успешно интегрироваться в новое общество (противоположного мнения придерживаются 37%);
- 40% не согласны с проводимой политикой в отношении беженцев (согласны – 35%)⁵⁵⁹.

⁵⁵⁶ Jubiläum "20 Jahre Tolerantes Brandenburg". 23.06.2018 (<http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2018/06/180623-Tolerantes-Brandenburg.html>).

⁵⁵⁷ Chemnitz police order far-right protesters to go home. Deutsche Welle, 01.09.2018 (<https://www.dw.com/en/chemnitz-police-order-far-right-protesters-to-go-home/a-45321300>).

⁵⁵⁸ Berlin march against far-right protests in Chemnitz draws huge numbers. Deutsche Welle, 30.08.2018 (<https://www.dw.com/en/berlin-march-against-far-right-protests-in-chemnitz-draws-huge-numbers/a-45293795>).

⁵⁵⁹ Global Views on Immigration and the Refugee Crisis. Ipsos Mori, July 2017, pp. 7, 10, 12, 26, 28 (https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2017-09/Global_Advisor_Immigration.pdf).

Приведенные цифры дают основание заключить, что немецкое общество, несмотря на афишируемую культуру гостеприимства, далеко не едино в своем восприятии иммигрантов и связанной с ними политики.

Разразившийся в ФРГ во второй половине июня 2018 г. политический кризис показал, что миграционная политика – пожалуй, наиболее острая общенациональная проблема, которая способна рассорить даже давних соратников – ХДС и ХСС, составляющих ядро правящей коалиции. Его ненадежность негативно сказывается на доверии населения как к большой коалиции, так и к лично Ангеле Меркель, тогда как популярность антииммигрантской «Альтернативы для Германии» (АдГ), напротив, растет. В июне 2018 г. в ее поддержку высказались уже 14% опрошенных, что превышает результаты партии на последних парламентских выборах (12.6%)⁵⁶⁰. АдГ выстраивает свою деятельность в бундестаге главным образом вокруг тематики иммиграции, стремясь использовать ее в своих интересах. Из парламентских запросов партии 45% касаются именно этой области, и даже запросы на другие темы партия, как правило, привязывает к миграционной проблематике⁵⁶¹. Как полагает Маттиас Куэнт из немецкого Института демократии и гражданского общества, в своей работе АдГ стремится подчинить теме миграции все прочие политические вопросы⁵⁶².

10.2. ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ СТАНОВИТСЯ ПРОБЛЕМОЙ

Ретроспективно можно выделить три базисных типа интеграционной политики, которые реализовывались в ФРГ на различных этапах. Первый тип представлял собой полноценную инкорпорацию и ассимиляцию переселенцев и беженцев от коммунизма в тот период, когда данные категории не были достаточно многочисленными. В основе второго типа интеграционной политики лежала функциональная интеграция – фактически, адаптация мигрантов, предполагавшая их включение исключительно в сферу занятости и систему социального обеспечения. Третий тип – включение мигрантов в общество.

В результате Второй мировой войны Германия понесла серьезные демографические потери, сказавшиеся на ситуации на рынке труда. Для его стабилизации эти потери было необходимо компенсировать, в связи с чем были заключены соглашения о найме иностранной рабочей силы с Испанией, Грецией, Марокко, Португалией, Тунисом, Югославией и Турцией. Изначально центральным принципом подобных соглашений служила ротация приезжих работников, однако со временем стало ясно, что значительная часть гастарбайтеров и их семей останется в Германии надолго; и сами они совершенно не были к этому готовы. Меры по адаптации гастарбайтеров к рынку труда стали предприниматься с 1971 г., но они носили поверхностный и исключительно функциональный характер. Как отмечает немецкая правозащитница турецкого происхождения Сейран Атеш, «немецкая сторона не приложила никаких усилий для интеграции гастарбайтеров ... их

⁵⁶⁰ Welche Partei würden Sie wählen, wenn am kommenden Sonntag (01. Juli 2018) Bundestagswahl wäre? (<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/718/umfrage/infratest-dimap---sonntagsfrage-zur-bundestagswahl/>).

⁵⁶¹ Kleine Anfragen der AfD im Bundestag. 25.06.2018 (<https://public.tableau.com/profile/mediendienst.integration#!/vizhome/KleineAnfragenderAfDimBundestag/Blatt1?publish=yes>).

⁵⁶² Quent M. Was die AfD im Bundestag wirklich will (<https://www.vorwaerts.de/artikel/afd-bundestag-wirklich-will>).

ориентировали только на работу»⁵⁶³. Дети первого поколения мигрантов были вынуждены учиться в отдельных классах: совместное обучение с немцами носило единичный характер, что во многом стало причиной плохого знания вторым поколением мигрантов немецкого языка.

Результатом реализации данного курса стало вовлечение гастарбайтеров, большую часть которых составили жители турецкого происхождения, в хозяйственную жизнь страны, однако жесткие требования закона о гражданстве, такие как необходимость проживания на территории Германии не менее восьми лет, сдачи трудных экзаменов, а также отсутствие мер социокультурной интеграции, противодействия дискриминации и ксенофобии привели к разочарованию турок. Прожив десятилетия в Германии, они так и не стали полноценными членами немецкого общества. Так, исследование Марины Зауэр по земле Северный Рейн-Вестфалия показывает, что доля проживающих там турок, связывающих свою идентичность с ФРГ, неуклонно падает: если в 2010 г. Германию назвали своей родиной 25.4% опрошенных, то к 2015 г. эта цифра упала до 18.1%. В то же время число тех, кто считает родиной Турцию, демонстрирует стабильный рост – с 30.1 до 47.8%. Доля тех, кто считает родиной обе эти страны, за эти пять лет упала с 40.1 до 30%⁵⁶⁴. Речь идет о «парадоксе интеграции»: вовлеченность проживающих в Германии турок в экономику остается высокой, но их жизненные ожидания, запрос на самореализацию оказываются неудовлетворенными, что ведет к разочарованиям, особенно среди молодого поколения. Немаловажным фактором отчуждения этой части населения и ее развития в логике «параллельного общества» является психология немцев, предпочитающих выдерживать дистанцию в общении с турками.

Дискуссия по вопросам интеграции долгие годы сдерживалась нежеланием властей признать, что миграция носит постоянный, а не временный характер. Принимавшиеся меры касались прежде всего правового регулирования отдельных аспектов иммиграции, но практически не затрагивали интеграционные аспекты. Тем временем запрос со стороны общества на решение проблемы интеграции продолжал расти. В 1994 г. был опубликован «Манифест шестидесяти», группы ученых и общественных деятелей, которые подчеркивали, что Германия более не может обходиться без «всеобъемлющей концепции иммиграционного законодательства и миграционной политики»⁵⁶⁵. В 1998 г. дискуссия об интеграции вызвала самый широкий резонанс за всю историю послевоенной Германии. Уполномоченный федерального правительства по делам иностранцев⁵⁶⁶ Хайнц Кюн предложил утвердить на государственном уровне концепцию иммиграционной и интеграционной политики, признающую Германию де-факто страной иммиграции, в которой привлеченных гастарбайтеров некорректно рассматривать как временных мигрантов. Эта концепция, по его мнению, должна фиксировать задачу государства по обеспечению реального уравнивания в правах с этническими немцами второго поколения мигрантов в вопросах образования, работы и жилья.

В 2001 г. была создана независимая Комиссия по миграции, в отчетном докладе которой подчеркивалось: «Политическая и нормативная установка на то,

⁵⁶³ Ates S. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können. Ullstein, 2010, S. 123.

⁵⁶⁴ Teilhabe und Befindlichkeit: Der Zusammenhang von Integration, Zugehörigkeit, Deprivation und Segregation türkeistämmiger Zuwanderer in Nordrhein-Westfalen, S. 175 (http://zfti.de/wp-content/uploads/2016/11/NRW-Mehrthemenbefragung-2015_Bericht_end.pdf#page=175).

⁵⁶⁵ Das Manifest der 60. Deutschland und die Einwanderung. Bade K. J. (Hrsg.). München, 1994.

⁵⁶⁶ Должность уполномоченного по делам иностранцев в федеральном правительстве – консультативная, учреждена в 1978 г.

что Германия не является страной иммиграции, исходя из сегодняшних реалий более не может служить определяющей для иммиграционной и интеграционной политики»⁵⁶⁷. Доклад лег в основу принятого федеральным правительством в 2004 г. Закона об иммиграции (*Zuwanderungsgesetz*). Закон стал поворотной точкой в отношении к проблеме иммиграции и интеграции: главным следствием его принятия стало превращение Германии из страны иммиграции де-факто в таковую де-юре. С этого момента можно говорить об утверждении третьего, инклюзивного типа интеграционной политики, нацеленного на полноценное включение мигрантов в принимающее общество, а не только в рынок труда. В 2005 г. федеральное правительство учредило интеграционные курсы, на которых помимо языка, мигранты стали получать информацию о принципах государственного устройства ФРГ, истории и культуре страны, ее правовых основах. Курсы стали обязательными и для мигрантов, прибывших в страну до 2005 г.

Следующей значимой вехой в становлении немецкой иммиграционной политики можно назвать Саммит по вопросам интеграции иностранцев, впервые прошедший в 2006 г. в Берлине. Участники саммита представили свои рекомендации, принятые в 2007 г. в формате Национального плана по интеграции, расширявшего инструментарий интеграционной политики государства. В ноябре 2008 г. состоялся уже третий Саммит по вопросам интеграции, по итогам которого была увеличена продолжительность языковых курсов для мигрантов и их финансирование, принята новая программа содействия изучению немецкого языка (начиная с детского сада), а также меры по повышению уровня преподавания и увеличению числа учителей из среды мигрантов.

Сегодня в Германии вопрос интеграции мигрантов резко обострился и требует безотлагательных принципиальных решений. Его сложность, если исходить из прогноза роста чистой миграции, будет только повышаться – тем более востребованными оказываются новые модели интеграции, такие как практики интеркультурализма.

10.3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

10.3.1. Вовлечение приезжих в сферу занятости. Результаты немецкой политики интеграции мигрантов в рынок труда в целом можно оценить как успешные, однако этот процесс сопряжен и с рядом проблем, которые касаются преимущественно трудоустройства беженцев, прибывших в страну в ходе миграционного кризиса.

По данным немецкого Института рынка труда и профессиональной квалификации (*IAB*), безработица среди мигрантов в ФРГ демонстрирует тенденцию к снижению: в мае 2018 г. она составила 12.9%, что на 1.6 п.п. ниже по сравнению с маем предыдущего года. Наиболее сложна задача выведения на рынок труда беженцев из стран, пораженных затяжными внутренними конфликтами (Афганистан, Эритрея, Ирак, Иран, Нигерия, Пакистан, Сомали, Сирия). Хотя число занятых в этой группе мигрантов за 2017-2018 гг. возросло на 103 тыс. и составило 306 тыс. и такую динамику можно признать удовлетворительной, в целом трудоустройство беженцев остается тяжелой и в то же время коренной проблемой в интеграционной стратегии и политике. В четвертом квартале 2016 г. лишь около 10% немецких компаний имели опыт взаимодействия с беженцами, прибывшими в страну с 2015 г., и только 3.5%

⁵⁶⁷ Zuwanderung Gestalten, Integration fördern. Bericht der Unabhängigen Kommission «Zuwanderung», 2001 (http://www.bmi.bund.de/cae/servlet/contentblob/123148/publicationFile/9076/Zuwanderungsbericht_pdf.pdf).

компаний приняли на работу хотя бы одного беженца. Эти показатели выше, чем во втором квартале 2016 г.: 6 и 2% соответственно⁵⁶⁸. Наиболее положительную динамику продемонстрировали компании среднего и крупного бизнеса. К концу 2016 г. уже треть крупных компаний (с 500 и более сотрудниками) взаимодействовали с беженцами; в среднем бизнесе данный показатель составил более 25%, тогда как в малом бизнесе (компании с менее чем 10 сотрудниками) – лишь немногим более 6%⁵⁶⁹.

На июнь 2017 г. в Германии находилось около 1 млн беженцев, получивших от властей ту или иную категорию социальной защиты либо возможность временного пребывания в стране⁵⁷⁰; еще около 480 тыс. ожидали рассмотрения их заявок на предоставление убежища⁵⁷¹. Из них работу имели лишь 200 тыс. (13.5%) из общей массы названных двух групп мигрантов.

Многие эксперты строят весьма оптимистичные прогнозы относительно интеграции беженцев в рынок труда. Так, по оценке главы Немецкого института экономических исследований Марселя Фратцшера, в ближайшие пять лет трудоустроены будут более половины беженцев⁵⁷². По его мнению, этому способствуют наличие вакансий – более миллиона, а также демографическая ситуация – трудоспособное население продолжает сокращаться. Перспективной сферой обеспечения работой мигрантов служит здравоохранение, где ощущается все более острая нехватка кадров. В ФРГ уже действуют программы, целенаправленно готовящие мигрантов, имеющих медицинское образование, к такой работе. Например, *IQuaMed* – совместный проект федерального правительства, Европейского социального фонда и консалтинговой компании в области образования *IQ Netzwerk* (Северный Рейн-Вестфалия)⁵⁷³.

Вместе с тем вовлечение беженцев в сферу занятости встречает целый ряд преград. Основные социальные факторы, препятствующие трудоустройству беженцев, – возраст; незнание немецкого языка или незаконченная учеба на интеграционных и языковых курсах; отсутствие законченного профессионального образования; для женщин – прежде всего семейные заботы, а также следование определенным правилам поведения, не допускающим возможность определенных видов работы.

Интеграция беженцев в рынок труда осложняется также рядом узких мест институционального характера. Во-первых, отдельные меры, предпринимаемые федеральным правительством, показывают невысокую эффективность. Инго Крамер, глава союза работодателей ФРГ, как и многие другие эксперты, подверг критике программу интеграции *Flüchtlingsintegrationsmaßnahmen*, запущенную в августе 2016 г. Для беженцев планировалось создать 100 тыс. рабочих мест в сегменте «работы за 1

⁵⁶⁸ Gürtzgen N., Kubis A., Rebien M. Geflüchtete kommen mehr und mehr am Arbeitsmarkt an // IAB Kurzbericht 14/2017. Aktuelle Analysen aus dem Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung (<http://doku.iab.de/kurzber/2017/kb1417.pdf>).

⁵⁶⁹ Ibid., S. 2.

⁵⁷⁰ Zahlen in der Bundesrepublik Deutschland lebender Flüchtlinge zum Stand 30. Juni 2017 // Antwort der Bundesregierung, Drucksache 18/13537 (<http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/135/1813537.pdf>).

⁵⁷¹ Persons subject of asylum applications pending at the end of the month by citizenship, age and sex monthly data (rounded). Eurostat, 2017 (http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_asypenctzm&lang=en).

⁵⁷² Jahberg H. „Wahlergebnis ist ein Ausdruck der Spaltung der Gesellschaft“ // Tagesspiegel, 24.09.2017 (<http://www.tagesspiegel.de/wirtschaft/diw-chef-marcel-fratzscher-wahlergebnis-ist-ein-ausdruck-der-spaltung-der-gesellschaft/20366724.html>).

⁵⁷³ IQuaMed: Anerkennung Gesundheitsberufe (<http://www.anerkennung-nrw.de>).

евро» (на деле за 80 центов в час в таких областях, как уборка, приготовление еды, работа в саду и т.д.), однако из выделенных на 2016 г. 75 млн евро были израсходованы только 225 тыс., а из выделенных на 2017 г. 200 млн евро на конец июля того года – лишь около 10 млн⁵⁷⁴. Основная причина – беженцы не заинтересованы в столь низкооплачиваемой работе, а на местах отмечают, что сами вакансии мало отвечают потребностям коммун. Кроме того, интеграции беженцев мешают сохраняющиеся административные барьеры в их передвижении по стране в связи с поступлением на работу: устранение данных барьеров позволило бы расширить занятость. В этом отношении политика по ограничению беженцев в выборе места проживания препятствует их интеграции. И еще: явно недостаточна транспарентность работы госструктур, отвечающих за интеграцию беженцев в рынок труда. В итоге программу было решено закрыть.

Мало того, многие из лиц, ищущих убежище, не имеют возможности работать в ФРГ (по крайней мере в первые три месяца с подачи заявления о получении убежища), а ряд немецких земель в принципе запрещают беженцам из определенных стран устраиваться на работу. Так, в сентябре 2016 г. министерство внутренних дел Баварии распространило среди земельных чиновников документ с пятью критериями, которыми следует руководствоваться, принимая решение об открытии доступа на рынок труда тому или иному беженцу; ключевым пунктом выступила вероятность одобрения заявки на убежище. На тот момент показатель этой вероятности составлял более 50% только для беженцев из пяти стран – Сирии, Эритреи, Ирана, Ирака и Сомали; для прочих выходцев перспектива устроиться на работу в Баварии оказалась крайне туманной. В наиболее тяжелое положение попали беженцы из Афганистана, для которых «рейтинг признания» колеблется на уровне 50%, и лишь после активного лоббирования со стороны структур гражданского общества министерство приняло поправку в пользу афганцев. Тем не менее для получения разрешения на трудоустройство земельные власти по-прежнему требуют от беженцев из этой страны удостоверение личности, которого многие из них не имеют, а его получение доступно лишь непосредственно в Кабуле (что в большинстве случаев делает его вовсе невозможным). Сверх того, необходим сертификат о владении немецким языком, получение которого также затруднительно, так как на курсы принимаются лишь беженцы с «рейтингом признания» более 50%⁵⁷⁵. Таким образом, образуется замкнутый круг, выйти из которого достаточно затруднительно.

10.3.2. Образование мигрантов. Одна из ключевых сфер интеграционной политики – образование. По данным Немецкого института экономических исследований, из опрошенных совершеннолетних беженцев, прибывших в ФРГ в 2013-2015 гг. и имеющих документы об образовании, посещали среднюю школу только 40%, закончили ее – 35, учились в начальной школе – 11%, столько же – не обучались даже в ней. Лишь 13% опрошенных имели диплом бакалавра, магистра или профессиональное техническое образование. Таким образом, по прибытии в ФРГ около 64% беженцев имели школьное образование, около 20% – высшее или профессиональное техническое⁵⁷⁶.

⁵⁷⁴ Arbeitsmarktprogramm für Asylbewerber kaum genutzt // Zeit Online, 16.09.2017. (<http://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/integration-gruene-fluechtlinge-arbeitsmarkt-massnahme-gescheitert>).

⁵⁷⁵ Woitsch K. Arbeitsverbot für Flüchtlinge in München: „Die Stimmung wird schlechter“ // Merkur, 11.10.2017.

⁵⁷⁶ Brücker H., Rother N., Schupp J. (eds.). IAB-BAMF-SOEP-Befragung von Geflüchteten 2016: Studiendesign, Feldergebnisse sowie Analysen zu schulischer wie beruflicher Qualifikation,

Каковы в этой связи перспективы образовательной составляющей интеграционной политики? На уровне общественного дискурса этот вопрос, как правило, трансформируется в другой: насколько эффективны языковые курсы для мигрантов и оправданы затраты на них? Критика государственной политики на этом направлении главным образом базируется на неверном представлении о настроениях и предпочтениях мигрантов. Якобы они (и прежде всего беженцы) считают курсы (и вообще образование) пустой тратой времени; в крайнем случае они учат английский, а не немецкий, считая, что последний вовсе не обязателен для устройства на работу. Почти половина респондентов только что упомянутого исследования заявили, что готовы продолжить обучение в школе или пройти его с нуля, а две трети опрошенных сообщили, что намерены получить профессиональное образование (главным образом выходцы из Сомали, Афганистана, Ирака и Эритреи). Около 40% опрошенных утверждали, что прошли государственные языковые и интеграционные курсы или приняли в них участие; примерно столько же опрошенных посетили другие образовательные курсы.

Такие, казалось бы, обнадеживающие сведения пока не отражаются в практических результатах образовательного направления интеграционной политики. По данным экспертов, из 340 тыс. мигрантов, записавшихся на курсы в 2016 г., только 133 тыс. успешно их закончили, а почти половина обучающихся даже не приблизилась к уровню, необходимому для сдачи экзамена; многие бросили обучение, сославшись на формальные причины (болезнь, беременность и т.д.)⁵⁷⁷. На местах все чаще сообщают о случаях ухода с курсов молодых женщин – как правило, под давлением членов семьи и жизненных традиций. Можно заключить, что действующую модель языковых курсов трудно считать успешной. Не всегда ее проблемы имеют институциональный характер, как в случае с давлением семьи на женщин. Возможно, ситуацию могла бы улучшить широкая общественная дискуссия по данным проблемам, в которой сами беженцы приняли бы участие не в качестве «объекта», но как полноправный субъект процесса⁵⁷⁸. Кроме того, представляется важным сохранение имплементируемой властями ФРГ практики по встраиванию интеграционных курсов в долгосрочную стратегию по обучению беженцев рабочим навыкам и реализации способствующих трудоустройству программ повышения квалификации⁵⁷⁹.

В 2015 г. число новоприбывших детей и молодежи возросло с 382 тыс. до 641 тыс., в ряде восточных земель, например Берлине, детей-беженцев 5–18 лет стало больше по сравнению с 2014 г. на 250%. Несмотря на столь резко возросшую нагрузку на образовательную систему ФРГ, она, как констатируют ученые института Меркатор и Кельнского университета, достаточно быстро адаптируется за счет расширения штата учителей и тьюторов, введения новых образовательных курсов и т.д. В то же время ученые обращают внимание на ряд правовых и административных барьеров, из-за которых дети вынуждены долго ждать принятия в школу, что является негативным фактором для их интеграции.

Sprachkenntnissen sowie kognitiven Potenzialen. DIW Berlin: Politikberatung kompakt 123, 2017 (http://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.563710.de/diwkompakt_2017-123.pdf).

⁵⁷⁷ Öchsner T. Sprachkurse zur Integration werden häufig abgebrochen // Süddeutsche Zeitung, 18.08.2017 (<http://www.sueddeutsche.de/politik/fluechtlingspolitik-sprachkurse-zur-integration-werden-haeufig-abgebrochen-1.3670747>).

⁵⁷⁸ Lochner S. Integrationskurse als Motor für gesellschaftlichen Zusammenhalt? Interethnische Kontakte und nationale Verbundenheit von MigrantInnen in Deutschland. Opladen, 2017.

⁵⁷⁹ Nach der Flucht: Der Weg in die Arbeit. Arbeitsmarktintegration von Flüchtlingen in Deutschland. OECD, 2017 (<https://www.oecd.org/els/mig/Labour-Market-Integration-Refugees-Germany-2017-de.pdf>).

10.4. НАЛАЖИВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

10.4.1. Локальные форпосты интеркультурализма. В Германии, как и во всех странах со значительным числом инокультурных мигрантов, весьма востребованы успешные практики налаживания межкультурной коммуникации и предотвращения конфликтов. В этой связи отдельного внимания заслуживает опыт двух немецких городов, Берлина и Эрлангена, власти которых претворяют в жизнь программы интеркультурного диалога в рамках проекта Европейской комиссии и Совета Европы «Межкультурные города».

Эрланген – город в Баварии с населением более 100 тыс. чел., из которых 66.3% – немецкого происхождения, 16.6 не являются гражданами ФРГ, 27.4 родились за рубежом, 33.7% – мигранты второго и третьего поколений. В Эрлангене уже длительное время реализуется самобытная политика в отношении мигрантов; в 1974 г. город стал третьим в ФРГ, учредившим консультативный Совет по миграции, объединивший представителей мигрантов, национальных меньшинств, а также различных акторов – от НКО до служб безопасности. Рекомендации Совета по вопросам интеграционной политики рассматриваются на заседаниях Рабочего комитета по интеграции, в который входят мэр города и представители ряда департаментов. Комитет готовит проекты политических решений, ведет мониторинг их реализации и индикаторов интеграции. С вступлением в проект «Межкультурные города» в Эрлангене был также учрежден Департамент равенства возможностей и разнообразия, ключевыми задачами которого являются разработка непосредственно интеркультурных подходов к интеграции мигрантов, а также содействие диалогу между различными группами населения⁵⁸⁰. Среди конкретных примеров реализации таких подходов на практике отметим следующие.

1. Центр «Вилла» – интеркультурный центр, площадка для встреч и мероприятий. Здесь проходят турецкие завтраки, дни международной кухни, танцы, занятия тай-чи, йогой, аэробикой. При центре действуют кружки – поделок из дерева, каллиграфии. Популярностью пользуется *Café Asyl Erlangen* – место для встреч с беженцами. За чаепитием проходят общение, знакомства, а также консультации для беженцев – по медицинским и правовым вопросам⁵⁸¹.

2. Власти города проводят регулярные мероприятия в области искусства и культуры, а также интеркультурные воркшопы и тренинги для студентов и практикантов, экспертов и менеджеров, оказывают поддержку компаниям в найме сотрудников с миграционным прошлым. Так, при содействии города компания *Siemens* выделила особый трек для мигрантов, желающих пройти практику в ней. Власти также реализуют комплекс мер, стимулирующих участие мигрантов в принятии решений о развитии города, в том числе в политической сфере.

3. В Эрлангене предусмотрены условия для представителей различных религий: в школах предлагаются различные блюда, на спортивных объектах есть отдельные часы и дни для занятий женских групп. Особое внимание уделяется общественным пространствам – библиотекам, музеям, площадям, игровым

⁵⁸⁰ City of Erlangen Intercultural Profile (<https://rm.coe.int/erlangen-intercultural-profile/16807862e1>).

⁵⁸¹ Programm März bis Juni 2018. Bürgertreff die Villa (http://www.villa-angertreff.de/documents/VillaProgramm1_interaktiv.pdf).

площадкам. В библиотеках доступны книги на разных языках, создана секция книг на «легком немецком» для тех, кто только начал изучать язык⁵⁸².

Нойкёльн, один из самых многонациональных районов Берлина, также принял участие в проекте ЕС. Как и в Эрлангене, в Нойкёльне активно работает консультационный совет по интеграции и миграции, к диалогу привлекаются представители НКО и сообществ мигрантов. Как отмечают представители города, для них ключевой задачей в интеграции беженцев стала координация действий государства и гражданского общества. Для ее решения был создан координационный офис, где беженцы могли получить информацию обо всех релевантных инициативах волонтеров, стартапов, организаций гражданского общества. В стратегическом отношении для властей города один из ключевых приоритетов, помимо образования, – сделать работу в государственном секторе более открытой для мигрантов, включить их в процесс принятия административных решений. С этой целью мигранты приглашаются на заседания различных комитетов и советов, вовлекаются в принятие решений на местном уровне. В планах властей города – обеспечение для мигранта возможности «прикрепиться» к политике, чтобы вникнуть в специфику административной работы.

Рассмотрим ряд локальных интеграционных проектов, в которых задействованы интеркультурные практики⁵⁸³.

1. *Программы медиации конфликтов*. Центр по урегулированию конфликтов *Richardplatz*, образовательные программы в области права в молодежных центрах дают практические знания о возможных конфликтных ситуациях, осуществляется их проработка в ролевых моделях.

2. *Проект «Матери по соседству»*. Проект начался с неформальных встреч матерей из числа мигрантов и теперь насчитывает более 150 участников. Суть проекта в том, что его участники приходят в гости к женщинам из семей мигрантов, ведущим изолированный образ жизни, и помогают им интегрироваться в общество. Тем самым создается сеть контактов, которая связывает воедино соседские семьи и придает им чувство стабильности.

3. *Проект «Управление районами» (Quartiersmanagement)*. Проект нацелен на стабилизацию и развитие районов, сталкивающихся сразу с целым рядом сложных проблем. В рамках проекта высокую эффективность показал инструмент «Фонд жильцов»: финансовый фонд управляется соседским жюри и распределяет деньги на инициативы самих жильцов, направленные на укрепление социальной сплоченности в районе.

Наконец, говоря о Берлине, нельзя не сказать и о ежегодном «Карнавале культур» – месте диалога и встреч людей разных национальностей и религий, участники которого проникаются всем многообразием (и своеобразием) культур столицы.

10.4.2. Идентитарные основания межкультурного взаимодействия.

Главным испытанием для немецкого общества и государства в ходе миграционного кризиса стало, безусловно, не решение отдельных оперативных задач (таких, как обеспечение еды и воды для нуждающихся), а комплекс проблем, связанных с долгосрочной перспективой взаимодействия с беженцами. Одной из ключевых здесь является проблема кризиса идентичности – как мигрантов, так и коренного населения

⁵⁸² Erlangen: Results of the Intercultural Cities Index. 2016 (<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016802ff700>).

⁵⁸³ Berlin Neukölln. Intercultural Profile (<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680482a95>).

страны. Если молодежь легче принимает новую реальность и в значительной степени готова к переходу к постмиграционному обществу – обществу без разделяющих его этноконфессиональных границ, то среди среднего и старшего поколения одновременно с увеличением числа мигрантов фиксируется рост уровня дискомфорта: многие опрошенные говорят, что утратили ощущение родины в собственной стране⁵⁸⁴. Представляется, что поиск ответа на эту проблему может пролегать в русле выработки всеобъемлющего концепта, в рамках которого формировалась бы солидарная коллективная идентичность общества сверхразнообразия и реализовывались бы интеркультурные практики. Фридрих Хекманн, глава Европейского форума миграционных исследований Бамбергского университета, пишет: «... предпосылкой успешной интеграции выступает развитие самовосприятия общества как миграционного ..., требующее постоянной трансформации коллективной идентичности через последовательное включение в понятие "Мы" бывших "других". Этническое основание идентичности более не приемлемо для нации»⁵⁸⁵.

Думается, что одной из ключевых составляющих интеграции выступает фактор идентичности, однако ему в современной интеграционной политике ФРГ уделяется мало внимания. Между тем кризис самоопределения в отрыве от своей общины, ее правил и устоев и необходимое приспособление к новым условиям зачастую протекают крайне тяжело. Так, иранка Найер Инкорвайя, 30 лет назад сама прибывшая в ФРГ как беженец, описывает историю 24-летнего афганца, бежавшего в Германию: «... три месяца он примерял на себя разные альтер эго. Один день он носил все розовое и красил волосы в фиолетовый; на следующий день его можно было увидеть в деловом костюме. В лагере [для беженцев] он включал хип-хоп и отказывался говорить по-персидски. В итоге он оказался в больнице с нервным срывом. Он так сильно пытался стать немцем, что стал как хамелеон и в итоге сорвался. В госпитале он сказал – я не могу найти себя»⁵⁸⁶. Эта история вскрывает пласт сложных проблем, ведь кризис идентичности в случае с беженцами накладывается на их трудный жизненный опыт. Здесь важен фактор вовлеченности мигранта в такую группу, которая стала бы для него референтной, и такая интеркультурная практика, как *эмпатическая межкультурная коммуникация* в рамках такой группы.

Наконец, вопрос идентичности восходит к дебатам о «направляющей культуре» в ФРГ (*Leitkultur*). Сегодня на вопрос о том, что же значит быть немцем, действует единственная отсылка к Основному закону страны в духе хабермасовского «конституционного патриотизма», однако за ее рамками имеют место лишь отдельные дебаты о содержании гражданской идентичности, далекие от общественного консенсуса.

Таким образом, ценностный базис интеграционной политики остается ограниченным: без полноценного решения этой проблемы принципиальные положительные сдвиги в ее реализации представляются сомнительными. Реализация тех или иных интеркультурных практик также требует встраивания в четкую ценностную модель государственной политики.

⁵⁸⁴ Bade K.J. Prolog. Kulturvielfalt, Kulturangst und Negative Integration in der Einwanderungsgesellschaft. – Migration – Religion – Identität. Aspekte transkultureller Prozesse. K. Kazzazi, A. Treiber, T. Wätzold (eds.). Wiesbaden, 2016.

⁵⁸⁵ Heckmann F. Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung. Wiesbaden, 2015, S. 282.

⁵⁸⁶ Su A. Why Germany's New Muslims Go to Mosque Less // The Atlantic, 26.07.2017 (<https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/07/muslim-syrian-refugees-germany/534138/>).

10.4.3. Противодействие ксенофобии и расизму. В Германии действует целый ряд общественных организаций, противодействующих праворадикальной агитации и активно поощряющих помощь и повседневное взаимодействие с беженцами. Такие организации проводят беседы с радикально настроенными гражданами, рассказывают истории конкретных беженцев и устраивают с ними встречи. Целый ряд исследователей единодушны в том, что данная активность играет важную роль – как в противодействии ксенофобским настроениям, так и в поддержании общего положительного настроения на способность страны справляться с миграционными вызовами⁵⁸⁷.

Исследователи возлагают большие надежды на интеркультурные практики как инструмент борьбы с расовой нетерпимостью. Немалое значение здесь имеет формирование положительного дискурса о роли ислама, развенчание негативных стереотипов. В этой связи примечательны работы, оспаривающие точку зрения, согласно которой постулаты ислама несовместимы с либерально-демократическими ценностями и выступают препятствием для становления мусульман как членов гражданского общества. Так, исследование М. Пьюкера показывает: мусульмане, активно участвующие в деятельности местной мечети и общины, намного чаще участвуют в гражданских инициативах, не связанных с религией, и более активны политически⁵⁸⁸. Он приводит глубинные интервью с мусульманами, для которых, по их признанию, вовлеченность в решение социальных проблем – выражение ответственности перед Аллахом и следование примеру Пророка, помогавшего другим. Им отмечается также важность формирования дискурса о положительной роли ислама в интеграции и развитии гражданского общества, необходимого на фоне роста в ФРГ антимигрантской риторики, участвовавших нападений на мечети и лагеря беженцев⁵⁸⁹.

Не претендуя на охват огромной по своей глубине темы о роли ислама в современной Европе, отметим значимость не только ее проработки и позитивной подачи в дискурсивном пространстве, но и инициатив по *либерализации ислама*. Это еще одна важная интеркультурная практика, которая направлена на «примирение ислама с европейскими ценностями толерантности и гуманизма». Именно такую цель имеет открытие в июне 2017 г. в Берлине мечети Ибн Рушд-Гете, где рядом молятся мужчины и женщины, представители разных сексуальных ориентаций и течений ислама⁵⁹⁰.

10.5. КУЛЬТУРА ГОСТЕПРИИМСТВА И МЕСТНЫЕ ИНТЕРКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Один из ведущих немецких социологов, член Совета по делам миграции ФРГ Клаус Баде подчеркивает: комплексный характер общества сверхразнообразия ведет к тому, что традиционная интеграционная политика в отношении мигрантов уже не соответствует уровню сложности вызовов в этой сфере. Ей на смену должен

⁵⁸⁷ Speth R., Becker E. Zivilgesellschaftliche Akteure und die Betreuung geflüchteter Menschen in deutschen Kommunen, S. 37 (www.maecenata.eu/images/resources/2016_op92.pdf).

⁵⁸⁸ Peucker M. Muslim Citizenship in Liberal Democracies. Civic and Political Participation in the West. Melbourne, 2016.

⁵⁸⁹ По данным Федерального управления уголовной полиции ФРГ, если в 2013 г. было зафиксировано 58 нападений на лагеря беженцев, то в 2015 г. их число возросло до 1005. См. Diehl J. BKA zählt mehr als tausend Attacken auf Flüchtlingsheime // Spiegel Online, 28.01.2016 (<http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlingsheime-bundeskriminalamt-zaehlt-mehr-als-1000-attacken-a-1074448.html>).

⁵⁹⁰ Ibn Rushd-Goethe Moschee (<https://www.ibn-rushd-goethe-moschee.de/praeambel/>).

прийти новый формат инклюзивной общественной политики, ориентированной на участие широких слоев общества в решении данных проблем, где акцент смещается с интеграции «кого-то кем-то» на «взаимную интеграцию»⁵⁹¹. С ним солидарна Наика Форотан из Института эмпирических исследований интеграции и миграции Гумбольдтовского университета в Берлине. По ее словам, восприятие интеграции как одностороннего действия в отношении мигрантов усугубляет деструктивные, разобщающие процессы, ведет к росту неравенства; на смену такому толкованию должно прийти *постмиграционное* мышление – стремление преодолеть разделительную линию между членами общества по стране их происхождения⁵⁹².

По мнению ряда исследователей, в 2010-2015 гг. немецкое общество сделало ряд шагов в направлении подобного постмиграционного мышления. Когда в 2015 г. Германия оказалось одной из тех стран, на которые пришелся главный удар миграционного кризиса, общество продемонстрировало «культуру гостеприимства и признания» (*Willkommens- und Anerkennungskultur*) – доброжелательность к прибывшим, готовность принять их в общество. Эти качества составляют непереносимое условие практики интеркультурализма – межкультурный диалог и более активная межкультурная коммуникация, взаимное уважение, стремление к социальной сплоченности. Помимо решения проблем с питанием, размещением и обеспечением беженцев самым необходимым, в рамках этой парадигмы были предприняты тысячи гражданских инициатив помощи беженцам. Например, уличные праздники и угощения в рамках «дней гостеприимства»; прогулки по городу с гидом; совместные поездки; беседы и вечера, где беженцы рассказывают свои истории и обсуждают проблемы, пути их решения и планы на будущее с местными жителями⁵⁹³; оплата услуг врачей, различных курсов и уроков и т.д.

Важнейшую роль сыграло *размещение местными жителями беженцев в своих квартирах*: ряд немецких семей приняли отдельных беженцев и даже целые семьи у себя дома. Представляется, что эта практика и связанное с ней взаимопроникновение двух культур – одно из наиболее ярких проявлений интеркультурализма в современной Германии. Немцы, принявшие у себя беженцев, впервые в полной мере осознали уровень трудностей, с которыми сталкивается прибывший мигрант. Личная и, главное, оказываемая на постоянной основе помощь местных жителей, проживание не в отчужденных местах, а в семье порой оказываются единственным способом преодолеть барьер интеграции. Вот что пишет о таком опыте Зигфрид фон Ауэр, глава немецкой семьи с балтийскими корнями, принявшей у себя семью сирийцев – отца, мать и четверо детей: «Мы отдавали себе отчет в том, что отчасти возлагаем на себя задачу по их интеграции. Одним из решающих факторов, определяющих наше взаимодействие, выступает язык. Родители [мигранты] немного говорят по-английски, но очень мало понимают по-немецки, и еще хуже говорят на нем. Дети посещают интенсивные курсы немецкого языка в школе и делают заметные успехи, но и они завалены документами, которые нужно заполнить для органов соцобеспечения, школы, муниципалитета и врачей, и нам приходится им помогать во взаимодействии с ними. В свою очередь, работники этих органов часто перегружены и не могут уделять достаточно внимания сирийцам. Кроме того, в школе от детей требуют проявления неоправданно большой инициативности в освоении материала, с которым они в итоге

⁵⁹¹ Bade K.J. Prolog. Kulturvielfalt, Kulturangst und Negative Integration in der Einwanderungsgesellschaft. – Migration – Religion – Identität. Aspekte transkultureller Prozesse. K. Kazzazi, A. Treiber, T. Wätzold (Hrsg.). Wiesbaden, 2016, S. 4.

⁵⁹² Foroutan N. Postmigrantische Gesellschaften / Einwanderungsgesellschaft Deutschland. Hrsg. H.U. Brinkmann, M. Sauer. Wiesbaden, 2016.

⁵⁹³ В том числе в рамках деятельности таких международных организаций, как Gesellschaft für bedrohte Völker (<https://www.gfbv.de>).

не в состоянии справиться без посторонней помощи»⁵⁹⁴.

Данный пример весьма показателен. Анализ ряда кейсов показывает, что успешная интеграция происходит в тех случаях, когда индивидуальный подход сочетается с принятием мигрантом местных практик, формальных и неформальных установок и рамок⁵⁹⁵. Например, на уровне школы (или языкового курса) эффективность демонстрирует применение другой интеркультурной практики – *обучения в тандеме*: каждого мигранта курирует немец, который помогает ему с домашними заданиями, решением формальных вопросов, «подтягивает» дисциплину и т.д. Также успешность демонстрирует схема с организацией в школе дополнительных подготовительных курсов по немецкому языку, пройдя которые, мигрант может перевестись в обычный класс.

Помощь со стороны структур гражданского общества и отдельных граждан оказалась ключевой для преодоления самых острых проблем беженского кризиса, с которыми государственные структуры не имели возможности справиться одни⁵⁹⁶. В конце 2015 г. в деятельность по помощи мигрантам и беженцам был вовлечен каждый десятый житель ФРГ⁵⁹⁷. По мере развития кризиса структуры гражданского общества и отдельные граждане вырабатывали все новые практики взаимодействия с беженцами, с властями, друг с другом и с прочими акторами; значительно возросла интенсивность этого взаимодействия, о чем свидетельствуют сами участники процесса⁵⁹⁸.

В то же время многие из тех, кто оказал помощь мигрантам, сами столкнулись с административными барьерами, что говорит о недостатках взаимодействия государства и гражданского общества в контексте интеграционной политики. Так, летом 2017 г. ряду беженцев, проживавших в баварской коммуне Эглинг (многие уже на протяжении нескольких лет) и получавших поддержку местных жителей, власти выдвинули предписание оперативно покинуть занимаемые помещения и переехать в общежитие в Геретсриде. Предписание не должно было коснуться женщин с детьми, однако на практике оно затронуло, к примеру, Джоану (имя изменено), мать троих детей, которым нелегко дастся смена детского сада и школ. Беженцы, вынужденные покинуть ставшую привычной среду, оказались в тяжелом эмоциональном состоянии. «Вся проблема в том, что государство не согласовало свои действия с нами [волонтерами]», – говорит Катарина Бернлохнер, координатор группы помощи беженцам в Эглинге⁵⁹⁹.

Похожие случаи отмечались и в других федеральных землях. Причиной тому во многом служит перегруженность работников миграционных органов. Кроме того, вызывает вопросы кадровая политика федерального министерства по делам миграции и беженцев, нанимающего новых сотрудников, не имеющих достаточного опыта работы в этой сфере, на ограниченный срок без возможности дальнейшего продолжения карьеры в рамках ведомства, что часто ведет к задержке в принятии

⁵⁹⁴ Deutsch-Balten engagieren sich für Flüchtlinge: Syrer bei uns zu Hause // Mitteilungen aus baltischen Leben, 2016, no. 4, S. 11.

⁵⁹⁵ Oberhof M. «Refugees welcome!»: die Geschichte einer gelungenen Integration: so können Sie Flüchtlingen helfen. München, 2016.

⁵⁹⁶ Speth R., Becker E. Op. cit., SS. 8-10.

⁵⁹⁷ Ahrens P.-A. Skepsis oder Zuversicht? Erwartungen der Bevölkerung zur Aufnahme von Flüchtlingen in Deutschland. Sozialwissenschaftliches Institut der Evangelischen Kirche in Deutschland, 2015 (https://www.ekd.de/si/download/Fluechtlinge_21.12.15.pdf).

⁵⁹⁸ Speth R., Becker E. Op. cit., S. 11.

⁵⁹⁹ Koestler C. "Sonst drohen wir Zwang an" // Süddeutsche Zeitung, 25.07.2017 (<http://www.sueddeutsche.de/muenchen/wolfratshausen/umzugsaktion-fuer-fluechtlinge-sonst-drohen-wir-zwang-an-1.3603340>).

решений и невысокому их качеству. По оценкам экспертов, двое из трех граждан ФРГ, оказывавших помощь беженцам (как профессионально, так и на добровольных началах), сталкивались в своей деятельности со сложностями регулятивного и законодательного характера⁶⁰⁰. В качестве положительного аспекта можно выделить тот факт, что министерство по делам миграции и беженцев осознает большинство имеющихся в указанной сфере проблем и активно делегирует ряд функций по взаимодействию с беженцами частным подрядчикам: это в известной мере решает, например, проблему перегруженности официальных ведомств.

В преддверии немецких парламентских выборов 2017 г. Кельнский институт *Rheingold* провел серию глубинных интервью, призванных составить картину восприятия избирателями предвыборной кампании. Исследование показало, что значительное недовольство у избирателей вызвал тот факт, что острые вопросы интеграционной и миграционной политики нашли лишь поверхностное отражение в предвыборных дискуссиях. Многие опрошенные признавались, что хотели бы оказать беженцам в частности и мигрантам в целом помощь, но не знают, как лучше это сделать; боятся они и высказать какую-либо критику по миграционным вопросам, так как это может привести к обвинениям в нацизме. Респонденты подчеркнули, что ожидают от политиков четкого политического курса и конкретного плана действий; отсутствие такого плана ведет к нарастанию раздражения в отношении демонстрирующей заметные недостатки миграционной и интеграционной политики⁶⁰¹.

* * *

Хотя политика государства в области интеграции мигрантов в международном сопоставлении в целом оценивается как достаточно успешная – ФРГ заняла 10-е место из 38 в индексе интеграции иммигрантов *MIPEX-2015*⁶⁰², – представляется, что задача по формированию атмосферы в обществе, при которой никто не чувствовал бы ущемления своих прав, пока далека от решения. Так, 70% лиц с миграционным прошлым, опрошенных в ФРГ в рамках исследования Федерального антидискриминационного центра, признались, что сталкивались с дискриминацией при поиске жилья⁶⁰³.

Как показал анализ, на современном этапе ключевыми проблемами интеграционной политики ФРГ являются:

1. тенденция к десолидаризации общества – углубление раскола в обществе по вопросу миграции;
2. отсутствие полноценной предметной публичной дискуссии о проблеме интеграции мигрантов и ценностных основаниях интеграционной политики, в том числе с точки зрения идентичности;
3. расширение эксплуатации стереотипов в отношении инокультурных мигрантов как угрозы общественной безопасности, распространение антииммигрантской риторики и преступлений против мигрантов;

⁶⁰⁰ Ibidem.

⁶⁰¹ Gebremste Wut der Wähler - Eigenstudie zur Bundestagswahl 2017 // Presseportal.de, 08.09.2017 (<http://www.presseportal.de/pm/127836/3729767>).

⁶⁰² Migrant Policy Integration Index 2015 (<http://www.mipex.eu/germany>).

⁶⁰³ Diskriminierung auf dem Wohnungsmarkt. Strategien zum Nachweis rassistischer Benachteiligungen. 18.04.2015 (https://www.antidiskriminierungsstelle.de/SharedDocs/Downloads/DE/publikationen/Expertisen/Expertise_Wohnungsmarkt_20150615.pdf?__blob=publicationFile).

4. сложности в кадровом обеспечении интеграционной политики, проблемы институционального характера, трудности в согласовании действий государства и гражданского общества в этой сфере;

5. неразрешенность проблемы низкой эффективности государственных интеграционных и языковых курсов;

6. трудности в интеграции беженцев в рынок труда, связанное с этим социальное напряжение («мы работаем и платим налоги, а они живут на пособия»).

Ряд интеркультурных практик, используемых населением во взаимодействии с мигрантами, демонстрируют достаточно высокую эффективность, что позволяет говорить о наличии потенциала их развития и распространения. Речь идет как о практиках, выработанных в ходе кризиса беженства, так и о более ранних и поздних, в том числе реализованных городами, принявшими участие в проекте ЕС «Межкультурные города». Некоторые из них, такие как модель функционирования культурного центра в Эрлангене, проект «Матери по соседству» в Нойкёльне, вполне могут быть масштабированы. Обмен опытом между городами – участниками проекта, систематизация полученной информации и комплексный мониторинг ситуации на местах представляют собой другие важные шаги на пути к совершенствованию интеркультурного подхода.

Вместе с тем преодолеть раскол, отчужденность, страх и недоверие в отношении мигрантов и прежде всего беженцев, переломить тенденцию к десолидаризации общества средствами одной лишь интеграционной политики вряд ли возможно; эти проблемы требуется решать системно и последовательно, по целому ряду направлений.

Глава 11.

ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В РОССИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИКА

Г. Монусова

Современный мир характеризуется активизацией миграционных процессов. Население бедных стран стремится к лучшей жизни и, будучи неспособно добиться улучшения у себя дома, упорно ищет «счастья» в богатых странах. Население богатых стареет, и трудиться – особенно на низкотехнологичных, непрестижных рабочих местах в секторе услуг – становится некому. Такая «смычка» экономических интересов поддерживает миграционные процессы, которые кажутся неостановимыми. В то же время политические элиты стран-реципиентов не могут до конца определиться с миграционной политикой, которая «колеблется между политикой открытых дверей, за которую выступают экономисты, и политикой закрытых дверей, предпочтительной для электората»⁶⁰⁴. События последних лет, связанные с всплеском миграции и волной терактов в Европе, поднимают градус напряжения в отношении коренного населения к иммигрантам, особенно к представителям иной культуры. Ситуация осложняется тем, что второе поколение мигрантов (а это уже не сами мигранты, а их дети – полноправные граждане принимающих стран) проявляет себя не всегда так, как можно ожидать от законопослушных европейцев. Поджоги машин в Париже или теракты в Барселоне и т.п. связаны с молодыми людьми, которые родились и выросли в Европе, посещали местные школы, в совершенстве владеют местными языками и знают традиции своих стран. И тем не менее они оказываются маргиналами. Это лишь подчеркивает сложность того, что можно назвать интеграцией.

Россия также сталкивается с вызовами миграции. Последние годы характеризуются усилением миграционных потоков. С 2005 по 2016 гг. число вновь прибывших выросло более чем в три раза⁶⁰⁵. По данным МВД РФ, в конце 2016 г. число иностранцев составляло 9.5 млн⁶⁰⁶.

Российские экономисты и демографы, социологи и политологи на теоретическом и эмпирическом уровне пытаются обозначить видимые и невидимые плюсы и минусы, выгоды и издержки массового притока иностранных гостей. Этой проблеме посвящена значительная литература⁶⁰⁷. Согласно этим исследованиям,

⁶⁰⁴ Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. Москва, 2016, с. 24.

⁶⁰⁵ Численность и миграция населения Российской Федерации. Москва, Росстат, 2016.

⁶⁰⁶ 2016: Социально-экономическое положение населения – продолжающийся кризис или новая реальность? Отв. ред. Малева Т. Москва, 2017, с. 45.

⁶⁰⁷ Мукомель В. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. Рабочая тетрадь. Москва, 2013. Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики, 2014, Т. 14 (3); Денисенко М., Чернина Е. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики, 2017, № 3; Малахов В. Интеграция мигрантов: концепции и практики. Москва, 2015; Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement (<http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>); Цапенко И. Интеркультурная парадигма интеграции мигрантов // Вестник российской академии наук, 2017, № 10; Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России // Научно-исследовательский отчет CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI) European University Institute, 2013; Ивахнюк

при всех преимуществах международной миграции в России фиксируются и сопряженные с немалыми социальными издержками проблемы включения вновь прибывающих в жизнь общества. Нелегальная миграция, правонарушения переселенцев, рост недоверия местного населения к ним, антимигрантская мифология усиливают напряжение в обществе. Во многом это связано с самими мигрантами, но свою долю ответственности несет и принимающий социум. Обе стороны должны желать сближения и взаимодействия, и обе стороны должны пройти свою часть пути навстречу друг другу.

Один из центральных пунктов обусловленного этим дискурса – тезис о необходимости интеграции мигрантов в принимающее общество. Соответственно ставятся вопросы о создании особых условий, проведении специальных мероприятий для включения вновь приезжающих в социальную жизнь общества, принимаются соответствующие документы и на уровне отдельных стран, и на уровне Евросоюза. Важной задачей государственной миграционной политики России является «создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами»⁶⁰⁸.

Процесс интеграции исследователи определяют по-разному⁶⁰⁹, но суть его все понимают примерно одинаково – это достижение включенности, встроенности мигранта в общество принимающей страны.

Согласно документам Европарламента (концепции Еврокомиссии), интеграция – это двусторонний процесс и гражданское общество играет ключевую роль в адаптации мигрантов⁶¹⁰. С одной стороны, позитивное отношение местного населения, отсутствие дискриминации в доступе к образованию, к рабочим местам⁶¹¹ выступают необходимым условием для инкорпорации мигрантов в общество. Не только мигранты должны адаптироваться к местным правилам, культуре и т.п., но и местное общество к мигрантам. Необходима определенная терпимость к “чужим”. С другой, ожидается, что мигранты будут уважать основные нормы и ценности принимающего общества и не ухудшать жизнь местного населения.

Можно выделить два необходимых условия для встраивания вновь прибывающих в страну: желание мигранта найти свое место в обществе, прикладывая к этому усилия и соглашаясь с правилами и нормами новой жизни, и готовность принимающего общества признать новых членов, не противопоставляя их автохтонному населению. Данная глава анализирует, как эти условия реализуются в России, – для чего рассматриваются следующие вопросы. Кто и зачем приезжает в Россию? Каково социально-экономическое положение

И.В. Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России / Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе? Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 29. МГУ. Москва, 2015.

⁶⁰⁸ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утв. Президентом РФ от 31 октября 2018 г.), статья 216 (<http://kremlin.ru/events/president/news/58986>).

⁶⁰⁹ См. главу 5.

⁶¹⁰ Opinion of the European Economic and Social Committee on the ‘Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: A European Agenda on Migration’ (COM(2015) 240 final) Brussels, 10.12.2015.

⁶¹¹ Ibidem.

мигрантов? Как они воспринимаются принимающим обществом? Какую позицию занимает и что делает государство в области интеграции мигрантов?

11.1. МИГРАНТЫ В РОССИИ: КТО ПРИЕЗЖАЕТ И ЗАЧЕМ

Основной поток, желающих попасть в Россию, сегодня, как и десять лет назад, в основном связан со странами СНГ. Согласно данным Росстата, в 2016 г. 90% всех прибывших в Россию составляли выходцы из этих стран (в 2005 г. – 92%)⁶¹². Среди государств-доноров на первом месте стоит Украина (32%), далее следуют по убывающей – Узбекистан (12.4), Казахстан (11), Таджикистан (8), Армения (7.6), Молдавия (5.7), Киргизия (4.4), Азербайджан (4.1%)⁶¹³.

Вновь прибывающие иностранные «гости» имеют разные цели: кто-то намерен постоянно жить и работать в России, кто-то настроен на временное пребывание ради заработков. Представители первой группы задерживаются в России, обеспечивая ей миграционный прирост (разница между теми, кто въезжает в страну и покидает ее). Другая группа приезжает с целью получить работу на территории России, заработать деньги и вернуться на родину.

Табл. 11.1 показывает различия между странами СНГ по удельному весу лиц, приехавших из них в РФ для «работы по найму», и в обеспечении миграционного прироста. Основной миграционный прирост 2016 г. (около 70%) пришелся на русскоговорящих граждан из Украины, Казахстана и Молдавии, а основными поставщиками трудовых мигрантов выступили страны Центральной Азии. Представители Узбекистана, Таджикистана и Киргизии составили приблизительно 70% всех находящихся в стране иностранцев в 2016 г., указавших цель приезда – «работа по найму».

Таблица 11.1. Доля иностранных граждан, пребывающих в России для «работы по найму» (А), и миграционный прирост, по странам исхода /СНГ/ (Б), %

Страна исхода	А (на 01.10.2016)	Б (2016 г.)
Азербайджан	4	4
Армения	7.5	4
Белоруссия	3.5	1
Молдавия	6	6
Украина	10	47
Казахстан	1	15
Киргизия	11	4
Таджикистан	20	10
Туркмения	-	1
Узбекистан	37	8
Все страны СНГ	100	100

Рассчитано по: Деминцева Е., Мкртчян Н., Флоринская Ю. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. Москва, Центр стратегических разработок, 2017, с. 11; Росстат 2016.

Центр этнополитических и региональных исследований провел для НИУ ВШЭ социологические опросы мигрантов в России в 2011 г. (выборка 8.5 тыс. человек) и в 2017 г. (выборка 8.7 тыс. человек) с целью анализа их социально-экономического

⁶¹² Рассчитано по: Численность и миграция населения Российской Федерации. Москва, Росстат, 2005, 2016.

⁶¹³ 2016: Социально-экономическое положение населения ... с. 45.

положения, занятости, мотивации приезда и т.д.⁶¹⁴ Согласно опросу 2011 г., примерно 40% респондентов находились в России более года, то есть являлись долгосрочными (постоянными) мигрантами, 38% были циркулярными мигрантами (в том числе 12% – сезонные мигранты, находившиеся менее шести месяцев) и 21% опрошенных впервые приехали на заработки⁶¹⁵. Обследование 2017 г. показало, что пропорции сохраняются, а цель приезда и планы, связанные с Россией, варьируются в зависимости от страны исхода (табл. 11.2).

Таблица 11.2. Планы мигрантов относительно проживания в России, %

	Остаться навсегда	Постоянно ездить между Россией и своей страной	Поработать и вернуться на родину	Другое
Армения	72	12	9	7
Грузия	71	15	6	8
Украина	68	10	13	9
Казахстан	66	9	11	15
Азербайджан	58	18	15	9
Молдавия	53	25	16	6
Таджикистан	35	25	32	8
Киргизия	25	28	39	8
Узбекистан	20	28	46	7

Источник: Петрова Н. Кто теперь едет работать в Россию // Коммерсант, 12.08.2017 (данные НИУ ВШЭ).

Если среди прибывших из Армении, Грузии, Украины, Казахстана в 2017 г. более 60% опрошенных планируют связать свою дальнейшую жизнь с Россией на постоянной основе, то среди представителей Узбекистана и Киргизии так собираются действовать только 20–24%. . Большинство же мигрантов из республик Средней Азии приезжают с установкой на заработки и временное проживание⁶¹⁶. . Эти настроения подтверждаются статистическими данными о реальном поведении (табл. 11.1)⁶¹⁷.

Таблица 11.3. Использование мигрантами русского языка как основного, 2017 г., %

Страна происхождения	На работе	Дома	С друзьями
Азербайджан	65	22	22
Армения	73	17	25
Грузия	65	23	35
Казахстан	91	75	80
Киргизия	60	10	13
Молдавия	83	40	45
Таджикистан	63	9	13
Узбекистан	54	11	14
Украина	96	82	87

Источник: Петрова Н. Указ. соч.

⁶¹⁴ Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: Занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика, 2017, № 6.

⁶¹⁵ Мукомель В. Политика интеграции мигрантов в России ...

⁶¹⁶ Коммерсант, 12.08.2017; Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда ...

⁶¹⁷ Население России, 2015 год. Москва, 2017, с. 295.

Данные табл. 11.3 демонстрируют уровень использования русского языка мигрантами из стран СНГ. Больше всего обращаются к русскому языку представители Украины, Молдавии, Казахстана. Во многом это связано с тем, что многие приезжающие из этих стран являются этническими русскими. Наименьшей популярностью русский язык пользуется в Узбекистане: половина мигрантов из этой страны предпочитают говорить на родном языке даже на работе. Знание языка прямо коррелирует с уровнем миграционного прироста и желанием остаться жить в России.

На постоянное жительство в России в большей мере нацелены мигранты, прибывающие из Украины и Казахстана, значительная часть которых (80% и более), согласно данным 2017 г., даже дома разговаривают по-русски. Представители Узбекистана и Таджикистана на это обстоятельство указывали существенно реже: только 12–13% опрошенных предпочитали русский язык для общения в семье⁶¹⁸. Инокультурные мигранты из Центральной Азии, которые плохо владеют русским языком, приезжают в Россию в большинстве своем на заработки с временным проживанием, и у них нет установки на укоренение в России.

11.2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МИГРАНТОВ

Что такое трудовая миграция? Согласно международным определениям, это – “перемещения индивидов из одной страны в другую или внутри одной страны с целью получения занятости”⁶¹⁹. Российская интерпретация – несколько иная. В ней трудовая миграция отождествляется с временной и определяется как “временная миграция с целью трудоустройства и выполнения работ (оказания услуг)”⁶²⁰.

Трудовые мигранты различаются по целям приезда. К примеру, что касается российского варианта, то часть приезжающих настроены осесть в России и соответственно действуют в этом направлении (зная русский язык, находят друзей, работу, общаются с местным населением и т.п.). При этом многие приезжают только ради заработков, на конкретный фронт работ, и эти люди не связывают свою жизнь с новой страной и не намерены включаться в жизнь общества.

Постоянно проживающие и временные трудовые мигранты по-разному встраиваются в социально-экономическую жизнь принимающей страны. Общепринятых измерителей интеграции мигрантов нет. В странах ОЭСР сравнивают позиции постоянно проживающих мигрантов (тех, кто родился в другой стране и живут в данной стране больше года) с позициями местного населения⁶²¹. Используя данные Европейского социального обследования (*European Social Survey*

⁶¹⁸ Коммерсант, 12.08.2017.

⁶¹⁹ Glossary on Migration No. 25. Geneva, IOM, 2011, p. 58.

⁶²⁰ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) статья 5. В новом варианте Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, утвержденной 31 октября 2018 г., раздел о терминах снят, понятие временной миграции отсутствует.

⁶²¹ По данным обследования *ESS*, среди тех, кто родился в другой стране, есть те, кто имеет гражданство принимающей страны, и те, кто не имеет.

– ESS)⁶²², мы можем посмотреть на относительные позиции постоянно проживающих мигрантов в России и в ряде европейских стран⁶²³.

Данные ESS позволяют оценить социально-экономическое положение мигрантов по ряду параметров. В какой мере они чаще сталкиваются с безработицей, неквалифицированным трудом, временной занятостью?

Таблица 11.4. Характеристики занятости мигрантов и коренного населения, в среднем за 2008-2016 гг., %

	Россия	Франция	Германия	Швеция
<i>Доля безработных среди родившихся в другой стране</i>	5.8	9.8	7.5	6.1
<i>в данной стране</i>	4.2	5.8	3.9	3.2
<i>Доля безработных с третичным образованием среди родившихся в другой стране</i>	4.6	9.8	4.1	4.9
<i>данной стране</i>	3.5	4.8	2.1	2.3
<i>Доля имеющих опыт безработицы среди родившихся в другой стране</i>	26	46	38	37
<i>данной стране</i>	23	36	28	24
<i>Доля занятых неквалифицированным трудом среди родившихся в другой стране</i>	10	17	10	13
<i>данной стране</i>	6	9	5	5
<i>Доля занятых на временных контрактах среди родившихся в другой стране</i>	12	17	16	16
<i>данной стране</i>	10	13	13	14

Рассчитано по: European Social Survey 2008–2016.

В табл. 11.4 приведены характеристики занятости мигрантов относительно коренного населения в России, Франции, Германии и Швеции. При этом надо иметь в виду, что в России в группу выделенных таким образом мигрантов попадают и русскоязычные граждане бывших советских республик, навсегда переехавшие в Россию и получившие российское гражданство.

Во всех выбранных странах прослеживается одинаковая ситуация: среди тех, кто родился в другой стране, выше уровень безработицы, доли неквалифицированного труда и временной занятости. Согласно табл. 4, в России положение таких мигрантов отличается от положения коренного населения в меньшей степени, чем в других европейских странах, обладающих большим опытом интеграции и более последовательно проводивших соответствующую политику.

⁶²² European Social Survey (ESS) (www.europeansocialsurvey.org). Для увеличения выборки мигрантов в единый файл были объединены пять волн обследования (2008, 2010, 2012, 2014, 2016). По России объединенная выборка составила 9448 человек, из них 571 – мигранты.

⁶²³ Для сравнения взяты Франция, Германия и Швеция, так как Франция и Германия имеют большой опыт интеграции мигрантов, а население Швеции отличается наибольшей толерантностью по отношению к мигрантам.

Свидетельства худшего социально-экономического положения мигрантов относительно местных жителей предоставляет и Евростат. Согласно ему, во всех странах Евросоюза у мигрантов извне более низкий доход и худшие условия проживания, чем у коренного населения, что увеличивает риски для вновь прибывших оказаться за чертой бедности⁶²⁴. Исследователи отмечают, что мигранты зачастую заняты на неквалифицированных рабочих местах, требующих существенно более низкого образования, чем они имеют⁶²⁵.

Похожую ситуацию мы наблюдаем и в нашей стране вокруг трудовых мигрантов. Согласно социологическим опросам 2011 и 2017 гг., мигранты по сравнению с местными работниками работают большее количество часов, в менее приемлемых условиях и получают более низкую зарплату⁶²⁶.

Особенность России заключается в том, что здесь фиксируется значительная доля временных трудовых мигрантов: примерно 40% мигрантов (в среднем 4 млн в год) прибывают в страну с целью «работать по найму» (эту цель указывают при пересечении границы в миграционной карте)⁶²⁷. При этом право на работу оформляют далеко не все прибывающие: в 2016 г. примерно две трети въехавших иностранных работников получили законное право на работу⁶²⁸. Социологические опросы подтверждают тот факт, что значительная часть мигрантов не имеют законных оснований для трудовой деятельности в России. Особенно ярко это проявляется среди занятых физических лиц в сфере услуг, где каждый второй иностранец занят без разрешительных документов⁶²⁹, без регистрации, находясь в полной зависимости от работодателей – хозяев жилья.

С одной стороны, здесь очевидна правовая незащищенность труда иностранных работников, но, с другой, мигрантам зачастую материально выгодно работать именно нелегально, так как оформление разрешительных документов требует денежных средств и времени, а оставаться в России надолго они не планируют⁶³⁰.

Данные социологических опросов свидетельствуют, что почти треть мигрантов (32.2%) заняты неквалифицированным трудом, причем многие из них имеют неполное высшее и высшее образование. Образование и квалификация приезжих оказываются по большей части не востребованными, а трудовая мобильность носит нисходящий характер⁶³¹.

Добавим, что зачастую приезжие работники живут в крайне неудобных условиях, по десять и более человек в комнате, ночуют по месту работы в офисах, больницах, школах и т.п.⁶³²

Наряду с явно дискриминационными причинами здесь присутствует и добровольное согласие иностранных работников на подобный характер и условия труда⁶³³. Учитывая, что хорошее жилье и восьмичасовой рабочий день представляют собой вычет из их потенциальных доходов, они «заинтересованы» в

⁶²⁴ Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation. Eurostat. European Union, 2011, pp. 21, 60.

⁶²⁵ Ibid., pp. 105-107.

⁶²⁶ Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда ...; Денисенко М., Чернина Е. Указ. соч.

⁶²⁷ 2016: Социально-экономическое положение населения ... с. 47.

⁶²⁸ Там же.

⁶²⁹ Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда ... с. 73.

⁶³⁰ Там же.

⁶³¹ Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда ... сс. 73-77.

⁶³² Demintseva E. Op. cit.; Мукомель В. Политика интеграции мигрантов в России ...

⁶³³ Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда ...

такого рода лишениях. Большинство из них не хотят жить в России постоянно, и соответственно они не ищут путей интеграции в общество.

Таким образом, можно выделить две группы мигрантов. Одна группа включает инокультурных иностранных работников, которые нацелены на зарабатывание денег и временное проживание в России и не настроены встраиваться в жизнь общества. Другая группа, в большинстве своем владеющая русским языком и схожим культурным кодом (хотя здесь присутствуют представители всех стран СНГ), имеет намерения получить российское гражданство, остаться в стране и прикладывает к этому усилия. Первая группа доминирует, и процесс интеграции для нее не актуален. При этом большая часть желающих укорениться в нашей стране не нуждаются в особой культурной адаптации. Соответственно, вопросы интеграции касаются очень небольшого контингента инокультурных мигрантов, которые хотят получить гражданство и жить в России на постоянной основе. Именно эти иностранные рабочие могут теоретически нуждаться в помощи и поддержке принимающего общества и государства.

11.3. ВОСПРИЯТИЕ МИГРАНТОВ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

Данные Европейского социального обследования позволяют измерить настроения местного населения относительно приезда в их страну иностранных мигрантов. Табл. 11.5 показывает, насколько холоднее население России воспринимает приезд иностранных гостей в сравнении с гражданами Франции, Германии, Швеции. Одновременно таблица выявляет отношение коренных жителей к мигрантам как той же этнокультурной группы, так и к инокультурным гостям, то есть представителям другой цивилизации.

Таблица 11.5. Отношение местного населения к иммигрантам. Доля респондентов, избравших соответствующий ответ на поставленные вопросы, %

	Можно ли позволить жить в стране приезжим							
	той же этнической группы?				другой этнической группы?			
	многим	некоторым	единицам	никому	многим	некоторым	единицам	никому
Россия	23	33	30	14	8	25	38	23
Франция	21	56	15	6	14	49	24	10
Германия	44	47	8	1	23	49	23	3
Швеция	39	52	6	0.4	37	51	9	0.8

Источник: European Social Survey 2016.

Можно сделать несколько наблюдений. Прежде всего, жители России в меньшей степени, чем Франции, Германии и Швеции, настроены в принципе на прием мигрантов любой национальности. К примеру, 46% (28 и 18%) опрошенных россиян считают, что в основном (за редким исключением) не следует позволять людям той же культуры переезжать жить в их страну, тогда как в Германии такую позицию занимает менее 10% населения, а в Швеции лишь чуть больше 6%. Категорически закрыть границы для представителей другого этноса хотели бы 23% россиян, допустить единичные случаи въезда готовы 38%. Аналогичные цифры по нашим референтным странам гораздо меньше. Во Франции такого мнения придерживаются 11 и 24%, в Германии – 4 и 24, а в Швеции – 1 и 9% соответственно.

Кроме того, во всех четырех странах население более лояльно настроено к лицам доминирующим в их стране расы и национальности/этноса и в меньшей

степени готовы жить рядом с представителями этнических меньшинств. При этом Швеция пока открыта одинаково для всех⁶³⁴. Эти факты подтверждают данные различных обследований⁶³⁵.

Разница между Россией и развитыми европейскими странами, имеющими опыт приема мигрантов, в толерантности к пришельцам из других государств не подлежит сомнению. Россияне очень негативно настроены по отношению к «чужим», что в реальности не способствует приживаемости иностранных гостей. К примеру, очень опасный лозунг «Россия для русских!», по опросам социологов, устойчиво поддерживается большинством респондентов из коренного населения с начала 2000-х годов. Если в 1998 г. этот лозунг в той или иной мере поддерживали 43% респондентов, в 2000 г. – 49, то в последующие годы его поддержка не опускалась ниже 52%⁶³⁶. И это при том, что Россия является многонациональной и многоконфессиональной страной.

Подобные настроения и антииммигрантский дискурс в нашем обществе питаются различными однобокими или утрированными суждениями, среди которых – завышенные оценки масштабов миграции, акцентирование инородности культуры приезжих, обвинения в конкуренции на рынке труда с местными жителями, неуплате налогов и неправомерном получении социальных пособий, распространении заразных болезней, росте преступности. Сюда же добавляют нелегальную миграцию, торговлю наркотиками и людьми, терроризм. При этом не делается различий между внутренними и внешними мигрантами.

Нередко антииммигрантские настроения усиливаются под воздействием некоторых СМИ, которые привлекают повышенное внимание к негативным сторонам миграции. Многие исследования особо подчеркивают роль СМИ в формировании образа мигранта как чужака с недобрыми намерениями, представляющего угрозу. В частности, в Великобритании, Португалии проводились специальные опросы населения по поводу того, какие термины используют медиа в отношении мигрантов. Оказалось, что мигрантов очень часто представляют как «чужих», «нежелательных гостей», «правонарушителей» и т.п., что не способствует их позитивному восприятию⁶³⁷. Российские социологи также отмечают негативную тональность в освещении мигрантов средствами массовой информации⁶³⁸.

⁶³⁴ Вместе с тем неизбежна важная оговорка. Рост поддержки населением этих стран антииммигрантских партий свидетельствует о возможных изменениях в отношении к переселенцам.

⁶³⁵ Public opinion in the European Union. Standard Eurobarometer 84. Autumn 2015. Survey conducted by TNS opinion & social at the request of the European Commission; Transatlantic Trends, 2014 Transatlantic Trends. Topline Data 2014. GMF, 2014, pp. 71–72 (http://trends.gmfus.org/files/2012/09/Trends_2014_ToplineData.pdf).

⁶³⁶ Общественное мнение – 2016. Ежегодник. Москва, Левада-Центр, 2017, с. 190.

⁶³⁷ Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Reassessing the Link between Public Perception and Migration Policy // *European Journal of Migration and Law*, 2007, no. 4, pp. 389-418; Katwala S., Somerville W. Engaging the Anxious Middle of Immigration Reform. Evidence from the UK Debate. Report. Transatlantic Council on Migration. Migration Policy Institute. May 2016 (<http://lawprofessors.typepad.com/immigration/2016/05/engaging-the-anxious-middle-on-immigration-reform-evidence-from-the-uk-debate.html>); Fitzgerald J., Curtis K.A., Corliss S.L. Anxious Publics: Worries about Crime and Immigration // *Comparative Political Studies*, 2012, no. 4, pp. 477-506; Public Opinions and Immigration: Individual Attitudes, Interest Groups and the Media // *International Migration Outlook*, part III, OECD, 2010, pp. 115-156 (<http://www.oecd.org/els/mig/48328734.pdf>).

⁶³⁸ Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управления рисками ксенофобии в обществе риска. Москва, 2011, сс. 280-290; Черныш М.Ф., отв. ред.

Ксенофобия россиян как на бытовом уровне, так и в СМИ во многом подпитывается государством. Средства массовой информации реагируют на противоречивые сигналы, посылаемые властью, обостряя или смягчая антиимигрантскую риторику. Некоторые исследователи справедливо полагают, что «отношение граждан во многом формируется самой властью. А ее отношение к мигрантам чаще привязано к сегодняшней или завтрашней ситуации на рынке труда, которая может диктовать больший или меньший спрос на гастарбайтеров или другие категории экономических мигрантов»⁶³⁹.

С одной стороны, правительство признает, что в ближайшие годы Россия ежегодно будет терять 800 тыс. граждан трудоспособного возраста. И делает вывод: «привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития»⁶⁴⁰. С другой стороны, на фоне этой информации принимается решение о сокращении квот для мигрантов на временное проживание. С 2013 по 2016 г. из России было выслано «400 тыс. человек, а 1.6 млн надолго запрещен въезд в страну»⁶⁴¹.

Негативные оценки миграционной ситуации звучат с самых высоких трибун. Акценты на то, что «преступность среди граждан, которые пребывают из ближнего зарубежья, год от года растет ... Органам МВД нужно держать этот вопрос под постоянным контролем»⁶⁴², свидетельствуют о настороженном отношении власти к мигрантам, невзирая на то, что данные о росте преступности зачастую преувеличены⁶⁴³.

Антиимигрантские, ксенофобские настроения демонстрируют и некоторые политики. Они, к примеру, заявляют, что «разросшееся невиданными темпами за какие-то полтора десятилетия сообщество мигрантов, плохо адаптированных к традиционному укладу жизни, часто живущих далеко за пределами элементарных социальных стандартов и являющихся питательной средой для криминала, – непосредственный путь к крупным конфликтам в обществе»⁶⁴⁴. Высказываются мнения, что если удельный вес мигрантов в населении страны будет слишком большим (более 10%), это может разрушить конституционные основы государства, нарушить общественную стабильность и безопасность⁶⁴⁵.

Постоянные полицейские проверки, введение квот, сокращение введенных квот, слабо ассоциируется с понятием российского гостеприимства. «У нас, – как отмечает видный отечественный демограф А. Вишневский, – нет четко артикулированного отношения к миграции, имеются только не очень внятные и постоянно меняющиеся тактические соображения»⁶⁴⁶.

Создается впечатление, что власть не может определиться, чем являются мигранты для нашей страны: благом или угрозой. Ксенофобские настроения

Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации. Москва, 2015.

⁶³⁹ Фаляхов Р. Маткапитал не спасет: почему России нужны мигранты // Газета.ру, 09.01.2018.

⁶⁴⁰ Концепция государственной миграционной политики ..., статья 7.

⁶⁴¹ Желенин А. Мигранты вновь востребованы в России (<http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/09/26/1648884.html>).

⁶⁴² Медведев Д.А.. Вступительное слово на расширенном заседании коллегии МВД, 6 февраля 2009 г. (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/3075>).

⁶⁴³ Толерантность как фактор противодействия ксенофобии ... с. 272.

⁶⁴⁴ Милов В. Либерал-национализм против фашизма // Газета.ру, 20.12.2010.

⁶⁴⁵ Независимая газета, 02.06.2009.

⁶⁴⁶ Фаляхов Р. Указ. соч.

населения, не артикулированная позиция власти не способствуют желанию иностранных работников остаться жить в нашей стране.

11.4. ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ

При наличии планов длительного или постоянного пребывания в новой стране вновь прибывающие в нее иностранные работники должны находить свое место в новом обществе, встраиваться в социальную жизнь. Все понимают, что это легко на словах, а в реальности на этом пути возникают немалые проблемы как для приезжих, так и для различных учреждений, в которые им надлежит обращаться. Именно поэтому так популярны обсуждения вопроса об интеграции мигрантов. В то же время в научных дискуссиях нет четкого и единого понимания, что такое интеграция, нет критериев интегрированности, и соответственно трудно дать определение или очертить границы политики интеграции. Более того, ряд исследователей, ссылаясь на примеры в различных странах, призывают к осторожности в интеграционном подходе, так как в каких-то своих аспектах политика интеграции может иметь непредсказуемые последствия. Так, в частности, дискурсный акцент на необходимости политики интеграции инокультурных мигрантов может способствовать усилению этнической разобщенности в обществе, если педалируется проблема их культурной инаковости⁶⁴⁷.

Процесс вхождения в общественную жизнь должен проходить при желании и активном участии самого мигранта. Далеко не все мигранты хотят остаться в стране-реципиенте навсегда. Если индивид приехал лишь за временным заработком, ему нужна одна политика интеграции, а если на постоянное жительство – то совсем другая. Исследователи обращают внимание на то, что интеграция нередко представляет собой непреднамеренный результат действий самих мигрантов. Многие индивиды, находят свое место и остаются жить в новых странах, не ставя перед собой таких задач, приезжая на время⁶⁴⁸. Это означает, что управлять интеграцией достаточно сложно, если вообще возможно. Но получается, что разнообразие мигрантов требует разнообразия политик, что не делает проблему проще. Встраивание в социальную жизнь общества вновь прибывших является деликатным и тонким вопросом, и излишняя активность по насильственной интеграции прибывших извне лиц может создать дополнительные проблемы или дать результат, обратный тому, что хотели достичь⁶⁴⁹.

В России эта проблема усугубляется тем, что, с одной стороны, нет четко выраженного отношения власти к тому, нужны ли мигранты нашей стране, но есть четко обозначенные ксенофобские настроения в некоторых слоях местного населения. С другой стороны, значительная часть мигрантов приезжают исключительно ради заработков (то есть доминируют временные трудовые мигранты), и у них нет намерений остаться здесь и интегрироваться, а те, кто потенциально готов встраиваться в российскую действительность, имеют схожий культурный код с россиянами и органично становятся компонентом принимающего общества. Анализируя процессы интеграции и вырабатывая миграционную политику, необходимо учитывать интересы обеих групп.

Все соответствующие европейские и российские документы подчеркивают важность доброжелательности принимающей стороны, создания необходимых условий для интегрирования вновь прибывших. Реально эти условия могут

⁶⁴⁷ Малахов В. Указ. соч.

⁶⁴⁸ Там же; Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration // International Migration Review, 1997, no. 4.

⁶⁴⁹ Малахов В. Указ. соч., с. 50.

обеспечиваться, если власти на всех уровнях (федеральном, региональном, местном) осознают необходимость миграционного притока и, соответственно, настроены принять иностранных гостей и помочь обустроиться тем, кто в этом нуждается. Важность «координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере миграции»⁶⁵⁰ особо подчеркивает новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., утвержденная 31 октября 2018 г.

Зачастую встраивание происходит индивидуально в каждом конкретном случае и отчасти самоорганизовано, в зависимости от уровня образования, от профессии, от возраста, от населенного пункта, откуда прибыл индивид, от цели приезда. Как справедливо замечает В. Малахов, «абсолютно неинтегрированных мигрантов не существует... С момента, когда индивид попадает на территорию той или иной страны, он уже в некотором отношении интегрирован – в экономическую цепочку, в круг родственников и знакомых, в "этническую сеть" или землячество, в систему социальной поддержки со стороны государства... и т.п.»⁶⁵¹. Иностранцы приезжают в ту или иную страну или на конкретную работу, или к родственникам и знакомым. Здесь, однако, возникает вопрос, куда конкретно интегрируются вновь прибывшие? И тут важен уточняющий вопрос: в социальную жизнь принимающей страны или в этническую сеть и жизнь своей диаспоры? Исследователи отмечают неоднозначную роль диаспоры в процессе встраивания мигрантов в принимающее общество. Нередко вновь прибывшие получают все, что нужно в диаспоре, и у них нет потребности в общении вне нее. В этом случае пребывание в диаспоре может стать барьером для интеграции. В то же время диаспора может способствовать поиску возможностей влиться своим согражданам в окружающую жизнь, смягчая процесс адаптации к новой жизни⁶⁵².

Но если это так, какие целенаправленные меры нужны со стороны принимающей страны? Крайне важно помочь иностранным мигрантам адаптироваться к местной среде.

Опыт европейских стран свидетельствует о полезности создания консультативных центров, помощи принимающей страны в изучении языка, предоставлении работы и т.п.⁶⁵³ Соответственно и России нужна инфраструктура, помогающая встраиванию иностранцев в общество⁶⁵⁴. К сожалению, пока обсуждение вопросов адаптации мигрантов ведется на уровне пилотных проектов, эффективность которых сомнительна⁶⁵⁵. В частности, опыт такого проекта в Тамбовской области выявил серьезные проблемы, связанные с насильственным расселением мигрантов в специальных адаптационных центрах. Чиновники обязывали работодателей размещать иностранных работников в таких центрах, однако последние отказывались там жить⁶⁵⁶. Формальный несогласованный подход приводит не к решению, а, напротив, к обострению проблемы. Изоляция мигрантов

⁶⁵⁰ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утв. Президентом РФ от 31 октября 2018 г.), статья 20г.

⁶⁵¹ Малахов В. Указ. соч., с. 38.

⁶⁵² Толерантность как фактор противодействия ксенофобии ... сс. 290-296.

⁶⁵³ Там же, сс. 280-290.

⁶⁵⁴ Деминцева Е. Иммигрантские сообщества: опыт Франции // Россия в глобальной политике, 2006, № 5 (http://globalaffairs.ru/number/n_7418).

⁶⁵⁵ Концепция государственной миграционной политики на период до 2025 года: заявленные планы и реальная жизнь. Комитет гражданских инициатив. Москва, 2015 (<http://migrant.ru/wp-content/uploads/2015/06/Концепция-миграционной-политики-до-2025.pdf>).

⁶⁵⁶ Там же, с. 10.

от принимающего общества не способствует их приживаемости. Необходимо понимать, в какой помощи нуждается та или иная категория мигрантов, и ее предоставлять, а не применять репрессивные меры. И здесь должны быть согласованность и слаженность действий всех заинтересованных сторон: федеральной, региональной и местной власти, работодателей, местного населения и, конечно, самих мигрантов. И только в этом случае можно достичь успеха. И если на начальном этапе для полноценной адаптации иностранцев нужны эффективные образовательные программы, причем как в России, так и в странах исхода, то в дальнейшем на повестке дня встает вопрос включенности переселенцев в жизнь общества наравне с местным населением.

Особенно это важно для второго поколения, для детей мигрантов, которые должны становиться полноправными членами общества не только по документам, но и по собственным ощущениям, по предоставляемым государством социальным гарантиям. Если их родители сохраняют связи, хотя бы на уровне памяти, со странами исхода, то дети зачастую эти связи теряют. Крайне опасны ситуации, когда второе поколение не приобретает новой родины, теряя старую, вырастает маргиналами, не получая хорошего образования и работы, в среде, постоянно напоминающей им о том, что они «чужие». Как показывает мировой опыт, зачастую именно дети мигрантов не могут найти достойного места в обществе принимающих стран и, оказываясь на обочине жизни, без перспектив, выступают зачинщиками общественных волнений и беспорядков, а также пособниками террористов

Политика интеграции в странах Европы в последнее время во многом связана с преодолением ксенофобии и расизма в обществе и направлена на те сферы жизни (культура, средства массовой информации и т.п.), которые могут содействовать толерантности. Россия также нуждается в таких программах⁶⁵⁷.

Определенный опыт у нас уже есть. Появляются программы и проекты, призванные благоприятствовать социальной интеграции, которые «подразумевают установление доброжелательных и взаимовыгодных связей между представителями принимающего общества и мигрантами»⁶⁵⁸. Это – «живые библиотеки», кулинарные мастер-классы, которые помогают лучше понять культурные традиции различных народов и принимающего общества. Становится популярной и организация интеркультурных футбольных матчей с этнически смешанными командами⁶⁵⁹.

Конечно, такие интеграционные практики могут быть организованы только на местном уровне и глобально не решают проблемы встраивания мигрантов в общество принимающей страны. Возможно, они затрагивают очень небольшое количество мигрантов и местных жителей. Однако такие практики способствуют установлению контактов с местным населением, пониманию общности интересов, а тем самым взаимной толерантности. Это те капли, которые точат камень взаимного недоверия. Особенно это важно для детей мигрантов, которые в идеале должны вырасти вместе с детьми местного населения и иметь те же интересы, проблемы, возможности, доступ к образованию и профессиональному становлению.

* * *

Для России крайне важно определиться с тем, нужны ли ей мигранты. Это ключевой вопрос. Учитывая, что, согласно прогнозам, к 2030 г. численность

⁶⁵⁷ Деминцева Е., Мкртчян Н., Флоринская Ю. Указ. соч.

⁶⁵⁸ Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования, 2017, № 5, с. 111.

⁶⁵⁹ Там же.

трудоспособного населения в возрасте до 40 лет сократится на четверть⁶⁶⁰, а роботизация вряд ли у нас станет массовой в ближайшее время, скорее всего, экономика будет остро нуждаться в дополнительных рабочих руках. Если это – возможно, судьбоносное – обстоятельство будет осознано в верхах, средства массовой информации уловят сигналы и изменят тональность, что почувствует и население. Изменение отношения общества к иностранным гостям необходимо не только мигрантам, но также и самому обществу, так как ксенофобия рождает озлобленность и насилие, которые разрушают жизнь и местного населения. Если придет понимание необходимости притока мигрантов в нашу страну, то первоочередной задачей будет привлечение желающих жить в России, а этому способствует толерантность. Пока же в нашей стране наметилась тенденция снижения миграционного притока.

Новая Концепция миграционной политики, утвержденная в октябре 2018 г., направлена на совершенствование механизмов, способствующих «добровольному переселению в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество». Она также призывает к «обеспечению простоты, прозрачности процедур и понятности условий: въезда в Российскую Федерацию, включая оформление виз; получения права на пребывание (проживание) в Российской Федерации, в том числе в целях осуществления трудовой деятельности; приобретения гражданства Российской Федерации»⁶⁶¹. Вопрос заключается в том, как все это будет и будет ли реализовано на деле.

Что касается непосредственно интеграции иностранных граждан, то межстрановые исследования показывают, что независимо от интеграционной политики их социально-экономические позиции относительно коренного населения во всех странах являются примерно одинаковыми. Видимо, интеграционные процессы идут везде по своим законам и связаны в первую очередь с желанием вновь прибывших найти свое место в новой стране, с качеством их человеческого капитала, с готовностью принять нормы и обычаи новых соседей и, конечно же, с отношением принимающей страны.

⁶⁶⁰ Gimpelson V., Kapeliushnikov R. Age and Education in the Russian Labour Market Equation // IZA DP, 2017, no. 11126, p. 7.

⁶⁶¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утв. Президентом РФ от 31 октября 2018 г.), статьи 21а и 22а.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в рамках подготовки данной монографии исследование позволяет сделать следующие выводы и оценки.

Трансграничные передвижения в страны глобального Севера, сохраняя свою массовость, переживают многоплановые трансформации, которые необходимо учитывать в интеграционной политике. Усиливается нестабильность динамики людских потоков, что проявляется, с одной стороны, в возникновении гигантской волны стихийной миграции беженцев с исламского Востока в Европу, а с другой – в перспективном замедлении роста численности приезжих в развитых регионах и повышенной значимости умножения когорт их потомков в укрупнении соответствующих диаспор. Кроме того, расширение циркуляционных перемещений, в первую очередь в рамках ЕС, способствует повышению текучести, переменчивости миграции и распространению паттернов непостоянного поселения. Нарастает этнокультурное разнообразие населения. В силу подобной мозаичности состава приезжие наделяют принимающие социумы особыми ресурсами народнохозяйственного развития. В то же время чрезмерные этнокультурные различия чреваты рисками обострения социально-политических противоречий и разломов многосоставных социумов.

В условиях кризиса беженства иммиграция стала одной из главных проблем ЕС. Массовые инокультурные стихийные потоки в Европу в большой мере ответственны за произошедшие там рост терроризма и преступности, радикализацию политических ориентаций, ухудшение и повышение конфликтности отношений между представителями разных культур и религий, нарастание разногласий, связанных с иммиграцией, среди коренных жителей и др.

В то же время, как свидетельствуют данные Евробарометра, отмеченное в середине 10-х годов обострение этнокультурных антагонизмов, вероятно, носит преходящий характер, и основания для позитивного межэтнического взаимодействия сохраняются. Подавляющее большинство населения в государствах ЕС считает, что у жителей их страны есть много общего; основная масса респондентов в обследованных европейских городах и их пригородах позитивно относятся к присутствию там иностранцев.

На отношение европейцев к иммигрантам не оказывает принципиального влияния нехристианский бэкграунд последних. Для местного населения наиболее важны такие качества мигрантов, как их готовность и желание принимать правила и устои новой среды обитания, адаптироваться к местной жизни и не демонстрировать отчуждение собственной культуры. Этот факт говорит о возможности ослабления этнической, конфессиональной и т.п. окрашенности социальных отношений между местными и приезжими жителями. Он указывает на повышение значимости в таком взаимодействии интеграционного потенциала как самих мигрантов (включая знание языка страны проживания, хорошее образование и нужную профессию), так и их социального окружения. Так, наличие у приезжих работников качественного человеческого капитала повышает толерантность к ним коренных жителей. Однако менее образованные и менее обеспеченные из них, имеющие слабые позиции на рынке труда, смотрят на приезжих сквозь призму конкуренции за экономические ресурсы.

Позитивные установки местного населения в отношении мигрантов во многом связаны с налаживанием с ними контактов, без которых немыслимы взаимные обучение, адаптация и, главное, поддержание доверия. Однако при условии, что численность инокультурных жителей ограничена. Относительно небольшие представительства этнических меньшинств оказывают значимо понижающий

эффект на восприятие угрозы, усматриваемой в мигрантах, тогда как их отсутствие или большое скопление усиливает тревогу. То есть порог перехода от позитивного воздействия численности мигрантов на состояние межкультурных отношений к негативному довольно низок, что особенно актуализирует социальные риски разрастания мусульманских анклавов. Однако на территориях, экономически и социально благополучных, протестантских и более толерантных к «чужакам» в силу культурно-исторических особенностей развития, такой порог может быть выше, что необходимо учитывать при планировании расселения мигрантов.

Существенную роль играет степень закрытости и гомогенности культуры принимающей страны, что выражается в том, насколько жестки требования местного населения по соблюдению приезжими местных традиций, по принятию ими сложившихся там стиля и образа жизни. Важен и уровень межличностного доверия в обществе. Экономически развитые страны с доминирующими ценностями открытости к внешнему миру и высоким уровнем межличностного доверия более толерантны к мигрантам, чем страны, жители которых меньше доверяют друг другу и чаще видят в мигрантах потенциальную угрозу.

Сложность интеграции представителей незападных этносов и цивилизаций проистекает из существующей взаимосвязи между устойчивостью инокультурной составляющей их идентичности, с одной стороны, и их социально-экономической и политической маргинализацией и территориальной сегрегацией – с другой.

Неспособность европейских принимающих государств дать эффективный ответ на вызовы инокультурной иммиграции, на создаваемые ею риски, равно как и действительно использовать открывающиеся новые возможности для своего развития, обусловлена в большой мере кризисом интеграционной политики. Политика мультикультурализма привела к нарастанию культурной обособленности и замкнутости «параллельных миров» пришлых и коренных этносов, усилению этнического и конфессионального коммуитаризма. Принудительная гражданская интеграция этнических меньшинств и ограничение культурно-религиозных прав в рамках ассимиляционного подхода также обернулись возрастающей территориальной сегрегацией инокультурного населения в этнических анклавах, маргинализацией мигрантов второго-третьего поколений и углублением разобщения в социуме. О пробуксовке мер по включению мусульманских мигрантов в жизнь европейских обществ в рамках обеих моделей убедительно свидетельствует происходящий в этих странах рост ксенофобии, расизма, социальной конфликтности на межэтнической и межконфессиональной почве, экстремизма и др. Ярким проявлением нарастания антииммигрантских настроений в российском обществе стали события в московском Бирюлево в 2013 г.

Принимающие государства ведут поиски альтернативных, более адекватных моделей управления многосоставными социумами, базирующихся на признании существования в обществе этнических и прочих различий и ориентированных на поиск основ, обеспечивающих сближение лиц разных культур. В рамках омникультурализма и поликультурализма предлагаются новые рецепты улучшения межкультурных отношений, ориентированные в первую очередь на систему образования. Однако следование таким рецептам на практике может дать лишь ограниченный и при этом спорный эффект.

Напротив, интеркультурализм содержит здравые идеи о том, как преодолеть противоречия, обусловленные разнообразием, и преуспеть в построении более сплоченного, политически стабильного и экономически динамичного общества путем налаживания снизу позитивного межкультурного взаимодействия людей исходя из общности их потребностей и интересов. Эта концепция представляет собой попытку

совместить универсальные ценности и культурные особенности и тем самым достичь большей социальной гармонии и солидарности в принимающем социуме.

В отличие от мультикультурализма, ориентированного на макроуровень и групповую идентичность, интеркультурализм заточен на микроуровень и индивидуальную идентичность и сфокусирован на том, чтобы найти методы коммуникации людей, принадлежащих к разным культурам. Если мультикультурализм понимается как запрос на толерантность и социальный протекционизм, то интеркультурализм – как необходимость диалога и преобразований. В то же время интеркультурализм предполагает более длительный и более трудоемкий процесс интеграции, требует более тонкого инструментария настройки, чем мультикультурализм.

Принципы интеркультурализма находят воплощение в практиках межкультурных городов и получают все большее географическое распространение, в том числе и за пределами программы Совета Европы и Еврокомиссии. Достигнут целый ряд позитивных результатов в настройке системы государственного управления и общественных структур на условия сверхразнообразия и налаживании конструктивного межкультурного взаимодействия. Обмен опытом между городами – участниками проекта, систематизация полученной информации и комплексный мониторинг ситуации на местах представляют собой важные шаги на пути к совершенствованию интеркультурного подхода. Это позволяет говорить о наличии потенциала развития такой политики. Однако такие инициативы в рамках европейского проекта пока немногочисленны, носят анклавный характер, реализуются в основном на уровне отдельных городов, районов, организаций гражданского общества и индивидов, а результаты зачастую скромны и бывают непрочными. Поэтому преждевременно говорить об интеркультурном повороте в интеграционной политике, это, скорее, политический эксперимент, но он имеет немалые шансы увенчаться успехом. Учитывая возможности масштабирования межкультурных инициатив, политика, основанная на принципах интеркультурализма, должна пройти проверку на национальном уровне.

Страновые примеры демонстрируют заметное разнообразие миграционных ситуаций, вариантов и механизмов интеграционной политики. В России основные участники (и мигранты, и принимающая страна) не проявляют должного интереса к интеграции: нет ни четко артикулированного отношения власти к тому, нужны ли мигранты нашей стране, ни готовности населения жить бок о бок с инокультурными мигрантами, ни желания большинства мигрантов остаться в нашей стране и интегрироваться. Не случайно В.С. Малахов называет этнокультурное разнообразие, привносимое иммиграцией в современную Россию, оспариваемым: с официальной риторикой многокультурности соседствует явное нежелание смириться с последней. От новоприбывших ожидают или полной культурной конформности, то есть растворения в социокультурном мейнстриме, или выезда из страны⁶⁶².

Для России важно определиться с тем, нужны ли ей мигранты. Если да, то политика интеграции должна быть направлена на конкретную помощь в адаптации иностранцев, желающих жить в нашей стране. Особенно это необходимо второму поколению, детям мигрантов, которые должны становиться полноправными членами общества не только по документам, но и по собственным ощущениям, по предоставляемым государством социальным гарантиям. Крайне опасны ситуации, когда представители этого второго поколения не обретают новую родину, теряя

⁶⁶² Культурная сложность современных наций. Москва, 2016, с. 200.

старую, вырастают маргиналами, не получая хорошего образования и работы, в среде, постоянно напоминающей им о том, что они «чужие».

Кроме того, для преодоления ксенофобии и расизма в обществе необходимы меры, связанные с теми сферами жизни (культура, средства массовой информации и т.п.), которые могут содействовать толерантности. Россия нуждается в таких программах. Толерантность местного населения нужна не только мигрантам, но и самому принимающему обществу, так как ксенофобия рождает озлобленность и насилие, которые разрушают жизнь и «своего» населения.

Как подчеркивается в прогнозе ИМЭМО, вопрос о том, как адекватно организовать этнокультурное разнообразие и обеспечить при его сохранении гражданское единство и согласие в многорелигиозной, многорасовой и многоэтнической нации, будет в ближайшие десятилетия одним из ключевых для общественного развития, и решение данного вопроса приобретает жизненно важный, по сути, экзистенциальный характер⁶⁶³. Интеркультурализм, целый ряд практик которого позитивно зарекомендовал себя на местном уровне, в том числе и в российских условиях, пока не дает четко выверенного ответа на этот вопрос нациестроительства, и, вероятно, подобная модель не самодостаточна. Взаимную подозрительность, неприязнь и враждебность местных жителей и приезжих не преодолеть средствами одной лишь интеграционной политики. Для этого требуется системный подход и последовательность действий государства по широкому кругу направлений его регулирования, а также активное участие гражданского общества. И путь к достижению поставленной цели не обещает быть легким и коротким.

... В нашей монографии уже вспоминался Редьярд Киплинг. И снова он приходит на ум, в частности его знаменитое стихотворение «Бремя белого человека» (1899 г.), расцениваемое до сих пор по-разному, в том числе в зависимости от перевода. Вариант Михаила Фромана рисует миссию европейцев в фаталистическом, но примиряющем духе. Проникновенными слышатся следующие строки поэта (в которых разрядкой нами выделены «ключевые слова»):

*Несите бремя белых / Сумейте все с т е р п е т ь ... / Несите бремя белых / И пусть никто не ждет / Ни лавров, ни награды, / Но знайте, день придет / От равных вам дождетесь Вы мудрого суда, / И равнодушно взвесит / Он п о д в и г ваш тогда*⁶⁶⁴.

⁶⁶³ Мир 2035. Глобальный прогноз. Под ред. Дынкина А.А. ИМЭМО РАН. Москва, 2017, с. 74.

⁶⁶⁴ Киплинг. Разные переводы одного стихотворения (<https://klock.livejournal.com/122502.html>).

ЛИТЕРАТУРА

Акопов С.В. Человек многомерный: транснациональная модель идентификации с макрополитическими сообществами (метатеоретический анализ). Санкт-Петербург, Алетейя, 2015. 296 с.

Алунд А., Шируп К.-У., Неергард А. Осень или весна демократии. Эссе о миграции, социальных движениях и переменах в Швеции / Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности / под ред. В.С. Малахова, М.Е. Симона. Москва, Дело, 2016, сс. 77-115.

Андреева Л.А. Миграционные потоки «южных» христиан из стран Тропической Африки в Европу в начале XXI века: встреча «северного» и «южного» христианства // Контуры глобальных трансформаций, 2018, № 5 (в печати).

Баева Л.В. Современные миграционные процессы в контексте теории гетеротопии // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2016, № 3, сс. 100-106.

Бардин А.Л. Интеграция инокультурных иммигрантов: опыт ФРГ // Полис. Политические исследования, 2017, № 6, сс. 169-177.

Бардин А.Л. Миграционная проблема в германском научном дискурсе // Полис. Политические исследования, 2016, № 6, сс. 183-188.

Бауман З. Текучая современность. Санкт-Петербург, Питер, 2008. 240 с.

«Белая книга» по межкультурному диалогу: «Жить вместе в равном достоинстве». Страсбург, Совет Европы, 2009. 73 с.

Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. Пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. Москва, Логос, 2003. 350 с.

Вайнштейн Г.И. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики // Мировая экономика и международные отношения, 2011, № 4, сс. 3-15.

Вайнштейн Г.И. Инокультурные идентичности и перспективы общественно-политического развития современного Запада / Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. Отв. ред. Семененко И.С., Москва, 2012, сс. 207-231.

Вайнштейн Г.И. Ислам в городском пространстве и в общественном сознании Европы // Мировая экономика и международные отношения, 2013, № 6, сс. 29-37.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования, 2017, № 5, сс. 110-117.

Варшавер Е. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2015, № 5, сс. 183-214.

Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики, 2014, Т. 14 (3), сс. 315-330.

Гоффе Н.В. Италия в зеркале иммиграционных проблем // Мировая экономика и международные отношения, 2017, № 9, сс. 77-88.

Гришин И.В. Экономическая демократия: шведский казус // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 5, сс. 40-52.

Гришин И.В. Иммиграционные заботы Швеции // Мировая экономика и международные отношения, 2017, № 9, сс. 66-76.

Деминцева Е. Иммигрантские сообщества: опыт Франции // Россия в глобальной политике, 2006, № 5 (http://globalaffairs.ru/number/n_7418).

Деминцева Е., Мкртчян Н., Флоринская Ю. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. Москва, Центр стратегических разработок, 2017, 55 с.

Денисенко М., Чернина Е. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики, 2017, № 3, сс. 40-57.

ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран. Под ред. Арбатовой Н.К., Кокеева А.М. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 52 с.

Зонова Т.В. Миграционный аспект глобализации: казус Италии // Научный диалог, 2015, № 1, сс. 130-138.

Ивахнюк И.В. Политика интеграции мигрантов: российский контекст // Миграция XXI век, 2014, № 6-7, сс. 75-84.

Ивахнюк И.В. Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России / Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе? Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 29. МГУ. Москва 2015. С.8-28

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. Семененко И.С. Москва, Изд-во «Весь мир», 2017. 992 с.

Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России // Научно-исследовательский отчет CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI), European University Institute, 2013. 18 с.

Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Международная миграция населения в контексте демографической теории // Уровень жизни населения регионов России, 2014, № 3, сс. 83-91.

Каплан Б. Миф о рациональном избирателе. Москва, 2012. 365 с.

Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.

Комаровский В.В., Веденеева В.Т. Феномен трудовой миграции в изменяющемся мире. Москва, ИМЭМО РАН, 2017. 140 с.

Копылова В. Иммиграционная политика Италии // Современные научные исследования и инновации, 2015, № 11, сс. 927-935.

Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.

Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультимедийный дискурс // Вестник РУДН. Серия: Социология, 2018, № 2, сс. 250-261.

Лапшина Т.В., Константинов В.В. Отношение к мигрантам представителей принимающего сообщества в зависимости от типа проживания мигрантов // Мир науки, 2016, № 4 (<https://mir-nauki.com/PDF/15PSMN416.pdf>).

Леденёва В.Ю. Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов. Москва, 2014. 144 с.

Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. Москва, Изд-во «Мысль», 2015. 272 с.

Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. Москва, Новое литературное обозрение, 2014. 232 с.

Межкультурные города. К модели межкультурной интеграции. Под ред. Ф. Вуда. Б. м., Совет Европы, 2009, 136 с.

Миграционные процессы в развивающихся странах Азии и Африки (основные проблемы, попытки решения). Отв. ред. Рогожин А.А. Москва, ИМЭМО РАН, 2008. 86 с.

Миграционные процессы в странах Азии и Африки - опыт государственного регулирования. Отв. ред. А. А. Рогожин. Москва, ИМЭМО РАН, 2010. 67 с.

Миграционные процессы: социально-экономический аспект (на примере ведущих стран). Отв. ред. Кириченко Э.В., Шкундин М.З. Москва, ИМЭМО РАН, 2007. 170 с.

Мир-2035. Глобальный прогноз / под ред. А.А. Дынкина; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. Москва, Магистр, 2017. 352 с.

Монусова Г.А. Интеграция иммигрантов в России: уравнение со множеством неизвестных // Россия и современный мир, 2018, № 3, сс. 118-137.

Монусова Г.А. Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением // Мировая экономика и международные отношения, 2016, № 11, сс. 58-70

Мукомель В. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. Рабочая тетрадь. Москва, Спецкнига. 2013. 33 с.

Мукомель В. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Фундаментальные аспекты психического здоровья, 2015, № 2, сс. 15-23.

Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: Занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика, 2017, № 6, сс. 69-79.

Некlessа А.И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизация // Полис. Политические исследования, 2015, № 1, сс. 85-110

Никольская Г.К. Государственная иммиграционная политика США. Москва, ИМЭМО РАН, 2015. 115 с.

Новоженова И.С. Национальная идентичность в эру глобализации / Франция в поисках новых путей. Под ред. Рубинского Ю.И., Москва, «Весь мир», 2007, сс. 27-68.

Паин Э.А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму // Вестник Института Кеннана в России, 2011. Вып. 20, сс. 78-80.

Плевако Н., Чернышева О. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. Москва, 2012. 320 с.

Попов М.Е. Роль социокультурной интеграции в урегулировании конфликтов (на примере Северного Кавказа) // Пути к миру и безопасности, 2016, № 1, сс. 83-91.

Преображенская А.А. Французская модель интеграции мигрантов: испытание временем // Человек. Сообщество. Управление, 2017, № 3, сс. 18-37.

Прохоренко И.Л. Возможности пространственного подхода в изучении этнополитической конфликтности // Полис. Политические исследования, 2016, № 6, сс. 127-138.

Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад. Отв. ред. Семенов И.С. Москва, ИМЭМО РАН, 2017. 229 с.

Романова А.П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2015, № 3, сс. 266-271.

Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М. Отношение к иммиграции и субъективное благополучие принимающего населения // Общественные науки и современность, 2014, № 2, сс. 34-44.

Садовая Е.С. Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности // Полис, 2016, № 4, сс. 41-53.

Сакаев В. Политико-демографические аспекты иммиграции в Италии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН, 2016, Т. 16, вып. 1, сс. 112-134.

Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. Санкт-Петербург, Литео, 2017. 335 с.

Семененко И.С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 10, сс. 58-68; №11, сс. 57-71.

Семененко И.С. Нация в современном мире: ракурсы культурного разнообразия // Мировая экономика и международные отношения, 2017, № 8, сс. 117-119.

Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования, 2016, № 4, сс. 8-28.

Семененко И.С. Социокультурная идентичность / Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. Отв. ред. И. С. Семененко. М., РОССПЭН, 2011, сс. 113-115.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы “большой теории” // Полис. Политические исследования, 2016, № 6, сс. 69-94.

Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире. Материалы III Международной научно-практической конференции г. Пенза, 11-12 марта 2016 г. Отв. ред. В. В. Константинов. Пенза, Изд-во ПГУ, 2016. 297 с.

Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации. Отв. ред. Черныш М. Москва, Институт социологии РАН, 2015. 107 с.

2016: Социально-экономическое положение населения – продолжающийся кризис или новая реальность? Отв. ред. Малева Т. Москва, «Дело», 2017. 104 с.

Социальный контекст экономического развития в XXI веке. Отв. ред.: Гонтмахер Е.Ш., Гришин И.В., Цапенко И.П. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 238 с.

Тлостанов М.В. От философии мультикультурализма к философии транскulturации. Учеб. пособие. Москва, РУДН, 2008. 251 с.

Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управления рисками ксенофобии в обществе риска. Москва, Институт социологии РАН, 2011. 608 с.

Федюнин С. Мир после мультикультурализма: научные прорывы и политические тупики // Вестник Института Кеннана в России, 2013, вып. 23, с. 66-76.

Филиппова Е.И. Мультикультурализм мертв? Дискурс и практики мультикультурализма в России и за рубежом / Человек в меняющемся мире. Томск, 2014, сс. 56-57.

Филиппова Е.И., Герен-Пас Ф. Расовые и этнические категории в переписях 2010-х гг. // Этнографическое обозрение, 2015, № 1, с. 5-25.

Фронт сетового общества как пространство политического взаимодействия. Отв. ред. Е.В. Морозова. Краснодар: Перспективы образования, 2017. 272 с.

Хашченко В.А. Психология экономического благополучия. Москва, Институт психологии РАН, 2012. 426 с.

Хлыщева Е.В. Проблемы культурного взаимодействия в условиях мультикультурной гетеротопии // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2015, № 4, с. 260-264

Цапенко И. Интеркультурная парадигма интеграции мигрантов // Вестник российской академии наук, 2017, № 10, сс. 915–926.

- Цапенко И. Субъективное благополучие населения и иммиграция // Мировая экономика и международные отношения, 2015, № 4, сс. 23–36.
- Цапенко И.П. Культурное многообразие и судьбы наций // Полис. Политические исследования, 2018, № 2, сс. 173-183.
- Цапенко И.П. Объективные и воспринимаемые последствия иммиграции // Демоскоп Weekly, 2016, № 675-676 (URL:<http://demoscope.ru/weekly/2016/0675/tema01.php>).
- Цапенко И.П. Управление миграцией: опыт развитых стран. М.: Academia, 2009. 384 с.
- Цапенко И.П. Экономические ресурсы этнокультурного разнообразия // Мировая экономика и международные отношения, 2016, № 11, сс. 58–69.
- Цапенко И.П., Монусова Г.А. Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах // Полис. Политические исследования, 2017, № 4, сс. 90-105.
- Цапенко И.П., Сауткина В.А. Глобальные миграции и экономика здравоохранения // Terra Economicus, 2018, № 1, сс. 84-100.
- Численность и миграция населения Российской Федерации. Москва, Росстат, 2016.
- Эпштейн М.Н. Транскультура и трансценденция / Только уникальное глобально: Личность и Управление. Культура и Образование. Санкт-Петербург, СПбГУКИ, 2007, сс. 90-102.
- Якушенков С.Н., Романова А.П., Баева Л.В., Хлыщёва Е.В., Морозова Е.В., Якушенкова О.С. «Фронтир как эвристическая модель историко-культурного познания». Материалы круглого стола // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2014, № 4, сс. 304-314.
- Якушенкова О.С. Трансгрессия как способ существования в условиях фронтальной гетеротопии // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2013, № 4, сс. 262-267
- A Profile of Immigrant Populations in the 21st Century: Data from OECD Countries. Paris, OECD, 2008. 198 p.
- Akay A., Constant A., Giulietti C. The Impact of Immigration on the Well-Being of Natives // IZA Discussion Paper, 2012, no. 6630. 47 p.
- Alba R. Bright vs. blurred boundaries: Second-generation assimilation and exclusion in France, Germany, and the United States // Ethnic and Racial Studies, 2005, vol. 28, no. 1, pp. 20-49.
- Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration // International Migration Review, 1997, no. 4, pp. 826-874.
- Alesina A., Giuliano P. Family Ties // IZA DP, 2013, no. 7376. 50 p.
- Alesina A., Harnoss J., Rapoport H. Birthplace Diversity and Economic Prosperity// IZA Discussion Paper, 2013, no. 7568. 62 p.
- Allport G.W. The nature of prejudice. New York, 1979. 600 p.
- Aspinall P.J. The Utility and Validity for Public Health of Ethnicity Categorization in the 1991, 2001 and 2011 British Censuses // Public Health, 2011, vol. 125, no. 10, pp. 680-687.
- Ang I. Ethnicities and Our Precarious Future // Ethnicities, 2011, no. 11(1), pp. 27-31.
- Ates S. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können. Ullstein, 2010. 288 S.
- Bade K.J. Prolog. Kulturvielfalt, Kulturangst und Negative Integration in der Einwanderungsgesellschaft. – Migration – Religion – Identität. Aspekte transkultureller Prozesse. K. Kazzazi, A. Treiber, T. Wätzold (eds.). Wiesbaden, 2016, S.1-36.

Bartram D. Economic Migration and Happiness: Comparing Immigrants' and Natives' Happiness Gains from Income // *Social Indicators Research*, 2011, no. 1031, pp. 57-76.

Bauböck R. Why liberal nationalism does not resolve the progressive's trilemma: Comment on Will Kymlicka's article: "Solidarity in Diverse Societies" // *Comparative Migration Studies*, 2016, vol. 4, no. 8 (<https://doi.org/10.1186/s40878-016-0031-1>)

Bauer Th., Haisken-DeNew J., Schmidt Ch. International Labour Migration, Economic Growth and Labour Markets: the Current State of Affairs // *The New Demographic Regime. Population Challenges and Policy Responses*. New York / Geneva, UN, 2005, pp. 111-136.

Belot M., Ederveen S. Cultural barriers in migration between OECD countries // *Journal of Population Economics*, 2012, vol. 25, no. 3, pp. 1077-1105.

Benet-Martinez V. Multiculturalism: Cultural, Social, and Personality Processes / K. Deaux, M. Snyder (eds.). *Oxford handbook of personality and social psychology*. Oxford, Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 623-648.

Bernardo A., Rosenthal L., Levy S. Polyculturalism and attitudes towards people from other countries // *International Journal of Intercultural Relations*, 2013, no. 37, pp. 335-344.

Berry E., Epstein M. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York, St. Martin's Press, 2005. 352 p.

Berry J. Conceptual approaches to acculturation / K. M. Chun, P. B. Organista, & G. Marín (Eds.), *Acculturation: Advances in theory, measurement, and applied research*. Washington, DC: American Psychological Association, 2003, pp. 17-37.

Betz W., Simpson N. The Effects of International Migration on the Well-being of Native Populations in Europe // *IZA Journal of Migration*, 2013, no. 12. 21 p.

Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Reassessing the Link between Public Perception and Migration Policy // *European Journal of Migration and Law*, 2007, no. 4, pp. 389-418.

Bilewicz M., Bilewicz A. Who defines humanity? Psychological and cultural obstacles to omniculturalism // *Culture Psychology*, 2012, no. 3, pp. 331-344.

Blumer H. Race Prejudice as a Sense of Group Position // *The Pacific Sociological Review*, 1958, vol. 1, no. 1, pp. 3-7.

Bodirsky K. The Intercultural Alternative to Multiculturalism and its Limits. Paper presented at the Workshop "Uncertainties in the Crisis of Multiculturalism" at the EASA 2012 conference, Paris, 2012 (http://scholarworks.umass.edu/chess_easa?utm_source=scholarworks.umass.edu%2Fchess_easa%2F8&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages).

Borjas G. Immigration and the American Worker. A Review of the Academic Literature. Center for Immigration Studies, 2013 April. 26 p. (<http://cis.org/sites/cis.org/files/borjas-economics.pdf>).

Boswell C. *European Migration Policies in Flux. Changing Patterns of Inclusion and Exclusion*. London, Blackwell, 2003. 168 p.

Boucher F., Maclure J. Moving the debate forward: interculturalism's contribution to multiculturalism // *Comparative Migration Studies*, 2018, no. 6 (<https://doi.org/10.1186/s40878-018-0078-2>).

Campbell D. *Ethnocentric and Other Altruistic Motives*. Lincoln (NE), 1965, pp. 283-311.

Cantle T. *Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity*. London, Palgrave Macmillan, 2012. 355 p.

Caponio T., Donatiello D. Intercultural Policy in Times of Crisis: Theory and Practice in the Case of Turin // *Comparative Migration Studies*, September 2017 (<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5581365/>).

Card D. Is New Immigration really bad? // *The Economic Journal*, 2005, no. 115 (507), pp. 300-323.

Caritas e Migrantes. XXV Rapporto Immigrazione 2015. La cultura di incontro. Sintesi. Todi, Tau Editrice, 2016. 67 p.

Castles S., De Haas H., Miller M. J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2014. 420 p.

Ceobanu A., Escandell X. Comparative Analyses of Public Attitudes toward Immigrants and Immigration Using Multinational Survey Data: A Review of Theories and Research // *Annual Review of Sociology*, 2010, vol. 36, no. 1, pp. 309-328.

Coenders M., Lubbers M., Scheepers P., Verkuyten M. More than Two Decades of Changing Ethnic Attitudes in the Netherlands // *Journal of Social Issues*, 2008, no. 2, pp. 269-285.

Collett E. One Size Fits All? Tailored Integration Policies for Migrants in the European Union // *EPC Working Paper*, 2006, no. 24 ([http://www.theepc.be/TEWN/pdf/602431467_EPC Working Paper 24.pdf](http://www.theepc.be/TEWN/pdf/602431467_EPC%20Working%20Paper%2024.pdf)).

Connor P. At Least a Million Sub-Saharan Africans Moved to Europe Since 2010. Pew Research Center, March, 2018 . 23 p. (<http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2018/03/22135249/Africa-Migration-March-22-FULL-REPORT.pdf>)

Constant A., Nottmeyer O., Zimmermann K. *The Economics of Circular Migration* // IZA DP, 2012, No. 6940. 44p.

Crowder K., Hall M, Tolnay S. Neighborhood Immigration and Native Out-migration // *American Sociological Review*, 2011, vol. 76, no. 1, pp. 25-47.

Crul M. Super-diversity vs. assimilation: how complex diversity in majority–minority cities challenges the assumptions of assimilation // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2016, vol. 42, no. 1 (<http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2015.1061425>).

Cuccioletta D. Multiculturalism or Transculturalism: Towards a Cosmopolitan Citizenship // *London Journal of Canadian Studies*, 2001/2002, vol. 17, pp. 1-11.

Davidov E., Meuleman B., Billiet J., Schmidt P. Values and Support for Immigration: A Cross-Country Comparison // *European Sociological Review*, 2008, no. 5, pp. 583-599.

Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2017, no. 15, pp. 2556-2372.

Desmet K., Ortuño-Ortín I., Wacziarg R. The Political Economy of Ethnolinguistic Cleavages // *NBER Working Paper*, 2009, no. 15360. 52 p.

Deutsch-Balten engagieren sich für Flüchtlinge: Syrer bei uns zu Hause // *Mitteilungen aus baltischen Leben*, 2016, no. 4, S. 11-14.

Diener E. Guidelines for National Indicators of Subjective Well-Being and Ill-Being // *Applied Research in Quality of Life*, 2006, no. 1, pp. 151-152.

Docquier F., Ozden Ç., Peri G. The Labor Market Effects of Immigration and Emigration in OECD Countries // *The Economic Journal*, 2014, no. 124 (579), pp. 1106-1145.

Dustmann C., Schonberg U., Stuhler J. The Impact of Immigration: Why Do Studies Reach Such Different Results? // *Journal of Economic Perspectives*, 2016, vol. 30, no. 4, pp. 31–56.

Engbersen G. Floating populations, civic stratification and solidarity: Comment on Will Kymlicka's article: "Solidarity in Diverse Societies" // *Comparative Migration Studies*, 2016, vol. 4, no. 8 (<https://doi.org/10.1186/s40878-016-0029-8>).

Engbersen G., Snel E. Liquid migration: Dynamic and fluid patterns of post-accession migration flows / *Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement*. Ed. by B. Glorius, I. Grabowska-Lusinska, A. Kuvik. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2013, pp. 21-40.

Engbersen G., Snel E., Boom J. "A Van Full of Poles": Liquid Migration from Central and Eastern Europe / *A Continent Moving West? EU Enlargement and Labour Migration from Central and Eastern Europe*. Black R., Engbersen G., Okólski M., Panțîru C., eds. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010, pp.115-140.

Esser H. Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? // *International Migration Review*, 2004, no. 3, pp. 1126-1159.

Esses V.M., Jackson L.M., Armstrong T.L. Intergroup Competition and Attitudes toward Immigrants and Immigration: An Instrumental Model of Group Conflict // *Journal of Social Issues*, 1998, vol. 54, no. 4, pp. 699-724.

Europe's Growing Muslim Population. Pew Research Center, 2017. 58 p. (<http://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/11/FULL-REPORT-FOR-WEB-POSTING.pdf>)

Ewij R. Diversity and Diversity policy: Diving into Fundamental Differences // *Journal of Organizational Change Management*, 2011, vol. 24, no. 5, pp. 680-694.

Favell A. Integration nations: the nation-state and research on immigrants in Western Europe. The multicultural challenge // *Comparative Social Research*, 2003, no. 22, pp. 13-42.

Felousis G. Le système éducatif français dans l'OCDE: quelles performances? // *Cahiers français*, 2012, № 368, pp. 9-12.

Fieldhouse E., Cutts D. Does Diversity Damage Social Capital? A Comparative Study of Neighbourhood Diversity and Social Capital in the US and Britain // *Canadian Journal of Political Science*, 2010, no. 2, pp. 289–318.

Final Report Evaluation of the Intercultural Cities Programme. Council of Europe, 2015. 64 p. (<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680307e66>) .

Fitzgerald J., Curtis K.A., Corliss S.L. Anxious Publics: Worries about Crime and Immigration // *Comparative Political Studies*, 2012, no. 4, pp. 477-506.

Foroutan N. Postmigrantische Gesellschaften / *Einwanderungsgesellschaft Deutschland*. Hrsg. H.U. Brinkmann, M. Sauer. Wiesbaden, 2016, S. 227-254.

García Agustín Ó. Intercultural Dialogue: Visions of the Council of Europe and the European Commission for a Post-Multiculturalist Era // *Journal of Intercultural Communication*, 2012, № 29 (<http://www.immi.se/intercultural/nr29/garcia.html>)

Gimpelson V., Kapeliushnikov R. Age and Education in the Russian Labour Market Equation // *IZA DP*, 2017, no. 11126. 35 p.

Guidikova I. Cultural diversity and cities – the intercultural integration approach // *RSCAS Policy Paper*, 2014, no. 2. 8 p.

Hamberger A. Immigrant Integration: Acculturation and Social Integration // *Journal of Identity and Migration Studies*, 2009, vol. 3, no. 2, pp. 2-21.

Heath A., Demireva N. Has multiculturalism failed in Britain? // *Ethnic and Racial Studies*, 2014, no. 1, pp. 161-180.

Heckmann F. Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung. Wiesbaden, 2015. 325 S.

Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In. Paris, OECD Publishing, 2015. 344 p.

Institut Montaigne. Discriminations religieuses à l'embauche: une réalité (<http://www.institutmontaigne.org/res/files/publications/discriminations-resume.pdf>).

- Institut Montaigne. Dix ans de politiques de diversité : quel bilan? Rapport septembre 2014 (http://www.institutmontaigne.org/res/files/publications/rapport_politique%20de_diversit%C3%A9_institut_montaigne.pdf).
- Institut Montaigne. Un islam français est possible. Rapport septembre 2016 (<http://www.institutmontaigne.org/fr/publications/un-islam-francais-est-possible>).
- Intercultural policies in European cities. Strasbourg, Council of Europe, 2010. 190 p.
- Interculturalism: Europe and Its Muslims In Search of Sound Societal Models. Ed. by M. Emerson. Brussels, Centre for European Policy Studies, 2011. 184 p.
- International Migration Outlook: 2010 -2017 Edition. Paris, OECD Publishing, 2010-2017.
- International Migration Report 2015: Highlights (ST/ESA/SER.A/384). New York, UN, 2016. 32 p.
- International Migration Report 2017: Highlights. ST/ESA/SER.A/404). New York, UN, 2017. 31p.
- Jackson J. Realistic Group Conflict Theory: A Review and Evaluation of the Theoretical and Empirical Literature // Psychological Record, 1993, vol. 43, no. 3, pp. 395-415.
- Joppke C. War of words: interculturalism v. multiculturalism // Comparative Migration Studies, 2018, no. 6 (<https://doi.org/10.1186/s40878-018-0079-1>).
- Katwala S., Somerville W. Engaging the Anxious Middle of Immigration Reform. Evidence from the UK Debate. Report. Transatlantic Council on Migration. Migration Policy Institute. May 2016
- Kelley R. The people in me // Utne Reader, 1999, no. 95 (URL: <http://www.utne.com/politics/the-people-in-me.aspx?PagelId=2>)
- Kim-Jo T., Benet-Martínez V., Ozer D. Culture and conflict resolution styles: The role of acculturation // Journal of Cross-Cultural Psychology, 2010, no. 2, pp. 264-269.
- King R. Towards a New Map of European Migration // International Journal of Population Geography, 2002, no. 8 (2). pp. 89–106.
- King's Dream Remains an Elusive Goal. Many Americans See Racial Disparities. Pew Research Center, 2013. 42 p. (http://www.pewsocialtrends.org/wp-content/uploads/sites/3/2013/08/final_full_report_racial_disparities.pdf)
- Kymlicka W. Solidarity in diverse societies: beyond neoliberal multiculturalism and welfare chauvinism// Comparative Migration Studies, 2015, no. 3(17) (<https://doi.org/10.1186/s40878-015-0017-4>)/
- Laurence J., Vaisse J. Intégrer l'islam. Paris, Odile Jacob, 2007. 388 p.
- Levine R., Campbell D. Ethnocentrism, Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behaviour. Oxford, 1972. 310 p.
- Levrau F., Loobuyck P. Introduction: mapping the multiculturalism-interculturalism debate // Comparative Migration Studies, 2018, no. 6 (<https://doi.org/10.1186/s40878-018-0080-8>).
- Longhi S. Cultural Diversity and Subjective Well-being // IZA Journal of Migration, 2014, no. 3. 19 p.
- Lopez M., Gonzalez-Barrera A., Lopez G. Hispanic Identity Fades Across Generations As Immigrant Connections Fall Away. Pew Research Center, 2017. 334 p. (<http://www.pewhispanic.org/2017/12/20/hispanic-identity-fades-across-generations-as-immigrant-connections-fall-away/>).
- Magun V., Rudnev M., Schmidt P. Within-and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach // European Sociological Review, 2016, no. 2, pp. 189-202.

- Mayda A. Who Is Against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants // IZA DP, 2004, no. 1115. 59 p.
- Meer N., Modood T. How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? // Journal of Intercultural Studies, 2011, vol. 33, no. 2, pp. 175-196
- Meer N., Modood T. Interculturalism, Multiculturalism, or Both? // Robert Schuman Centre for Advanced Studies Policy Papers, 2013, № 18. 8 p.
- Megías Quirós J. Asimilación e interculturalidad en la política de integración social Europea// Entelequia. Revista Interdisciplinar, 2008, № 8, pp. 73-96.
- Meuleman B., Davidov E., Billiet J. Changing Attitudes toward Immigration in European Societies, 2002–2007: a Dynamic Group Conflict Theory Approach // Social Science Research, 2009, no. 2, pp. 352-365.
- Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation. Eurostat. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2011. 155 p.
- Migrant integration. Luxembourg, Eurostat, 2017. 108 p.
- Migration in an Interconnected World: New Directions for Action. Global Commission on International Migration, 2005. 98 p. URL: https://www.iom.int/jahia/webdav/site/myjahiasite/shared/shared/mainsite/policy_and_research/gcim/GCIM_Report_Complete.pdf
- Modern Immigration Wave Brings 59 Million to U.S., Driving Population Growth and Change Through 2065: Views of Immigration's Impact on U.S. Society Mixed. Pew Research Center, 2015. 127 p. (http://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/5/2015/09/2015-09-28_modern-immigration-wave_REPORT.pdf)
- Moghaddam F.M. The Omnicultural Imperative // Culture & Psychology, 2012, no. 18, pp. 304-330.
- Muslims in Europe. A Report on 11 EU Cities. 2010. New York – London – Budapest, Open Society Institute, 2010. 346 p.
- Novembre 2005, dix ans après les émeutes. Actes du colloque des 19 & 20 octobre 2015 à Sciences PO. (http://www.cevipof.com/rtefiles/File/graduate%20conference/Cahier_60.pdf).
- Oberhof M. «Refugees welcome!»: die Geschichte einer gelungenen Integration: so können Sie Flüchtlingen helfen. München, 2016. 336 S.
- Observatoire national de la politique de la ville. Rapport 2015 (http://www.onpv.fr/uploads/media_items/rapport-onpv-2015.original.pdf)
- On Views of Race and Inequality, Blacks and Whites are Worlds Apart. Pew Research Center, 2016. 106 p. (http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/3/2016/06/ST_2016.06.27_Race-Inequality-Final.pdf).
- Opinion of the European Economic and Social Committee on the 'Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: A European Agenda on Migration' (COM(2015) 240 final) Brussels, 10.12.2015
- Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham and London, Duke University Press, Trans. Harriet de Onís, 1995. 312 p.
- Parkes R. People on the Move: The New Global (Dis) Order // Chaillot Papers. June 2016. 72 p.
- Penninx R. Integration of Migrants: Economic, Social, Cultural and Political Dimensions // The New Demographic Regime. Population Challenges and Policy Responses. New York / Geneva, UN , 2005, pp. 137-151.
- Penninx R. International Migration and Related Policies in Europe 1950–2015 // Bulletin of the Serbian Geographical Society, 2016, no. 96 (2), pp. 18-41.

- Pettigrew Th., Christ O., Wagner U., Stellmacher J. Direct and indirect intergroup contact effects on prejudice: A normative interpretation // *International Journal of Intercultural Relations*, 2007, vol. 31, no. 4, pp. 411-425.
- Peucker M. *Muslim Citizenship in Liberal Democracies. Civic and Political Participation in the West*. Melbourne, 2016. XI, 315 p.
- Prashad V. Bruce Lee and the anti-imperialism of Kung Fu: A polycultural adventure // *Positions*, 2003, no. 11, pp. 51-89.
- Putnam R. E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century // *Scandinavian Political Studies*, 2007, no. 2, pp. 137 - 174.
- Robinson D., Reeve K. *Neighbourhood experiences of new immigration. Reflections from the evidence base*. York, Joseph Rowntree Foundation, 2006. 58 p.
- Rosenthal L., Levy S. The Colorblind, Multicultural, and Polycultural Ideological Approaches to Improving Intergroup Attitudes and Relations // *Social Issues and Policy Review*, 2010, vol. 4, no. 1, pp. 215--246.
- Rouble B. *Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv*. Washington, Woodrow Wilson Center Press, 2005. 267 p.
- Safi M. Immigrants' Life Satisfaction in Europe: Between Assimilation and Discrimination // *European Sociological Review*, 2010, vol. 26, no. 2, pp. 159-178.
- Santagati M. Interculturalism, Education and Society: Education Policies for Immigrant Students in Italy // *Australia and New Zealand Journal of European Studies*, 2016, № 2, pp. 6-20.
- Schwartz S., Vignoles V., Brown W., Zagefka H. The Identity Dynamics of Acculturation and Multiculturalism: Situating Acculturation in Context / Benet-Martínez V., Hong Y.-Y. (eds.). *The Oxford handbook of multi-cultural identity: Basic and applied psychological perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2014, pp. 57 -96.
- Simon P. *French National Identity and Integration: Who Belongs to the National Community*. Washington, 2012. 25 p.
- Smith T.B. *La France injuste 1975-2006: pourquoi le modèle social français ne fonctionne plus* Paris, Autrement, 2006. 345 p.
- Sturgis P., Brunton-Smith I., Jackson J., Kuha J. Ethnic diversity, segregation and the social cohesion of neighbourhoods in London // *Ethnic and Racial Studies*, 2014, no. 8, pp. 1286-1309.
- Tajfel H. Social Psychology of Intergroup Relations // *Annual Review of Psychology*, 1982, vol. 33, no. 1, pp. 1-39.
- Tajfel H., Turner J. An Integrative Theory of Intergroup Conflict / *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Ed. by Austin W., Worchel S. Monterrey, 1979, pp. 33-47.
- Trends in international migration// *Population Facts*, 2015, no. 4. 4 p.
- Tribalat, M. *Assimilation: la fin du modèle français*. Paris, L'artilleur, 2013. 352 p.
- Vertovec S. Super-diversity and its implications // *Ethnic and Racial Studies*, 2007, vol. 30, no. 30(6), pp. 1024–1054.
- Vespa J., Armstrong D., Medina L. *Demographic Turning Points for the United States: Population Projections for 2020 to 2060, Current Population Reports*, U.S. Census Bureau, Washington, DC, 2018.15 p.
- Waal T. Is the post-multicultural era pro-diversity // *Comparative Migration Studies*, 2018, no. 6 (<https://doi.org/10.1186/s40878-018-0084-4>).
- Wadron J. What is Cosmopolitan? // *The Journal of Political Philosophy*, 2000, no. 8 (2), pp. 227–243.
- Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees*. Paris, OECD Publishing, 2018, 190 p.

- World Happiness Report. 2013. Helliwell J., Layard R., Sachs J., eds. A Global Initiative for the UN, 2013 (http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2014/02/WorldHappinessReport2013_online.pdf).
- World Migration Report 2015. Migrants and Cities: New Partnerships to Manage Mobility. Geneva, International Organization for Migration. 202 p.
- World Migration Report 2018. Geneva, International Organization for Migration, 2017. 347 p.
- World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables. New York, UN, 2017. Working Paper No. ESA/P/WP/248, 46 p.
- Wood P., Landry C. The Intercultural City: Planning for Diversity Advantage. London, Routledge, 2008. 360 p.
- Zachary G. The Diversity Advantage: Multicultural Identity in the New World Economy. Boulder, CO, Westview Press. 2003. 352 p.
- Zapata-Barrero R. Interculturalism in the post-multicultural debate: a defense // Comparative Migration Studies, 2017, no. 5 (<https://doi.org/10.1186/s40878-017-0057-z>).
- Zapata-Barrero R. The three strands of intercultural policies: a comprehensive view // GRITIM-UPF Working Paper Series, 2013, no. 17. 37 p.
- Zapata-Barrero R., Caponio T., Scholten P. Theorizing the 'Local Turn' in a Multi-Level Governance Framework of Analysis: A Case Study in Immigrant Policies // International Review of Administrative Sciences, 2017, no. 83(2), pp. 241-246
- Zick A., Pettigrew T.F., Wagner U. Ethnic prejudice and discrimination in Europe // Journal of Social Issues, 2008, vol. 64, no. 2, pp. 233-251.

Научное издание

ИНТЕГРАЦИЯ
ИНОКУЛЬТУРНЫХ МИГРАНТОВ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМА

Ответственные редакторы:

*Цапенко Ирина Павловна
Гришин Игорь Владимирович*

Коллективная монография

ISBN 978-5-9535-0538-3

Подписано в печать 07.11.2018.
Гарнитура «Ариал». Печать офсетная
Формат 60×84/8.
Объем 29.25 п.л., 17.6 а.л. Тираж 150 экз. Заказ № 25/2018

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23